

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН

МАЗЕПА

Фаддей Булгарин «Мазепа» // Комсомольская правда, Директ-Медиа,
Москва, 2016
ISBN: 978-5-4470-0179-7, 978-5-4475-8468-9
FB2: Starkosta, 20 June 2019, version 1.0
UUID: 4C8C5BCD-18E7-428F-B238-62B6E642041D
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Фаддей Венедиктович Булгарин

Мазепа

Роман «Мазепа» русского писателя и журналиста Фаддея Венедиктовича Булгарина появился в 1833–1834 годах в Петербурге и наряду с произведениями Михаила Николаевича Загоскина ознаменовал собой попытку создания в России исторического романа как жанра.

Булгарин, по его собственным словам, представил характер Мазепы таким, каким он для него сложился из исторических очерков и преданий: «Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0005
Предисловие	0005
Глава I	0009
Глава II	0042
Глава III	0066
Глава IV	0104
Глава V	0136
Глава VI	0161
Глава VII	0185
Глава VIII	0220
Глава IX	0247
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0281
Глава X	0281
Глава XI	0316
Глава XII	0364
Глава XIII	0403
Глава XIV	0457
Глава XV	0496
Глава XVI	0535
Глава XVII	0575
КОМЕНТАРИИ	0614

**Фаддей Венедиктович
Булгарин
МАЗЕПА
*Исторический роман***

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Возьмем же истины зеркало,
Посмотрим в нем твоих лучей;
Ехиднино раскроем жало,
Сокрытое в груди твоей.
Исследуем твои деянья,
Все виды, козни и желанья, —
И обнажим тебя всего.*

Державин

Предисловие

Мнения насчет романов различны. Многие любители чтения и даже некоторые литераторы, особенно у нас, в России, требуют от романа одной занимательности происшествий и думают, что сей род словесности должен служить только для забавы. Неоспоримо, что занимательность в романе вещь необходимая, но дело в том, что она должна быть только путеводительницею к главной цели, а цель сия не должна быть одною забавою праздности. Роман должен служить автору средством или к развитию какой-либо фило-

софической идеи, или к освещению тайников сердца человеческого, или к пояснению характера исторического лица. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало.

Весьма далек я от того, чтоб иметь притязания на сравнение себя с уважаемыми мною романистами Франции и Англии, однако же придерживаюсь их мнения насчет цели романа, состоящей в том, чтоб по древнему правилу: *поучать забавляя*. Действовал я и буду действовать единственно в сем убеждении и утешаюсь мыслию, что есть люди, которые поняли чистоту моих намерений.

В романе я предпринял представить *очерки характера Мазепы*, так как я понял его по истории и по преданиям. Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только — добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, бо-

гатство и власть.

Вот *тема* моего романа!

В нынешнее время в Малороссии и в Украине просвещение разлито в большей массе, нежели было до преобразования России, но тогда просвещение было виднее, ибо сосредоточивалось в малом числе избранных и составляло резкую противоположность с дикостью Запорожья и Заднепр-ия, где все достоинство человека поставлялось в удальстве и наездничестве. Палей избран мною в представители сего удальства, и характер его очерчен также сообразно с историею и преданиями.

Все прочие лица, входящие эпизодически в роман, носят на себе отпечаток тогдашнего века; образованность ума с дикостью нравов.

Изображение характера Петра Великого и Карла XII не входило в план моего романа. Я коснулся их только мимоходом.

Лорд Байрон и А. С. Пушкин воспользовались лучшими эпизодами из жизни Мазепы: романтической любовью его в юности и в старости, с занимательными и ужасными последствиями сей необузданной страсти. Я по-

чел благоразумным не входить в совместничество с столь отличными дарованиями и не коснулся того, что уже изображено английским и русским поэтами. Я ограничился политическим характером Мазепы, представив его, если смею так выразиться, в рамках частной его жизни. Для завязки романа я ввел вымышленные лица.

Исторические события, рассказываемые от имени автора, верны; но в происшествиях не соблюдено в точности хронологического порядка, ибо цель романа, как выше сказано, есть изображение характера Мазепы, а не история Малороссии.

Глава I

*Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благодати душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?*

Державин

Южная Россия, ныне тихая, населенная, процветающая, была подвержена непрерывным волнениям и смутам, от пришествия варягов до основания империи Петром Великим. Междоусобные брани удельных князей, набеги татар, продолжительная и кровавая борьба с храбрыми единоплеменными соседями и народные смятения истощили богатую от природы страну, остановили ход просвещения и, утомив воинственных жителей, сделали их, наконец, беспечными к собственной участи. Вельможи, составлявшие всю силу аристократической Польской республики, воспользовались благоприятными обстоятельствами и, покорив лучшие области Южной России, обременили народ тяжким игом рабства. Но бедствия, угнетавшие страну, не истребили в храбрых ее жителях духа народ-

ности, основанного на православной вере, и священная память русской независимости сохранилась в народе, подобно неугасаемому огню древних язычников. Со времени первого нашествия татар на Южную Россию толпы отважных ее защитников, будучи не в силах спасти отечество и влекомые любовью к независимости и чувством народной самобытности, удалились в пустыни и на диких берегах Днепра, возле порогов, в густых камышах и неприступных засеках Сечь, вероятно, происходит от слова *засека*. Естественное укрепление есть засека в местах лесных, а вал и ров в полях., основали беспримерную дотоль в мире подвижную военную республику, получившую впоследствии название *Сечи Запорожской*. В течение нескольких столетий Сечь держалась и укреплялась новыми пришельцами из поработанной родины и удальцы из соседних и дальних стран сохраняли древние воинские обычаи предков. Презирая негу, живя добычею и почитая дикую независимость превыше жизни и всех ее наслаждений, запорожцы исключили женщин из воинского своего пристанища как лишнее бремя для чело-

века, посвятившего себя в вечную войну. Вольное Запорожье не признавало ничьей власти и ничьих прав в поработанном отечестве и жестоко отмщало потомкам Орд Батыевых и соотчикам польских вельмож за прошлые и настоящие бедствия Южной России, питая в жителях ее надежду к освобождению и поддерживая в народе воинственный дух. Надежда сия исполнилась, ибо основана была на справедливости. Созрели горькие плоды угнетения: ненависть и жажда мести, и мужественный, предприимчивый Зиновий Хмельницкий[1], восстав с горстью запорожцев против притеснителей, воззвал к оружию весь народ Малороссии и Украины, свергнув польское иго и возвратил России древнее ее достояние. Облеченный в звание гетмана, или предводителя освобожденного народа, Хмельницкий, признавая власть русского царя, управлял Малороссиею и Украину, как независимый владетель, на основании дарованных им прав и пребыл верен России. Но последовавшие за ним гетманы, избираемые вольными голосами, мучимые честолюбием, алчностью к богатству и подстрекаемые поля-

ками, татарами, турками и волошскими господами, завидовавшими возникающему могуществу России, беспрестанно нарушали долг присяги и подданства, изменяли русским царям, возмущали народ, губя собственную родину и уязвляя общее отечество, Россию. Не имея постоянного, устроенного войска, Россия не могла держать в пределах законного повиновения вооруженный народ Малороссии и Украины. В опасностях и нуждах государства русские цари, наученные опытами, не смели полагаться на верность и помощь гетманов малороссийского народа, приученного к буйству и своеволию собственными старшинами. Политика тогдашнего российского двора требовала употреблять все возможные средства, чтобы иметь в гетмане человека верного и преданного престолу, и когда царица Софья Алексеевна[2] объявила себя правительницею государства, тогда любимец и первый ее советник, ближний боярин, государственных великих и посольских дел сберегатель, князь Василий Васильевич Голицын, отправился в Малороссию для избрания гетмана, преданного пользам царев-

ны. По доносу генерального есаула Мазепы, гетман Самойлович, верный царям и чести, низложен и сослан в Сибирь, а на его место избран, происками Голицына, сам доносчик. Вознаграждая неблагодарность и гнусную измену, вопреки нравственности, князь Голицын посеял семена, которые принесли свои ядовитые плоды.

Генеральный есаул войска Малороссийского, Иван Степанович Мазепа, славился умом, познаниями в науках, искусством и ловкостью в делах письменных и государственных. Он употребляем был гетманами Дорошенком и Самойловичем при труднейших переговорах с русским двором, в сношениях с Польшею и с Крымом и заслугами достиг до почетного звания генерального старшины. Но при всем уме своем и ловкости он не имел в войске друзей, которые приобретаются сердцем, а не головою, и без влияния князя Голицына никогда бы не был избран в гетманы. В сем звании он вел себя весьма осторожно: во время насильственных потрясений, бывших в Москве, до принятия Петром Великим единодержавной власти, Мазепа держал-

ся всегда первенствующей стороны и повиновался одной силе. Будучи избран в гетманы противу воли и желания старшин и заслуженных родов в войске, Мазепа имел нужду в подпоре и потому искал покровителей при дворе Московском. Угодливостью и покорностью он снискал дружбу многих русских вельмож, приближенных к престолу, а верною и усердною службою приобрел милость самого государя.

В самую трудную и самую блистательную эпоху бытия России, во время ее перерождения, великий ее преобразователь имел нужду в верных и умных исполнителях своих исполнских предначертаний. По неотъемлемой принадлежности гения Петр умел находить их во всех сословиях народа, и сей гений, открывший чрез грубую оболочку невежества необыкновенный ум в юном Меншикове, не мог не оценить по достоинству изощренного науками и опытностью разума Мазепы. Государь, пользуясь советами и содействием гетмана в великих своих подвигах, наградил его первыми государственными почестями и почтил полною доверенностью, которую Ма-

зепя оправдывал двадцатилетнею верною службой.

Петр Великий созидал среди пожара и разрушений. Когда великое дело преобразования России уже начинало процветать, вся Северная Европа объята была пламенем войны. Петру невозможно было утвердить величие России на прочном основании без возвращения отторгнутых Швецией приморских областей и без ослабления беспокойного соседа, Польши. Но сей подвиг, казавшийся сначала легким, породил, по мере исполнения, непреодолимые трудности. Швеция произвела героя, равного Петру по воинской доблести и твердости душевной, который, повелевая народом мужественным, решился или погибнуть, или погубить соперника своего. С переменным счастьем, хотя с существенными выгодами для России, война продолжалась и на суше и на водах, пока, наконец, Карл XII [3], устранив Данию, опустошил Саксонию и, обессилив Польшу посеянием в ней междоусобия, вознамерился вторгнуться в сердце России, лишенной всех своих союзников, свергнуть с престола Петра, так же как сверг-

нул Августа[4] в Польше, и разрушить до основания все великие начинания, долженствовавшие, по созрению своем, вознести Россию на нынешнюю степень могущества. Приблизилась решительная минута! Карл XII надеялся найти в России недовольных правлением Петра и не стыдился смущать подданных своего соперника льстивыми, хотя лживыми обещаниями. Петр Великий готовился с твердостью встретить врага в пределах своих и, зная народный русский характер, не опасался обманчивых наущений иноплеменника. Только Малороссия и Украина, еще не сросшиеся с Россией и напитанные буйством прежних своих владетелей, несколько беспокоили государя; но там управлял Мазепа и государь, надеясь на испытанную его верность и на необыкновенную проницательность его ума, отдалял от себя все сомнения насчет того края и был совершенно спокоен. Мудрейшие государи могут только постигать ум и судить дела человека: сердце остается тайною до тех пор, пока участь сильного не будет зависеть от воли слабого. Только в несчастьи познается верный друг и бескорыстный слуга. Петр

Великий не знал сердца Мазепы: оно открылось в опасности, угрожавшей государю.

Ни один гетман не управлял войском малоросским столь самовластно и вместе столь блистательно, как Мазепа. Его воля была законом для народа, а дарованные народу права — орудием к утверждению гетманской воли. Имея власть делать добро и зло, Мазепа приобрел приверженцев, которые находили свои выгоды в оказывании ему беспредельной преданности; но не имел искренних друзей, кроме племянника своего, Войнаровского [5], и питомца, Орлика, нераздельно связанных судьбою с участью гетмана. Старшины войсковые ненавидели его; но не смели обнаруживать своих чувствований. Примерная казнь доносчиков на гетмана и угнетение недовольных его правлением заставляли молчать всех его противников, а пешие полки гетманской стражи, называемые сердюками, набранные из вольницы, пользуясь преимуществами и наградами, устрашали народ и содержали его в повиновении. Мазепа жил с невиданною дотоле пышностью, в новом своем дворце, построенном в Батурине по об-

разцу палат знатных польских вельмож. Здесь он угощал роскошно царских посланцев, генеральных старшин Чины в малороссийском войске сохранились те же, что были в старинном Польском Войске и в Республике. (См. о сем Историю Малороссии, соч. Бантыша-Каменского.) и полковников войска малороссийского, раболепствовавших пред властью гетмана. Но лаская и награждая старшин, оказывающих ему преданность, Мазепа устранил их от совещания в делах, по древнему обычаю, и сам сносился с государем и его вельможами, повелевая войском от своего имени. В Малороссии и русской Украине никто не смел рассуждать о пользе или вреде гетмановых распоряжений. Честь, имущество и свобода каждого жителя Малороссии зависели от воли гетмана, поправшего дарованные народу права.

В то время, с которого начинается сие повествование, несколько малороссийских полков находились на службе при войске русском, действовавшем в Ливонии, в Польше и в северных областях России, противу шведов и поляков, принявших сторону новоизбран-

ного короля Станислава Лещинского. Остальным полкам отдан был приказ приготовляться к походу. Многие полковники и генеральные старшины, прибывшие в Батурин для личных объяснений с гетманом, уже две недели ожидали позволения представиться ему. Мазепа сказывался больным и никого не допускал к себе, кроме Войнаровского и Орлика, через которых передавал старшинам свои приказания. Враги и приверженцы Мазепы с равным нетерпением, хотя и с противоположными чувствованиями, ожидали прибытия врача, за которым послали нарочного в польскую Украину. Наконец, врач прибыл в Батурин и остановился во дворце гетманском.

После пробития вечерней зари на литаврах, перед дворцом гетмана, Мазепа отпустил на покой всех слуг своих и остался в почивальне своей с племянником своим, Войнаровским. В ближней зале стоял у дверей, на страже, неотступный слуга гетмана, немой татарин. Сей татарин был в детстве полонен запорожцами, и свирепый Дорошенко, умертвив его родителей, отрезал язык безмолвному ребенку, чтоб иметь впоследствии скромного

слугу; но, будучи недоволен мальчиком за его угрюмость и упрямство, подарил другу своему, Мазепе. Ненависть к христианам, особенно к казакам, возрастала с годами в мстительной душе татарина за причиненное ему увечье и смерть родных, но он скрывал свои чувства и, оказывая преданность своему господину, как злой дух питался только чужими бедствиями и страданиями. Один Мазепа понимал условные знаки татарина, и как в войске и в доме почитали его глухим, то гетман употреблял его для подслушивания чужих замыслов, которые долженствовали оставаться навсегда в тайне. Татарин, стоя на страже, трепетал от радости в уверенности, что ночная беседа гетмана породит для кого-нибудь бедствие, и, как вран, ожидал добычи.

Мазепа сидел в задумчивости перед столом, на котором развернуты были карты Польши, России и Украины. Он был в турецком халате и в больших бархатных сапогах. Голова его покрыта была небольшою красною скуфьею, или феской. Хотя ему было уже за шестьдесят лет, но он имел вид бодрый.

Блестящие, быстрые глаза оживляли бледное лицо его. Он то покручивал длинные седые свои усы, то посматривал на своего племянника, который стоял безмолвно возле стола, опершись на саблю, и ожидал с нетерпением окончания прерванного разговора. Наконец, Мазепа сказал:

— Любезный племянник! я воспитал тебя как царевича и имел попечение о тебе, как о родном сыне. Ты последняя отрасль моего рода и единственная моя надежда! Досель я употреблял тебя в одних воинских делах, но теперь укажу тебе поприще, на котором тебе нужны будут и доблесть воина, и пронзительность государственного человека. Я открою тебе тайну, от которой зависит моя жизнь, честь и благо целой Малороссии. Слушай со вниманием! До сих пор ты не посвящен был в таинства моей политики и не знал положения наших дел. Но клянись мне, что ты ни словом, ни делом, ни помышлением не нарушишь верности ко мне!

— Можете ли вы сомневаться, мой отец, мой благодетель? Клянусь Богом и всеми святыми, что ни смерть, ни мучения не заставят

изменить вам!

— Итак, слушай! На старости лет мне предстоит совершение подвига, на который напрасно покушались мои предшественники, после храброго, но недалёковидного Зиновия Хмельницкого. Я решил отложиться от России, основать независимое государство, укрепить его союзами с соседними владителями, враждебными России, и тобой продлить род мой, на сооруженном мною престоле. Теперь или никогда!..

Трепет пробежал по всем жилам молодого человека, и вся кровь в нем взволновалась. Предстоящие опасности, слава и величие воспламенили в одно мгновение, как порох, пылкий ум и честолюбивую душу племянника Мазепы. Войнаровский встряхнул саблю, на которую упирался, ударил ею в пол и воскликнул:

— Независимость или смерть... Теперь, сей час!..

— Да, теперь или никогда! — сказал с жаром Мазепа и, помолчав, продолжал: — Если Петр останется победителем в сей войне, то он вознесет Россию на высочайшую степень

могущества, и тогда Малороссия исчезнет как песчинка в степи. Если б я был на месте Петра, я также не согласился бы, ни за какие выгоды, иметь в своих владениях отдельную военную полуреспублику, которая гораздо более может вредить государству, нежели приносить пользы. Уже Петр намекал мне об этом, и когда я, в качестве гетмана Малороссийского, стал горячо возражать, — он затворил мне уста пощечиной! Пощечина эта врезалась у меня в ум и, как неизлечимая язва, осталась на сердце. Я отомщу, отомщу не как оскорбленный раб, а как разгневанный владелец: буду воевать с русским царем и не допущу, чтоб та рука, которая поднялась на гетмана Малороссии, сломила мою гетманскую булаву и разодрала нашу войсковую хоругвь! Герой Севера, Карл, предлагает мне союз. Король польский, Станислав Лещинский [6], обещает уступить области, на которые Польша предъявляет права свои. Хан крымский ждет только моего согласия, чтоб соединиться со мною. Султан турецкий и волошский господарь дают деньги, и я едва ли буду не сильнее Петра, истощенного войною, постройкою

флота и городов! Духовенство предано мне совершенно, страшась потерять свои вотчины, а народ Малороссийский, послушный моей воле, с радостью возьмется за оружие, когда я объявлю ему, что восстаю за его права. Правда, между поковниками и генеральными старшинами у меня есть враги, но я от них скоро отделаюсь. Одна трудность в том, что не вся Украина в моей власти. Кошевого атамана Сечи Запорожской, Гордеенку, я надеюсь склонить на свою сторону. Гетман Польской Украины, Самусь, при всей храбрости своей, человек простой, недальновидный и легко может быть увлечен моими советами. Страшен мне один Палей! Это старая лисица в волчьей шкуре! В течение двадцати лет я не могу с ним управиться! Прежде он служил полякам, теперь враждует с ними и, признавая над собою власть русского царя, нося звание полковника Хвастовского, отложился от меня, завладел целым Заднепровьем Польским и сидит царьком в белой Церкви, набирая подати с пограничных жителей и разоряя Польшу. Ни обвинения мои, ни жалобы не имеют никакого действия при дворе Московском, и

царь велел мне сказать, что если я хочу предать суду Палея, то должен представить его вместе с обвинительными актами. Вот в чем все мое горе! Пока Палей жив и свободен, я не могу ничего начать. Он имеет сношения с моими врагами, слывет богатырем в войске, и если б я восстал противу царя московского, то он мог бы произвести замешательство даже в моих полках и переманить большую часть к себе. У меня воинский порядок, а у него дикая вольность; у меня для казака труд и тяжкая служба, а у него праздность и грабеж. Хитрый Палей не дремлет и беспрестанно наблюдает за мною. Верно, он догадывается о тайных связях моих с Польшею, что прислал сюда двух своих посланцев будто бы с предложением мира и покорности, а в самом деле для шпионства. Но он меня не обманет: я знаю обоих его молодцев! Огневик хотя молод, но хитер и смышлен. Он воспитан у иезуитов и служит вместо секретаря при Палее. Иванчук был писарем при Дорошенке. Этот старик, при всей дикости своей, ловок в делах и искусен во всех пронырствах. Они здесь ничего не узнают, но и я от них ничего не выпытаю,

а потому не хочу даже видеть их и тебе, племянник, запрещаю видеться с ними. Пусть Орлик ведет с ними переговоры, пока я велю их выслать восвояси. Дело с Палеем я поручу иезуиту Заленскому, посланцу короля Станислава, и надеюсь, что иезуитская хитрость преумовет запорожское пронырство. Но теперь нам надобно начать с того, чтоб посеять неудовольствие в войске нашем, приготовить все к наступающему пожару, и как я никому не верю и ни на кого не смею положиться, то избрал тебя, чтоб бросить первую искру...

— Дядюшка! Я готов на все! Приказывайте! За вас готов пролить последнюю каплю крови!..

— Нет, любезный племянник! Пусть проливает за нас кровь наш народ, а мы должны щадить кровь свою и действовать умом. Первая добродетель, в твоём положении, должна быть — скромность, а первое искусство в нашем деле... как бы это назвать!., благоразумие, то есть умение казаться тем, чем надобно быть для успеха предприятия, именно то, что простодушные люди называют притворством.

— Дядюшка! — возразил молодой человек, посмотрев на Мазепу с удивлением. — Я не учился притворству и не могу вдруг сделаться искусным в этом ремесле!

— Учись, а если не хочешь, так откажись от желания управлять людьми и достигнуть первой степени могущества. Мне, в моем звании, невозможно сближаться с моими подчиненными; но ты можешь и должен искать друзей и приверженцев, а в этом иначе нельзя успеть...

Молодой человек не мог вытерпеть и снова прервал слова дяди, сказав:

— Но друзей приобретают откровенностью, простосердечием, а не притворством!..

— А кто ж тебе запрещает казаться откровенным и простосердечным? Но *быть* и *казаться* большая разница! Искренностью, при великом предприятии, ты предаешь себя во власть того, с кем ты откровенен, а только *казавшись* искренним, овладеешь человеком по мере возбуждения в нем истинной к тебе доверенности. Не открывай никому своих намерений, но умей вперить в каждого свой образ мыслей, заставь открыться себе и кажись

убежденным чужими доводами. Люди тогда только усердно служат и помогают другому, когда убеждены, что действуют своим умом, ибо тогда они уверены, что действуют для собственной пользы. Я открыл тебе все мои надежды, потому что ты — другой я, и что я только насаждаю древо, с которого ты, с твоим потомством, соберешь плоды. Но до тех пор, пока я не прикажу ударить на московские полки, никто в войске моем не должен даже догадываться о моем намерении, — никто, понимаешь ли?

— Как никто! неужели и Орлик, и Чечел, и Кенигсек? — спросил с изумлением Войнаровский. — Эти люди преданы вам душевно, дядюшка!

— Преданы! Но зачем мне без нужды испытывать их верность? Помни слова молитвы: «...и не введи нас во искушение»! Человек слабое творение, любезный племянник. Им должно действовать как орудием, взяв крепко в руки, но не должно опираться на него, из опасения, чтоб не сломился. Большая часть людей привержена к власти, а не к человеку, имеющему власть, и если верность моих при-

верженцев положить на весы между мною и царем московским, то, быть может, весы поколеблются и перетянут на царскую сторону! На великий, решительный и опасный подвиг людей надобно вызывать в последнюю минуту, перед начатием дела, чтоб они не имели времени рассуждать и совещаться, а до тех пор должно только ласкать их и привязывать к себе. Пуля оттого бьет крепко, что вылетает из ружья быстро, а кто заряжает его осторожно, тот более уверен в успехе. Ты должен начать с распространения слухов, *будто* царь объявил решительно, что по окончании войны он намерен переселить казаков к новому городу, Петербургу, и уничтожить казатчину. Но не говори, что *ты сам* слышал это, а только спрашивай, правда ли, будто об этом поговаривают в войске. Стоит только породить мысль и бросить ее в народ, а она сама распространится, если вымышленное дело опасно для всех и предосудительно для власти. Люди так созданы, что скорее верят злomu, нежели добромu...

— Позвольте заметить вам, дядюшка, что если вы почитаете Палея столь опасным для

себя, то не лучше ли начать с того, чтоб распространить в войске какие-нибудь вредные вести на его счет?

— Сохрани тебя от того Бог! — возразил Мазепа. — Помни слова философа Сенеки[7]. *Professa produnt odia vindictae* Юсум То есть, обнаруживая ненависть, мы лишаем себя средств отмстить... Все знают, что Палей враг мой; каждое двусмысленное твое слово об нем будет сочтено злым намерением противу него и, вместо вреда, принесет ему пользу. Напротив того, ты должен восхвалять Палея, превозносить его, сожалеть о неприязни его ко мне и обнаруживать желание о нашем примирении. Этим ты усыпишь друзей его, а порицанием ты только разбудишь их. Что же касается до царя, то все знают, что он ко мне милостив, что я предан ему и служу верно, и нас не станут подозревать в выдумке злых вестей противу него. Надобно так устроить, чтоб войско, веря в угрожающее ему бедствие, думало, что я также согласен с царем на переселение казаков и уничтожение войска. Пусть меня подозревают в измене войску, пусть бранят, проклинаяют, и тогда-то узнав,

наконец, что я восстаю для защиты народа, жертвуя милостию царскою, все с восторгом пристанут ко мне, не подозревая, что умысел составлен мною и для нас... Понимаешь ли теперь дело, племянник?

— Я удивляюсь вашей мудрости, дядюшка! Но, признаюсь, мне было бы приятнее, если бы вы поручили мне такое дело, которое надлежало бы начать и кончить саблею. Я новичок в политике и опасаясь, чтобы не оступиться на этой скользкой стезе...

— Держись за меня, племянник, и не зевай, а все будет хорошо. Сабля, племянник — *ultima ratio*, но и сабля сокрушается умом. Медведь сильнее человека, а человек заставляет его плясать под палкой. Теперь позови патера Заленского. Надобно отпустить его. Пребывание его здесь может возбудить подозрение, если посланец Палея, Огневик, узнает его. Иезуит[8] требует от меня решительного ответа на предложение королей приступить к их союзу. Надобно отделаться от него так, чтоб он не знал ничего решительного.

— Но вы уже решились, дядюшка?

— Решился, но этого не должны знать те,

которым нужна моя решительность! Не так я глуп, чтоб, полагаясь на одни обещания, вверил участь свою людям, которым я нужен только как орудие к их собственным пользам. Короли могут завтра примириться с царем и, в залог своей искренности, предать меня. Нет, они не проведут меня! Я сам извещу царя о делаемых мне предложениях королями и тем обеспечу себя на всякий случай. Королям же буду обещать все и исполню, когда это не будет сопряжено с опасностью измены с их стороны. Надобно забавлять их до поры до времени, а когда настанет решительная минута, тогда положение дел покажет нам путь, на который должно устремиться. Ступай же за иезуитом!

Войнаровский вышел, не говоря ни слова, чтоб позвать иезуита, а Мазепа, покачав головою, сказал про себя: «Молодость! молодость! Пусть он верит в наследство!.. Оно, в самом деле, может достаться ему, если я останусь бездетным. Но за это еще нельзя поручиться!..» В ожидании иезуита Мазепа стал снова пересматривать карту Польши, на которой означены были предполагаемый путь и ста-

новища шведского войска из Саксонии в Украину.

Дверь отворилась, и за Войнаровским вошел пожилой человек низкого роста, бледный, сухощавый. Он сбросил с себя синий плащ, прикрывавший иезуитский наряд, поклонился низко гетману и сказал обыкновенное приветствие католических священников: «*Laudatur Jesus christus!*»

— *In secula seculorum, amen!* — отвечал Мазепа и, указав рукою на стул, примолвил: — Присядь, старый приятель, патер Заленский, и поговорим о деле. — Патер снова поклонился и сел, а Мазепа продолжал: — Перед племянником у меня нет ничего скрытого, и я стану говорить с тобою без обиняков, по врожденной мне откровенности и моей казачьей простоте. Начну с повторения сказанного уже мною тебе, патер Заленский, что пока вы не избавите меня от Палея, до тех пор у меня руки будут связаны. Я человек добродушный, не питаю к нему ненависти, а напротив того, много уважаю его. Но он вреден для нашего общего дела, и если вы искренно желаете освободить Украину от русского вла-

дычества, то должны начать со старого Палея, на которого оно опирается в здешнем крае. Притом же Палей жесточайший враг поляков и без разбору опустошает владения приверженцев обоих королей в Польше. За это самое он уже достоин казни! Я не постигаю, почему русский царь до сих пор терпит хищничество этого разбойника и не слушает ничьих жалоб на него! Вероятно, Палей оклеветал меня перед царем и царь, сберегая Палея и позволяя ему владеть независимо от меня Хвастовским полком и отнятыми у польских панов землями, хочет держать в узде меня, с моими полками, надеясь на неусыпность Палеевой вражды. Когда же не станет Палея — я буду один властелин в Малороссии и Украине и тогда... тогда могу безопасно совещаться о союзе с королями!

— Но я не предвижу, какими средствами можем мы избавиться от Палея... — сказал иезуит, потупя взоры. — У нас нет войска в этой стороне, а атаман Заднепровских казаков в дружбе с ним и следует его советам...

— Полно, полно! — возразил Мазепа. — Ведь мы учились с тобой в одной школе, па-

тер Заленский! Помнишь ли, как нам повторяли, что, где нельзя быть львом, там должно сделаться лисицей. В Украине много тайных католиков и учеников ваших, патер Заленский, а на что не решится католик с разрешения духовного отца и с уверенностью, что он действует для блага церкви! Иезуитский Орден уже не раз делал чудеса и доказал, что чашке шоколаду или рюмке вина он может дать силу пули и кинжала. Патер Заленский, пожалуйста, будем откровенны между собою. Я человек простой, не хитрый, и у меня, как говорится, сердце на ладони. Вот, например, первый любимец Палея, Огневик, который теперь в Батурине, твой ученик и друг. Здесь было бы опасно для нас, если б он увидел тебя и узнал, что ты приехал сюда под именем врача; но когда б ты встретился с ним в другом месте и растолковал ему, какая польза была бы для него, если б старик Палей отправился *ad patres*, какие награды получил бы он от королей?

— Нет, ясновельможный гетман, об этом и думать напрасно, — отвечал иезуит. — Огневик обязан Палею жизнью и воспитанием и

ни за что не изменит своему благодетелю. Я хорошо знаю этого молодого запорожца. Науки образовали ум его, но нисколько не укротили в нем дикости запорожской, не обуздали пылкого нрава и не изгладили того простосердечия, которым отличаются они в самой своей свирепости. С Огневиком нельзя делать попыток в подобных делах. Он хладнокровно готов перерезать половину рода человеческого, если б это надобно было для безопасности разбойничьего притона его благодетеля, но за все земные блага не сделает того, что почитается злом в их шайке. Огневик умен и просвещен за пером и за книгою, но при сабле он тот же хищный зверь, как и все запорожцы. С ним страшно переговариваться!..

— Так приищи другого... Нельзя ли употребить женщин? Это стрелки и наездники иезуитского воинства, патер Заленский! — сказал с улыбкою Мазепа.

— Дело это надобно обдумать, и я обещаюсь вам, ясневельможный гетман, предложить его на общее совещание в нашем коллегииуме. Но прежде надобно решить важней-

шее. Благоволите подписать договор, ясно-вельможный гетман, которого ждут с нетерпением их величества!

— Подписать! — сказал с улыбкой Мазепа. — Я не думал, чтоб, при твоём благоразумии, ты был так тороплив, патер Заленский. Царь Петр, купивший мудрость опытностью, повелел присягать своим воинам, чтоб они во всем поступали: *« как храброму и неторопливому солдату надлежит »* Подлинные слова из военной присяги... Scripta manent, verba volant, патер Заленский! Ты человек умный, итак, скажи же мне, на что бы пригодилось королям условие подписанное мною, если б его величество король шведский отложил намерение свое вторгнуться в Россию чрез Украину и заключил мирный договор с царем, а вследствие того, если бы мое содействие было ненужным его величеству, и с моей стороны даже невозможным?

— Тогда бы их величества возвратили вам, ясневельможный гетман, подписанный вами трактат, в такой же тайне, как и получили, — отвечал иезуит.

— Итак, для избежания затруднений при

сбережении тайны, пусть же этот трактат останется неподписанным до тех пор, пока гласность его не будет ни для кого опасною. Я даю тебе мое гетманское слово исполнить все условия, изъясненные в трактате, как только король шведский вступит с войском в Украину и когда вашим содействием я, до того времени, избавлюсь от Палея, который своим влиянием мог бы помешать мне. Слово мое прошу передать их величествам. Одиннадцатая заповедь моей веры: *Verbum nobile debet esse stabile*.

— Но все, что вы изволите говорить, ясневельможный гетман, не согласно с данным мне наставлением при отпуске к вам, — возразил иезуит, — и не удовлетворит...

— Как угодно, патер Заленский, — сказал Мазепа, прервав слова иезуита, — я человек простой, не хитрый и говорю откровенно, по-казацки, что думаю. Я буду верный слуга их величествам, но не прежде, как могу свободно действовать. Это мое последнее слово!

— Этот ответ не утешит княгини, — при-молвил иезуит, — она особенно поручила мне сказать вам...

— Об этом после, патер Заленский! — возразил быстро Мазепа и, оборотясь к Войнаровскому, который во время этого разговора стоял почти неподвижно возле стола и слушал со вниманием, сказал: — Поди, любезный племянник, и узнай, готовы ли лошади и провожатые для почтенного моего врача. Да останься в канцелярии, пока я позову тебя, когда будет нужно.

Войнаровский приметно смутился, когда иезуит сказал о княгине. Не говоря ни слова, он вышел из почивальни и медленными шагами, в задумчивости, удалился из комнат гетманских.

— Хотя я и сказал тебе, патер Заленский, что перед племянником я не имею тайн, но ты должен был догадываться, что сердечные дела исключаются из общего разряда. Напрасно ты намекнул при нем о княгине!

— Прошу извинить меня, ясневельможный гетман, но мне мало остается времени для переговоров с вами, и притом же я так был занят моим предметом, что совсем забылся...

— Ну, что ж говорит прелестная княгиня

Дульская? — спросил Мазепа, устремив пристальный взор на иезуита.

— Она приказала мне сказать вам, ясневельможный гетман, что с тех пор, как вы приобрели любовь ее и получили согласие на вступление в брак, княгиня находится в весьма затруднительном для нее положении и не знает, как из него выпутаться. Родственник ее, король Станислав, не зная о ваших связях с нею, принуждает ее решиться на выбор мужа из числа знатнейших вельмож польских, старающихся получить ее руку. При нынешних междоусобиях в Польше это послужило бы к поддержанию королевской стороны. Другие родственники княгини, которых участь соединена с торжеством короля, также просят ее неотступно об этом. Будучи душевно к вам привязана, она решилась бы оставить все свои надежды в Польше и приехать к вам, если б не опасалась, что брак с родственницей друга Карла XII повредит вам в мнении царя московского. Итак, она просит вас покорнейше утвердить подписью договор с королями; тогда она объявит королю Станиславу, что она ваша невеста, и освободится от

утруждающих ее убеждений, близких к принуждению. Но пока она не уверена, что вы союзник ее родственника, княгиня боится открыть ему о своих связях с вами, чтоб не подвергнуться подозрению, ибо весьма многие почитают вас искренним другом царя Петра.

Мазепа задумался.

— Вспомни, патер Заленский, историю Самсона с Далилою! — сказал он, улыбаясь. — Сила моя также вмещается в тайне, и если тайна сия выльется на бумагу до времени, то я попаду во власть филистимлян! Но для успокоения княгини я напишу к ней письмо!

Вдруг вдали послышался шум, и татарин опрометью вбежал в комнату. Он истолковал Мазепе, знаками, что внизу, в сенях, где находилась стража сердюков, произошло замешательство. Гетман забыл о своей болезни, вскочил с кресел, схватил пистолеты со стены, подпоясался кушаком, положил их за пазуху и вышел поспешно из почивальни, опираясь на плечо татарина. Иезуит, трепеща от страха, спрятался под кровать. Когда Мазепа прошел чрез залу и приближался к передней, он услышал звук оружия и яростные вопли сер-

дюков. Отворив двери на лестнице, гетман встретил Войнаровского, который бежал к нему вверх. Они остановились, чтоб объяснить.

Глава II

*Извлек он саблю смертоносну:
— Дай лучше смерть, чем жизнь
поносну
Влачить мне в плене! — он ска-
зал.*

И. И. Дмитриев

— **Ч**то это значит? — спросил Мазепа. Войнаровский отвечал:

— Орлик, проходя по коридору нижнего жилья, увидел при слабом свете фонаря человека, который притаился за столбом. Когда Орлик подошел к нему, он бросился на него, свалил с ног Орлика и стремглав побежал по задней лестнице, ведущей в сад. По счастью, дверь на том крыльце была заперта и стража успела окружить дерзкого. Вообразите наше удивление, когда в этом ночном посетителе мы узнали Огневика, посланца Палеева!..

— Огневик!.. Посланец Палея!.. В моем доме... ночью!.. — вскричал Мазепа. — Измена!.. Коварство!.. Он, верно, хотел убить меня!..

— Так и мы думаем, — примолвил Войнаровский, — и потому велели схватить его живого, чтоб расспросить. Но он не сдается, невзирая ни на угрозы, ни на увещания, и уже переранил нескольких сердюков.

— Вы очень умно поступили, что не велели убить его на месте, хотя он и заслужил это, — сказал Мазепа. — Но постой, я поймаю этого зверя тенетами!

Опершись одною рукой на Войнаровского, а другою на татарина, Мазепа сошел с лестницы в большие сени. В углу, у печи, стоял молодой человек исполинского роста, в коротком куптуше, в широких шароварах и в низкой бараньей шапке. Он махал саблей, отклоняя удары, которые старались ему нанести сторожевые сердюки. Один из сердюков, увидев Мазепу, закричал:

— Ясневельможный пане гетман! Позволь пустить пулю в лоб этому головорезу! Он уж умылся нашею кровью, и мы только напрасно бьемся с ним!..

— Никто ни с места! — сказал Мазепа повелительным голосом. — Кто смеет обижать в моем доме дорогого гостя и посланца моего приятеля, полковника Хвастовского полка? Прочь все, отступите от него! А тебя, пан есаул Огневик, прошу извинить, что люди мои тебя обеспокоили.

Бой прекратился. Сердюки с ропотом отступили, и Огневик в замешательстве не знал, что делать. Он не промолвил ни слова и с удивлением смотрел на Мазепу, который приближался к нему медленно, прихрамывая. Подойдя к Огневику на три шага, Мазепа вынул из-за пазухи пистолеты и отдал их татарину, дал знак, чтоб он отнес их назад, в почивальню. Потом, оборотясь к сердюкам, стоявшим в некотором отдалении, сказал:

— Сабли в ножны, ружья по местам!

— Ты видишь, — сказал Мазепа Огневику, — что я не намерен поступать с тобой неприятельски. Вот ты стоишь вооруженный противу меня, безоружного, и я вовсе не подозреваю в тебе злого умысла. Ты гость мой; поди со мною в мои комнаты, и мы объяснимся с тобой дружески. Притом же ты окровавлен

и, кажется, ранен. Если б я желал тебе зла, то ты видишь, что, по одному моему слову, ты лежал бы трупом на месте. Но я, напротив того, желаю тебе всякого добра и рад случаю показать полковнику Палею мое к нему уважение и дружбу ласкою и снисхождением к его посланцу. Пойдем со мной, пан есаул!

Огневик, казалось, колебался; наконец он вложил окровавленную саблю в ножны, снял шапку и, поклонясь гетману, сказал:

— Я противустоял насилию, но покоряюсь беспрекословно ласковому приказанию и готов исполнить все, что вы прикажете, ясневельможный гетман!

Мазепа подошел к Огневику и, потрепав его по плечу, примолвил:

— Я люблю таких молодцев! Пойдем-ка ко мне и переговорим спокойно и по-приятельски, а там ты пойдешь себе, с Богом, куда захочешь.

Мазепа, опираясь на Войнаровского и на Орлика, пошел вверх по лестнице, оставив в недоумении и негодовании сердюков, которые роптали, про себя, за такое снисхождение к дерзкому прищельцу. Орлик втайне разде-

лял чувства сердюков. Огневик следовал за Мазепой, который пошел в свой кабинет, по-слав служителя вперед засветить там свечи. Вошел туда, Мазепа сел в кресла и сказал Войнаровскому и Орлику:

— Подите, детки, к доктору, в мою почи-вальню. Он, верно, соскучился в уединении! Я позову вас, когда будет надобно. Велите татарину стоять у дверей. Не опасайся ничего! — примолвил он, обращаясь к Огневику: — Мы с тобой останемся наедине, и татарин станет у дверей не для стражи, а для помощи мне, хворому, в случае надобности.

Войнаровский и Орлик вышли из комна-ты.

— Ты, пан есаул, человек умный, а потому я с тобой стану говорить без обиняков, со всею моею откровенностью. Скажи: что б ты подумал о теперешнем случае, если б ты был на моем месте? Полковника Палея почитают врагом моим. Тебя, его верного и неизменно-го сподвижника, находят ночью в моем доме прячущегося от моих людей, и, наконец, ко-гда велят тебе положить оружие и объяснить-ся, зачем ты ночью вошел в гетманский дво-

рец, оберегаемый стражею, куда не позволено входить без позволения даже верным моим генеральным старшинам и полковникам, — ты стараешься силою выйти из моего дворца и бьешь моих людей! Скажи, пан есаул, что ты подумал об этом, будучи на моем месте?

— Признаюсь, ясневельможный гетман, — отвечал Огневик, — что с первого взгляда можно счесть меня преступником. Но клянусь пред вами Богом и совестью, что я не повинен ни в каком злом противу вас умысле. Я проходил вечером мимо вашего сада. Калитка была не заперта, и я вошел в него погулять. Прилегши на траву, я заснул и проснулся уже поздно. Желая возвратиться тем же путем, я нашел калитку запертою и потому хотел пройти чрез сени, увидев отпертую дверь на заднем крыльце. Не зная расположения дома, я запутался и попал в коридор. Послышав шаги в коридоре, я почувствовал неосторожность моего поступка и хотел спрятаться от проходящего, чтоб не возбудить в нем подозрения. Орлик напал на меня, закричал на стражу, и я, не думая ни об чем, по врожденному чувству, стал обороняться. Вот все, что я

могу сказать в свою защиту, и прошу вас, ясневельможный гетман, верить мне.

Пока Огневик говорил, Мазепа писал карандашом на лоскутке бумаги. Когда Огневик кончил свое оправдание, Мазепа захлопал в ладоши. Вошел татарин. Мазепа отдал ему записку, сделав несколько знаков, и татарин, кивнув головою, снова вышел. Тогда Мазепа сказал Огневику:

— То, что ты изволил сказывать, пан есаул, было бы хорошо выдуманно, если б мне не известно было, что ключи от садовой калитки и от задних дверей хранятся у Орлика и что двери отпираются по моему приказанию. Впрочем, подобрать ключ к замку не великая мудрость и его может подделат каждый слесарь. Но не в том дело. Мне давно уже сказывали, будто Палей хочет знать внутреннее расположение моего дома и намеревается подослать убийцу, чтоб умертвить меня. Я уверен, что ты не взял бы на себя такого гнусного поручения; но скажи мне откровенно, не слышал ли ты чего-нибудь об этом? Жизнь твоя была в моих руках, но я не воспользовался моим преимуществом и поступил с тобой,

как с приятелем. Из благодарности ты можешь сказать мне, для моей предосторожности, справедлив ли этот слух?

— Я никогда и ни от кого не слышал об этом и готов жизнью ручаться за полковника Палея, что он не в состоянии покуситься на такое гнусное дело. Он человек горячий, сердитый, но честный и простодушный. Врага своего он готов убить в бою или в единоборстве, но никогда не посягнет на ночное убийство. В этом вы можете быть уверены, ясневельможный гетман!

Мазепа лукаво улыбнулся.

— Дело идет не о похвальных качествах полковника Палея, но об его вражде ко мне, — сказал он. — Неужели он не дал тебе никакого другого поручения, кроме предложения своей покорности? Мне что-то не верится, пан есаул! Будь откровенен со мною и выскажи всю правду. Если ты боишься Палея, то я даю тебе гетманское слово, что завтра же сделаю тебя полковником в нашем верном войске малороссийском и дам вотчину, в вечное владение.

— Я не хочу ложью приобретать ваши ми-

лости, ясновельможный гетман, — отвечал Огневик. — Полковник Палей не давал мне никакого другого поручения и не имеет никакого злого противу вас умысла. Напротив того, он желает помириться с вами и поступить под ваше начальство.

— Он не должен был выбиваться из моего законного начальства, — возразил Мазепа. — Но я вижу, что с тобой нечего делать: ты не знаешь ни благодарности, ни обязанности своей к законному твоему гетману. Бог с тобой! Я на пишу сейчас письмо к полковнику Палею, и ступай себе, с Богом, в Белую Церковь! Ты должен немедленно, сей же ночью отправиться в путь. Однако ж, после того что случилось здесь, я не могу тебя отправить во свояси иначе, как в сопровождении моей стражи. Надеюсь, что ты эту предосторожность не сочтешь излишнею?

— Мой долг повиноваться вам, ясновельможный гетман! — отвечал Огневик.

— Хорошо было бы, если б это была правда, — сказал Мазепа, улыбнувшись, и, не ожидая ответа, принялся писать. Огневик между тем стоял у дверей и ожидал, когда он кон-

чит. Вошел татарин и, сделав несколько знаков, удалился. Мазепа положил перо и сказал Огневику:

— Прежде отъезда ты должен непременно явиться к полковнику царской службы, Протасьеву, который находится при войске малороссийском, по повелению царя для наблюдения за пользами службы его царского величества. Он должен засвидетельствовать, что ты отпущен отсюда цел и невредим. Но твоя одежда изорвана и облита кровью, а в таком виде неприлично тебе явиться к царскому чиновнику. Поди в ближнюю комнату, умойся и переоденься. Я велю выдать тебе что нужно!

Мазепа хлопнул в ладоши, и татарин снова явился.

По данному Мазепою знаку, татарин отворил двери в другую комнату, взял со стола свечу и кивнул на Огневика, который беспрекословно последовал за ним. Мазепа пошел в почивальню.

Огневик вошел в небольшую комнату с перегородкою. Несколько пар платья лежало на стульях; на столе стоял умывальник. Татарин показал знаками, что должно раздеться. Огне-

вик отпоясал саблю, снял с себя кафтан и хотел умываться. Но в самую эту минуту татарин схватил саблю Огневика и перебросил ее чрез перегородку, в которой дверь мгновенно отворилась и четверо сильных сердюков бросились опрометью на Огневика, не дали ему опомниться, повалили на пол, связали веревками по рукам и по ногам, рот завязали полотенцем и потащили за перегородку. Татарин поднял дверь с полу, и сердюки спустили Огневика по высокой и крутой лестнице в подземный погреб. Там, при свете лампы, уже ожидал их тюремный страж, который из огромной связки ключей выбрал один и отпер боковые железные двери в небольшой, но высокий погреб. Здесь сердюки помогли тюремщику приковать Огневика к стене, подстлали под него связку соломы, развязали ему рот, поставили при нем ведро воды и положили кусок хлеба. Огневик не промолвил слова во все это время и, будучи не в силах противиться, беспрекословно позволял делать с собою все, что им было угодно. Татарии с приметною радостью помогал сердюкам приковывать Огневика, и, удаляясь из погреба вме-

сте с сердюками, с улыбкой погладил узника по голове, и провел несколько раз указательным пальцем по шее, как будто давая знать, что его ожидает. Страж взял лампаду, вышел последний из погреба и запер двери снаружи внутренним и висячим замком. Огневик остался во мраке.

Мазепа, пошутив над иезуитом насчет его трусости, сказал ему:

— Теперь, патер Заленский, ты должен остаться на несколько дней у меня и переговорить со старым своим знакомцем, Огневи-ком, которого уже нечего опасаться. Во что бы ни стало, но я узнаю, зачем приятель Палей подослал ко мне своих людей. Один из них уже в мешке, а за другим я послал моих сердюков!

— Сомневаюсь, ясневельможный гетман, чтобы вы могли выпытать что-нибудь от Огневика, — отвечал иезуит. — В нем душа железная!

— А мы смягчим это железо в огне! — возразил Мазепа. — Ты знаешь, старый приятель, что душа столько же зависит от тела, как тело от души. Крепкое тело сначала изну-

рим мы постом и оковами, а твердую душу ослабим мраком и уединением. Верь мне, па-тер Заленский, что самый твердый, самый мужественный человек, который презирает смерть с оружием в руках, при свете солнца, и даже готов выдержать жесточайшую пытку в крепости сил телесных, что этот самый человек, лишенный пищи, движения, света и воздуха, непременно упадет духом, по простивши некоторого времени... Ведь тюрьма именно для этого и выдумана умными людьми.

— Но что скажет Палей, узнав, что вы, дя-дюшка, задержали его посланцев? — сказал Войнаровский.

— Он и до сих пор не говорил об нас ниче-го доброго, — возразил Мазепа с улыбкою. — Посланцы его так же, как и он сам, суть мои подчиненные, и я имею полное право над ни-ми.

— Но если Палей искренно желал прими-рения, если Огневик в самом деле невиновен в злом умысле?.. — возразил Войнаровский.

— Тогда Палею должно было самому явиться с повинною, а посланцам его надле-

жало вести себя осторожнее, — отвечал Мазепа. — Я сам человек простодушный и неподозрительный, как и ты, любезный племянник: но всему должна быть мера. Впрочем, это дело общественное, а не мое собственное, и я обязан исследовать его порядком. Послушаем, что скажет Орлик. Что ты думаешь, Орлик, как должно поступить в этом случае?

— По моему мнению, так этого ночного разбойника надобно взять в порядочные тиски и выжать из него всю правду, после, для примера, петлю на шею, да на первую осину! — сказал Орлик.

— Орлик говорит как человек государственный, — сказал Мазепа, — а ты, племянник, все еще нянчишься со своими школьными понятиями о делах и об людях. Ты знаешь, что я не люблю проливать крови, что я не могу смотреть равнодушно, когда режут барана — но, где общее благо требует жертв, там скрипя сердце должно прибегать даже к жестоким средствам. Если б Огневик сознался добровольно, я не тронул бы волоса на голове его, а теперь... он должен выдержать пытку. Не правда ли, Орлик?

— Иначе быть не может и не должно, — отвечал Орлик.

— Орлик понимает дело, — примолвил Мазепа, — а ты, патер Заленский, мой старый приятель и школьный товарищ, что скажешь об этом?

— Вы лучше меня знаете, что должно делать, ясневельможный гетман, — отвечал иезуит. — Но я думаю, что к крайностям должно прибегать в таком только случае, когда они могут принести верную пользу. Огневика же вы не заставите муками изменить своему благодетелю.

— Так я накажу его за измену мне, законному его гетману, — сказал Мазепа. — Но вот привели и другого...

В комнату вошел любимый казак Мазепы, Кондаченко, и остановясь у дверей, сказал:

— Иванчук ушел из города!

— Как! когда? — воскликнул Мазепа в гневе.

— Недавно, в то самое время, как мы управлялись здесь с его товарищем, Огневиком, — отвечал Кондаченко. — Они жили в доме хорунжего Спицы, который, уже четвер-

тый день, отправился в Стародуб. Мы допросили жену его и парубков. Жена хорунжего сказала нам, что Иванчук был в своей светлице и ждал товарища, как вдруг кто-то постучался у окна, шепнул что-то на ухо Иванчуку, а тот пошел в конюшню, оседлал коня, съехал со двора — и только!..

— Измена! заговор! — сказал Мазепа, ударив рукой по столу, — но я все узнаю, все открою! Послать погоню за беглецом...

— Наши поскакали уже по всем дорогам, и сам есаул Небеленко понесся по Винницкому тракту с десятью казаками, — отвечал Кондаченко.

— Хорошо, спасибо вам, братцы! Видишь ли, Орлик, как глубоко Палей запустил свои когти в мою гетманщину, — сказал Мазепа. — Иванчука тотчас уведомили, что делается в моем доме. Не дремлют приятели! Теперь, пater Заленский, нельзя нам полагать, что ночное посещение Огневика есть случайное. Палей имеет своих лазутчиков в собственном доме моем, ибо кто бы мог известить Иванчука о происшедшем здесь при запертых дверях? Но сам Бог хранит меня, и он же помо-

жет мне открыть измену и наказать изменников. Теперь ступайте почивать, друзья мои! Ты, патер Заленский, не поедешь сегодня. Ты должен знать последствие этого дела, ибо оно может быть связано с общею пользою... Понимаешь меня?.. Ну прощайте! Орлик! осторожность в доме!

Все вышли, и Мазепа остался один с татаринном, который помог ему раздеться и лечь в постель.

Между тем обыск в доме, где проживали посланцы Палеевы, и погоня за одним из них не могли произойти втайне в небольшом и тихом городке. Несколько генеральных старшин из любопытства, другие из опасения, старались в ту же ночь разведать о случившемся, и некоторые из них собрались в доме Черниговского полковника, Павла Леонтьевича Полуботка, потолковать о сем происшествии. Сей заслуженный воин хотя не мог равняться с Мазепою ученостью, но был одарен от природы умом необыкновенным, укрепленным долговременною опытностью в делах, а проныцательностью своею превосходил даже хитрого Мазепу. Полуботок пользовался

неограниченною доверенностью всех благомыслящих старшин и любовью народною и потому был ненавистен Мазепе, который почитал Полуботка своим совместником и опасался его ума, веря, что разум только пригоден на козни, к погибели соперников.

Все желания, все помышления Полуботка клонились к одной цели: к сохранению прав Малороссии, которые он почитал столь же священными, как самую веру, и пока он был убежден, что Мазепа намерен сохранять и защищать сии права, он был искренно предан гетману и даже способствовал его возвышению. Но уверившись в коварстве и в себялюбии Мазепы, Полуботок возненавидел хитрого честолюбца и хотя не выходил никогда из пределов повиновения, но с твердостью защищал права народные и безбоязненно говорил гетману правду. Зная, что Мазепа наблюдает за всеми речами и поступками его, Полуботок был осторожен, однако ж, по врожденной ему откровенности, не мог всегда скрывать ненависти своей к притеснителю Малороссии и иногда, хотя неясно, обнаруживал свой образ мыслей пред искренними друзьями. же было

далеко за полночь, когда пришли к нему Стародубовский полковник Иван Ильич Скоропадский, Нежинский Лукьян Яковлевич Жураковский и Миргородский Даниил Апостол. Полуботок с нетерпением ожидал вестей и весьма обрадовался посещению своих товарищей.

— Скажите, братцы, что это за шум, что за скачка на улицах, в эту пору, в глухую ночь? — сказал Полуботок вошедшим полковникам.

— Сказывают, что посланцы Палеевы хотели убить гетмана, в его дворце, — отвечал Апостол. — Одного из них поймали, а другой ушел.

— Счастливейший путь! — примолвил Полуботок, улыбаясь. Потом, помолчав несколько, сказал: — Знаете ли что, братцы? Я не верю всем этим рассказням! Не так глуп Палей, чтоб подсылать убийц в Батурич, в гетманские палаты, которые оберегаются с большим усердием, чем наши малороссийские права. Да если б он это и вздумал, то не послал бы на такое опасное дело первых своих любимцев, письменных своих есаулов. Он нашел бы в

своей удалой вольнице довольно головорезов, которые бы давно уже сняли голову, как шапку, с нашего ясневельможного князя! Все это пустое! Гетман не страшен Палею так, как нам, грешным, и он в своей Белой Церкви едва ли не сильнее нашего пана гетмана, которого полки подмазывают колеса в царском обозе да гоняют стада за московским войском. Старшины казацкие сильно негодовали на полководцев Петра Великого, которые употребляли более в дело регулярную конницу, а казакам поручали обозную службу... Я скорее бы поверил, если бы что-нибудь подобное случилось в Белой Церкви!..

— Воля твоя, Павел Леонтьевич! — возразил Скоропадский. — А уже здесь есть что-то недоброе. Я говорил со сторожевым сердюком, и он сказал мне, что есаула Огневика поймали в самом гетманском дворце и что он не хотел сдаваться живой...

— Так что же? убили его? — спросил Полуботок.

— Нет, сам гетман вышел и уговорил его сдаться... — отвечал Скоропадский.

— Сам гетман! Итак, он не так опасно бо-

лен, что не может встать с постели или в постели выслушать нас! — примолвил Полуботок. — Я не хочу судить о деле, которого не знаю в точности, но как гетман уже выходил из комнаты, то завтра же пойду к нему, чтоб он выслушал меня. Что за чудесного исцелителя привезли из Польши! — примолвил он насмешливо. — Сказывали, что гетман лежит почти без языка и без дыхания, а лишь появился польский лекарь, так ясневельможный наш пан в ту же ночь стал расхаживать и говорить, да еще так убедительно, что убийца отдался ему живой в руки!

— Недаром Польша так мила нашему гетману! Правда, что у гетмана не сходит с языка похвала Польше и всему польскому, а милости получает он втихомолку от русского царя, — сказал Жураковский. — Как Малороссия Малороссией, ни один гетман не был так награжден от царей, как нынешней: он и князь, и Андреевский кавалер, и действительный тайный советник, и вотчинник в Великой России... Уж не знаю, чего ему было желать!

— Ни нами сказано, — примолвил Полуботок, — что чем более дают, тем более хочется;

а есть еще такие вещи, которых царь дать не может или не захочет. Ты помнишь, что сказывали Кочубей и Искра в своем доносе?

— Эй, побереги себя, Павел Леонтьевич! — сказал Скоропадский. — Уж ты был раз в тисках за твой язычок; смотри, чтоб в другой раз не попасть в гетманские клещи! Как нам сметь припоминать о доносе, за который враги пана гетмана положили головы на плаху!

— Я ведь не доношу на гетмана, а говорю о деле, всем известном и обнародованном! — возразил Полуботок.

— Нет, воля твоя, Павел Леонтьевич, а я никак не верю, чтоб гетман имел намерение отложиться от России и отдаться в подданство Польше, как доносили царю Искра и Кочубей, — сказал Жураковский. — Наш гетман человек умный и знает, что ему нельзя этого сделать без нас и без воли целого войска, а нет сомнения, что каждый из нас скорей полезет в петлю, чем покорится Польше! Дались нам знать, польские паны и ксензы, и об них такая же память в народе, как предания о чертях да о ведьмах.

— А я знаю, что есть люди в Украине, кото-

рые иначе думают, как мы с тобою, Лукьян Яковлевич! — возразил Полуботок. — И эти люди говорят: «Не будь Палея да Самуся за Днепром, так поляки давно бы расхаживали по Киеву и по Батурину!»

— Их и теперь довольно здесь, — примолвил Жураковский. — Почти вся дворня гетманская из поляков!..

— Теперь они служат здесь, а им хочется господствовать, — отвечал Полуботок. — Но полно об этом. Завтра, братцы, надобно всем нам идти поздравить гетмана с благополучным избавлением от измены и убийства, и я произнесу ему поздравительную речь!..

— Да полно тебе играть с огнем, Павел Леонтьевич! Обожжешься! — сказал Скоропадский.

— Я не шучу и божусь вам, что пойду завтра поздравлять гетмана, — примолвил Полуботок.

— Да ведь ты не веришь ни измене, ни покушению на убийство гетмана! — возразил Скоропадский.

— Верю или не верю — это мое дело, — отвечал Полуботок. — Но пока Полуботок пол-

ковник черниговский, а пан Мазепа гетман малороссийского и запорожского войска, до тех пор Полуботок должен наблюдать все обычаи, какие были при прежних гетманах.

— Ну так и нам идти с тобой же? — спросил Скоропадский.

— Без сомнения! Уж когда Полуботок кланяется гетману, так нам должно падать ниц перед ним, — примолвил Жураковский.

— Полуботок кланяется не гетману, а гетманской булаве, — возразил Полуботок. — Но пора почивать, братцы! Прощайте! Завтра, может быть узнаем более.

Глава III

*Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.*

Державин

На другой день Мазепа не принял старшин и назначил им свидание в воскресенье, чрез трое суток. Генеральные старшины и полковники собрались в сей день во дворце гетманском. Генеральный войсковой писарь, Орлик, как первый чиновник после гетмана, ввел их в приемную залу. Гетман был в зеленом бархатном кафтане русского покроя, с золотыми застежками и широкими золотыми петлицами. В таком кафтане автор видел современный портрет Мазепы. от верху до низу, подаренном ему царем Иоанном Алексеевичем, при милостивой грамоте, за верную службу. Старшины и полковники были в польском платье, в длинных шелковых кафтанах, называемых жупанами, сверх которых надеты были суконные кунтуши с прорезны-

ми рукавами. Все они подпоясаны были богатыми парчовыми кушаками, при саблях, в красных сапогах; головы у всех были обриты в кружок, а на верху оставлен был хохол, и все носили длинные усы, но брили бороды. Только один Мазепа и Войнаровский не подбрасывали волос на голове. Орлик провел войсковых старшин по парадной лестнице, на которой стояли сердюки, с ружьями на плечах. Они одеты были в синие кунтуши с красными воротниками и красными выпушками по швам, имели низкие шапки с черным бараньим околыш-ком и красным верхом; подпоясаны были красными шерстяными кушаками, имели сабли и черные ременные перевязи, на которых висели небольшие пороховницы с гербом Малороссии. Стены обширной залы обиты были красными кожаными обоями под лаком, с золотыми цветами, а на стенах висели портреты, писанные масляными красками, царей: Алексея Михайловича в старинном наряде; Петра Великого в мундире Преображенского полка; Феодора и Иоанна Алексеевичей в русском платье и гетмана Хмельницкого в польской одежде. На обоях

приметны были четверугольные пятна, где висели портреты бывшей правительницы царицны Софьи Алексеевны и любимца ее, князя Голицына, которые прозорливый гетман велел снять со стены после заключения правительницы в монастырь и ссылки Голицына. Гетман сидел в конце залы в больших креслах, обитых бархатом, положив на подушки ноги, завернутые в шелковое одеяло на лисьем меху. Возле кресел гетмана стоял русский полковник Протасьев, в мундире Ингерманландского драгунского полка. Он находился при гетмане для наблюдения за порядком во время прохода великороссийских полков чрез Малороссию. Гетман знал, что он имеет тайные поручения от не благоприятствующего ему князя Меншикова и явного врага его, фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева, и потому был осторожен с полковником и весьма ласкал его. Для него поставлен был стул, но он не садился, из уважения к гетманскому сану и к старшинам, которые должны были стоять в присутствии надменного повелителя Малороссии.

Генеральные старшины и полковники, во-

шед в залу, низко поклонились гетману и стали полукругом. Тогда Павел Леонтьевич Полуботок выступил на середину залы и, поклонившись еще раз гетману, произнес громким голосом:

— Ясновельможный гетман, наш милостивый предводитель! Вельможные генеральные старшины и полковники верного царского войска малороссийского поручили мне изъяснить пред вами общие наши чувствования. Распространился слух, что, за несколько дней пред сим, провидение избавило вас от убийцы. Благодаря бога за покровительство нашему предводителю, мы поздравляем вашу ясновельможность и желаем вам здравия и благоденствия на многие лета!

Сказав сие, Полуботок еще поклонился гетману и стал на свое место.

Гетман смотрел проницательно на Полуботка. Сухость речи его и холодная важность в голосе и во всех приемах обнаруживали, что поздравление излилось не из сердца. Лицо Мазепы, однако ж, казалось светлым, на устах была улыбка, но нижняя губа его двигалась судорожно, челюсть дрожала, глаза искрели и

придавали физиономии вид злобный и вместе насмешливый. Мазепа поглядывал кругом так весело, как смотрит голодный волк в отверзшие овчарни, избирая верную добычу. Помолчав немного, он сказал:

— Благодарю вас, вельможные паны, за ваши желания и поздравления; надеюсь, что они искренни, по крайней мере у большей части панов генеральных старшин и полковников, то есть у тех, которые знают меня коротко и постигают мою любовь и усердие к общему благу. Всевышний, покровительствующий народ Малороссийский, избавивший его уже однажды от чужеземного ига, как израильтян из неволи египетской, правосудный Господь, видимо, хранит меня от убийц и злейших врагов, нежели убийцы — от предателей и клеветников. В искренности чувств моих, я верю, что Он хранит меня для утверждения благоденствия Малороссии, под мощным скиптром всемилостивейшего государя нашего и моего благодетеля, его царского величества, которого волею я живу, дышу, мышлю и движуся! Под покровом Провидения и под защитой всемилостивейшего моего

государя и благодетеля не боюсь я ни измены, ни клеветы! Еще происшествие, о котором вы вспомнили, не совсем объяснилось, то есть еще не исследована вся гнусность измены и предательства, но злой умысел открыт и опасность, угрожавшая в моем лице всему войску, отвращена. Не помышляю я о себе, ни о брэнном моем существовании, но молю Бога, да сохранит храброе царское войско мало-российское, нашего всемилостивейшего государя и моего благодетеля и верных моих сотрудников в тяжком и славном деле управления! — Мазепа, окончив речь, приветствовал собрание наклоением головы, и старшины снова поклонились гетману.

После некоторого молчания, Мазепа при-
молвил:

— Прошу извинить меня, слабого и недужного, что я задержал вас так долго в Батурине, вельможные паны! Я ожидал и ожидаю еже-
часно повелений от его царского величества, нашего всемилостивейшего государя и моего благодетеля, и потому не мог исполнить желание ваше и распустить по домам ваши сот-
ни, которые находятся на польской границе.

Между тем прошу вас, вельможные паны, возвратиться теперь в свои полки и продолжать ревностно приготовления к походу. Быть может, скоро наступит пора, что всем нам, без исключения, старым и малым, придется взяться за оружие.

— Об этом именно мы и хотим переговорить лично с вами, ясневельможный гетман! — сказал Полуботок. — В прошлом году саранча опустошила Малороссию и скотский падеж довел до бедности даже зажиточных казаков. Все доходы, которые прежде поступали в полковые скарбы, ныне отсылаются в скарб войсковой, и мы, полковники, не имеем средств одеть и вооружить как следует полное число казаков и дать помощь неимущим. Мы просим вас всепокорнейше, ясневельможный гетман, исследовать сие дело и помочь нас высокою своею мудростью!

— Давно ли ты усомнился в своей собственной мудрости, пан полковник Черниговский, что вздумал прибегнуть к моей? — отвечал Мазепа насмешливо, обращаясь к Полуботку. — Разве ты не знаешь, что сделано и что делается на деньги, которые поступают в

войсковой скарб? На счет каких доходов содержатся Компанейские полки, сердюки и артиллерия? На какие деньги строятся и украшаются храмы Божий? Из каких доходов воспитывается наше юношество в Киевской Академии? Не хочешь ли ты, чтобы я тебе отдал отчет в доходах и расходах войскового скарба? Послушай, пан полковник Черниговский! если мы станем рассчитывать, то едва ли не все вы останетесь внакладе! И в какое время ты заговорил о деньгах, о помощи! — когда отечеству угрожает опасность; когда все подданные его царского величества, всемилодивейшего государя нашего и моего благодетеля, должны жертвовать жизнью и последним имуществом для низвержения врага, осмеливающегося называться непобедимым!

— Извольте послушать, господин полковник! — примолвил Мазепа, обращаясь к Протасьеву. — Вот какое усердие нахожу я в некоторых из моих подчиненных! Слава Богу, что их не много и что я их знаю! Прошу вас, господа, ехать домой и приготавливаться к походу; а если которому полковнику неостанет средств к поданию помощи неимущим каза-

кам, то я сам помогу им, из доходов от ранговых Каждый полковник и генеральный войсковой старшина имел по чину своему деревню, которую владел до тех пор, пока был на месте. Сии имения от слова ранг, чин назывались ранговыми. полковничьих маетностей.

— Осмеливаюсь доложить вам, ясневельможный гетман! — сказал Полуботок. — Что я не отказывался от пособия неимущим казакам ни из ранговых маетностей, ни из собственного моего имущества; но, на основании дарованных нам прав, изложил пред вами, как пред начальником, состояние наших полков, не зная намерений и средств других полковников к поданию помощи разоренным казакам. В старину помощь сию давал войсковой скарб по представлению полковников, которые, на основании дарованных прав...

Гетман прервал слова Полуботка и сказал:

— В старину все козни делались именем дарованных прав, о которых ты беспрестанно толкуешь, пан полковник Полуботок. Но я знаю права не хуже тебя, и я один хранитель и исполнитель сих прав, всемилостивейше подтвержденных его царским величеством!

Правда, что я иногда отступаю от сих прав, но только к собственному вреду моему, а не ко вреду войска. Нарушением сих прав я даровал свободу тебе и твоему отцу и возвратил вам имущество, полковник Полуботок, после ложного и злобного на меня доноса, составленного изменником Забелою с его клеветами. Но память твоя так загромождена правами, что ты забыл это, полковник Полуботок, и, верно, хочешь, чтоб я припомнил тебе возобновлением прошедшего!.. Прощайте, вельможные паны! С Богом, по домам — и за дело! Ты, Чечел, останься!

— Я был и есмь не виновен!.. — примолвил Полуботок; но гетман не хотел более слушать его и снова, прервав речь его, повторил:

— Прощайте, вельможные паны, до свидания!

Генеральные старшины и полковники вышли из зала, поклонясь гетману. Остался Орлик, Войнаровский, Чечел и царский полковник Протасьев:

— Вы видите, какой крамольный дух обнаруживают мои полковники, — сказал Мазепа Протасьеву, — я ежедневно опасаясь здесь

восстания и измены; а между тем его царское величество, всемилостивейший государь наш и мой благодетель, по внушениям неприязненных мне вельмож, которых я не хочу называть, беспрестанно понуждает меня высылать по несколько тысяч казаков к царскому войску! Для пользы службы царской и для защиты священной особы его величества, я готов отдать жизнь мою, и если б здоровье мое позволило, сам сел бы на коня и сражался в рядах, как простой казак, когда б это было нужно и угодно его царскому величеству. Но теперь, когда носятся слухи, что неприятель намерен вторгнуться в Россию, когда в Польше приверженцы Станислава Лещинского и враги его царского величества вооружаются на наших границах, возмущают Запорожье и заводят связи на Дону и у нас; когда измена уже открывается в самой Украине, — я должен иметь при себе все полки мои Со времени рождения мысли об измене, Мазепа употреблял все усилия, чтобы сохранить при себе полки свои, и беспрестанно сказывался больным, чтоб избежать похода., чтоб противостоять внешним и внутренним злодеям его цар-

ского величества. Полковники мои нарочно высылают лучших и вернейших людей к войску царскому и оставляют в полках самых бедных и самых своевольных казаков, которых легко совратить с истинного пути и вовлечь в измену. В таком положении нахожусь я, верный слуга царский, и мысль, что я, при желании пользы, могу быть неугоден его величеству, моему благодетелю, увеличивает болезнь мою, убивает меня!..

Мазепа замолчал и закрыл лицо руками, опустив голову на грудь.

— Вам известно, князь! — отвечал полковник Протасьев. — Что я прислан сюда по царскому повелению, единственно для наблюдения за порядком во время прохода великороссийских полков чрез войсковые малороссийские земли и для защиты здешних жителей от обид и притеснений. Я не имею права вмешиваться ни в какие дела, не касающиеся до моего поручения, и не смею судить о положении сего края. Только из преданности к вашей особе, как честный человек, я расспрашивал господина генерального писаря о происшествии, случившемся в вашем доме, кото-

рое наделало много шуму в Батуристине и, вероятно, дойдет до царя... По службе моей, я даже не смею и об этом спрашивать!..

Мазепа значительно посмотрел на Орлика и на Войнарковского и отвечал Протасьеву голосом простодушия:

— Я знаю ваше поручение и если открыл пред вами душу мою, то не как пред царским чиновником, но как пред любезным мне человеком, которого я уважаю и почитаю моим искренним приятелем. Открылся я вам по врожденной мне откровенности и простодушию! Что же касается до последнего происшествия, так вот в чем все дело. Палей подкуплен поляками и шведами. Зная мою непоколебимую верность к его царскому величеству, он вознамерился спровадить меня на тот свет изменнически, будучи не в силах погубить клеветою, чрез своих единомышленников в моем войске. Посланный Палеем убийца во всем признался и покаялся — а я, гнушаясь местью и следуя внушению сердца, дал ему свободу. Об этом я буду писать к его царскому величеству, лишь только силы позволят мне взяться за перо. Враги мои, вероят-

но, составят из этого какую-нибудь сказку, к моему же вреду! Бог с ними! Я помышляю не о себе, а о пользе службы его царского величества и о благосостоянии вверенного мне войска. Все прочее предоставляю воле Божией и царской. Но полно о делах! У меня есть до вас просьба. Вы отличный ездок и знаток в лошадях. Сделайте мне одолжение и возьмите себе моего гнедого турецкого жеребца. Я знаю, что он вам нравится, а мне он вовсе не нужен и только напрасно занимает место в конюшне. Мне, дряхлому старцу, уж нельзя ездить на таких конях! Мое время прошло. Вам же этот конь будет пригоден!

Полковник Протасьев смешался. Ему хотелось иметь эту лошадь, но он не смел принять ее в подарок, опасаясь толков и доноса от врагов гетмана при дворе царском.

— Покорно благодарю вас, князь! — сказал он прерывающимся голосом, потупя глаза. — Чувствую в полной мере ваше великодушие, но не могу принять такого дорогого подарка... Всем известно, что вы заплатили за этого жеребца триста червонцев... Это слишком много для приятельского подарка!

Мазепа прервал слова его:

— Полно-те, полно, полковник! Кто вам может запретить принять подарок от приятеля? Ведь вы находитесь здесь без всякого особенного поручения в отношении к моей особе, следовательно, мы можем обходиться между собою как друзья, как независимые друг от друга люди. Лошадь ваша — и ни слова об этом! Она уже в вашей конюшне, и я уверен, что вы не захотите обидеть меня отказом. Уверяю вас, что вы мне оказываете услугу, принимая этот маловажный подарок, потому что мне весьма хочется, чтоб эта лошадь была в хороших руках, у знатока и охотника, когда не может служить мне самому. Прощайте, дорогой приятель! Я чувствую начало моего подагрического припадка. Орлик! Войнаровский! проводите меня в мою спальню! Чечел! подожди в канцелярии моих приказаний! — Не дав полковнику Протасьеву объясниться, Мазепа сделал ему приветствие рукою, встал с кресел и, опираясь на плечи Орлика и Войнаровского, вышел из залы. Протасьев поклонился гетману и вслед ему повторил благодарение за подарок, который

был весьма приятен ему, как страстному охотнику до лошадей. Вышед из залы вместе с Чечелом и проходя чрез комнаты, Протасьев слушал терпеливо преувеличенные похвалы гетману, которого превозносил до небес Чечел, преданный ему искренно. Стража, расставленная на лестнице, расположилась в своем обычном месте, в обширных сенях нижнего яруса, у входа в гетманский дворец и в ближней комнате. Во дворце водворилась прежняя тишина.

Когда Мазепа уселся в своих креслах, он посмотрел весело на своих приверженцев и громко захохотал.

— Хитер москаль, — сказал он, — но и малороссиянин не бит в темя! Протасьев думает, будто мы люди простенькие и не знаем, что он шпион Меншикова и Шереметева, приставленный ко мне, чтобы наблюдать за всеми моими речами и поступками! Меншикову хочется быть гетманом, и он свернул бы шею родному отцу, чтоб сесть на его место. Шереметев поклялся погубить меня за то, что я избавил Малороссию от неспособного и слабодушного гетмана Самойловича, его тестя. Но

у меня есть приятели при царском дворе, и чрез них я знаю вперед все замыслы моих врагов. Трудно им провести меня при всем моем простодушии! Но признаюсь вам откровенно, верные друзья мои, что это положение между жизнью и смертью, между милостию сильных и погибелью наконец мне наскучило. Мореходец и воин имеют время отдыха и безопасности; я же должен бодрствовать беспрерывно, целую жизнь, и днем и ночью, чтоб отклонять козни врагов моих и блюсти милость царя, который одним грозным словом своим может лишить меня, как моего предместника, Самойловича, жизни, чести и имущества! Это грозное слово висит над головою моею, как меч Дамоклеса, на одном волоске, и я должен наконец разорвать этот волосок и обрушить меч — на главу врагов моих и завистников! Сердце разрывается у меня на части, когда я подумаю об вас, друзья мои! Какая участь постигнет тебя, верный мой Орлик, когда врагам моим удастся свергнуть меня с гетманства и разделить Малороссию между русскими вельможами, под управлением великороссийских воевод?

— Я не доживу до этого! — воскликнул Орлик с жаром. — И скорее погибну, нежели дождусь уничтожения нашего войска, вашего несчастья...

— Конечно, лучше, во сто крат лучше погибнуть, чем пережить позор! — отвечал Мазепа. — Но пока мы живы и целы, нам должно помышлять об отвращении угрожающей нам опасности. В голове моей созрела мысль, которая если исполнится, то может избавить нас навсегда от опасностей и страха. Мы потолкуем с тобой об этом на досуге, верный мой Орлик, избранное чадо моего сердца, сладкий плод моей головы! Тебя я воспитал и возвысил для подпоры моей старости и для блага моего отечества и тебе поручу судьбу моего рода и моего отечества! Обнимитесь при мне, дети мои!..

Войнаровский и Орлик бросились в объятия друг другу и потом начали целовать руки гетмана. Они были растроганы и не могли ничего говорить. Слезы навернулись у Войнаровского. Мазепа закрыл платком глаза.

— Жить и умереть для тебя — вот мой обет! — воскликнул Орлик. — Скажи одно

слово — и эта сабля сразит твоего врага, хотя бы он стоял на ступеньках царского престола! С радостью пойду на смерть и мучения, чтоб только доставить спокойствие тебе, моему отцу и благодетелю!

— Поди ближе к сердцу моему, обними меня, мой верный Орлик! — сказал Мазепа. — Я всегда был уверен в тебе и сегодня же дам тебе самое убедительное доказательство моей беспредельной к тебе доверенности. Сегодня ты узнаешь тайну, от которой зависит более нежели жизнь моя!

Разговор пресекся на некоторое время. Мазепа радовался внутренне, что нашел в Орлике готовность содействовать замышленной им измене, но не хотел открываться при Войнаровском, намереваясь воспламенить еще более своего любимца надеждою на наследство. Он хотел уже выслать его, под предлогом своей болезни, но Орлик прервал молчание и сказал:

— Простите моему усердию, ясневельможный гетман, если я осмеливаюсь сделать некоторое замечание насчет вашего ответа Протасьеву о нашем пленнике. Вы изволили

сказать, что он отпущен и сознался в том, что подослан Палеем умертвить вас, а между тем Огневик находится в темнице и еще не допрошен. Я боюсь, что если Протасьев проведаст об этом, то может повредить вам, ясневельможный гетман!

— Не опасайся, я все обдумал, — отвечал Мазепа. — Конечно, я сам той веры, что тайна тогда может называться тайною, когда известна только двум человекам. Но в этом случае некому изменить нам. На моего татарина и на верных казаков моих, Кондаченка и Быевского, которых мы употребим при допросе Огневика, мы можем смело положиться, а иезуит Заленский сам имеет надобность в сохранении тайны. Чем бы ни кончился допрос, сознанием или отрицательством, Огневик, по твоему же рассуждению, Орлик, не должен более видеть свету Божьего; итак, допросив его, мы освободим душу его от земных уз, а после этого сказанное мною Протасьеву об его освобождении будет совершенная правда! Прикажи Чечелу, чтоб он послал разъезды по всем дорогам. Чего ждать доброго от бешеного Палея! Пожалуй, он готов напасть на меня

открытою силой. Да скажи Кенигсеку, чтоб он выкатил все пушки на валы и содержал во круг крепости строгие караулы. Но, пожалуйста, растолкуй Чечелу и Кенигсеку, чтоб они все это делали, как будто для приучения людей к полевой и крепостной службе, не подавая виду, что это делается из опасения и предосторожности. Народ никогда не должен знать, что правитель его опасается чего-нибудь. Ступайте с Богом!

Войнаровский и Орлик вышли, и Мазепа занялся чтением писем, полученных им из России и из Польши.

Прошло две недели, и Огневик томился в цепях, во мраке, поддерживая угасающую жизнь черствым хлебом и полусгнившею водою. Он никого не видал в это время, кроме своего стража, который дважды в сутки отпирал его темницу и подходил к нему с лампадою в руках, чтоб удостовериться, жив ли он. Мазепа медлил приступить к допросу и пытке несчастного, хотя участь его уже была им решена. В первый раз в жизни свирепый и мстительный Мазепа чувствовал жалость к чужому человеку и не постигал, каким обра-

зом чувство сие могло вкрасться в душу его и что удерживало его от истязания явного врага. Гетман только один раз в жизни видел Огневика, но образ его беспрестанно представлялся его воображению и тревожил его сердце. Мазепа, во время мучившей его бессонницы, припоминал себе гордый вид и мужественную осанку Огневика, противуборствующего толпе яростных сердюков, и его открытый, ясный взор, когда, надеясь на слово гетмана, он покорился его воле. Даже звук голоса Огневика имел необыкновенную приятность для Мазепы. «Если б этот человек захотел передаться мне, — думал Мазепа, — я осыпал бы его золотом. Чувствую в нем присутствие великой души, способной на все отважное, отчаянное, а таких-то людей мне теперь и надобно. Иезуит говорит, что обширность ума его равна твердости его характера. Какой бы это был клад для меня! Проклятый Палей! Нет, ты не будешь пользоваться им! Он умрет! Он должен умереть! Но мне жаль его. Сокол не терзает сокола, и львы вместе ходят на добычу. Этот Огневик создан по размеру Мазепы, и оттого-то сердце мое сожалеет его.

Но дело решено! Я должен переломить лучшее орудие Палеево. Смерть Огневику, а перед смертью — пытка!»

Накануне дня, назначенного к пытке, Мазепа был угрюм и скучен. Для рассеяния себя он послал вечером за женщиной, которая некогда пользовалась его любовью и даже после прохлаждения любви умела сохранить его благосклонность. Пример единственный, ибо Мазепа обходился с людьми, как своеправное дитя обходится с игрушками: бросал их или уничтожал, когда они ему были не нужны или немилы.

Только двух страстей не могла обуздать сильная душа Мазепы: властолюбие и женолюбие. Они, от юности до старости его, управляли им самовластно и подчиняли себе и глубокий ум его и коварное сердце. Для достижения цели, предначертанной властолюбием, и для приобретения любви женщины Мазепа жертвовал всем — жизнью, честью, дружбою, благодарностью и сокровищами, собираемыми с усилием, всеми непозволенными средствами. Но властолюбие и женолюбие в душе Мазепы лишены были тех свойств, которые

облагораживают человека, даже в самых заблуждениях страстей. Мазепа искал власти и дорожил ею, как разбойник ищет смертоносного оружия и бережет его, чтоб иметь поверхность над безоружным странником, и любил женский пол, как тигр любит кровь, составляющую лакомую его пищу. Все ощущения души Мазепы основаны были на себялюбии, и потому-то, не обуздываемый ни верою, ни добродетелью, он успевал во всех своих желаниях, при помощи хитрого своего ума и золота. В сорокалетнем возрасте он возвысился на первую степень могущества в своем отечестве и пользовался любовью красавиц, даже будучи в тех летах, когда мужчина не может вселять других чувств, кроме дружбы и уважения. Последняя любовная связь его с дочерью генерального писаря Кочубея и ужасные ее последствия, навлекшие гибель на целый род сего малороссийского чиновника, возбудили негодование во всех благомыслящих людях и ужаснули людей простодушных. В народе носились слухи, что гетман водится с колдуньями и волшебниками и носит при себе талисманы, имеющие силу очаровыв-

вать женщин. Легковерные родители и мужья трепетали за дочерей и за жен своих, боясь волшебства; благоразумные страшились ухищрений сладострастного гетмана. Но люди бессовестные и развратницы пользовались сею слабостью своего повелителя и ценою чести приобретали богатство и почести для себя и для своих родных. Мазепа был непостоянен в любви, и потому все удивлялись, что одна женщина имела к нему доступ и пользовалась его милостью в течение многих лет, невзирая на другие любовные связи гетмана.

Сию любимицу свою Мазепа вывез из Польши во время первого похода и вскоре после того выдал замуж за старого урядника из своих телохранителей, Петрушку Ломтика, которому он велел называться Ломтиковским и произвел его в сотники. Марья Ивановна Ломтиковская обходилась с мужем своим, как со слугою, и только при гостях позволяла ему садиться с собой за стол. Старый казак вовсе не обижался этим и был доволен своею участью, живя в достатке, в особом отделении дома. Ломтиковская хотя уже имела лет под

тридцать, но сохранила всю красоту и всю свежесть юности. Она одевалась богато и любила наряжаться в польское платье, чтоб показывать свои прекрасные, черные, как смоль, волосы, которые замужние малороссийские женщины, по обычаю своему, должны были скрывать под головными уборами, или намешкою. Черты лица ее были правильные. Орлиный нос, небольшие розовые уста, оживленные нежною улыбкою, белые как снег зубы, густой румянец и пламенные черные глаза, окруженные длинными ресницами, составляли вместе самую приятную физиономию. Ломтиковская имела ум хитрый, проницательный, но игривый, и притом веселый нрав. Мазепа любил ее беседу, которая разгоняла его мрачные думы и доставляла рассеяние при важных занятиях. Но привыкнув пользоваться всем для выгод своих, он употреблял ее для шпионства и отпускал ей значительные суммы денег для подкупа слуг войсковых старшин и для заведения приятельских связей с женами нижних чиновников, имеющими доступ к семействам малороссийских вельмож. Гетман верил ей более,

нежели другим своим лазутчикам, думая, что собственная польза должна внушать ей к нему верность. Знатные малороссийские женщины не допускали ее в свое общество, но многие из войсковых старшин, в угодность Мазепе, навещали ее и старались снискать ее благоволение лестью и подарками, употребляя ее иногда, как орудие, для оклеветания врагов своих перед гетманом. Никто не знал ни родственников Ломтиковской, ни настоящего ее происхождения, ни отечества. Она исполняла все наружные обряды греко-российской церкви и ежегодно ездила в Киев говеть и поклоняться мощам святых угодников. Но люди простодушные и легковерные, особенно женщины, основываясь на народных толках, были убеждены, что Ломтиковская занимается волшебством; что она только для обмана христиан исполняет закон, по наружности, и что она ездит в Киев не для богомолья, но для совещания с ведьмами, на Лысой горе.

Ломтиковская за несколько дней перед сим возвратилась из Киева. Она узнала, чрез своих лазутчиков, что в Батурин приехала из Варшавы девица, в сопровождении одной по-

жилой женщины и управителя гетманского, поляка Быстрицкого. Гетман скрывал ее две недели в замке своем, Бахмаче, под Батурином, и перевез в город во время своей болезни. Ломтиковская, при всем усилии своем, не могла проведать, кто такова новоприбывшая красавица, с которою гетман обходится весьма важно, но почтительно и никогда не оставался с нею без свидетелей. Кроме Орлика и двух племянников гетмана, Войнаровского и Трощинского, никто даже не видал ее, и Ломтиковская могла только узнать от слуг, что прибывшая девица необыкновенная красавица и имеет не более осьмнадцати лет от рождения, говорит по-польски и по-малороссийски, исповедует греческую веру и нрава печального, любит уединение и часто плачет. Не ревность, сия мучительная спутница истинной любви, терзала сердце Ломтиковской, но зависть, свойственное женщинам любопытство и наконец страх лишиться милостей и доверенности гетмана тревожили душу ее. Она боялась влияния польки на ум старца, зная ловкость польских женщин и их искусство к овладению сердцем мужчины. Исто-

щив бесполезно все средства пронырливого своего ума к узнанию, кто такова гостья гетмана, Ломтиковская наконец решилась попытаться разведать о ней у самого гетмана, при первом удобном случае. Она знала, что гетман не любит расспросов, и предвидела всю трудность и всю опасность своего предприятия. Тысячи планов вертелись в голове ее, а когда ее позвали к гетману, она еще не избрала ни одного из них.

Немой татарин провел ее чрез задние двери в коридор, ведущий во внутренние комнаты гетмана. Было около десяти часов вечера. Гетман лежал на софе, в своем кабинете, и курил трубку из длинного, драгоценного чубука. На маленьком столике стояли две свечи, несколько скляночек с лекарствами и серебряный поднос с сухими вареньями. Татарин придвинул стул и удалился.

— Здравствуй, Мария! Садись-ка да расскажи мне, что слышно нового в Киеве, — сказал гетман, не переменяя положения.

— Вы бы не узнали Киева, пан гетман! — отвечала Ломтиковская. — Печерская крепость, которую заложил сам царь, выросла

как на дрожжах. А пушек-то сколько, а народу сколько! Царского войска множество, и конного и пешего, да какие все молодцы! Как обрили бороды москалям, да как одели их в цветные короткополые кафтаны, так любо смотреть! Народ бодрый, красивый, веселый, и как станут в строй, так не хуже наших польских и саксонских солдат. Все говорят, что теперь будет худо шведу, если он вздумает вызывать царя на бой...

— Так говорят все дураки, а верят им бабы да храбрецы, которые помогают бабам пряхсть, сидя за печью, — возразил Мазепа с досадою. — Пускай бы противу меня выставили трех таких фельдмаршалов, как Шереметев да Меншиков, хоть бы с двумястами тысяч этих безбородых короткокафтанников... С одним моим казацким войском я бы припомнил им Нарву!.. Пошли бы снова наутек...

— Да в том-то и сила, что у шведа нет такого гетмана, как у царя московского! — сказала Ломтиковская. — Ведь пан гетман один на свете, как солнце!..

— А почем знать, может быть, у шведского короля и есть свой Мазепа, — примолвил гет-

ман с улыбкою. — Дело еще впереди, и песенку еще не разыграли, а только гусли настроили. Сила русская в Киеве, а как швед возьмет Москву, так и Киев ему поклонится!..

— Шведы возьмут Москву! — воскликнула Мария Ивановна. — Да об этом никто и не думает в Киеве!

— Потому, что там ни об чем не думают, а просто двигаются как волы в плуге, под плетью! Чай, воевода киевский, князь Голицын, куда как храбрится! — примолвил насмешливо Мазепа.

— Правда, что он не дремлет. С утра до ночи он на коне, то перед войском, то на крепостных работах; за всем сим смотрит, всем сам занимается и, как говорят, стал даже вмешиваться и в наши войсковые малороссийские дела и знает все, что у нас делается.

— Ого, какой любопытный! А ты знаешь польскую пословицу: что любопытство первая ступень в ад! Если мой приятель Шереметев приказал ему разведывать, что здесь делается, то я боюсь, чтоб он не выдрал ему после усов, когда выйдет на поверку, что сосед мой, киевский воевода, ничего не знал, ни

про что не ведал! Не спозналась ли ты с ним, Мария, и не приманил ли он тебя московскими соболями, чтоб ты шепнула ему иногда, что здесь делается?

— Как вам не стыдно обижать меня, пан гетман! — сказала Ломтиковская с недовольным видом. — Мне и без московских соболей не холодно, по вашей милости, а если б я была уверена, что могу избавить вас от всех ваших врагов и завистников, то с радостью бросилась бы в прорубь, в крещенские морозы!

— Я шучу, Мария! Я знаю, что ты не изменишь мне, если б даже был случай к измене. Но как я веду все дела начисто, служу царю верно и усердно, то не боюсь ни разведов, ни измены, ни козней врагов моих. Ты знаешь, что я человек простодушный, откровенный, и если благоразумие велит мне соблюдать некоторые предосторожности, то это единственно для сбережения друзей моих, которых участь сопряжена с моею безопасностью. — Мазепа, сказав это, посмотрел пристально на Ломтиковскую, чтоб увидеть, какое действие произвела в ней его ложь. Ломтиковская казалась растроганною, закрыла

глаза платком и сказала со вздохом:

— За то и верные слуги ваши готовы за вас в огонь и в воду!

— Ну, а что ж толкуют обо мне в Киеве? — спросил Мазепа с притворным равнодушием.

— Ведь там языки не на привязи, там толков не оберешься, — отвечала Ломтиковская, — я жила в доме Войта Ковнацкого, к которому собираются русские офицеры, полковники и даже адъютанты Голицына и англичанина Гордона. Наслышалась я всякой всячины!

— Да что б такое говорят?

— На что повторять пред вами пустяки! Пользы от этого не будет, а вам будет неприятно...

— Но я непременно знать хочу, что такое ты слыхала про меня! Говори, Мария; я не люблю этого жеманства!

— Я, право, боюсь... Вы нездоровы, можете прогневаться, и это повредит вам!

— Давно бы мне пришлось лечь в могилу, если б злые толки причиняли мне болезнь! Говори смело! Ты знаешь, что я привык к дурным вестям.

— Говорят, будто друг короля шведского, новый король польский, Станислав Лещинский, старается преклонить вас на свою сторону и заставить вас отложиться, с войском, от России...

— Так это новость в Киеве! — возразил Мазепа с улыбкою. — Об этом я сам уведомил царя!

— Сказывают, будто Станислав Лещинский прислал вам богатые подарки...

— Какой вздор! Казна короля Станислава столь же пуста, как голова тех бездельников, которые выдумывают на меня такие вещи. Если б король Станислав был в состоянии дарить, то он послал бы подарки не мне, а царским вельможам, например Меншикову, Шереметеву! Ведь московские паны куда как падки на подарки! А мне что он может подарить? Я едва ли не богаче короля Станислава!

— Говорят, — примолвила Ломтиковская, понизив голос, — что король Станислав прислал к вам с подарками... красавицу... польку... которую смолода обучали, как вести дела политические... — Ломтиковская, закрывая лицо платком, посмотрела исподлобья на

Мазепу. Он быстро поднялся, присел на подушках и, устремив пламенный взор на Ломтиковскую, сказал:

— Как! в Киеве знают о прибытии сюда женщины из Польши! Мария! говори правду... не твоя ли это выдумка?

— Клянусь вам, пан гетман, всем, что есть святого, что я слыхала об этом в Киеве! — возразила она дрожащим голосом. — Даже адъютанты князя Голицына говорили об этом... Но я чувствовала, что мне надобно было молчать!..

— Хорошо! я напишу к Голицыну... Я скажу ему, кто такая эта девица... Пусть он узнает... Пусть узнает сам царь!.. — сказал Мазепа прерывающим от гнева голосом. — Я окружен здесь изменниками, лазутчиками... Но на этот раз они жестоко обманутся... Я их открою!.. О, я открою их... — Мазепа замолчал, снова прилег на подушки и чрез несколько времени, пришед в себя и как бы устыдясь своего гнева, сказал хладнокровно: — Все это пустое! На меня выдумывали не такие вещи и ни в чем не успели. А какая кому нужда до моей домашней жизни? Пусть себе толкуют,

что хотят! Поврут, да и перестанут!

Но хитрая Ломтиковская видела ясно, что равнодушные Мазепы было притворное и что эта весть сильно поразила его и даже заставила, противу обыкновения, разгорячиться. Она решилась продолжать разговор и, приняв также хладнокровный вид, сказала:

— Не равны толки толкам. Один духовный сказывал мне в Киеве, что хотя царь и много уважает вас, но не перенесет равнодушно известия, что у вас находится женщина, подосланная врагами его из Польши. Я боюсь за вас, пан гетман!

— Да какой черт вбил тебе в голову эту мысль, что она подослана ко мне! Эта девица — моя собственность и была моею прежде, нежели королю Станиславу снилось о короне польской! Перестань молоть вздор, Мария!

— Да ведь это говорю не я, пан гетман! Я только пересказываю вам, что говорят в Киеве — и даже здесь... Мне кажется, что, вместо того чтобы объявлять Голицыну или царю, кто такова эта девица, лучше б было, если б вы, пан гетман, сказали об этом верным своим друзьям и слугам — тогда они могли бы

опровергнуть ложь и клевету...

— Целая Малороссия, целая Украина, весь мир узнает, кто такова моя гостья... Да, да, Мария, целая Малороссия и Украина преклонят перед ней колени... Слышишь ли, Мария! Но теперь не время... Через полгода, через год... а не теперь!..

— Я первая упаду ниц перед ней и готова поклоняться ей как божеству! Все друзья ваши, все верные ваши слуги давно уже молят Бога, чтоб вы избрали себе жену по сердцу, чтоб оставили наследника великого имени!.. Благодарю тебя, Боже, что наконец желание мое сбылось!.. — Коварная женщина подняла руки и взоры к небу и притворилась восторженною от радости.

Мазепа пожал плечами, покачал головою и сморщился от досады.

— Побереги свою радость и молитвы на другое время, Мария! — сказал он с язвительной усмешкой. — Скорее я обвенчаюсь с луною, чем с этою девицею! Но более ни слова об этом! Ни одного слова!.. Я приму меры, чтоб потушить клевету в самом ее начале. Спасибо за известие, хотя оно не стоит сло-

манного ешелера. Да скажи-ка мне, не слыжала ли ты чего здесь или в дороге о пойманном в доме моем убийце, подосланном Палеем?

— Я узнала об этом здесь и слыжала, что многие полковники никак не верят тому, что посланец Палеев хотел убить вас. Они думают, что все это выдуманно для того только, чтоб погубить Палея в мнении царя. Могу поручиться вам, что Палей имеет весьма много друзей в войске русском и здесь и что он найдет между старшинами и между простыми казаками много таких, которые поверят ему более, нежели вам. В целой Малороссии и Украине Палея чтут и уважают, как другого Хмельницкого, как народного витязя... И я не раз слыжала, что если б пришлось избрать гетмана вольными голосами, то Палей, верно, был бы гетманом!

— Ну вот потому-то Палей и хочет известить меня, а они для того хотят Палея, чтоб своевольничать безнаказанно! И вот меня же обвиняют! Да что смотреть на вражеские речи! Им я ничем не ужогу... Нас с Палеем рассудит — смерть или... Но я чувствую себя нездоровым; прощай, Мария! Мы потолкуем с то-

бою в другое время, а между тем ты прилежно наблюдай за всеми моими недоброжелателями и старайся открыть, кто из них переписывается с русскими чиновниками. Полковника Протасьева ты опутай кругом паутиной, чтоб муха не добралась к нему без твоего ведома. Я велю Быстрицкому выдать тебе нужные деньги... Прощай, Мария! — гетман захлопал в ладоши и дал знак вошедшему татарину, чтоб он проводил Ломтиковскую. Она вышла в крайней досаде, что не могла ничего узнать о таинственной гостье.

Глава IV

*...А ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь!
Она в твоих когтях...*

А. Пушкин

По наступлении вечера Мазепа с нетерпением ожидал в своем кабинете возвращения иезуита, патера Заленского, которого он послал в темницу к Огневику, чтоб уговорить его к открытию замыслов Палея и к признанию в покушении на жизнь гетмана.

С печальным лицом вошел иезуит в комнату и, сложа руки на груди, не говорил ни слова.

— Ну что ж, признался ли он? — спросил Мазепа, едва переводя дух.

— Он стоит все на одном, что не покушался на жизнь вашу и ничего не знает о намерениях Палея, кроме того, что объявил вам, яснoвельможный гетман!

— Итак, он упорствует... Нечего делать! — сказал Мазепа и, помолчав, примолвил с жаром: — Или я извлеку тайну из души его, или извлеку из него душу!

— Признаюсь вам откровенно, — возразил иезуит, — что мне весьма тяжело было видеть его в таком несчастном положении. Он был моим учеником, и я невольно чувствую к нему некоторую привязанность, а зная нрав его, не думаю, чтоб он был в состоянии лгать и заператься. Страдания его трогают меня, и если он должен умереть...

— Он должен умереть! — воскликнул Мазепа. — Этого потребует безопасность моя и успех нашего великого предприятия. Мне самому жаль его, патер Заленский! Но... что

значит жизнь одного незначительного человека, когда идет дело об участии целых государств, о безопасности правителя народа? Я вижу, что ты грустен, старый друг мой! Садись-ка, патер, да потолкуем!..

Иезуит сел в безмолвии, потупя глаза. Мазепа повертывался беспокойно в своих креслах и, погладив себя по голове, обтер пот с лица и, устремив взор на иезуита, сказал:

— Что такое жизнь, патер Заленский? Мы с тобой дожили до седых волос, прочли множество философских бредней, а знаем об ней столько же, сколько знает грудной младенец. Жизнь есть не сон, не мечта, а какая-то странная сущность, которой все зло в настоящем, а вся прелесть в прошедшем и в будущем, в воспоминаниях и в надеждах. Жизнь была бы даже тогда благо, когда б человек мог, по крайней мере, сохранить по смерти память о своем земном странствии. Но как с жизнью кончатся и земные радости, и земные страдания, и воспоминания и надежды, то и жизнь и смерть есть ничто. Они важны тогда только, когда служат к пользе многих. Судя таким образом, жизнь, право, неболь-

шая потеря для Огневика, а если он мил тебе, то верь мне, что в воспоминании, то есть после своей смерти, он более выиграет, ибо будет тебе милее. Впрочем, если б жизнь его была для нас безвредною, мы оставили бы его в покое; но жизнь его есть искра, которую рука врага нашего, Палея, может произвести гибельный для нас пожар. Итак, мы должны погасить эту искру! Мы, предпринимая теперь новое устройство целых царств, так же мало должны заботиться о жизни одного человека, как зодчий, сооружающий новое здание, мало помышляет о потере одного камня.

— Но этот камень мог бы служить украшением целого здания, если б попал в руки искусного ваятеля, — возразил иезуит. — Я думаю, что нам было бы весьма полезно склонить Огневика на нашу сторону каким бы ни было средством!

— Я уже истощил все средства и не знаю, чем смягчить его!

— Великодушием, — примолвил иезуит. — Насильственные средства не действуют на благородное сердце: оно, как нежное древо, гибнет бесполезно в насильственном жаре

и только влиянием благотворной теплоты солнца производит сладкие плоды.

— Солнце действует, патер Заленский, только на те растения, которые ищут лучей его. Впрочем, шаг сделан, воротиться нельзя!.. — Мазепа, сказав это, отворотился и задумался. Иезуит молчал.

Вдруг вошел Орлик в комнату.

— Все готово! — сказал он.

— Иду! — отвечал Мазепа. — Увольняю тебя от присутствия при допросе, патер Заленский.

Иезуит, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

— Я не верю этой змее, — сказал Мазепа, указав на дверь, в которую вышел иезуит. — Партия Станислава Лещинского ищет повсюду друзей и помощников, и быть может, что в то самое время, как этот иезуит лижется ко мне, сообщники его льстят Палею и обещают ему мою голову в награду за измену. Мне известно, что самый этот Огневик был несколько раз в Варшаве и проживал там тайно, по повелению Палея. Об этом писал ко мне этот же иезуит, за два месяца пред сим. Нет сомне-

ния, что Палей в связях с Польшей, хотя и грабит польские области. Все это мы должны узнать... Пойдем!

— Давно пора кончить это дело, — примолвил Орлик. — Мы напрасно теряем время. Что за важная особа этот запорожский головорез? Аминь ему!

— Мы тотчас кончим, — возразил Мазепа и, засветив фонарь, отдал его Орлику, а сам, опираясь на костыль, пошел в ту самую комнату, где схватили Огневика; велел Орлику поднять опускающую дверь и, держась за него, сошел в подземелье, по тайной лестнице.

Между тем верные сердюки гетманские, Кондаченко и Бьевский, расковывали Огневика, который, предчувствуя, что его ведут на казнь, радовался близкому окончанию страданий, предпочитая смерть вечному заключению в темнице. Невольно подумал он о жизни, и прошлые радости и будущие надежды отозвались в душе его, как отдаленные звуки мелодии в ночной тишине. Он забылся на минуту и тяжело вздохнул. Кровь в нем взволновалась, быстро пролилась по всем жилам и скопилась к сердцу: оно сжалось, и холод с

дрождью пробежал по всему телу.

Кондаченко, который, стоя на коленях, поддерживал ногу Огневика (между тем как Быевский развинчивал оковы), почувствовал, что узник затрепетал.

— Что, брат, струсил! — сказал насмешливо Кондаченко, посмотрев в лицо Огневику.

— Молчи, палач, и делай свое дело! — возразил Огневик грозным голосом.

— Палач! Я палач? Ах ты разбойник, бесов сын! — воскликнул Кондаченко в бешенстве и уставил кулаки, готовясь ударить пленника. Быевский удержал за руку своего товарища.

— Перестань! — сказал он. — Пусть черт дерется с мертвецами. Он почти уж в могиле!

— Постой, проклятая палеевская собака! Ты у меня завоюешь другим голосом! — завопил Кондаченко и так сильно дернул за ногу сидевшего на соломе пленника, что тот упал навзничь.

— Расковывай скорее, что ли! — примолвил Кондаченко Быевскому. — Пора молодца на пляску!

Медленно привстал Огневик. Ничто не

оскорбляет столько благородной души, как уничтожение в несчастье. Не будучи в состоянии отомстить за обиду, он посмотрел с негодованием на дерзкого и сказал ему:

— Презренная тварь! И дикие звери не ругаются над добычей, готовясь растерзать ее, а ты...

— Полно толковать! — вскричал озлобленный Кондаченко. — Вставай и ступай на расправу! — Огневик не мог подняться на ноги. Сердюки пособили ему привстать и, связав назад руки, повели его из темницы. Тюремщик шел впереди с фонарем. Несчастный пленник, лежавший около двух недель без всякого движения, почти без пищи, в стесненном воздухе, едва мог передвигать ноги от слабости. Быевский поддерживал его. Пройдя длинный коридор, они вошли в погреб, которого дверь была не заперта. Провожатые позволили Огневику присесть на отрубке дерева, и он, бросив взор кругом подземелья, догадался, какая участь его ожидает.

В одном углу стоял стол, покрытый черным сукном. На столе находились бумаги, письменный прибор, огромная книга в бар-

хатном переплете с серебряными углами и застежками, вероятно Евангелие. Между двумя свечами стояло распятие из слоновой кости. Возле стола стояли двое кресел. В своде погребка вделаны были большие железные кольца. На середине стоял узкий стол, нагнутый к одному концу, а на четырех углах вбиты были также железные кольца, при которых висели сыромятные ремни. В другом углу погребка сидел немой татарин и раздувал огонь в жаровне. Голубоватое пламя освещало смуглое, лоснящееся лицо татарина, который, смотря со злобною улыбкой на узника, выказывал ряды белых зубов, как будто готовясь растерзать его. Татарин встал, взвалил на плечи тяжелый кожаный мешок, приблизился к Огневику и высыпал перед ним страшные орудия пытки: клещи, молотки, пилы, гвозди... Сталь зазвучала на каменном полу, и в то же время раздался под сводами глухой, пронзительный хохот немого татарина. Эти адские звуки проникли до сердца несчастной жертвы. Огневик невольно содрогнулся.

Вдруг дверь настежь растворилась. Вошли Мазепа и Орлик. Мазепа остановился, окинул

взором Огневика и медленными шагами приблизился к креслам, сел и, облокотясь на свой костыль, продолжал пристально смотреть на узника. Орлик уселся за столом и стал разбирать бумаги. Татарин примкнул двери и присел по-прежнему возле жаровни. Огневик не трогался с места и, взглянув мельком на гетмана, потупил глаза.

— Ты сам причиною своего несчастья, — сказал Мазепа Огневику смягченным голосом. — Я предлагал тебе дружбу мою и мои милости взамен твоей откровенности, но ты упорствуешь, и я принужден прибегнуть к последним средствам. Терпенье мое истощилось, и если теперь ты не признаешься во всем и не будешь отвечать удовлетворительно на вопросы, то кончишь жизнь в жесточайших мучениях. Если ты христианин и хранишь в сердце веру отцов своих, то подумай, какой грех берешь на душу свою, лишая себя добровольно дарованной тебе Богом жизни, упорствуя во лжи и в обмане! Если ложный стыд удерживает тебя, то я поклянусь тебе на Евангелии, что сознание твое останется навсегда тайною и что я не предприиму никаких

мер противу Палея, чтоб сделать сие дело гласным. Выскажи правду и ступай себе с Богом, куда заблагорассудишь, если не пожелаешь остаться при мне! Ни с одним из врагов моих не поступал я столь человеколюбиво... Ты возбудил во мне участие... Страшишь превратить это чувство в месть! — Мазепа замолчал и, не ожидая ответа Огневика, обратился к Орлику, примолвил:

— Делай свое дело!

— Мне не для чего повторять тебе, в чем ты обвинен, — сказал Орлик Огневику, — товарищ твой, Иванчук, захваченный в одну ночь с тобой, во всем признался. Он подтвердил присягою свое показание, что изменник Палей, полковник Хвастовский, присвоивающий себе звание гетмана и не признающий власти законной, выслал вас сюда, чтоб умертвить ясновельможного нашего гетмана, произвести мятеж в войске малороссийском и заставить своих клеветов избрать себя в гетманы. Ты видишь, что нам все известно, итак, воспользуйся милостью ясновельможного гетмана, сознайся, и дело будет кончено.

— Вельможный писарь войсковой! — отве-

чал Огневик. — Иванчук не мог признаться тебе в том, чего не бывало. Если б Палей имел какие злые замыслы, то скажу, не хвалясь, он бы скорее открылся мне, нежели Иванчуку, однако ж я ничего не знаю о том, что ты говоришь. Сведи меня на очную ставку с Иванчуком: пусть он уличит меня.

— Это вовсе не нужно, — возразил Орлик. — Ты сам уличил себя, вошед в дом ясневельможного гетмана вооруженный, ночью порою, и стараясь силою пробиться сквозь стражу. Ты весьма обманываешься, почитая нас столь глупыми, чтоб мы могли поверить сказке, выдуманной тобою в свое оправдание. Итак, говори правду... или прочти последнюю молитву, и... Огневик быстро привстал, как будто чувствуя возрождение сил своих. Лицо его покрылось слабым румянцем, в глазах отразилось пламя, вспыхнувшее в душе его.

— Слушай, гетман, последние слова мои! Не хочу предстать пред судом Божиим с ложью на сердце и скажу тебе правду.

Гетман поднял голову, Орлик встал с своего места, и Огневик продолжал:

— Я вошел в дом твой с умыслом. Скажу

более: для исполнения сего умысла я нарочно напросился у Палея, чтоб он выслал меня в Батурын, вместо назначенного в посланцы священника Никифора. Но ни Палей, ни Иванчук и никто в мире, кроме меня и еще одного лица, не знают причины, для которой я хотел проникнуть в дом твой. Это собственная моя тайна, и она не касается ни до тебя, гетман, ни до Палея, ни до войска малороссийского. Я не имел намерения убить тебя, гетман, и даже не помышлял о тебе, входя в дом твой. Что же касается до замыслов Палея, то я знаю, что это одни только догадки твоего тревожливого ума, потому что Палей не имеет других намерений, как искренно помириться с тобою, для пользы службы его царского величества. Вот святая истина: теперь делай со мною что хочешь!..

— Ты должен непременно сказать, зачем вошел в дом мой ночью, — сказал Мазепа. — В противном случае то, что ты называешь правдивым сознанием, еще более навлекает на тебя подозрение в злом уме. Говори!..

— Это моя тайна, — отвечал Огневик, — и если б ты мог превратить в жизнь каждую

каплю моей крови и каждую из сих жизней исторгал веками мучений, то и тогда не узнаешь ничего. Вот я безоружный перед тобой!.. Режь меня на части... тайна моя ляжет со мной в могилу!..

— Заставь его говорить, Орлик! — сказал хладнокровно Мазепа, сложил руки крестом на костыле и, опершись на него подбородком, потупил глаза.

— На встряску его! — сказал грозно Орлик. Клевреты гетмана потащили Огневика на середину погреба, сорвали с него одежду и обнажили до пояса. После того повалили его на пол, привязали руки к железному кольцу, а ноги к двум деревянным толстым отрубкам, продели веревку от кольца, к которому привязаны были руки страдальца, в кольцо, прибитое к потолку, и ожидали дальнейшего приказания.

— Скажешь ли правду? — возопил Орлик, бросив гневный взор на страдальца.

— Я все сказал вам что знаю и что мог высказать, — отвечал Огневик, — и вы ничего не услышите более от меня, кроме проклятия вам, изверги!..

— Поднимай! — закричал Орлик, ударив кулаком по столу. Два дюжих сердюка и татарин ухватились за конец веревки и стали тянуть медленно до тех пор, пока страдалец не поднялся на руках до того, что чурбаны, привязанные к ногам, чуть дотрагивались до полу. Тогда удвоив усилия, они, по условленному знаку, дернули вдруг за веревку. Все члены страдальца хрустнули в суставах, и он повис на руках. Положение его было ужасное. Все жилы вытянулись в нем до такой степени, что едва не полопались. Истощенные силы несчастного узника не могли выдержать сего внезапного напряжения. Сперва лицо его покраснело, и вдруг он побледнел как труп, глаза его закатились, голова перевалилась назад, и кровь хлынула изо рта и из носа... он лишился чувств.

Мазепа сидел во все это время в безмолвии, потупя глаза, и, казалось, ожидал воплей страдальца, чтоб возобновить вопросы. Но не слыша никакого звука, он поднял голову и, увидев Огневика, без чувств облитого кровью, оборотился к Орлику и сказал поллатыни, хладнокровно:

— Видишь ли, что наш доктор прав! Он сказал, что гораздо лучше пытаться человека сильного и здорового, нежели истощенного, уверяя, что чем человек здоровее, тем более может выдержать мучений, и притом тем сильнее чувствует боль. Вот тебе наука, Орлик! Ну что теперь нам с ним делать?

— Я не переменяю моего мнения, ясневельможный гетман! — отвечал Орлик также по-латыни. — Мне кажется, что лучше всего будет, если мы избавимся от него поскорее. Велите придавить его, да и в землю!

— Для этого не стоило бы и начинать дела, — возразил Мазепа. — Нет, я непременно хочу, во что бы то ни стало извлечь из него эту тайну. Тут должно крыться что-нибудь весьма важное! Одно средство не удалось, пробуем другое. Вылечим его, выкормим, заставим полюбить приятности жизни — и тогда снова в пытку... Снимайте его! — примолвил он по-русски.

Истязатели опустили веревки, и несчастный упал, как труп, на землю. Мазепа встал с кресел, приблизился к нему, положил руку свою на его сердце и сказал:

— Он жив еще. Развяжите ему руки и ноги, а ты, Кондаченко, подай воды и уксусу...

Вдруг в коридоре послышались быстрые шаги, дверь с треском отворилась, и в погреб вбежала опрометью женщина. Она остановилась, вскрикнула, бросилась стремглав к Огневику и, припав к нему, обняла его и, прижавшись лицом к его лицу, оставалась неподвижно в сем положении, не вымолвив слова, не взглянув на сторону. Только по сильному волнению груди и по тяжкому дыханию приметна была в ней жизнь.

Мазепа стоял над трупом, как громом пораженный. Смертная бледность покрыла лицо его, костыль дрожал в руке, и он смотрел на молодую женщину диким взором, в котором попеременно изображались то злоба, то сострадание. Наконец он оборотился к Орлику, посмотрел на него значительно, покачал головою и горько улыбнулся дрожащими устами. Орлик пожал плечами и молчал.

— Тайна открыта, Орлик! — сказал Мазепа. — Но пытку суждено выдержать мне! Никакие мучения не сравнятся с тем, что я чувствую теперь в душе моей!.. В ней целый ад!..

Наталия!.. Наталия!.. Опомнись! — примолвил он тихим, прерывающимся голосом.

Молодая женщина, казалось, не слышала слов его и не переменяла своего положения.

— Наталия! — сказал гетман ласково. — Отойди от него, дай нам помочь ему... Ты убьешь его, если не допустишь нас помочь ему.

Молодая женщина подняла голову, осмотрелась кругом и, уставив блуждающий взор на Мазепу, сказала тихо:

— Ты убил его... Ты убил моего жениха!..

— Твоего жениха! — воскликнул Мазепа. — Орлик, слышишь ли! — примолвил он голосом отчаяния.

Молодая женщина быстро приподнялась; бледное лицо ее покрылось пламенным румянцем; она одной рукой держала бесчувственную руку Огневика, а другой вынула нож из-за пазухи и сказала тихим, но твердым и спокойным голосом:

— Гетман! Эта кровь погасила в душе моей все прежние чувства к тебе и искупила долг мой. Теперь я свободна и не признаю твоей власти надо мною! Ты призрел меня, сироту,

заступал место отца, воспитал, хотя в чужой стороне, но с родительским попечением, и я ежедневно молилась за тебя как за моего благодетеля. Одним ударом ты разрушил свое создание и убил того, кого я любила более жизни, более счастья, ты произнес мой смертный приговор... Ты любишь кровь... насладись кровью!.. — При сих словах она замахнулась на себя ножом; но Кондаченко, стоявший рядом с нею, схватил ее за руку и вырвал нож.

— Наталия! ради бога успокойся! — воскликнул Мазепа в отчаянье. — Этот человек не убит, он жив... он будет жить!.. Помогите ему! — примолвил он. — Орлик, помоги ему! Бегите за доктором! О, я несчастный! — Мазепа подошел к Наталье, взял ее за руки своими дрожащими руками и, смотря на нее с нежностью, наблюдал все ее движения. Между тем Орлик послал за доктором тюремщика, стоявшего за дверьми, и велел оттирать Огневика уксусом и спиртами, которые принесены были прежде, как принадлежности пытки.

Наталия стояла неподвижно; глаза ее были красны, но в них не видно было слез, и в чертах лица ее заметно было какое-то отчаянное

хладнокровие. Она пристально смотрела на бесчувственного Огневика и не отвечала Мазепе.

Вдруг Огневик открыл глаза и вздохнул. Наталия мгновенно вырвалась из рук Мазепы, бросилась снова к Огневику, стала пред ним на колени, взяла его за руки и с трепетом смотрела ему в лицо, как будто желая уловить первый взгляд его.

— Богдан, милый Богдан! — сказала она нежно. — Взгляни на меня! Это я... твоя Наталия! Они не убьют тебя!..

Этот голос проник до сердца Огневика и возбудил нем угасающую жизнь. Он пришел в чувство и, устремив взор на Наталью, пожал ей руку.

— Теперь смерть будет мне сладка, — сказал он слабым голосом, — я видел тебя... Пусть они убьют меня... Смерть лучше разлучки!..

— Они не разлучат нас, — сказала Наталия, — мы умрем вместе, если не можем жить друг без друга. Богдан! с этой минуты мы неразлучны!..

Каждое нежное слово, каждая ласка Ната-

льи, обращаемые к Огневику, уязвляли сердце Мазепы. Он молчал и смотрел на любовников, как смотрит змей из железной клетки на недосягаемую добычу. Страшно было взглянуть на гетмана! Посинелые губы его и навислые брови судорожно шевелились; на бледном лице мгновенно показывался румянец и снова исчезал; глаза пылали. Между тем пришел Патер Заленский со склянками и перевязками и, не говоря ни слова, стал натирать и перевязывать Огневика.

— Наталья! — сказал наконец Мазепа. — Тебе неприлично быть здесь. Ступай в свои комнаты, я велю перенести твоего друга в верхнее жилье, и ты сама станешь ухаживать за ним.

Наталья оглянулась и смотрела на Мазепу с удивлением, как будто не доверяя своему слуху.

— Ты позволишь мне ухаживать за ним? Ты не запрешь его в темницу? О мой благодетель, мой отец! — воскликнула она и бросилась к ногам гетмана.

Мазепа поднял ее, поцеловал в голову и сказал нежно:

— Не обвиняй меня в жестокости противу него, Наталья! Я почитал его врагом моим, убийцею и должен был употребить обыкновенные судебные меры для исследования истины. Бог свидетель, что я с горестью в сердце исполнял сей тяжкий долг судьи! Но теперь, когда я знаю, зачем он вошел скрытно в дом мой; когда я вижу, что ты любишь его... он более не враг мой! Напротив, он мне столь же дорог, как собственное детище. Наталья! Счастье твое есть мое собственное благополучие, и я всем готов жертвовать, чтоб осушить твои слезы. Ты худо знаешь меня, Наталия, если думаешь, что я стану противиться твоему счастью, будучи убежден, что оно состоит в любви, в союзе с ним! Я человек простодушный и откровенный в дружбе и во вражде. Верь мне и успокойся! С этой поры он поступает в семью мою!..

Наталья рыдала и, улыбаясь сквозь слезы, целовала руки Мазепы, обнимала его колени, была вне себя от радости.

— Отнесите его бережно в мои комнаты, — сказал гетман Кондаченке, и он с Быевским и татаринном понесли больного на плаще. Ната-

лия шла рядом, поддерживая его голову.

Во все это время Орлик не трогался с места и стоял как окаменелый. Он знал, кто такова Наталия; знал, с каким намерением гетман велел привезти ее из Варшавы, и потому думал, что, открыв любовную связь ее с человеком, которого он почитал не более как разбойником из мятежной шайки Палея, гетман без отлагательства, своеручно убьет дерзкого обольстителя. Непостижимая слабость характера, оказанная Мазепою в сию решительную минуту, удивляла Орлика, и он едва верил собственным чувствам. Но один взгляд Мазепы вывел его из недоуменья. Когда вынесли Огневика из погреба и когда Наталия удалась, Мазепа обратился к Орлику, взглянул на него весело и простодушно улыбнулся. Орлик совершенно знал Мазепу: это была улыбка торжества и самодовольствия, и потому Орлик догадался, что Мазепа составил какой-нибудь замысел, которого успех верен и ответствен его пользе. Орлик успокоился.

— Поддай мне руку, верный мой Орлик! — сказал Мазепа. — И проводи меня в мою светлицу. Мне нужно успокоение. А ты, почтен-

ный друг мой! — примолвил он, обращаясь к иезуиту. — Приложи попечение о здоровье твоего прежнего ученика. Жизнь его мне драгоценна. Клянусь тебе, что она мне драгоценнее, чем смерть десятерых врагов. Прошу тебя также, успокой Наталию и уверь ее, что я не стану противиться их любви... Завтра мы поговорим об этом подробнее.

Вошед в свою почивальню, Мазепа послал немедленно татарина за Марьей Ивановной Ломтиковской и остался наедине с Орликом.

Мазепа бросился на софу, вздохнул и, показав головою, сказал:

— Ну что ты думаешь об этом, Орлик?

— Все, что я видел и слышал, кажется мне непонятным, непостижимым, чудесным!

— А мне все это кажется простым и весьма обыкновенным, — возразил Мазепа. — Ты знаешь, что Палей несколько раз посылал Огневика в Варшаву. Молодой человек мог встретиться там с Наталией, влюбился и снискал ее любовь. Узнав, что она здесь, он хотел повидаться с нею, а может быть, и похитить ее из моего дома. Все это весьма просто и естественно. Что он не признался в ис-

тинной причине своего ночного посещения — это весьма похвально, а что Наталия скрывала до последней минуты свою любовь и не пришла просить у меня прощения для своего любовника, это также весьма разумно, ибо, вероятно, она надеялась освободить его из темницы и, весьма основательно, не полагалась на мое снисхождение. Но каким образом Наталия узнала о времени пытки? Как она попала в подземелье?.. Вот это загадка, которую мы должны разгадать. Если эту шутку не состряпал наш проклятый иезуит, то очевидно, что между моими людьми есть изменники, которых надобно извести, как ядовитых гадин. Время все откроет! Только надобно терпенье, а твой единственный порок, Орлик, нетерпеливость! Ты не можешь представить себе, сколько мне стоило труда преодолеть справедливый мой гнев и негодование!.. Сердце мое чуть не лопнуло от внутренней борьбы. Но я победил себя и эту победу над собою восторжествую над моими врагами! Какая была бы польза, если б я вспыхнул, разгорячился... даже убил Огневику? В глазах Наталии я был бы чудовищем;

хотя бы она и забыла со временем Огневика, но всегда бы ненавидела меня, его убийцу. Пусть он умрет естественною смертью...

— Понимаю! — подхватил Орлик. — Порошок или пилюли сделают свое дело. Конечно, это лучше!..

— Это совсем не лучше, и ты не понимаешь меня, Орлик, — примолвил Мазепа. — Я хотел сказать, что, когда он умрет естественною смертью, тогда Наталия простит мне, ибо я пытал его как врага, не зная о ее любви к нему. Но мне не нужна смерть его. Напротив, я дал бы год собственной жизни за его исцеление.

— Признаюсь, что я вовсе не понимаю ничего! — сказал Орлик, склонив голову и размахнув руками.

— Поймешь, если я скажу тебе, что Огневик будет примирителем моим с Палеем.

— Неужели вы, ясневельможный гетман, искренно желаете примирения с Палеем и верите в его искренность?

— Верю или нет, это мое дело; но мне надобно помириться с ним; необходимо нужно, чтоб Палей верил моей искренности, и никто

лучше не убедит его в этом, как воспитанник его и первый любимец, Огневик. Его же весьма легко убедить теперь в чем угодно, потому что никто так не расположен всему верить, как влюбленные, особенно когда от его верования зависит успех их любви. Скажу тебе одним словом, что Огневик есть теперь главное веретено в моей политической машине и мы должны беречь и лелеять его как зеницу ока! Прошу тебя, верный мой Орлик, наблюдай сам за его исцелением и прикажи, чтоб скрывали от всех пребывание его в моем доме. Навещай его, приобретай его доверенность и дружбу твоими ласками... Прошу тебя об этом... Преодолей себя! Все это необходимо нужно к моему и твоему счастью. Но вот и Мария! Ступай с Богом, Орлик, до завтра!

— Что новенького, Мария? садись-ка да по-расскажи мне, — сказал гетман.

— Кажется, что новости мои вам неприятны, ясневельможный гетман, итак, мне лучше молчать, потому что я не умею, подобно другим, лгать пред вами.

— Ого! Да ты не на шутку сердисься, Мария! Когда же я гневался на тебя за твои ве-

сти! Я гневался на тех, которые говорят про меня вздор, а не на тебя. Как друг твой, я не скрывал перед тобой чувств моих. Я имею к тебе полную доверенность, Мария, ибо убежден, что ты предана мне искренно.

Ломтиковская тотчас догадалась, что гетман имеет нужду в ее помощи в каком-нибудь важном деле. Она вознамерилась воспользоваться сим случаем к удовлетворению своего любопытства и корыстолюбия.

— Вы шутите, ясневельможный гетман, говоря, что имеете ко мне полную доверенность, — отвечала она с притворною досадой. — Передо мною сокрыто то, что знают даже ваши домашние прислужники!.. Гетман громко засмеялся.

— О женщины, отродие Евино! — сказал он, смеясь. — Тебя все мучит эта варшавская красавица, не правда ли? Тебе хотелось бы знать, какова она, как одевается, как ходит, как говорит!.. Изволь, милая, я доставлю тебе удовольствие быть с нею по целым суткам... Слышишь ли?

Мария смотрела Мазепе в лицо, не веря словам его и думая, что он шутит над нею.

Вдруг Мазепа принял важный вид.

— Ты сказывала мне, — примолвил он, — будто в войске и даже в Киеве толкуют, что эта девица моя любовница, моя невеста, присланная ко мне из Польши, для уловления меня в сети измены своею необыкновенною хитростью. Увидишь, Мария, как справедливы народные толки и как мудры догадки людей, почитающих себя умными и дальновидными! Правда, эта девица имеет жениха, но этот счастливец — не я, а тот самый запорожский удалец, о котором говорили, что он хотел убить меня. Он здесь, болен, и пока выздоровеет, ты должна быть при нем, ухаживать за ним, как бы ты ухаживала за мною, а между тем наблюдать, чтобы эта варшавская девица, его невеста, которая будет навещать его, не оставалась с ним наедине. Влюбленные не думают о приличиях, о клевете, и чем они безвиннее, тем скорее подают повод к злословию. Я не доверяю польской воспитательнице этой девицы и имею на то мои причины. Тебе поручаю я важное звание надзирательницы с условием, чтоб ты не беспокоила ни девицы, ни ее жениха своими распро-

сами и скрывала пред всеми, что посланец Палея скрыт в моем доме. Вообще, ты должна хранить в глубокой тайне все, что ты узнаешь, все, что услышишь и увидишь. За преступление сего приказания — смерть! Слышишь ли — смерть! Ты знаешь меня, Мария; я человек добродушный и простосердечный, почитаю величайшим наслаждением награждать верных исполнителей моей воли и неумолим в праведном наказании — как самая судьба!

— Вы напрасно, ясновельможный гетман, огорчаете себя, припоминая об изменниках, о непослушных, о казнях!.. Все это до меня не касается... Жизнь моя посвящена вам, и я готова была бы наперед выколоть себе глаза и отрезать язык, если б не надеялась, что они будут послушны моей воле, то есть вашей воле. — Ломтиковская едва могла скрыть радость, возбужденную в ней повелением гетмана, достигнув до того, чего так пламенно желала.

— Я верю тебе, Мария, — сказал гетман с видом простодушия, — но любя тебя искренно, должен предостеречь, что сто глаз и сто

ушей будут наблюдать за всеми твоими поступками и подслушивать... даже мысли твои! Ты знаешь хорошо Орлика!

Ломтиковская наморщилась.

— Его личные выгоды сопряжены с сохранением сей тайны, и если он откроет какую-либо нескромность... то ты погибнешь прежде, чем я узнаю об этом! Берегись, Мария!

— Пусть сам черт или чертов брат, Орлик, смотрит во сто своих глаз и слушает своей сотней ушей... Надеюсь, однако ж, что найдется хоть один праведный язык, который донесет вам о моей верности.

— Я слышал, что муж твой хотел взять в арендное содержание Чигиринскую мельницу, — сказал гетман. — Я отдаю ее тебе в трехлетний срок, без платежа откупных денег.

Ломтиковская поцеловала руку гетмана.

— Прощай, Мария! — примолвил он. — Завтра переселись ко мне в дом и разгласи в городе, что ты призвана ухаживать за мною, в моей тяжелой болезни. До времени я не хочу показываться войску.

Ломтиковская вышла, и Мазепа захлопал в

ладоши. Вошел немой татарин, раздеть и уложить в постель гетмана. Татарин был угрюм и грустен. Он похож был на волка, который уже ощущал на языке теплую кровь добычи и лишился ее от внезапного нападения охотничьих псов.

Мазепа не нашел сна на мягком ложе. Сильные страсти и исполинские замыслы породили в нем мысли и желания, которые беспрестанно росли, созревали и тем более терзали его наедине, чем сильнее он старался скрывать их пред людьми. Тщетно он закрывал глаза и хотел забыться. Каждая капля крови перекатывалась чрез сердце его, как холодный и тяжелый свинец. Мазепа, до восхождения солнца, переворачивался в постели, вздыхал, охал и, наконец, выбившись из сил, заснул, чтобы снова мучиться в сновидениях.

Глава V

*Ой, на горе да женьци жнут,
А под пид горою
По пид зеленою
Казаки йдут.*

Малор. песня

Необозримая долина, покрытая высокою, густою травою, оканчивалась холмами, между коими поднимался туман, разгоняемый лучами восходящего солнца. После дождливой и бурной ночи настало тихое и теплое утро. По степи, без дороги, тянулась ватага украинских казаков. Впереди ехал на вороном турецком жеребце воин высокого роста, сухощавый, бледный. Седые усы его ниспадали на грудь. Бритая голова покрыта была низкою шапкой с голубым бархатным верхом и с собольим околышком, а из-под шапки, надетой набекрень, висел клоч белых, как лунь, волос, или чуприна. Он был в синем суконном кунтуше, с прорезными и закидными рукавами, подбитом светло-голубою шелковою тканью, в красных бархатных шароварах и в

желтых сафьяных сапогах. За столом персидским кушаком заткнут был турецкий кинжал; чрез плечо, на красных шелковых шнурах висела кривая турецкая сабля в золотых ножнах. Турецкое, окованное серебром, седло покрыто было бархатным чапраком с золотою бахромой. На коне был ронтик с серебром и сердаликами. Воин держал в зубах короткую трубку и сквозь дым, пробивающийся чрез густые усы, вперял взор вдаль. Лицо его было угрюмое и суровое, нос длинный, орлиный, губы тонкие, а большие черные глаза светились из-под седых, навислых бровей, как звезды. За ним ехал казак в синем кобеньяке Род шинели., насунув видлогу Капюшон. на малую шапку из черной овчины, и держал в руке аркан, которого другой конец зацеплен был за шею жида, ехавшего без седла, с связанными назад руками, на тощей кляче. Бедный жид был в одном полукафтанье, без шапки, с открытою грудью, босиком. Ветер развевал длинные его волосы и осушал слезы, которые оставили светлые следы на грязном и бледном его лице. Другой казак вел одну заводную и одну вьючную лошадь. В некотором

отдалении ехали рядом два воина, одетые также в короткие суконные кунтуши синего цвета и в голубых бархатных шапках. Наряд их был простой, и только в оружии и в конской сбруе видно было золото и серебро. Один из них был уже в пожилых летах, а другой молод и красив, с гордым взглядом, с богатырскою хваткой. За ними ехали в беспорядке, но в тишине казаки, по одному, по два и по нескольку вместе. Некоторые были в кобеняках, а другие сняли кобеняки и перевесили их чрез седло. Наряд простых казаков состоял из синей куртки с нашивными на груди карманами, для хранения зарядов, и из широких холстинных шаровар, также с нашивными карманами по обеим сторонам, в которых были пистолеты. Все казаки имели одинаковые низкие шапки из черной овчины с голубым верхом и светло-голубые шерстяные кушаки. У каждого была сабля при бедре, за плечом ружье, обернутое в овчину, и в руке длинная пика. Чрез плечо на ремне висела нагайка. С тылу чрез седло перевален был мешок с съестными припасами и кормом, а наперед была баклага с водою и аркан, свернутый в

кольцо. Всех казаков было человек двести, и между ними не было ни одного молодого. Почти у каждого седина пробивалась в усах и в чуприне.

Ватага повернула к оврагу, поросшему кустарниками, чрез который проходила дорога, извиваясь змейкой по степи. Лишь только передовой, богатоубранный воин въехал на дорогу, на повороте, за кустами, послышался скрип телеги и голос погонщика волов. Ватага продолжала шествие свое. Вскоре телега, запряженная парюю волов, показалась из-за поворота. Украинский поселянин, в свитке, в шапке, слез с воза, поворотил телегу на сторону, остановил волов, и, когда передовой воин поравнялся с ним, поселянин снял шапку и поклонился ему в пояс.

— Здорово, хлопче! — сказал передовой воин.

Мужик поднял глаза и, как будто пораженный блеском убранства воина, еще ниже поклонился, примолвив:

— Здоров будь, пане! — Потом, взглянув простодушно на воина, выпучил глаза, разинул рот и, осмотрев его с головы до пят, спро-

сил: — А куда едете, панове?

— *Куколь с пшеницы выбирать; жидов и ляхов резать!* — отвечал хладнокровно передовой воин.

Жид вздрогнул, как будто его кто уколол под бок, сделал жалостную гримасу, но не смел пикнуть, страшась казачьих нагаек.

— Помогай Бог! — отвечал простодушно мужик.

— А далеко ли до Днепра? — спросил передовой казак.

— Для проклятого ляха или для поганого жида была бы миля, а для тебя, пане, скажу только — на один воловий рык, — отвечал мужик.

Передовой воин улыбнулся, вынул из кармана талер и бросил мужику, который не спускал глаз с воина и даже не наклонился, чтоб поднять талер.

— Возьми деньги и пей за наше здоровье! — сказал передовой воин.

— Мы и за свои гроши пьем за твое здоровье, пане, коли ляхи да жиды не подсматривают за нами да не подслушают, — отвечал мужик.

— А разве ты знаешь меня? — спросил воин.

— Как нам не знать батьку нашего, пана Палея! — отвечал мужик, снова поклонись в землю.

Это был в самом деле знаменитый вождь Украинской вольницы, Семен Палей, гроза татар и поляков, бич жидов и жестоких помещиков, ужа Мазепы, идол угнетенного народа в польской Украине, любимец войска малороссийского и Запорожского. Казаки и крестьяне не называли иначе Палея, как батькой, и это нежное, сердечное наименование употребляли всегда, говоря с ним и про него. Палей гордился этим прозванием более, нежели титулом ясневельможного, которым величали его паны польские и даже сам король; а с тех пор, как отложился от Польши и объявил себя подданным царя русского, он истребил в своей вольнице все прежние польские обыкновения, удержал только наряд польский, который носили тогда все знатные украинцы и чиновники царского войска малороссийского.

Палей бросил мужику другой талер и спро-

сил:

— Не слыхал ли про польских жовнеров или не собирается ли где шляхта?

— Не знаю, татар ли, москалей или тебя, батя, боятся ляхи, а только они крепко зашевелились, как овцы перед стрижкой. Отовсюду гонят подводды да свозят всякий запас в Житомир. Слышно, что паны наши да экономы, трясца их матери! берут за то гроши, а нам велят давать хлеб и волов даром! Вот и к нашему пану наехало ляхов тьма-тьмущая. Сами ляхи — бис бив бы их батьку! — пируют на панском дворе, а коней своих да ляшенков расставили по селам да велят объедать, нас, бедных! Ты знаешь, батя, что ныне у нас завелось два короля, и наш пан держит за новым королем, так и собирает у себя ляхов, чтоб идти на старого короля. Брат мой, надворный казак В прежнее время украинские паны выбирали из своих крестьян годных на службу людей, вооружали и одевали их по-казацки и употребляли для защиты своих поместий. Даже до нашего времени сохранился сей обычай. Но в наше время надворных казаков вооружают одними нагайками, и упо-

требляют только для посылок и для экзекуций по деревням, при собирании податей, сказывал мне, что ляхи навезли к пану целые скрини с грошами, а разве жид да бис увидит ляшский шеляг!

— Гроши будут наши, а ляхи — собакам мясо! — сказал Палей. — А как зовут твоего пана?

— Пан Дульский, тот, что... Палей не дал мужику кончить.

— А я к нему-то именно и еду в гости, — сказал он. — Так ты говоришь, что у него собралось много ляхов? А сколько, например?

— Считать я их не считал, а знаю, что их будет больше, чем скота в панском стаде...

— Сотни три, четыре, что ли? — спросил Палей.

— Уж верно, сотни четыре, — отвечал мужик. — Не ходи теперь, батько, к нашему пану, а то тебе мудрено будет добратся до него, коли ты к нему едешь с тем, чего мы ему у Бога просим. Панский двор окопан валом, на валу стоят двенадцать пушек, да еще каких крепких, железных! А перед валом ров, а за ровом частокол, а за частоколом стоят ляхи с

ружьями, а ворота одни, да и те на запоре, а за воротами решетка, да еще железная, а над воротами куча камней, а за камнями...

— Довольно, довольно! Спасибо за добрые вести, — примолвил Палей и бросил третий талер мужику.

— Добрые вести, добрые вести! — проворчал мужик с удивлением, подбирая деньги. — От этих добрых вестей у другого бы морозом подрало по коже, а нашему батьке пули как вареники, а пушка как бабья ступа!

— Что ты ворчишь себе под нос? — сказал Палей.

— Так, ничего, а дивлюсь только, что ты не боишься ни панских пушек, ни ляшских ружей, а нам так и от канчука экономского даться некуда!

— С завтрашнего дня эконом ваш не будет больше размахивать канчуком, а взмахнет всеми четыремя, да и поминай как звали! — сказал Палей.

— Ой, дай-то, Боже! — сказал мужик, перекрестясь.

— Ведь ты слыхал уже, что мы идем куколь из пшеницы выбирать? — примолвил

Палей.

— Да, да! Ляхов и жидов резать!.. Помогай Боже, помогай Боже! — сказал мужик, крестясь и кланяясь.

— Только смотри ж... ни гугу! — сказал Палей. — Никому ни словечка, что видал меня с моими детками!

— Хоть бы меня на крыже раскряжевали, хоть бы век горелки не пить, хоть бы жиду служить, хоть бы быть прокляту, не скажу и отцу родному! — отвечал мужик. — Ступай, батько, куколь из пшеницы выбирать! Бог помочь! Счастливый путь!

Палей махнул нагайкой, улыбнулся и поехал вперед по дороге, ведущей к Днепру. Влево видна была вдали колокольня. Палей снова своротил с дороги и целиком поехал к холмам, покрытым лесом. Через час он въехал на холм, и величественный Днепр открылся его взорам. Бодрый старик соскочил с лошади и, обернувшись к своим казакам, сказал:

— Здесь, детки, отдохните и покормите коней! Огней не разводите и держаться в куче. Иванчук! расставь часовых вокруг. Москаленко! размести коней по десяткам, да смотри,

все ли в порядке. Грицко! подай горелки и сала!

Палей бросился под дерево, набил снова трубку и стал вырубать огонь, мурлыча про себя известную украинскую песню:

*Ой, кто в лисе,
Отзовися!
Выкрешило огня,
Потягнемо люльки,
Не журися!*

Иванчук был тот самый старший есаул, который спасся бегством из Батурина, когда его уведомили, что Огневик захвачен в гетманском дворце. Зная хорошо характер Мазепы, Иванчук был уверен, что ему не миновать участи Огневика; а потому, для уведомления Палея о случившемся, заблагорассудил отправиться к нему немедленно, не ожидая окончания переговоров. Москаленко, молодой казак, ехавший рядом с Иванчуком, был сотник в вольнице Палеевой. Только один Палей знал его настоящее прозвание, которое молодой сотник скрывал пред всеми. По месту его родины, по Москве, Палей прозвал его Москаленкой. Он был сын одного из стрелецких

старшин, казненных за буйное сопротивление воле Петра Великого. Двое старых стрельцов, успев спастись бегством из Москвы, взяли с собой сына своего начальника, юного Лаврентия, и чрез Польшу пришли в Запорожье, где Лаврентий приучился к военному ремеслу, не забыв грамоты и некоторых сведений в истории и географии, приобретенных им в родительском доме, от старого монаха Заиконоспасского монастыря. На двадцатом году от рождения, прельстясь славою Палея, Лаврентий упросил Кошевого атамана запорожцев, Гордеенку, отпустить его в службу к вождю Украинской вольницы и уже три года служил при нем, отличаясь храбростью, расторопностью и пламенной привязанностью к Палею, который любил его за сие, как родное дитя, почти так, как Огневика.

Иванчук вскоре возвратился, и Палей позвал его и Москаленка позавтракать с собою.

Грицко разостлал ковер на траве, поставил деревянную, обшитую кожей баклагу с водкой и кошель, в котором были сухари и свиное сало, любимая пища украинцев. Палей перекрестился, выпил порядочный глоток

водки, вынул из-за пояса кинжал и отрезал кусок сала, взял сухарь и, зачесав пальцами длинные свои усы, стал завтракать, подвинув кошель к своим собеседникам, которые присели возле ковра. Между тем казаки подвешивали коням торбы с овсом.

Невзирая на то что дружина Палеева называлась вольницей, она рабски повиновалась воле своего начальника. Во время похода Палей запретил казакам возить с собой водку и вообще предаваться пьянству, и сколь ни склонны были к сему его подчиненные, но не смели преступить запрещения, зная, что жестокое наказание постигнет виновного. С жадностью поглядывали казаки на баклагу, стоявшую пред Палеем, и, казалось, поглощали ее взорами.

— Грицко! — сказал Палей. — Дай по доброй чарке горелки деткам!

Грицко снял две большие баклаги с вьючной лошади, вынул из мешка медную чарку величиною с пивной стакан и перевесив баклаги чрез оба плеча, пошел к толпе и стал потчевать усатых деток Палеевых, которые как будто пробудились от запаха водки и ста-

ли прыгать и подшучивать вокруг Грицка.

Позавтракав, Палей обтер усы рукавом своего кунтуша, помолился, снова закурил трубку и велел позвать к себе жида, который во все это время стоял ни живой ни мертвый под деревом, поглядывая вокруг себя исподлобья. Жид, подошед к Палею, бросился ему в ноги и не мог ничего сказать от страха, а только завопил жалобно: «Аи вей, аи вей!»

— Пан Дульский подослал тебя узнать, что я делаю и можно ли напасть на меня врасплох, в Белой Церкви. Жаль мне, что ты не получил обещанных тебе им пятидесяти червонцев, потому что я сам повезу к нему вести, которые он поручил тебе собрать об нас, своих добрых приятелях! Но как ты не станешь с нами есть свинины, воевать не умеешь, а плутовать хоть бы рад, да мы не хотим, то мне нечего делать с тобой, и я решился отправить тебя на приволье, где у тебя будет рыбы вдоволь, хоть не ешь, а воды столько, что ты можешь наделить всех шинкарей, которые разводят ею горелку. Детки, в Днепр иуду!

Стоявшие вблизи казаки, которые, закусывая, слушали с приметным удовольствием

речь своего вождя, бросились на жида, как волки на паршивую овцу, отогнанную от стада, и с хохотом и приговорками потащили его к реке.

— О вей! — закричал жид. — Ясневельможный пане, выслушай!.. Я тебе скажу большое дело... важное дело... весьма тайное дело... Только помилуй... пожалей жены и сирот!

— Я не пан и даже не шляхтич, а простой казак запорожский, — сказал Палей, — однако ж выслушать тебя готов. Постойте, детки! Ну говори, что ты знаешь важного.

— А если скажу, то помилуешь ли меня? — сказал жид, дрожа и плача. — Я бедный жидок и должен был сделать, что велит пан. У меня бедная жена и четверо бедных деток... они помрут без меня с голоду... Прости! помилуй! — Жид снова бросился в ноги Палею и зарыдал.

— Так это-то твое важное и великое дело! — возразил Палей. — Жизнь твоя, жена твоя и дети важны для тебя, а не для меня. Из твоих малых жиденков будут такие же большие жида-плуты, как и ты, а ведь кому тонуть, того не повесят! Один конец... в воду

его!

Казаки снова потащили жидка к реке.

— Ясневельможный пане! — возопил жид. — Ты не выслушал меня... я не успел сказать тебе важного дела... Постой... выслушай!

— Подайте его сюда, — сказал Палей. — Ну говори, что ли?

— А помилуешь ли меня, — возразил жид, трепеща от ужаса, — оставишь ли мне жизнь?.. Я ничего не прошу, только не убивай, не бросай меня в воду!

— Что ты, проклятый иуда, торговаться со мною хочешь, как в корчме, что ли! — воскликнул Палей грозно. — Говори, или я заставлю тебя говорить вот этим! — примолвил он, потрясая нагайкой.

— Изволь, Ясневельможный пане, я скажу тебе всю правду, — отвечал жид, морщась и закрыв глаза при виде нагайки. — К нашему пану и князю Дульскому приехала его родственница из Варшавы, княгиня Дульская, у которой первый муж был князь Вишневский. Сказывают, что пан гетман Мазепа хочет жениться на ней, и это слышал я от гайдука пани княгини, а гайдуку сказывала первая слу-

жанка пани княгини. Вот ровно неделя, в прошлый шабаш, приехал из Батурина к нашему пану ксенз иезуит и привез много бумаг, а пан наш да еще другие паны целую ночь читали эти бумаги, радовались, пили, поздравляли княгиню и отправили нашего конюшего к новому королю... Так видно, что тут дело пребольшое, когда пан гетман Мазепа пишет к панам, которые держатся за новым королем, а новый король неприятель московского царя, которому служит пан гетман Мазепа... Ну вот это дело важное!.. Помилуй меня, бедного жидка, ясневельможный пане! Сжалься над моими бедными детками, над моею женою! — Жид снова зарыдал и бросился в ноги Палею. Казаки с трудом оттащили его на сторону.

Палей задумался. Помолчав несколько, он взглянул на Иванчука и сказал:

— Проклятые жида, как они смышлены! Смотри, пожалуй, как этот иуда догадался! Прибывший к Дульскому иезуит, верно, патер Заленский, о котором ты говорил мне, Иванчук. Про любовную связь Мазепы с Дульскойю я давно уже слышал. А эта переписка, прибы-

тие Дульской в эту сторону, вооружение приверженцев Станислава на Украинской границе, все это мне что-то весьма подозрительно! Узнаем скоро всю правду! Ну, жид, если нечего более говорить — так ступай на шабаш, в Днепр!

Козаки снова ухватились за жида, но Москаленко тронулся его жалким положением и сказал Палею:

— Батько! прости этого несчастного, помилуй отца семейства, ради важности сообщенных им новостей...

Палей одним грозным взглядом пресек речь молодого человека.

— Я никогда не прощаю и никогда не милую изменников и шпионов! Понимаешь ли, неженка! Что тут общего между жидом и его новостями? Это то же, если б я, купив коня, берег слепня, который впился в него... В воду его, детки!

Козаки подхватили жида на руки, завязали ему рот кушаком и понесли на берег.

— Раз... два... три! — прокричал один из казаков... Плеск раздался в воде, и жид, брошенный с размаху в реку, канул на дно как ка-

мень.

— Вечный шабаш! — закричали казаки. Гул повторил их хохот.

Между тем Палей сидел в задумчивости, не обращая внимания на происходившее вокруг него, курил свою короткую трубку и поглаживал усы.

— Послушай, Иванчук! — сказал он наконец, уставив на него быстрый взгляд. — Я что-то выдумал, и если дело удастся мне, то проклятый Мазепа съест гриб!.. — Он остановился, посмотрел неподвижными глазами на Иванчука и снова задумался. Трубка его перестала куриться, но он сосал чубук и шевелил губами, будто пуская дым.

— Слушаю, — сказал Иванчук. Палей молчал и не переменял положения.

— А что же ты выдумал, батько? — при-
молвил Иванчук, взяв за руку Палея и пожав ее сильно.

— Что бишь я сказал? Да, да! Вот что я выдумал! — сказал Палей. — Лукавый Мазепа замышляет что-то недоброе! Научившись у иезуитов хитростей, а у Дорошенки измены, Мазепа, этот латинский змей, не пропустит

теперешнего случая, чтоб не воспользоваться враждою четырех царей. Служит он Петру, а в дружбе с польскими приверженцами Станислава, которого сажает на престол шведский король. Я хочу вывести приятеля на чистую воду! Ты, Иванчук, с полуторой сотней молодых выступи в поле, покажись в окрестностях замка пана Дульского, вымани в погоню за собой шляхту, которая собралась у него, а я, с Москаленкой и с остальными пятьюдесятью удальцами, ударю ночью на замок, возьму его, захвачу невесту или любовницу Мазепы, Дульскую, захвачу иезуита, возьму их бумаги и заставлю и патера и бабу признаться во всем. Дульскую выменяю тотчас на моего Огневика, а иезуита с бумагами, если в них есть что важного, отправлю к царю, а если нет, то на осину патера — и делу конец!.. Как ты думаешь об этом?

— Дело хорошее, — отвечал Иванчук, сняв шапку и пригладив свою чуприну, — дело хорошее, только слишком опасное. Пан Дульский укрепил дом свой валом и пушками; народу у него вдвое больше нашего, так мы можем наткнуться на беду, а все это, право, не

стоит того, чтоб ты, батько, шел почти на верную смерть!..

— На верную смерть! — воскликнул Палей. — Верно то, что каждый должен умереть — а где и как, это, брат, у всякого на роду написано, а знать нам не дано. Ты говоришь, что дело не стоит того, чтоб подвергаться опасности! Не так бы ты запел, когда бы вместо Огневика сидел теперь в тюрьме, в цепях! Тебе, видно, дорога только твоя седая чуприна, Иванчук! — примолвил Палей гневно. — Все вы помышляете только о себе...

— Помилуй, батько! — возразил Иванчук. — Я совсем не думал об Огневике, говоря это. Я думал о тебе, про твою дорогую для нас жизнь, полагая, что иезуит и бумаги Мазепны не стоят того...

— Черт побери всех иезуитов и всю вашу бестолковую грамоту, которую я ненавижу насмерть! — сказал Палей, ударив своею трубкой о землю. — Все это дело постороннее, а главное — мой Огневик, мой Огневик, которого я люблю более, нежели родное детище! Будь он свободен, а я, пожалуй, отдам Мазепе и иезуита его, и любовниц, и бумаги, и всех

приятелей его, польских панов, нанизав их на веревку, как сушеную тарань! Ты мало знаешь Огневика, Москаленко! Послушай, я тебе расскажу, как мне дал его Бог. Когда я был еще в Запорожье, лет двадцать пять перед этим, мы ходили однажды на промысел в Польшу, чтоб проучить панов за то, что они перевешали с полсотни наших казаков, поймав их на ярмарке, где они немножко пошалили и, кажется, зажгли какое-то грязное жидовское местечко, верно, для просушки. Похозяйничав порядочно в панских дворах, мы послали добычу вперед, а сами возвращались в Запорожье, малыми ватагами, чтоб ляхи не знали, за кем гнаться. Переправившись с моей ватагой чрез Буг, я наехал на место, где ночевали наши передовые. Это было на рассвете. Корчма догорала. Между дымящимися головнями было несколько жидовских трупов и полусгоревший берлин какого-то проезжего пана, который, на беду свою, попал на ночлег в эту корчму. Вокруг все было дико и пусто, только под лесом выла собака. Я слез с лошади закурить трубку, и вдруг мне послышался крик ребенка. Я послал казаков отыскать его,

и они, под лесом, нашли ребенка, над которым вила собака. На ребенке была тонкая рубашка, золотой образ Богоматери и шелковый кафтанчик. Ему было не более году от роду, и он чуть был жив от холода и голода. Казаки хотели для забавы бросить мальчика в огонь, чтоб полюбоваться, как будет жариться ляшенок, но он так жалобно кричал и протягивал ко мне ручонки, что я не дал его на потеху казакам и завернул в свой кобеняк, накормил саламатой и привез с собой в Запорожье. Казаки смеялись над моей добычей, но мне не хотелось уже расстаться с мальчиком. Я отвез его на хутор, к жене, и велел вскармливать вместе с моими детьми. Я окрестил его в русскую веру и прозвал Огневиком, в память того, что я нашел его при огне и спас от огня. Когда мальчик подрос, я сам выучил его казачьему делу и он был со мной в нескольких набегах на Крым и на ляховщину и отличился храбростью в таких летах, когда другие едва в силах пасти табуны. Наконец я раздумал, что мне со временем будет нужен грамотный человек, и решился отдать его сперва в Киевскую школу, а после в Винницу,

к иезуитам, чтоб они научили его польскому и латинскому письму. Иванчук скажет тебе, что ни у царя, ни у королей нет такого писака, как мой Огневик. А на коне с саблей и с пикой ты видал его сам. Я надеялся скоро... Но что тут говорить! Злодей Мазепа как будто оторвал половину моего сердца, отняв у меня Огневика! Во что бы ни стало, а я выручу его из Мазепиных клещей! Если же он убьет его, то вот этим кулаком я пробью грудь нечестивому и исторгну у него внутренности, вместе со злобною душою! Этот предатель не стоит того, чтоб на нем марать клинок моей сабли!.. — Глаза Палея налились кровью, краска выступила на бледном лице, уста дрожали, и кулаки сжимались: он был в сильном припадке гнева.

— Он не посмеет убить Огневика, — сказал Иванчук в успокоение Палея.

— Не посмеет! — возразил Палей. — Не посмел бы он явно, так как не смеет напасть на меня — но Мазепино оружие: яд и кинжал! Откладывать нечего и надобно торопиться освободить Огневика.

— Я готов на все, что прикажешь! — сказал

Иванчук.

— Дело мы поведем отважно, а притом и осторожно, — примолвил Палей. — Как только ты увидишь за собой погоню, Иванчук, то веди ее к Днепру и, переправясь в лесном месте, остановись. Ляхи не посмеют идти за тобой на русскую сторону, а ты между тем перейди опять на этот берег и другою дорогою поспешай ко мне, на выручку, так, чтоб ляхи не заметили твоего похода. Я нападу ночью на замок пана Дульского и... что будет, то увидим завтра, на рассвете! Недаром русские говорят: утро вечера мудренее!

Заметив, что лошади уже съели корм, Палей встал со своего места и сказал:

— Детки! напоите коней, осмотрите ружья и вперед! Пора на работу!

Казаки бросились к лошадям.

Через час казацкая ватага уже шла по дороге, в устройстве и в боевом порядке, а маленький отряд, при котором был сам Палей, на рысях прошел степью в сторону и скрылся в лесу.

Глава VI

*Но не раскаяньем душа его полна:
Отмщеньем, злобою терзается
она.*

Озеров (в Фингале)

Молодость и крепкое сложение Огневика преодолели недуг, а врачебные пособия и попечения Наталии ускорили возврат здоровья. Чрез две недели после пытки Огневик уже был вне всякой опасности и чувствовал только небольшую слабость.

Наталия, по собственной воле, а Ломтиковская, по приказанию гетмана, ни день, ни ночь не отходили от постели больного, во время опасности. Но теперь, когда он оправился, Мазепа приставил к нему своих комнатных служителей, а Наталии позволено было навещать больного только в известные часы, всегда, однако ж, в присутствии Ломтиковской, для соблюдения приличия, как сказал гетман своей питомице.

Такое положение мучило любовников. Незнание их будущей участи и принуж-

дение омрачали радостные минуты свидания. Истинная любовь не многоречива, но она ищет уединения, и не только речи, а даже нежные взгляды, самое безмолвие приятнее без докучливых свидетелей. Огневик и Наталия не могли не догадываться, что поверенная гетмана приставлена к ним в качестве стражи и лазутчицы, и потому присутствие ее было им несносно. Усердные попечения Ломтиковской о больном, оказываемое ею со-страдание к участи любовников, нежность обхождения ее с Наталией, вид добродушия во всех речах и поступках и даже жалобы на суровость гетмана несколько раз увлекали Наталию к откровенности; но Огневик, воспитанный в чувствах недоверчивости к Мазепе, видел во всем его окружающем измену и предательство и удерживал Наталию взглядами и намеками от ропота и душевного излияния. Ломтиковская не смела ни о чем расспрашивать их, а они не имели охоты рассказывать, и потому время свидания проходило почти в безмолвии, прерываемом изредка краткими речами, которых сила и выражение понятны были только любовникам.

Наконец комнатный служитель объявил Огневику, что гетман желает переговорить с ним наедине. Наталия и Ломтиковская удалились немедленно, и чрез несколько времени вошел гетман в комнату больного.

— Не беспокойся, любезный Богдан! — сказал Мазепа Огневику, который сидел на постели и, при входе гетмана, встал и поклонился ему.

— Сядь или приляг, если чувствуешь слабость, — примолвил Мазепа, приближаясь к кровати. — Спокойствие тебе нужно: оно главное для тебя лекарство.

Огневик сел по-прежнему на кровати, и Мазепа поместился на стуле, у изголовья.

— Я почти столько же страдал, как и ты, — сказал Мазепа, — от мысли, что я причиною твоего недуга, любезный Богдан! Но ты человек умный, и порассудив, вероятно, простишь меня. Мы были в неприязненных отношениях друг к другу, и я, окруженный изменою и враждою тайною и явною, не столько для собственной безопасности, сколько для блага общего должен был прибегнуть к крайности с человеком, которого не знал и который на-

влек на себя справедливое мое подозрение... Отдаю это дело на твой собственный суд!..

— Я истребил из памяти все прошлое, — сказал Огневик, — и от будущего зависит мой образ мыслей и моя повинность к вам, ясневельможный гетман! Как подчиненный Палея, я должен был служить ему верно; но если вы, ясневельможный гетман, исполните свое обещание и отдадите мне руку своей питомицы, я оставлю службу Палея, и хотя никогда не стану действовать противу пользе и выгоде моего благодетеля, но во всех других случаях буду вам служить верою и правдою, не жалея ни жизни, ни трудов.

— Откровенность твоя оправдывает любовь мою к тебе, любезный Богдан! — возразил Мазепа. — Нет, я не хочу, чтоб ты изменил своему благодетелю, и твоя к нему верность служит мне порукою в будущей твоей ко мне преданности и в счастья моей питомицы. Напротив того, я желаю, чтоб ты, питомец Палея, был примирителем между нами и служил верно нам обоим. Он любит тебя как сына, я люблю Наталию как родную дочь; итак, пусть же союз ваш, наших детей, будет

неразрывною цепью нашей дружбы! Ты говоришь, Богдан, что он послал тебя ко мне с предложением мира и покорности. Не хочу покорности, хочу мира и дружбы искренней, верной, такой дружбы, какой я ему дам доводы. Тебя же избираю я с моей стороны в посредники нашей мировой. Пусть Палей поклянется защищать со своей вольницей права Малороссии, противу кого бы то ни было, без оглядки ни на царя московского, ни на короля польского — и я весь его!.. Я, с со своей стороны, поклянусь: отдать ему в вечное владение все занимаемые им земли и не только защищать его от каждого, но исходатайствовать у Польской Республики уступку забранных им земель, за малое вознаграждение. Палей будет владеть, независимо от меня, полком Хвастовским, Винницею и Белою Церковью; может именоваться гетманом, если ему это угодно, и только в случае общей опасности, угрожающей Малороссии и Украине, должен ополчиться и вступить с своим войском под мое начальство.

Мазепа перестал говорить и смотрел пристально на Огневика, который слушал внима-

тельно, потупя взоры, и погружен был в размышления. Помолчав несколько, он поднял глаза и сказал:

— Но что скажет об этом царь московский?

— Он не должен знать об этом, — возразил Мазепа. — Видишь ли, любезный Богдан, какую доверенность оказываю я тебе, открывая важнейшую мою тайну! Слушай меня! Я верен царю московскому и намерен остаться верным до гроба. Но царь Петр замыслил преобразовать Россию, по образцу прочих европейских государств, заводит флоты, устраивает регулярное войско, сооружает крепости, и хочет, чтоб целая Россия управлялась одинаково. Малороссия и Украина, оставаясь при своих правах и привилегиях, составляет почти независимое владение внутри самой России, и тем опаснее для нее, что примыкает к двум враждебным ей народам, полякам и татарам. На основании наших привилегий царь не может даже содержать своего войска в нашей земле, ниже строить крепостей. Власть гетмана, по силе привилегий, почти независима от государевой! Такой порядок не может существовать, если Россия будет устроена по

образцу просвещенных европейских государств. Все единоверцы и все соплеменники должны слиться с Россиею, как ручьи с разлившимся океаном, а все противники России должны погибнуть, если не успеют удержать в берегах сие море. Что будет после меня, то в воле Божией; но если при жизни моей царь московский захочет уничтожить гетманщину и казачину, я решился защищать до последнего издыхания права, вверенные мне народом. Не для своих выгод жертвую я спокойствием моим, но для блага любезной нашей Украины! Мне нечего желать более и нечего надеяться! Царь московский дал мне все, что только царь может дать подданному, но я и самую благодарность приношу в жертву общей пользе, пренебрегая людским мнением. Недолго мне остается жить на свете! Пусть, при жизни моей, народ выберет себе другого гетмана, если найдет достойнее меня. Мазепа умрет спокойно и счастливо в уверенности, что сохранил своей родине ее права и вольности! Вот мысль, которая занимает меня денно и ночью; вот одно чувство, заставляющее еще биться это охладевающее сердце! Любовь к

отечеству, желание народного блага управляют всеми моими помыслами и всеми желаниями! Для них я всем жертвую: здоровьем, спокойствием и самую славою! Но меня не понимают, меня ложно судят, на меня клеветают, потому что я не смею ни пред кем открыться! В твою высокую душу изливаю мою тайну и все мои чувствования! Будь сыном моим, будь подпорою моей старости, поборником прав любезной нашей родины и склони Палея к принятию участия в общем деле! Клянусь, что в этом сердце одна истина, одна чистая любовь к отечеству!.. — Мазепа распростер объятия: слезы катились градом по его лицу. Огневик бросился ему на шею.

В то время в Малороссии и в Украине существовал свой особенный, местный патриотизм, своя народность и свои понятия о правлении. Казаки ненавидели поляков. Лях и папист почитались бранными словами, но и слово москаль не означало ласки. Малороссы и украинцы не любили русских. С поляками разделяла казаков ненависть за веру и за прежнее господство, а с русскими соперничество. Все благомыслящие, все умные малорос-

сияне желали пламенно, чтоб Малороссия и Украина были в подданстве России, но не было между ними тогда ни одного, который бы желал, чтоб Малороссия и Украина слились воедино с Великороссиею. В то время Украина и Малороссия имели весьма важные и основательные причины не желать сего тесного соединения, ибо в то время Россия была не то, что она ныне! Петр Великий только что начал тогда свои преобразования, а до него Россия была азиатским государством. Бояре и воеводы, высылаемые в области, для управления ими, немилосердно грабили и угнетали народ, по примеру татарских баскаков, и закон молчал пред сильными любимцами царскими! Одним словом, малороссиянам и украинцам тогда нечего было завидовать русским. Впоследствии уравниение Малороссии с Великороссиею делалось благодеянием для первой — но в то время это было бы бедою, ибо нынешнее величие, сила, могущество и просвещение России существовали тогда только в сердце и в уме Петра Великого.

Итак, неудивительно, что умный Огневик воспламенился речами Мазепы, ибо он был в

душе украинец и выгоды своей родины предпочитал всему в мире. Но когда первый восторг прошел, Огневик вспомнил о коварстве Мазепы и усомнился в истине слышанного. Хитрый Мазепа заметил внезапное охлаждение Огневика и ожидал, что он скажет.

— Доверенность за доверенность! — сказал Огневик. — Сомневаюсь, что Палей поверил той опасности, которая, по вашим словам, ясновельможный гетман, угрожает Украине. Долговременная вражда между вами породила недоверчивость...

— Понимаю! — прервал Мазепа. — Ты хочешь доказательств. Они есть у меня на бумаге. Я покажу Палею переписку мою с князем Меншиковым, с графом Головкиным, с бароном Шафировым и даже с самим царем, и он удостоверится в истине сказанного мною. Вверить сих бумаг я не могу никому, но готов их показать Палею. Пусть он назначит место для свидания со мною. На твое слово я прибуду туда безоружный, один, без стражи! Какое же более хочешь доказательство моей искренности? Для мира с Палеем, для блага родины — предаюсь в руки врага моего, если

Палей хочет быть моим врагом!

— Нет, он не будет вашим врагом, если уверится в вашей искренности; если убедится, что вы столь преданы нашей общей матери, Украине! Я ручаюсь вам за него, ясневельможный гетман! Палей истинный казак и для казацкой вольности пожертвует всем, и дружбою, и любовью, и враждою. С радостью беру на себя ваше поручение и завтра же отправляюсь в путь!

— Дай мне руку, друг мой, сын мой! — сказал Мазепа, с радостью во взорах и на устах. — Ты будешь основным камнем счастья нашей родины и моего собственного счастья, нераздельного с ее благом! Я стар и бездетен. Я хотел усыновить мою питомицу, с тем чтоб передать избранному мною мужу ее все мое достояние и даже все заслуги мои в войске. Я имею сильных друзей, и если чрез их посредство голос мой будет услышан войском, если воля моя найдет путь к сердцу моих добрых старшин, я сам назначу наеледника в гетманы, назначу при жизни моей... Обойми меня еще раз, сын мой!

Огневик был растроган ласкою, добросер-

дечием и великодушием Мазепы и никак не мог сомневаться ни в его желании примириться с Палеем, ни в любви к отечеству, когда гетман отдавал себя в залог своей искренности. Любовь к Наталии вопияла также в сердце Огневика в пользу ее благодетеля, когда Огневик удостоверился, что Мазепа любит ее только отеческою любовью, а не воспитывал, как твердило людское мнение, для развратных своих наслаждений. Огневик с чувством обнял Мазепу и в эту минуту готов был жертвовать жизнью на его слово.

— Теперь поговорим о твоём деле, любезный Богдан! — сказал Мазепа. — Клевета и зависть, эти шипы славы и счастья, изъязвили меня. Каждую мысль мою, каждое слово мое, каждый мой поступок завистливые люди толкуют в дурную сторону. Прощаю ли я врагов моих и доносчиков — я малодушен! Караю ли их — жесток! Избегаю ли умом и осторожностью измены и тайных сетей — я коварен! Удерживаю ли в повиновении закону старшин — я деспот! Вот суждения обо мне! Я все знаю и молчу, предоставляя все Богу и потомству. Не скажу, чтоб я был беспорочен, бес-

страстен, безгрешен! Я человек! Но я человек не злой и не коварный, каким хотят представить меня враги, а может быть, слишком простодушный для нашего века и слишком снисходительный! Вот вреднейшие мои пороки! Вся моя беда в том, что я не пью ночи напролет, с моими старшинами, как Зиновий Хмельницкий, и не обсуждаю дел на площади, в толпе пьяной черни, или за ковшом с медом, в светлице, как бывало прежде меня. Многим несносно, что я работаю один за всех и для всех, не теряя времени на пустые толки с пустыми головами. Глупцам кажется, что все должно быть так, как было при Хмельницком и при Дорошенке, а хитрецам этого хочется. Но умный человек должен жить по мере, по времени, а ныне русские не те люди, что были за десять лет перед сим! С другими людьми я должен иначе вести себя. Но меня не понимают здесь и бранят, клеветуют, ненавидят! Узнают и раскаются! Таким образом клевета выдумала, будто Наталию воспитал я из гнусных видов сладострастия и берегу для любовных утех! Будь проклят тот язык, который первый вымолвил сию подлую ложь! По-

рази гром ту голову, в которой родилась сия злодейская мысль! Наталия не могла ничего рассказать тебе о своем происхождении. Она знает только, что она сирота, которую я взял к себе, еще в колыбели, но не знает ни родителей своих, ни причины, которая заставила меня быть ей вторым отцом. Слушай! Когда я был в Польше, в моей молодости, любовная связь с женою одного вельможи, при котором я служил в звании конюшего, подвергла жизнь мою опасности. Озлобленный вельможа поставил в засаду гайдуков своих и велел схватить меня, когда я пойду на свидание с его женою. Он хотел лишить меня жизни в жесточайших мучениях, и уже все приготовлено было к моей казни. Один бедный шляхтич, служивший со мною при дворе вельможи, Иван Милостинский, по особенной ко мне привязанности, уведомил меня о предстоящей опасности и помог мне спастись бегством. Я бежал в Запорожье и записался в казаки. Приобрел доверенность гетмана Дорошенки, я призвал шляхтича, чтоб разделить со мною мое счастье. Судьбе угодно было, чтоб он в другой раз спас мне жизнь, в одном

татарском набеге. Израненный, он не мог продолжать службы, удалился в Киев, женился, и Наталия — дочь его. Мать ее умерла в родах, а мой избавитель слег в могилу в год после рождения своей дочери. Я взял сироту к себе и послал в Варшаву, к сестре управителя моего, Быстрицкого, чтоб воспитать ее в польских нравах, как пристойно благородной девице. По окончании ее воспитания, я велел привезти ее сюда, чтоб найти ей мужа, достойного той блистательной участи, какую я готовлю для дочери моего истинного друга, которому я дважды обязан жизнью. Заботы мои кончены! Наталия сама выбрала себе жениха, и я благодарю Бога, что выбор ее пал на человека, который достоин всей любви моей и уважения. Теперь скажи мне, Богдан, как ты узнал ее?

— В прошлом году польские вельможи предложили Палею именем Республики отложиться от России, обещая ему гетманство в Заднеприи, место в Сенате, богатые вотчины и жалованье войску. Палей, верный в преданности своей к России и в ненависти к Польше, не поколебился лестными обещаниями

врагов своих, но, желая узнать причины, побуждающие вельмож к сему поступку, выслал меня в Варшаву, будто для тайных переговоров, а в самом деле, чтоб узнать настоящее положение дел. Он предупредил о сем царя Московского. Я жил в Варшаве около осьми месяцев. В первые дни моего пребывания я увидел Наталию в русской церкви и с первого взгляда полюбил ее. Никогда я прежде не думал и не верил, чтоб женщина могла приковать к себе мое сердце, овладеть моею волею, воцариться в душе моей и подчинить себе все мои помыслы и ощущения. Так случилось, однако же! Тщетно старался я забыть ее. Образ красавицы непрерывно мечтался мне и днем и ночью, и я, в намерении избегать встречи с ней, невольно искал ее всюду. Чрез всезнающих жидов, всесветных лазутчиков, я узнал, что она воспитывается на ваш счет в Польше и по окончании воспитания должна возвратиться к вам, в Малороссию. Я поверил, вместе с другими, что вы, ясновельможный гетман, готовите Наталию в любовницы себе, и вознамерился спасти ее от срама. Я нашел случай познакомиться с шу-

рином Быстрицкого, чрез наших варшавских приятелей, и вскоре приобрел его дружбу и доверенность его жены. Они также разделяли общее заблуждение на счет отношений ваших к Наталии и не противились моей любви...

Мазепа прервал речь Огневика и, посмотрев на него, с видом простодушия, сказал:

— Меня обвиняют в недоверчивости к людям, а между тем все меня обманывают! Сестра Быстрицкого и муж ее, облагодетельствованные мною, исторгнутые из бедности, изменили мне при первом случае!.. И сама Наталья!..

— Наталия ни в чем не виновна, — отвечал с жаром Огневик. — Она всегда питала к вам чувство нежной дочери, всегда вспоминала с благоговением о своем благодетеле...

— Пусть будет так! — возразил Мазепа. — Продолжай!

— Я любил нежно, пламенно Наталию и был так счастлив, что приобрел любовь ее. Я помню, как свое имя, день и час, в который мы сознались друг другу во взаимной любви, но не помню ни одного слова из всего того,

что я сказал Наталии, а из ее ответа одно люблю — врезалось навеки в сердце моем и в памяти. Мы поклялись...

— Довольно, довольно, — сказал Мазепа, насупив брови и стараясь улыбнуться, — я знаю, что говорится в подобных случаях! Клятвы... верность!.. Мне удивительно, однако же, как вам не пришло в голову обвенчаться без моей воли и без моего ведома! Только этого недостает в этой повести!

— Признаться, я хотел жениться и увезти Наталию в Белую Церковь, но несчастный случай воспрепятствовал мне исполнить сие намерение. Князь Вишневский, прибыв в это время в Варшаву, из своих поместьев, зная любовь и доверенность ко мне Палея, вознамерился захватить меня и удержать заложником, до возвращения Палеем завоеванных нами земель княжеских и до удовлетворения за добычу, взятую в поместьях князя. Паны Рады, не предвидя успеха в переговорах своих со мною, согласились предать меня, и я, предуведомленный заблаговременно, должен был бежать тайно из Варшавы и скрытно пробираться на Украину. Я не хотел подвер-

гать Наталию опасностям моего бегства и пожертвовал собственным счастьем... Вскоре после моего бегства из Варшавы вы, ясневельможный гетман, велели Наталии ехать в Батурин, и я, узнав об этом, решился воспользоваться данным мне от Палея поручением, чтоб окончить мое намерение...

— То есть увезти Наталью из моего дома, не правда ли? — примолвил Мазепа, устремив пронизательный взор на Огневика и стараясь скрыть внутреннее волнение.

— Я не хочу обманывать вас, ясневельможный гетман! Не надеясь, чтоб вы отдали Наталию неизвестному вам человеку, бедняку, казаку без роду и племени, и притом верному другу врага вашего, — я хотел увезти ее и обвенчаться с нею, с благословения благодетеля моего...

— Молодецки! — сказал Мазепа, скрывая гнев и злобу под улыбкой мнимого простодушия и веселости. — Но этого нельзя было исполнить, не имея в доме моем сообщников, которые из дружбы к тебе или к Палею согласились бы помогать тебе. Иначе невозможно было подумать...

— Нет, клянусь вам всем святым, что я ни на кого не надеялся, как только на любовь Наталии, на саблю мою и на быстроту коня моего. Кроме Наталии и надзирательницы ее, я никого не знал и не знаю в вашем доме.

— Если это правда, то, признаюсь, удивительно мне, что такой умный человек, как ты, решился на такое безрассудное предприятие!

— Ясневельможный гетман! Ссылаюсь на вас самих: рассуждает ли любовь о предстоящих опасностях, когда сердце стремится к сердцу? Нам ли, сынам степей и воли, выросшим в опасностях, живущим для искания опасностей, дорожить жизнью тогда, когда жизнь представляется в будущем хуже татарского плена! Я даже и не помышлял об опасностях! Я думал об одной Наталии!

— Пусть будет и так! — сказал Мазепа, кивнув головой и махнув рукой. — Дело кончено! Наталья твоя! Поезжай к Палею, и, после нашей мировой, он будет твоим посаженным отцом. Я велю приготовить все к твоему отъезду, а между тем ты простись со своей невестой и переговори с Орликом. Он даст тебе некоторые наставления. Ты найдешь его в

войсковой канцелярии, в нижнем жилье.

Мазепа пожал дружески руку Огневика и вышел из комнаты.

Едва Огневик успел одеться, в первый раз после болезни, в богатый полупольский наряд, присланный ему Мазепою, Наталия вошла в комнату. В третью комнату вошла в то же время Ломтиковская чрез особенный вход из коридора и села за пяльцы, затылком к Огневику, будто не примечая вошедшей Наталии. Огневик улыбнулся и сказал вполголоса:

— Гетман все-таки не может никому верить вполне! Нечего делать. У каждого своего рода слабость! Наталия! — примолвил он нежно. — Все нам благоприятствует. Гетман согласился на наше счастье — а я вижу грусть на лице твоём... даже слезы!

— Ты едешь! — сказала она печально.

— Еду, друг мой, для утверждения нашего счастья и для блага нашей родины; еду, как посланец гетмана к моему вождю, с тем же предложением, с которым я прибыл сюда от Палея. Старики хотят наконец помириться, и хотят этого искренно. Успех моего посольства несомнителен. Итак, утешься, милая Ната-

лия: отсутствие мое не будет продолжитель-
но, и я возвращусь к тебе, чтоб никогда более
не расставаться. — Огневик по польскому
обычаю поцеловал руку Натальи, и в это вре-
мя Ломтиковская оглянулась. Взор ее пылал,
и движение походило на судорожное.

— Мне все что-то страшно! — сказала Ната-
лия тихим голосом, поглядывая с беспокой-
ством на Ломтиковскую, в растворенную
дверь. — Когда гетман объявил мне близкое
наше соединение и назвал меня твоею неве-
стою, эта женщина, на которую я тогда неча-
янно взглянула, улыбнулась с такою вырази-
тельностью и бросила на меня такой ужас-
ный взгляд, что кровь во мне охладела. Я чуть
не упала без чувств от страха. Эта женщина
пользуется доверенностью гетмана: она при-
ставлена присматривать за нами и, верно,
знает что-нибудь такое, что стараются пред
нами скрывать. Любезный Богдан! Я не могу
отдать тебе отчета в том, что чувствую; но ка-
кая-то грусть, какое-то грозное предчувствие
лежит у меня на сердце... Я боюсь нашей раз-
луки!..

— Ангел мой, друг мой, милая Наталия,

успокойся! — сказал Огневик, взяв ее за руку. — Я узнал гетмана совершенно и удостоверился, что он вовсе не таков, каким многие его почитают. Я верю его слову, милая Наталия; верю, что он отдаст мне твою руку, потому что если б он не был со мною искренен, то не поручал бы мне дела, от успеха которого зависит будущее его спокойствие, а может быть, и существование. Я предугадываю многое! Впрочем, что бы ни было, — примолвил Огневик громко, так, чтоб Ломтиковская могла слышать его слова, — что бы ни замыслили противу нас, кроме Бога, не в силах разлучить нас с тобою, милая Наталия, если ты будешь столь же тверда в своей воле, как теперь...

— Ужели ты сомневаешься? — возразила Наталья.

— Я не сомневался и не сомневаюсь в твоей ко мне любви, но хочу удостовериться в твоей решительности. Что до меня касается, то клянусь Богом и Украиною, что если кто-либо задумает воспротивиться соединению нашему, то, когда эта рука иссохнет прежде, чем омоется в крови злодея нашего, тысячи

рук нашей удалой вольницы вооружатся за обиду их брата, тысячи сердец воспылают кровавою, непримиримую местию, и наш враг не укроется от смертного удара ни на ступенях царского престола, ни у алтаря живого Бога! Я ни гетман, ни воевода, но я человек свободный, и вся сила моя в душе моей и в руке, а сила эта выше всякой другой, когда человек не боится смерти. Не дорожу ни жизнью, ни смертью, дорожу одною твоею любовью, и кто захочет расторгнуть любовь нашу, тот отнимет у меня более, нежели жизнь... Будь спокойна, Наталия; я буду осторожнее и скорее слягу в могилу, чем лишусь свободы, а пока я на воле, то не боюсь никого, кроме Бога!

— И я клянусь тебе, что скорее соглашусь на смерть, чем на разлуку с тобой! — сказала Наталия твердым голосом. — Я слабая женщина, но чувствую в себе столько мужества, что с радостью умру, но не отдам руки моей немилому человеку. Благодетель мой может располагать моею жизнью, но не сердцем. Я также вольная казачка и не признаю ничьей власти над душою моею! Я твоя!..

Наталия протянула руку, которую Огневик поцеловал с жаром. Ломтиковская встала быстро и поспешно вышла. Вдруг дверь отворилась из коридора в комнату Огневика. Вошел служитель гетмана и, поклонясь низко Наталии, сказал:

— Ясновельможный гетман просит вас пожаловать к нему немедленно!

Наталия пожала руку Огневика и, сказав: «Твоя навеки!» — вышла.

Огневик пошел по приказанию Мазепы в канцелярию, для переговоров с Орликом.

Глава VII

*Уже из давних лет замечено у
всех,
Где лад, там и успех;
А от раздора все на свете погибает.*

Хемницер

В наше время едва можно поверить, чтоб такой образ правления, как был в прежней Польше, мог существовать между образованными народами! Избирательные короли, при-

нимая бразды правления на условиях, предложенных избирателями, никогда не исполняли оных, не имея ни власти законодательной, ни силы во власти исполнительной. Паны содержали в рабстве народ и в подчиненности равную себе по правам, но бедную шляхту. Богатые властители земель были независимые владельцы в своих помыслах, содержали свое надворное войско, не слушались законов, противились вооруженною рукою исполнению судейских приговоров, самоуправлялись со своими соседями и повиновались королю тогда только, когда надеялись получить милости, ибо наконец вся власть короля ограничивалась раздачею чинов, мест и казенных имуществ, или старосте. Сопротивление королевской воле не почиталось даже незаконным поступком, ибо, на основании уставов, подданные уволены были от присяги и повиновения, когда король нарушал законы, а нарушение сие каждый вымышлял и толковал сообразно своим видам и составлял конференцию, или союз вооруженной шляхты, противу власти королевской, будто бы для поддержания прав народа, а в

самом деле для удовлетворения своему честолюбию и корыстолюбию. Посему-то не было в Польше ни порядка, ни благоустройства, ни безопасности. Беспоместная шляхта, вооружаемая панами для защиты границ и собственной безопасности, бродила толпами, грабя и утесняя городских и сельских жителей, бесчинствуя и прикрывая все свои пороки одною храбростью в боях с соседями: с русскими, с хищными татарами и с беспокойными казаками. Польша, имея весьма мало регулярного войска, походила на воинский стан, ибо каждый свободный житель ее, то есть каждый шляхтич был всегда вооружен и готов к бою. Благосостояние каждого гражданина зависело от личной его храбрости или от числа его приверженцев. Потому-то богатые паны, ласковым обхождением и щедростью, привлекали к себе шляхту, а бедные, но предприимчивые люди составляли себе партию надеждою грабежа или славы. Все в Польше кипело, бурлило, кричало и дралось. Никто не хотел признать преимуществ другого, и каждый стремился происками и силою к первенству и к приобретению влияния над большим

числом избирателей и храбрецов. Уважение, питаемое к царственным родам Пиястов и Ягеллов, из коих долгое время избирались короли, удерживали польскую шляхту в некотором повиновении, или, лучше сказать, в пристойных отношениях к трону. Но с прекращением Ягеллова племени и с избранием чужеземца на польский престол, буйство, нахальство, неповиновение и дух гайдамакства в Польше назывались гайдамаками люди, которые, собрав шайку, не признавали властей, явно грабили и самоуправлялись до тех пор, пока не были покорены силою. Между польскими панами это было не редкость. В польском языке *гайдамак* есть синоним забияки. дошли до высочайшей степени. Спор Августа и Станислава Лещинского о короне польской, поддерживаемые с одной стороны Россией, а с другой Швецией, открыл обширное поприще страстям, удалству, притязаниям, проискам и надеждам. Почти все польское шляхетство было вооружено, поддерживая одну или другую сторону, сообразно своим видам, и междоусобная война в Польше хотя и не пылала с жестокостью, но нарушала порядок и

безопасность смиренных сограждан, разоряла страну, отвлекала каждого от полезных занятий и, что всего бедственнее, открывала вход в нее чужеземным войскам. Пан Дульский, называясь князем До самого вступления на престол Станислава Понятовского польская шляхта, то есть польское дворянство или, как тогда говорили: рыцарское сословие (stan guscenski), почитая всех сочленов своих равными, не признавало никаких титулов. В Польше нет польских княжеских фамилий. Все княжеские роды происходят от русских или литовских князей или приобрели титулы в чужих государствах, как, например, род Радзивиллов. Графов в Польше также не знали прежде. Но несколько ключей или огромных вотчи-ничеств, имеющих особое вотчиническое управление, составляли графство, или графство, и владетель носил титул Грабя, то есть по-латыни Comites, графа, для означения своего вотчиничества, с наименованием своего графства, например: Ян Пиотровский, Грабя на Красном Ставе (название имения). В Польше есть и теперь много княжеских родов, потерявших сие звание оттого, что не

могли ясно доказать своего происхождения или не хотели, когда Станислав Понятовский убедил Сейм позволить употреблять титулы. До сего многие княжеские роды хотя не смели называться князьями, но писались из князей., по происхождению своему от князей русских, владея богатыми поместьями в Галиции и на Украине и будучи родственником Станислава Лещинского, поддерживал его с жаром и напряжением всех своих средств. Зная, что гетман Мазепа, находясь в Минске с войском своим, влюбился в жену покойного его брата и даже предложил ей свою руку, пан Дульский вознамерился воспользоваться сим обстоятельством и завел с Мазепою переговоры, вследствие коих стал собирать войско в своих украинских поместьях, и наконец сам прибыл в одно из них, укрепленное вроде замка. Здесь он ожидал своей невестки, а между тем посредством иезуитов сносился с Мазепою, который, по обычаю своему, вел дело медленно, неясно, двусмысленно. Между тем пан Дульский жил роскошно в своем замке, угощал своих друзей и юношество из хороших фамилий, вооружавшихся под его хоругвию

Choagiew, в военном значении то же, что эскадрон. Паны, держа на свой счет войско, имели знамена со своими гербами., позволяя бедной шляхте, составляющей дружину, пировать и бесчинствовать на счет своих поселен и мещан, живших в принадлежавших ему городишках. Тогда военная сила в Польше измерялась не тысячами или десятками тысяч, но десятками и сотнями, ибо Польша, ведя вечную брань с Россиею, с Турциею и с татарами, не имевшими регулярного войска, противопоставляла сотни тысячам, и опытные польские наездники, искусные в военном ремесле, весьма часто торжествовали над превосходным числом своею храбростью и искусством. Тысяча всадников почиталась тогда в Польше сильным отрядом, небольшою армиею, ибо сия тысяча вольных воинов вела за собою несколько тысяч слуг Военные слуги, или цюры, имели право носить оружие в военное время и охраняли обозы, которые были при польском войске многочисленны в последнее время, ибо каждый шляхтич хотел иметь с собою бричку и заводных лошадей., которые в нужде вооружались и сражались

под начальством своих господ. Пан Дульский почитал себя чрезвычайно сильным, успев собрать уже до пяти сот вооруженной шляхты, в числе коих находилось много молодых людей из знатных и богатых родов.

Соседство Палея, непримиримого врага поляков, беспокоило пана Дульского. Он вознамерился испытать счастья и, собрав до тысячи воинов из шляхты и своих надворных казаков, напасть врасплох на Палея в Белой Церкви, где, как носился слух, хранились несметные сокровища. Для разведания о положении дел, Дульский выслал жида в Белую Церковь, который, как известно, был пойман и, под ударами казачьих нагаек, высказал все, что знал и о чем догадывался. Палей, как мы уже видели, решился предупредить Дульского. С нетерпением ожидал пан Дульский возвращения своего лазутчика, как вдруг дали ему знать, что отряд вольницы Палеевой показался в нескольких милях от замка и разграбил одно из его поместий. Почти в то же время управитель его привел во двор связанного мужика, который в пьяном виде грозил в корчме жидам и ляхам близкою гибелью и

местью Палея. Это был тот самый мужик, которому Палей дал денег, встретясь с ним на пути. Несчастливого стали пытаться, и он в истязаниях признался, что видел самого Палея, говорил с ним и слышал из собственных уст его, что он идет на замок его пана. Не умея в точности определить числа Палеевых воинов, мужик объявил, однако же, что их едва будет вполовину противу воинов, собранных в поместье его пана, и тем не только успокоил Дульского, но даже породил в нем надежду разбить отряд Палея и захватить его самого в плен. Велев бросить мужика в погреб, Дульский немедленно собрал знатнейших из своих приверженцев для военного совета, а в том числе и иезуита Заленского, возвратившегося от Мазепы.

Когда ротмистры и прочие офицеры собрались в зале, пан Дульский рассказал им о прежнем намерении своем напасть на Белую Церковь, для отнятия у Палея награбленных в Польше сокровищ, объявив о появлении Палея в окрестностях со слабым отрядом и просил совета у своих друзей, что должно предпринять в сем случае.

— Сейчас на конь и в поле! — воскликнул молодой хорунжий Стадницкий. — Ударим на разбойников, разобьем их и прямо бросимся на Белую Церковь, нападём на город прежде нежели там узнают о разбитии Палея — и все наше!

Старый ротмистр Скаржинский улыбнулся, погладил седые усы свои и сказал:

— Не так легко это сделать, как сказать, пане хорунжий! Мы давнишние знакомые с Палеем. Этого старого волка не проведешь и не скоро пробьешь его шкуру. Глаз у него зорок, и зуб востер! Не должно верить слухам, а надобно самим удостовериться в истине. Пошлем разьезды, а сами запремся в замке и будем ожидать последствий. Мне кажется, что Палей хочет уловить нас какою-нибудь военною хитростью. Это его дело! Впрочем, в каких бы ни был силах Палей, встреча с ним будет нам стоить дорого. У нас, по большей части, воины молодые, неопытные, не привыкшие к жестокому, продолжительному бою, к резне на ножах, а с Палеевой вольницей, составленной из самых отчаянных головорезов, или бей насмерть на месте, или вались на ме-

сте в могилу! Тут надобно старых солдат...

— Полноте, полноте! — сказал гордо хорунжий Стадницкий. — У вас всегда одно и то же на языке: все одна похвальная песня старости! Храбрость не в седине, почтенный ротмистр, и — говоря не на ваш счет — храбрость редко доживает до седин. Вы и несколько других известных воинов, вы составляете исключение из моего правила, а между тем я все-таки верю, что на отчаянное дело лучше идти с молодыми, нежели со старыми воинами...

— Но зачем нам пускаться без нужды на отчаянное дело? — сказал хладнокровно ротмистр Скаржинский. — Мы собрались здесь не на войну противу Палея, и если бы он ускользнул от нас, то не только в этом не будет беды, а напротив того, по-моему, еще лучше, потому что мы сохраним наших воинов на дело, от которого зависит судьба отечества и участь короля Станислава.

— Позвольте же доложить вам, — примолвил патер Заленский, — что польза отечества и короля Станислава требует непременно истребления разбойничьего гнезда Палеева и гибели этого злейшего из наших врагов.

Пока он будет жив, нам нельзя надеяться никакой помощи в этих странах!

— Совершенная правда! — примолвил пан Дульский. — При полной доверенности моей к вам, ясневельможные и вельможные паны, я не могу открыть вам, до времени, всех тайнств политики короля Станислава, но уверяю вас, что от гибели Палея почти зависит успех нашего дела и судьба нашего отечества. Нам должно решиться на отчаянное средство, чтоб извести этого разбойника и овладеть его сокровищами, которые дадут нам возможность вести войну с царем московским и с приверженцами Августа. Я думаю, что вы слишком далеко простираете свое благоразумие и предусмотрительность, пане ротмистр, представляя нам столь опасным и столь сомнительным открытый бой с Палеем! Если б у него вместо четырехсот человек было четыре тысячи, то и тогда нам было бы стыдно страшиться этой сволочи! Разве ротмистр Лисовский считал свои дружины тысячами, когда доходил до Волги, пробиваясь сквозь сто-тысячные воинства? Разве гетман Тарновский, карая мятежных волохов, не был вдеся-

геро слабее их? Разве Калиновский, Корецкий, Потоцкий, Сапега, Вишневецкий не сотнями поляков разбивали тысячи казаков! Разве в победе под Берестечком не приходилось по десяти казаков и татар на одного нашего воина? Нечай, Наливайко и Хмельницкий, право, не хуже Палея, а мы никогда не сражались с ними в равном числе. Разве мы не те же поляки, пане ротмистр?

— Мы те же поляки, но неприятели наши не те люди, что были прежде, — отвечал ротмистр Скаржинский. — Прежняя сволочь, полувооруженные толпы мужиков, без всякого познания военного ремесла, предводительствуемые невеждами, которых наши всадники гоняли пред собою как стадо, эти мужики теперь стали опытными и искусными воинами и с дикою храбростью своею соединяют непримиримую к ним вражду, которая делает из них героев...

Толстый и румяный пан Дорошинский громко захохотал при сих словах.

— Только этого не доставало! — сказал он насмешливо. — Что дадите мне за этих героев, — примолвил он, обращаясь к старому

ротмистру, — я сейчас же выступлю с моею хоругвию, и завтра, если только Палей не бежал в свой разбойничий притон, завтра же обещаю вам дать по три живых и по три мертвых героев ваших за каждого коня, которого вы поставите в мой эскадрон! Не хотите ли заключить торг? Стыдно, право, стыдно толковать с такою важностью о появлении нескольких сот разбойников, как будто дело шло о нападении на Польшу всей турецкой и татарской силы! Пане Дульский! Объявляю вам решительно, если вы не согласитесь послать тотчас погоню за разбойниками, то я отделяюсь от вас с моею хоругвию и иду один противу Палея, а когда поймаю его, то, прежде чем повешу, приведу его к вам, на аркане, и заставлю его сказать пред всеми, что тот, кто боялся его, недостоин имени поляка!..

— Bravo, bravo! — закричали со всех сторон. — В поле, на конь и — смерть разбойникам!

— Кто осмеливается упоминать о боязни!.. — сказал в гневе ротмистр Скаржинский, встав с места и ухватясь за саблю.

Крик и шум заглушили слова ротмистра.

— На виселицу разбойников! На кол атамана! В огонь весь род его и племя! В поле, на конь! — раздавалось в толпе.

— Я не имел намерения обидеть вас, пане ротмистр, — сказал пан Дорошинский, — ибо уважаю ваши заслуги и ваши седины; но если вам угодно увериться, что я не знаю, что такое боязнь, то прошу покорно со мною, в чистое поле, противу Палея, или на средину двора, с саблею наголо. Или там, или здесь мы разрешим наши сомнения...

— Господа, господа! — сказал патер Заленский, став между противниками. — Неужели нам нельзя сойтись на совещание без того, чтоб не обошлось без ссоры и драки? Вот в чем состоит сила врагов наших! Наши раздоры и несогласия лучшие их союзники! Именем пролившего жизнь на кресте для любви и мира между людьми, — примолвил патер, взяв в руки крест, висевший на груди его, — именем Спасителя приглашаю вас к миру и согласию! — Сказав сие, патер взял руку ротмистра и положил в руку пана Дорошинского.

— Итак, подайте венгерского! — восклик-

нул пан Дульский. — Пусть же льется вино вместо крови и разогреет охлажденную дружбу!

— Гей, венгерского! — закричал пан Дульский и захопал в ладоши. Маршал двора его, стоявший за дверьми, побежал исполнить приказание.

— Святой отец! — сказал хорунжий Стадницкий иезуиту, — где нет спора, там нет и мира. Между людьми равными и свободными, как шляхта польская, нельзя требовать монашеской подчиненности и смирения, и тот плохой шляхтич, чья сабля не прыгала по лбу соседа или чей лоб не выдержал удара стали. Сеймики и пиры также война, и где бы нам приучаться к бою, если б мы жили тихо, как немцы или как отшельники? Напрасно вы помешали поединку пана ротмистра с паном Дорошинским, святой отец! Я отдал бы своего карего жеребца, чтоб посмотреть, кто кому скорее раскроит голову. Они оба искусные бойцы...

— Полно, пане хорунжий! — сказал пан Дульский. — Теперь и без поединков есть случай повеселиться с саблею в руке.

Между тем маршал явился с огромным бокалом в руках, а за ним служители внесли ящики с бутылками. Пан Дульский налил бокал и, обращаясь к ротмистру Скаржинскому, сказал:

— В руки Панские! Wresec Panskie! то же, что: а vous! — выпил душком до дна. Потом налив снова, поднес ротмистру, который, выпив с тою же приговоркою, передал бокал пану Дорошинскому. Бокал переходил таким же порядком, из рук в руки, пока несколько дюжин бутылок не опорожнились. Вдруг послышался трубный звук во дворе.

— На конь! Виват! Да здравствует пан Дульский! — закричали разгоряченные вином собеседники.

— На первом сейме я подаю голос за пана Дульского! — воскликнул пан Дорошинский.

— И я также!.. и я также! — раздалось в толпе. — Он должен быть канцлером! Он должен быть гетманом коронным!.. Что за славное вино!.. А почему же ему не быть королем? — Вот что слышно было в толпе, между обниманиями и целованиями, пока воинская труба не пробудила в панах охоты к драке.

— Господа! — сказал пан Дульский. — Прошу выслушать меня! Всем нельзя выступать в поле. Бросим жребий, кому оставаться. — Пан Дульский взял шапку, которая висела на рукояти его сабли, снял с руки перстень с гербом и просил других последовать его примеру. Сабля, усы и перстень с гербом были в то время три необходимые принадлежности польского шляхтича. Каждый из присутствовавших бросил свой перстень в шапку.

— Я думаю, что четвертой части наших воинов довольно для охранения замка, — сказал пан Дульский. — Из вас, господа, должны остаться, по крайней мере, человек десять или пятнадцать. Крепостная служба требует бдительности и строгого надзора, а не во гнев сказать, все мы лучше любим подраться в чистом поле, чем проводить бессонные ночи на страже. Итак, лучше, если будет более офицеров для очередования в службе. Притом же, нельзя оставить дам без кавалеров... Они соскучатся.

— Справедливо, справедливо! — закричали со всех сторон.

— Итак, я вношу предложение, чтоб пятна-

дцать человек из нас остались в замке. Почтенный патер Заленский, извольте вынуть пятнадцать перстней, один за другим. Чей перстень вынется, тот останется. Но прежде вы должны дать, господа, честное слово, что не станете противиться сему добровольному условию и что каждый из вас беспрекословно подчинится жребию.

— Даю честное слово! *Verbum pobile!* — закричали в толпе.

— Итак, извольте начинать, патер Заленский! — примолвил пан Дульский.

Геральдика составляла одну из важнейших познаний польского шляхетства, и каждый благовоспитанный человек знал наизусть все гербы известных фамилий в Польше. Патер Заленский, вынимая перстни, читал как по писаному и провозглашал имена. В числе четырнадцати вынувшихся перстней находились перстни самого пана Дульского, старого ротмистра Скаржинского и хорунжего Стадницкого. Все молчали, хотя многие морщились и изъявляли знаками свое нетерпение. Наконец патер, вынув пятнадцатый перстень, провозгласил громко:

— Пан ротмистр Дорошинский, подкоморий Брестский, воеводич Брацлавский!

— Протестую! — воскликнул пан Дорошинский.

— И я также! — сказал хорунжий Стадницкий.

— Протестую, не позволяю (nie rozvolam)! — закричало несколько панов.

— Veto! — примолвил пан Дорошинский. — Опровергаю конвенцию, потому что упущены формы, и определение последовало без собирания голосов поодиночке!..

— A Verbum nobile, а честное слово? — сказал пан Дульский.

— Честь каждого есть неприкосновенная святыня, — сказал пан Дорошинский. — Прошу не упоминать об ней!

— Но вы заложили мне эту святыню, дав слово! — отвечал с насмешливою улыбкою пан Дульский.

— Пане подконюший! — воскликнул с гневом пан Дорошинский. — При всем уважении моем к вашему дому и вашей особе, я объявляю вам, что если вы хотите, чтоб мы оба остались в живых до вечера, будьте воздер-

жаннее в речах! Я не позволю самому королю коснуться моей чести! Из дружбы к вам, я собрал под фамильную хоругвь мою сто лучших наездников из нашего воеводства и решился поддерживать вас, вопреки желанию родственников моих, которые обещали мне старство и звание охмистра (гофмаршала) при дворе Августа. Но если вы не умеете уважать друзей своих, я отделяюсь от вас и приглашаю всех друзей моих соединиться со мною. Господа! кто со мною, а кто с Дульским.

— Как? вы оставляете нас во время опасности, перед неприятелем! — сказал ротмистр Скаржинский.

— Смеюсь над всеми вашими опасностями и сам иду на Палея, — сказал пан Дорошинский, подбоченясь одной рукой, а другою опершись на свою саблю.

В собрании поднялся такой шум и крик, что не можно было расслышать ни слова. Все говорили вместе, и никто не хотел слушать. Венгерское вино действовало сильно в головах и испарялось в буйных речах и угрозах.

Иезуит ускользнул из собрания в самом начале спора, и когда запальчивость споря-

щих дошла до того, что некоторые уже обнажили сабли и надели шапки, вдруг дверь из боковой комнаты отворилась и в залу вошла княгиня Дульская, невестка хозяина, с тремя его дочерьми и со свитою, состоявшею из двадцати девиц и замужних женщин, родственниц, поживальниц и собеседниц княгини, хозяйки и дочерей. Спорящие тотчас сняли шапки, вложили сабли в ножны и умолкли.

Княгиня Дульская сказала:

— Мы узнали, что вы, господа, спорите о том, кому идти в поле, а кому оставаться в замке. Давно ли защита слабых жен не почитается почетным поручением для польского рыцаря? Наши отцы и деды, не страшась никаких опасностей, брались за оружие единственно для доставления спокойствия женам, детям и возлюбленным своим и, пренебрегая смертью, выше всех наград поставляли нашу любовь, дружбу и благодарность. Предки наши не гонялись за славою, а слава сама следовала за ними повсюду, потому что цель всех их подвигов была истинно благородная, бескорыстная, рыцарская! Марина Мнишек вооружила для защиты своей цвет польского

юношества, чуждого политических видов и повиновавшегося единственно силе ее красоты. Украинскому разбойнику, какому-нибудь Палею, прилично жаждать крови и добычи, но для польского рыцаря, для вольного шляхтича Польской Республики защита женщины должна быть священной обязанностью. Пане Дорошинский и пане Стадницкий! Я избираю вас в мои защитники и, надеясь на ваше мужество, прошу остаться с нами в замке! Мои подруги вверяют безопасность свою остальным тринадцати рыцарям, которых судьба назначила нам по жребию!

Пан Дорошинский пожал плечами, обтер пот с лица, покрутил усы и, не говоря ни слова, подошел к пани Дульской и поцеловал ее руку. Хорунжий Стадницкий последовал его примеру, и все прочие офицеры, которым надлежало остаться в замке, сделали то же самое: каждый поцеловал, в безмолвии, руку избранной им красавице.

Дамы вышли, и спор прекратился. Пан Дульский проводил за ворота тех, которым надлежало выступить противу Палея, и возвратился в комнаты.

Дорошинский заперся в своей комнате. Сгоря и досады он лег спать. Он решился не показываться в обществе. Но вечером, когда княгиня Дульская прислала просить его послушать сочиненной ею песни, он не мог воспротивиться повелению дамы и, нарядившись богато, пошел в залу, где по вечерам собиралось все общество.

От самых древнейших времен в Польше угождение женскому полу и даже прихотям красавиц почиталось обязанностью благовоспитанного дворянина. Женщины всегда владычествовали в Польше! Дорошинский, при всем буйстве своего характера, не мог противиться господствующему обычаю, ибо оскорблением красавицы он превратил бы всех своих друзей и приверженцев в непримиримых врагов. Притом же, будучи холостым, богатым, имея не более тридцати лет от рождения, почитая себя красавцем и пользуясь уважением шляхты в своем воеводстве, Дорошинский мог надеяться, что молодая и прекрасная вдова двух богатых и сильных родством панов, Вишневецкого и Дульского, не отринет руки его. Княгиня Дульская, с самого

приезда в замок своего шурина старалась льстить Дорошинскому и всею силою своего кокетства ублажала его, чтоб, возбудив в нем надежду на любовь ее, привязать его к партии короля Станислава. Княгиня поступала таким образом отдельно с каждым из панов, имеющих сильное влияние на умы своих соотчичей и пользующихся богатством. Но как Дорошинский был буйнее прочих и чрезвычайно своенравен, то княгиня, для удержания его в пределах повиновения, обходилась с ним с большею нежностью, нежели с другими, ведя сию игру так искусно, что ни в ком не возбуждала ревности, а, напротив того, посеивала в сердце каждого равные надежды. Дорошинский, прибыв в залу, старался казаться холодным и ко всему равнодушным, но наряд его и ухватки изменяли ему. Дорошинскому досталось по наследству, от деда его, служившего в Испании, множество драгоценных вещей, из коих бриллиантовая запонка для застегивания узкого воротничка на жупане, перстень и рукоять сабли стоили несколько тысяч червонных. Зная Дорошинского известно было, что он надевал сии драгоцен-

ные вещи только в необыкновенных случаях, как будто для выказывания своего могущества; а потому, когда он явился в зале в светло-зеленом бархатном кунтуше, в алом атласном жупане, подпоясанный парчовым персидским кушаком и в лучших своих алмазных украшениях, хитрая княгиня Дульская тотчас догадалась, что холодность Дорошинского притворная и что он желает нравиться и обратить на себя внимание.

Когда все общество собралось, княгиня Дульская села за арфу и запела думу своего собственного сочинения, в похвалу польских воинов, прославивших польское оружие в чужих и дальних странах. Она упомянула о знаменитом гетмане Тарновском Родился 1488-го, умер 1561 года., начальствовавшим войсками португальского короля Эммануила, в войне с маврами, и прославившегося победами и рыцарскими доблестями; о Завите Черном Умер 1420 года., отличнейшем рыцаре при дворе и в войске римского императора Сигизмунда, и, переходя быстро от древних времен к новым, воспела похвалу славному Христофору Арцишевскому, который, нахо-

дьясь в службе Голландской Республики, управлял завоеванною у португальцев Бразилиею, построил крепости Рио-Жанейро, Бахию и Пернамбуко и многократно побеждал испанцев Жил около 1637 года., а наконец упомянула о деде Дорошинского, который, пользуясь особенною милостию испанского короля, Карла II, употреблял ее на распространение католической веры и украшение храмов Божиих. Хотя всем известно было, что дед Дорошинского не отличился никаким геройским подвигом и был в милости испанского короля по связям своим с монахами, но воспоминание об нем, в числе знаменитых людей, льстило тщеславию Дорошинского и доказывало, что прелестная княгиня нарочно для него поместила сей куплет в свою патриотическую песню. Холодность Дорошинского растаяла. Он подсел к княгине и во весь вечер не отходил от нее, восхищаясь ее любезностью.

Сам пан Дульский также имел надобность привязать к себе Дорошинского, ибо хотел занять у него денег на содержание вооруженной им шляхты. Под предлогом примирения Дульский вознамерился употчевать Доро-

шинского и за бокалом выманить у него письменное приказание его поверенному, в Лемберге, который, как известно было Дульскому, получил значительные суммы из Голландского банка, принадлежащие его верителю.

Король Август II, известный телесною силою и страстью к чувственным наслаждениям, довел до конца порчу нравов, начавшуюся в Польше при последних Ягеллонах. Прежде роскошь дворянина состояла в богатстве и доброте оружия и в красоте коней. После того богатые паны принесли, из чужих краев, обычай украшать свои дома драгоценными обоями, зеркалами, мраморами и бронзами, уставлять столы множеством серебряной и золотой посуды и, по обычаю азиатцев, одеваться в парчу и драгоценные ткани. Наконец, при короле Августе, качество и количество яств и вин заменили все прочие прихоти. Умение жить в свете и молодечество составлялись в том, чтоб поглощать как можно более вина. В этом искусстве король Август не имел себе равного, и как двор служит обыкновенно примером для подданных, то пьянство

сделалось похвальным качеством, и в Польше все пило, в подражание королю и его вельможам. Кстати припомнить стихи Вольтера: *Quand Auguste buvait, la Pologne etait ivre!*

Пан Дорошинский был не из последних в модном искусстве опорожнять бокалы и даже выиграл несколько закладов, перепив отличнейших пиютоков при дворе. Он отличался еще от обыкновенных пьяниц тем, что любил хорошее кушанье, и ел столь же много, как и пил. Итак, пан Дульский велел изготовить самый великолепной ужин и вынести лучшего вина из своего погреба, для угощения Дорошинского и малого числа оставшихся в замке офицеров.

В 10 часов вечера звук музыки, в столовой зале, подал гостям известительный знак. Служители отперли все двери настежь, и пан Дульский, подав руку своей невестке, попросил Дорошинского проводить жену его. Прочие паны и офицеры взяли под руки по одной и по две дамы и все пошли в столовую залу. Мужчины поместились между дамами, а Дорошинский занял почетное место между хозяйкою и первою гостьею, княгинеею Дуль-

ской. Сам хозяин сел в середине, а в конце стола поместились ротмистры, хорунжие и отличнейшие товарищи надворной хоругви пана Дульского, также поверенный его, правитель замка, или кастелян, надворный капеллан, или домашний священник, и прочие письменные его слуги из шляхты. Патер Заленский сел по другую сторону хозяйки.

Стол уставлен был серебряными вазами, соусниками с крышками, паштетами, жаркими, пирожными и конфетами. Столовые вина Масляч и старый Францвейн находились в больших серебряных кувшинах, а старое венгерское, или так называемое *виватное* вино, в малых круглых бутылках, стояло в корзинах, на особом столе, под стражею пивничего. Любезность хозяйки и прочих дам, гостеприимство хозяина, вкусные яства и доброе вино возбуждали к веселию, и собеседники, пресыщаясь, не обращали внимания на сильную бурю, которая восстала с вечера и, в половине ужина, свирепствовала с величайшею жестокостью. Ветер ревел и потрясал окончины, град и дождь били в стекла, громовые удары следовали один за другим, и молния страшно

сверкала во мраке.

— Признаюсь откровенно, — сказал пан Дорошинский, — что я лучше соглашусь выдержать самое жестокое сражение с неприятелем, вдесятеро сильнеешим, нежели провести одну такую ночь под открытым небом! Мне весьма жаль наших товарищей, которые теперь должны блуждать по степи, отыскивая разбойников, и я вам обязан, прелестная княгиня, что, вместо того чтоб мокнуть теперь на дожде, при свете молнии, я, при душистой влаге венгерского, наслаждаюсь светлыми взорами прекрасных наших собеседниц, — взорами, — примолвил он, взглянув нежно на княгиню, — которые хотя иногда опаснее молнии, но в самых мучениях улаживают сердце!

— Пусть это послужит вам уроком, — отвечала княгиня Дульская, — и убедит, что послушание воле дамы всегда щедро награждается.

— Если только требуется одного повиновения, чтоб заслужить вашу милость, то я готов, по одному вашему слову, сжечь все мои замки и броситься на сто пушек!.. — сказал Доро-

шинский, разгоряченный вином.

— Я от вас никогда не потребую такой отчаянной жертвы, — отвечала княгиня, улыбаясь. — Напротив того, я стану просить вас слушаться меня потому только, что желаю вам пользы, славы и счастья!

Дорошинский чуть мог усидеть на стуле, от радости. Он схватил бокал и закричал:

— Венгерского!

Дульский, который не спускал глаз со своего гостя, мигнул слуге, и тот подал ему огромный золотой бокал, в котором вмещалось полгарнца.

— Пойдите, пане Дорошинский! Я вижу, чье здоровье вы желаете пить. Но все должно быть в порядке. Во-первых: за здоровье Станислава, нашего короля и пана милостивого! Виват! — Дульский выпил бокал душком при звуке музыки и литавров и, налив его, сам поднес Дорошинскому, который, опорожнив его таким же порядком, передал в руки соседа. Когда бокал обошел вокруг стола и возвратился к хозяину, он снова налил его и провозгласил здоровье товарищей, находившихся в сие время в походе, в поисках Палея.

Заздравные тосты сменялись одни другими. Пили полные чаши за здоровье хозяина, хозяйки, гостей, дам, и наконец дошло до того, что некоторые из собеседников едва уже могли держаться на стульях. Дамы, по просьбе Дульского, не вставали с мест своих, чтоб приохочивать гостей к питью и забавлять их. Попойка сопровождалась любовными объяснениями, нежностями и хвастовством об удалстве на охоте, в боях и поединках. В это время кастелян замка, который прежде встал из-за стола, вошел в залу и объявил на ухо хозяину, что два надворные казака, воспользовавшись бурей, бежали из замка и увели с собою крестьянина, посаженного в темницу, того самого, который был допрашивай по поводу встречи его с Палеем.

Пан Дульский хотя пил менее других, однако ж не мог заниматься делами в это время, ибо ему надлежало наблюдать за порядком угощения и поддерживать веселость общества.

— Черт с ними! — сказал он кастеляну. — Завтра пошли взять под стражу всю родню беглецов; вели забрать все их имущество,

весь скот и лошадей и каждый день прикажи сечь отца, мать, братьев и сестер их, пока беглецы не воротятся сами.

Отдав сие приказание, пан Дульский поднял бокал и закричал:

— Здоровье дам!

Музыка заиграла туш, все гости вскочили с мест и, выпив до дна свои бокалы, воскликнули: «Виват!»

Но пан Дорошинский не довольствовался этим. Он стал на одно колено перед княгинею Дульской и просил у нее позволения выпить за ее здоровье из башмака ее, по тогдашнему обычаю. Княгиня Дульская позволила ему снять башмак с ноги своей, и Дорошинский, наполнив его вином, выпил при громогласных восклицаниях толпы, при звуке музыки и литавров, и поцеловал красавицу в ногу...

Вдруг все окна в зале затряслись, раздался стук снаружи, стекла посыпались, окончины провалились в залу, и в окнах показались страшные лица. Великорослый старец, без шапки, с седыми усами и с седою чуприной, держа в одной руке саблю, а в другой пистолет, вскочив проворно в залу, остановился,

осмотрелся и, оборотись к своим, закричал:

— Прикладывайся!

Из окон высунулись дула ружей, устремленные на собеседников.

— Палей! — воскликнул один из гостей.

При сем слове княгиня Дульская упала в обморок. Другие дамы хотели бежать из комнаты. Мужчины вскочили с мест своих, и некоторые из них схватились за сабли. Музыканты, служители стояли как остоленелые.

— Ни с места! — закричал грозный Палей. — Если кто только пошевелится, велю стрелять! Садись каждый по-прежнему — или смерть ослушнику!

В молчании все сели по своим местам, а между тем хозяйка, сама трепеща от страха, приводила в чувство княгиню Дульскую, при помощи нескольких женщин.

— Сюда, детки! — сказал Палей, оборотясь к своим. Казаки влезли в окна. Палей расставил их вокруг стола и возле дверей и велел держать ружья на прикладе. Все молчали. Страшно ревела буря, и ветер свистел в разбитые окна.

Глава VIII

*Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье;
Кто не прощает, не щадит;
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.*

А. Пушкин

Палей умышленно разглашал на походе о намерении своем напасть на пана Дульского. Не желая подвергать людей своих неминуемой гибели или крайней опасности при нападении на замок открытою силой, Палей вознамерился взять его хитростью. Все окрестные поселяне держали его сторону и доставили ему связи в самом замке, между надворными казаками пана Дульского, которые, служа по принуждению под хоругвию своего господина, ненавидели поляков, подобно всем украинцам, и душой привязаны были к вольным казакам, завидуя их участи. Разглашая о своем появлении в окрестностях замка, с малым числом вольницы, Палей

знал, что выманит за собой погоню ретивых польских воинов и тем разделит их силы. Когда же все сделалось по его предположению и большая часть бывшей в замке вооруженной шляхты погналась за отрядом есаула Иванчука, предполагая, что тут находится сам Палей, тогда приверженцы Палеевы в замке подвели его ночью к самым укреплениям. Смелый и предприимчивый наездник прежде заготовил лестницы и, пользуясь бурей и беспорядком в замке во время пиршества, перелез с двадцатью пятью отчаянными казаками чрез стену, вошел в сад, подставил лестницы к окнам и появился посреди пира, к ужасу и удивлению собеседников. Между тем надворные казаки, изменившие своему барину, напали нечаянно на польскую стражу у ворот, отперли их и впустили Москаленка с остальной дружиной Палея. Поселяне пана Дульского, приставшие к Палею, в надежде грабежа и из жажды мщенья, вооруженные косами и рогатинами, пошли вместе с Москаленком на двор замка и помогли ему перевязать воинов своего пана. В час времени замок был во власти Палея.

Палей, оковав ужасом собеседников, противу которых устремлены были заряженные ружья казаков, ожидал с нетерпением известия от Москаленка. Вдруг с шумом вбежал казак в залу и сказал:

— Все готово, батько! Вражьи ляхи связаны, как поросята. Все наше!

— О, я несчастный! — воскликнул пан Дульский, закрыв лицо руками.

— Скажи Москаленку, чтоб ждал моего приказания и чтоб никто из наших не смел отлучаться от своего места, — отвечал Палей. — Заприте ворота, поставьте везде часовых, возьмите у смотрителя замка все ключи и внесите сюда из погреба бочку пороха! — Казак вышел.

Страх собеседников дошел до высочайшей степени. Они были ни живы ни мертвы.

— Пане гетмане! — сказал Дульский дрожащим голосом. — Судьба даровала тебе победу. Будь великодушен столько же, как ты храбр и счастлив! Пощади жизнь нашу! Сжался над слабыми, безвинными женщинами! Возьми себе все мои сокровища... но отпусти нас!..

Все заговорили вдруг, прося о пощаде. Слова прерывались рыданиями и воплями женщин.

— Молчать! Никто ни слова! — закричал Палей грозно. Тишина снова водворилась в зале, и только глухие рыдания смешивались с воем бури.

— Сокровища, которые ты мне так щедро предлагаешь, пане Дульский, мои уже и без твоего согласия, — сказал Палей. — Они умножат казну Белоцерковскую, на которую ты лакомился! Понимаешь ли? Во всем прочем мы рассчитаемся по-братски с тобою и с твоими приятелями! У меня суд и расправа коротки. Мы не станем тягаться по судам и трибуналам. — Сказав сие, Палей приблизился к столу, взял бокал, налил вина, выпил и, обращаясь к дамам, сказал: — А которая из вас голубица приятеля моего Мазепы? Все молчали.

— Пане Дульский, которая из них невестка твоя? Княгиня Дульская, заливаясь слезами и едва переводя дух, встала со стула и поклонилась Палею, не говоря ни слова.

— А, это ты, моя чернобровка! — сказал Палей, подойдя к княгине и потрепав ее по ли-

цу. — Мы тебя возьмем с собою. У меня, на хуторе, есть славный парень, Мишка Ковшун. Он был лихой казак, пока ляшская пуля не перебила ему ноги. Теперь он пасет мой табун. У него умерла невеста, так я отдам ему тебя. Право, тебе будет лучше с ним, чем со старым и дряхлым плутом Мазепою! Ты мне народишь с дюжину казачат!.. — Палей, говоря сие, гладил княгиню по голове и по лицу и улыбался насмешливо. Княгиня молчала и плакала.

— Нет, я более не в силах выдержать этого нахальства! — воскликнул Дорошинский. — Лучше сто смертей, чем поругание!.. — С сим словом Дорошинский выхватил из ножен саблю и бросился на Палея.

Раздался выстрел, и Дорошинский упал без чувств к ногам княгини.

— Довольно и одной смерти! — примолвил Палей, не трогаясь с места.

Тот самый казак, который выстрелил в Дорошинского, оттащил его за ноги на сторону и стал снимать с него дорогие вещи и одежду.

— Нет ли еще охотников на казацкую пулю? — спросил Палей насмешливо.

Дверь снова отворилась, и человек с десять казаков внесли бочку с порохом. Палей велел поставить ее в другой комнате. Отчаянье несчастных поляков, особенно женщин, уже не имело пределов. Женщины не могли более удержать стонов и рыданий. Дочери бросались на шею к матерям, подруги жалобно прощались, призывая Бога на помощь. Мужчины, будучи не в силах защищаться и не надеясь пощады, молились и в оцепенении ждали ужасной своей участи. Хмель давно выветрился из голов пировавших в веселии за час времени пред сим, а теперь осужденных на мучительную смерть. Патер Заленский, полумертвый от страха, не мог долее выдержать, и когда внесли бочку с порохом, он вскрикнул пронзительным голосом и упал без чувства со стула.

— Вынесите вражьего паписта на двор и привяжите к дереву, чтоб простыл, — сказал Палей. — Завтра из него будет славный обед воронам.

Казак схватил патера за ноги и потащил за двери, как колоду.

Дульский решился еще раз попробовать,

не удастся ли ему склонить Палея к помилованию:

— Пане гетмане! — сказал он. — Я не спорю, что все, находящееся в замке, принадлежит тебе по праву сильного. Но у меня и у друзей моих есть имущества, есть деньги и драгоценности в других местах. Мы предлагаем тебе выкуп за себя, какой ты сам назначишь! Определи срок, и если в это время родные наши и друзья не представят тебе выкупа, — ты волен в нашей жизни. Кровь наша не принесет тебе никакой выгоды, а только навлечет на тебя мщение целой Польши. Пожертвуй мстью выгодам своим и тронься слезами беззащитных, слабых жен! И у тебя есть жена и дети, и ты можешь быть в таком положении, что будешь умолять о пощаде! Пане гетмане, подумай о Боге, о душе своей, о вечной жизни!

Палей, вместо ответа, громко захохотал.

— Детки! — сказал он, обращаясь к своим казакам. — На свору поганых ляхов! Не троньте одного пана Дульского. Мы с ним еще не рассчитались.

Каждый казак имел у пояса готовый ар-

кан. Они бросились на поляков и стали вязать их. Сопротивление было бесполезно: на каждого поляка приходилось по нескольку казаков. Слуг, украинских уроженцев, не тронули. Казаки, связав полякам руки назад и спутав ноги, как лошадям на подножном корме, повалили каждого из них на землю. Тогда Палей подошел к Дульскому, который, встав со стула и поджав руки, ожидал своей участи, и, ударив его по плечу, сказал:

— В последний раз хочу я испытать твой польский *гонор* (честь), которым вы, ляхи, так много похваляетесь. Ну-тка, во имя этого шляхетского *гонора*, пане Дульский, скажи мне откровенно, что бы ты сделал со мною, если б тебе удалось поймать меня?

Дульский, потупив взор и помолчав немного, поднял быстро голову и сказал:

— Не изменю чести ни за жизнь, ни за все блага жизни! Скажу тебе правду: если бы я поймал тебя, то немедленно повесил бы на воротах моего замка!

— Итак, и ты должен висеть на воротах замка, пане Дульский! — отвечал Палей хладнокровно.

Дульский не отвечал ни слова.

— Ты должен быть повешен, пане Дульский, по закону Моисееву, по праву возмездия, — повторил Палей.

— Делай что хочешь, твоя воля и твоя сила! — сказал Дульский, махнув рукою. — Не стану терять слов напрасно!

— Ты бы не пощадил меня, пане Дульский; но я люблю откровенность и за то, что ты смело сказал мне правду, помилую тебя, только с условием. Выслушай меня! Плут Мазепа задержал в Батурине моего любимого есаула, которого я сам воспитал и усыновил. Я знаю все ваши шашни! Знаю, что старый прелюбодей влюблен в твою невестку и что вы замышляете что-то недоброе противу Московского царя. Сделайте только, чтоб Мазепа отпустил есаула — и черт с вами! Дарую жизнь всем бабам и детям, тебе и всей твоей родне, а в противном случае, если Мазепа не захочет отпустить моего есаула — всех в петлю и на кол! Вот мое последнее слово! Пусть невестка твоя напишет к Мазепе, а я между тем возьму тебя и семью твою с собой в Белую Церковь и буду ждать его ответа!

— Хорошо, — сказал пан Дульский, — но что же станется с друзьями моими, с моими товарищами?

— Это не твое дело, пане Дульский! — отвечал Палей. — Ты не можешь требовать, чтоб я не потешился за труды мои и не перевешал или не перерезал хоть с дюжину твоих ляхов. Ведь мне на старости нет уже другой прихоти и забавы, как только *куколь из пшеницы выбрать*, то есть жидов и ляхов резать! Не проси невозможного, пане Дульский, — а не то разрываю условия!

Один только патер Заленский знал, что случилось с Огневиком, но как его не было в комнате, то никто не мог известить Палея о том, что любимец его уже свободен. Нельзя было спорить с Палеем, и потому Дульский не решился противиться условию, надеясь, что Палей смягчится чрез несколько времени.

— Детки! — сказал Палей. — Перетащите всех ляхов в другую избу и привяжите к бочке пороху! Не бойся, пане Дульский, я не подорву твоего дома без нужды. Это для того только делается, что, если бы твои приятели, которые гоняются теперь за мною в чистом

поле, вздумали напасть на замок, пока я здесь, тогда бы я попросил их поплясать со мной по-казацки и вспрыгнуть вместе к небу. Палей ни у кого не станет просить пощады и ни кому не сдастся! Понимаешь ли, пане Дульский! С твоими приятелями будет суд и расправа завтра, при солнечном свете. — Обратясь к женщинам, Палей сказал: — Вы, бабы, ступайте-ка пока в погреб, посидите там тихомолком да помолитесь за меня Богу, а утро вечера мудренее! Ты же, голубушка, — примолвил он, обращаясь к княгине Дульской, — напиши-ка нежную грамотку к твоему сизому коршуну и скажи ему, что если он тотчас же отпустит с ответом ко мне есаула моего, Богдана Огневика, то я надену на твою белую шейку пеньковое ожерелье и убаюкаю тебя на двух столбах с перекладиной, а шурина твоему и всему роду его и племени почию горло вот этим шилом! — Палей ударил по своему кинжалу. — Мазепа знает, что я держу слово, и вы также узнаете это! Симашко! Возьми с собой четырех удальцов и проводи баб в погреб. Петрусь Паливада! Ты парень грамотный, возьми с собой двух хлопцев да

обыщи все норы и конуры в замке и, где найдешь какую грамоту, неси сюда. Пан Дульский будет твоим проводником.

Казаки перетащили связанных поляков в другую комнату, а женщин увели в погреб. Дульский вышел, а Палей сел за стол и велел позвать Москаленка. Когда Москаленко пришел, он пригласил его поужинать и велел своим занять порожние места за столом.

Из всех поляков, господ и слуг, только смотритель замка и ключник остались под стражей несвязанные; они должны были отпирать все двери и указывать, где что хранится.

— Смотри, Москаленко, ты головою отвечаешь мне за порядок и безопасность, — сказал Палей. — Все ли исполнено по моему приказанию?

— Ни одна душа не ушла из замка, — отвечал Москаленко. — Везде расставлены часовые. Мужикам строго приказано не отходить ни на шаг от ворот. Остается только запрячь панских коней в брички да уложить добычу! Вокруг замка разъезжают десять казаков, чтоб не оплошать, если погоня за нами сюда

воротится!

— Она не может воротиться до завтрашнего вечера, а тогда уже мы будем далеко! — отвечал Палей. — Опасности здесь нет никакой, а осторожность все-таки не мешает. Ну, детки, ешьте вволю, а пейте в меру! Гей, пан смотритель замка, подавай-ка сюда поболее вина и кушанья, а после мы угостим тех, которые теперь на страже! Для мужиков чтоб было водки вдоволь! А на потеху отдайте им приказчика! Пусть позабавятся хлопцы!

Из кухни нанесли множество яств и стол уставили бутылками. Проголодавшиеся казаки принялись очищать блюда, и опороженные бутылки летели одна за другою в разбитые окна.

— Вражьи ляхи! — сказал старый урядник, утирая рукавом седые усы. — Все у них не по-нашему. Нет ни сала, ни вареников, ни галушек, ни пампушек, а все не то чтоб сладко, не то чтоб кисло... Сам черт не разберет!

— А мы их попотчеваем горьким, — примолвил Палей. — Нуте-ка, детки, выпейте еще по чарке да запойте мою любимую песню, как гетман Хмельницкий бил ляхов под Желтым

бродом Место, где Хмельницкий одержал первую знаменитую победу..

Казаки выпили по бокалу вина и затянули песню Подлинная современная казацкая песня.:

Чи ни той-то хмель, що коло тычин вьється?

Гей, той-то Хмельницкий що з ляхами бьється.

Гей, поихав Хмельницкий да к Желтому броду,

Гей, не един лях лежить головою в воду.

Не пый Хмельницкий дуже той желтой воды,

Иде ляхив сорок тысяч хорошей уроды[9].

А я ляхив не боюся и гадки не маю [10].

За собою велькую потуху[11] я знаю.

Еще и орду за собою веду,

А все вражи ляхи, да на вашу биду!

Утыкали[12] ляхи, погубилы шубы,

Гей, не един лях лежит выщеривши зубы.

*Становилы ляхи дубовые хаты,
Придется ляшенкам в Польшу
утыкаты.*

*Утыкали ляхи, где якие полки,
Илы ляхов собаки и сирые волки.
Гей, там поле, а на полю цвиты,
Не по едным ляху заплакали ди-
ты.*

*Гей, там ричка, через ричку глыца
[13],
Не по едным ляху засталась вдо-
вица.*

— Так было и так будет, — воскликнул Палей, подняв бокал. — За здоровье царя Московского и всей казачины, за здоровье всех казаков от мала до велика, кроме вражего сына Мазепы, которому быть бы не гетманом, а висеть на осине!

— Здоров будь, батько! — закричали казаки, опоражнивая душком бокалы. — Ты наш пан, ты наш князь и гетман! Мы не знаем и знать не хотим никого, кроме тебя!

Вдруг раздались выстрелы на дворе. Казаки вскочили с мест, бросили на стол и на пол серебряные кружки и бокалы и ухватились за ружья, которые стояли возле стены. Палей не

трогался с места. Все с беспокойством смотрели на него.

— К коням, детки! — сказал он хладнокровно. — А ты, Москаленко, останься со мною.

Казачи побежали опрометью из комнаты, и тогда Палей сказал:

— Если польская погоня воротилась так скоро, то, верно, Иванчуку не посчастливилось. Защищаться здесь будет бесполезно. Ты, Москаленко, попробуй счастья и пробейся чрез неприятеля, а я останусь здесь и взлечу на воздух вместе с ляхами, с ляшками и ляшенятами. Один конец! А Палея не видать им живого в своих руках и не ругаться над седою его чуприною! Ступай!

Москаленко бросился на шею Палею.

— Отец мой, благодетель мой! послушай моего совета и брось свое отчаянное намерение! Пойдем на пробой! Ночь темная, враги не знают нашего числа. Ударим на них дружно и крепко, и они не посмеют гнаться за нами. Увидишь, что мы успеем спастись, а если умирать, то лучше всем вместе, в чистом поле...

— Ни слова! — сказал Палей. — Как я ска-

зал, так быть должно. Я раздумал прежде, что должно делать. В темноте, в беспорядке я скорей могу попасться в плен... Нет, этого не будет! Прощай, хлопче! Коли тебе удастся увидеть жену мою и детей, скажи им, что я всех их благословляю, и отдай им вот этот отеческий поцелуй! — Палей поцеловал Москаленка в голову. — Все деньги мои и все золото и серебро разделите на три части: одну часть жене моей и детям, а остальное вам, хлопцы, на равные части!.. Ах, как жаль, что мой Огневик пропал!.. Вам не устоять без меня, детки! Ступайте на Запорожье, к Косте Гордеенке, и служите у него... Но к Мазепе чтоб никто не смел идти... Это последняя моя воля! Ступай!..

— Батько! Пане гетман!.. — воскликнул Москаленко.

— Ни слова более! Ступай!.. Время дорого. Москаленко со слезами на глазах выбежал из комнаты. Палей взял свечку со стола, раскурил свою трубку и перешел в комнату, где лежали связанные поляки вокруг бочки с порохом. Он выломал кинжалом одну доску из верхнего дна бочки и поставил на краю дна свечу.

— Ну, Панове ляхи, — сказал Палей, — я думал, что вам завтра должно висеть, ан пришлось вам плясать на воздухе. Подождем музыки!

В это время казаки ввели пана Дульского и принесли кучу бумаг.

— Сложите бумаги в угол, — сказал Палей, — а пана привяжите к бочке, вместе с его приятелями!

Казаки немедленно исполнили приказание вождя.

— Не я виноват, пане Дульский, — сказал Палей, — что не могу сдержать слова! Ты знаешь наше условие! Детки, ступайте к коням!

Казаки, не понимая ничего, вышли из комнаты. Палей сел на бочку с порохом, поставил свечу на пол и продолжал курить трубку, поглядывая то презрительно, то насмешливо на несчастных, внутренне приготавливающих к ужасной смерти. Они также слышали выстрелы, слышали решение Палея и знали, что он не изменит своему слову. Некоторые из них громко молились, другие исповедовались друг другу в грехах.

Но выстрелы замолкли. Прошло с четверть

часа, и все было спокойно. Тишина не прерывалась ни криками, ни звуком оружия, ни конским топотом. Палей не понимал, что все это значит. Он внимательно прислушивался.

Вдруг внизу лестницы послышался шум и говор. Палей взял свечу и, устремив взор к дверям:

— Всему конец! — сказал он и с нетерпением ждал, чтоб неприятели вошли в комнату, намереваясь в ту минуту поджечь порох. Моления умолкли: несчастные ожидали взрыва.

— Где он? где батько? — раздалось на лестнице.

Сердце Палея вздрогнуло. Это был знакомый, милый ему голос.

— Батько! где ты? — повторилось в соседней комнате.

— Здесь! — закричал Палей, вскочил с бочки, поставил свечу на стол и кинулся к дверям. Огневик повис у него на шее.

— Это ты, мой Богдан, мой любезный сын! — воскликнул Палей, прижимая Огневику к сердцу. — Ну, теперь я умру спокойно! — сказал Палей, вздохнув протяжно, как будто камень свалился с его сердца. — Садись-ка да

расскажи мне, каким образом ты избавился из когтей демоновских?

Между тем Огневик смотрел на несчастных связанных поляков, лежащих вокруг бочки с порохом почти без дыхания. Он взял Палея за руку, вывел в другую комнату и сказал:

— Ты посылал меня, батько, к гетману Мазепе с тем, чтоб я помирил тебя с ним. Ты обещался вступить под его начальство, не правда ли?

— Точно так! Я не отпираюсь от своего слова, — отвечал Палей. — Вы же сами решили, что нашей вольнице нельзя долго держаться и что одно средство остается нам, пристать или к войску Малороссийскому, или в Польше. Я лучше стану служить черту, чем ляхам, и так надобно было помириться с чертовым братом, с Мазепою!

— Я помирил вас, батько, и помирил искренно, — сказал Огневик. — Но первым знаком дружбы с твоей стороны, батько, должно быть освобождение сих несчастных. — Огневик указал на связанных поляков.

— А это зачем?

— Затем, что если ты признаешь власть

гетмана войска Малороссийского и Запорожского и хочешь быть приятелем пана Мазепы, то не должен делать набегов без его воли и обижать его приятелей. Пан Дульский друг Мазепы.

Палей стал разглаживать свои усы и задумался.

— Расскажи-ка мне прежде про нашу мировую! — сказал Палей.

— Клянусь тебе Богом, — возразил Огневик, — что мы с тобой, батько, не знали гетмана Мазепы, почитая его злым, бездушным и коварным. Я проник в сердце его...

— Постой! — сказал Палей, схватя Огневику за руку. — Он обманул, опутал тебя!

— Нет! он не обманул меня, а открыл мне свою душу, свои горести и поверил мне свои опасения, свое жалкое положение на высоте. Мазепе так же нужна твоя дружба, как тебе его. Вместе вы будете сильны, чтоб оградить права и вольности Малороссии и Украины, а поодиночке погибнете оба, жертвою силы и хитростей политики. Верь мне, батько; я твой душою и ни об чем не думаю, ничего не желаю, как твоей славы, твоего спокойствия и

блага родины... — Затем Огневик рассказал Палею все свои похождения в Батурине, умолчав, однако же, какую хитростию он был обезоружен и ввержен в темницу, и, изложив потом подробно волю Мазепы и все его сомнения насчет твердости казацких привилегий, присовокупил:

— Гетман Мазепа оставляет за тобой, батько, полк Хвастовский и все земли, забранные нами у поляков, обещая ходатайствовать об уступке оных тебе навсегда, за денежное вознаграждение; а от тебя требует только наружной подчиненности, желая действовать во всем с обоюдного вашего совета и согласия. Но пощади слабость его, батько! Старик влюблен смертельно в княгиню Дульскую и даже хочет на ней жениться. Пожертвуй своей победою общему благу! Вот первый случай доказать Мазепе, что примирение твое искреннее и что ты чтешь его волю и даже угождаешь ему... Дай свободу твоим пленникам и откажись от добычи! Палей снова задумался и, помолчав несколько, сказал:

— Мне, право, все что-то не верится. Проклятый Мазепа обманул, оболстыл тебя и за-

влек в свои дьявольские сети! Ужели правда, что Москва хочет уничтожить казатчину и гетманщину? Лжет, как собака, вражий сын!

— Помилуй, батько, — сказал Огневик, — да зачем же ты посылал меня к Мазепе, если не можешь и не хочешь верить ни клятвам его, ни обещаниям? Может ли он дать большее доказательство своей искренности, когда соглашается прибыть на свидание с тобою, безоружный, позволяя тебе явиться с вооруженною дружиной? Нет, батько! если ты порассудишь, то убедишься, что Мазепе более нужна твоя дружба, нежели твоя гибель. В тебе он будет иметь сильную подпору, без тебя он будет все в таком же положении, как и теперь.

— Бог с вами! — сказал Палей. — Пусть будет по-вашему! — Потом, обратясь к казакам, стоявшим у дверей залы, примолвил: — Развяжите пана Дульского и освободите баб из погреба!

— А других? — спросил Огневик.

— А какое дело Мазепе до других ляхов! — возразил Палей.

— Да ведь они друзья пана Дульского, при-

ятеля Мазепы!

— Ну так что ж?

— Их также надобно освободить.

— А кого же мне придется повесить? — спросил Палей простодушно.

— Теперь, батько, никого не надобно вешать. Мир заключен — и конец мести и войне!

— Черт вас всех побери! — проворчал Палей. — Не дадут и потешиться казацкой душе, с своей проклятою политикой! Ну, хорошо, отпущу всех; но чтоб не даром пропал поход, так повешу одного ксенза! Жидам и ксензам не спущу, хоть бы пришлось провалиться сквозь землю!

Присем Огневик вспомнил о патере Заленском и спросил у казаков, где он.

— Мы привязали его к дереву, чтобы проветрился от страха, — отвечал казак.

— Батько! — сказал Огневик. — Патер Заленский друг и школьный товарищ гетмана Мазепы, мой учитель и спаситель моей жизни! Он уведомил Наталью о моем плене; он впустил ее в подземелье, когда меня хотели пытаться; он первый подал мне помощь в недуг-

ге... Если ты убьешь его — клянусь тебе, что я с отчаянья брошусь в воду!

Палей обнял Огневика, поцеловал его в голову и в обе щеки, прижал к сердцу и сказал:

— Для этого радостного дня, в который я нашел тебя, мое дитяtko, всем дарую жизнь: и ляхам и ксензу! Будь они прокляты! Не хочу видеть их радости и сейчас иду в поход... Ребята, на конь! Делай с ними что хочешь, — примолвил Палей, обращаясь к Огневику, и, махнув рукою, вышел с казаками.

Огневик вошел в комнату, где лежали связанные поляки, и сказал им по-польски:

— Господа! Вы свободны! Обстоятельства переменились! Я сейчас только прибыл от гетмана Мазепы, который примирился с вождем моим, и полковник Палей отныне не будет враждовать с Польшей, без повеления гетманского. Это последний его набег. Но вас, господа, прошу дать мне честное шляхетское слово, что вы предадите забвению все здесь случившееся и не станете тревожить нас при отступлении нашем восвояси!

— Мы даем честное слово! — закричали все в один голос.

— Который из вас, господа, пан Дульский? — спросил Огневик.

Дульский отозвался.

Огневик обнажил свою саблю и стал разрезать веревки, которыми перевязаны были поляки, начав с пана Дульского. Освобожденные поляки бросились обнимать Огневику, называя его своим избавителем, спасителем и обещая вечную благодарность.

— Пан гетман Мазепа прислал чрез меня поклон вам, ясновельможный пане! — сказал Огневик, обращаясь к Дульскому. — И велел доставить вам вот это письмо. — Огневик вынул пакет из-за пазухи и отдал Дульскому. — Я не знал, — примолвил Огневик, — что буду иметь удовольствие вручить вам лично письмо гетмана, но на пути моем из Батурина в Белую Церковь узнал, что вождь мой выступил на поиски в Польшу, а потому и поехал его отыскивать. Случайно встретился я с отрядом нашим, при переправе чрез Днепр, и прибыл сюда с ним, по счастью, в самую пору, чтоб избавить вас от смерти...

В это время вбежал патер Заленский и с рыданиями бросился на шею Огневику. Вско-

ре появились и женщины. Слезы радости смешались. Обниманиям и поздравлениям не было конца. Поляки почитали себя воскресшими от смерти. Огневик наслаждался умирительным зрелищем. Когда несколько успокоились, то обратились к нему с новыми повторениями благодарности.

Вошел казак в полном вооружении и сказал Огневику:

— Батько ждет тебя за воротами. Хочешь ехать с нами, так ступай!

Огневик, простясь с освобожденными им от смерти поляками и с дамами, вышел, сопровождаемый их благословениями. Конь его стоял у крыльца. Он поскакал к ватаге, которая ждала его за воротами. Палей ударил коня и поехал рысью. Казаки поскакали за ним.

— Проклятая ночь, ни зги не видно! — сказал Палей Москаленку. — Если б мы зажгли замок, то до свету не скитались бы в темнотище! Дорого ты мне стоишь, сынок! — примолвил Палей, обращаясь к Огневику. — Когда бы я мог догадаться, что ты так скоро придешь ко мне с Иванчуком, то заранее перевешал бы всех вражьих ляхов и сжег бы их проклятое

гнездо. Нечего делать! Сталось! Терпи, казак, атаманом будешь! Авось царь Московский поведет нас на потеху в ляховщину!

Глава IX

*Твоя ужасна дальновидность
И скрытый, мрачный твой совет.*

Державин

*Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать неж-
ны речи
Любовника.*

А. Пушкин

Польша, без пограничных крепостей, имея весьма малое число регулярного войска (не более двенадцати тысяч), всегда была открыта для всех соседей. Только система политического равновесия, утвержденная в Европе Вестфальским миром, охраняла ее слабое политическое существование. Но с тех пор, как соседние народы стали просвещаться, а вследствие этого и усиливаться, а иезуиты,

завладев народным воспитанием в Польше, погрузили последующие царствованию Сигизмунда III поколения в невежество, она сделалась ничтожною в Европе. Настали времена, когда личная храбрость должна была уступить благоустройству, и гордая польская шляхта, предоставляющая одной себе право носить оружие, отдаляя от воинского звания поселян, не любя притом подчиненности и не соглашаясь на сеймах на умножение податей для заведения сильного войска, по примеру соседних держав, сия шляхта должна была терпеливо сносить разорения своих поместьев и всякого рода обиды от татар, казаков и воюющих между собою соседних держав. В это время русские шведы расхаживали свободно по Польше, занимали области и города, извлекали из оных продовольствие и управлялись везде, как в побежденной стране, именуя себя, однако же, союзниками одного из двух спорящих о престоле польском королей.

Август воевал со шведами, предводительствуя своим саксонским войском и малым числом польских приверженцев. Небольшое войско Польской Республики сосредоточено

было около двух столиц, Варшавы и Кракова, а прилежащие к России пограничные области оставались без защиты, и в них хозяйничали русские военачальники, проходя чрез оные или занимая в них посты.

Пользуясь сим беспорядком, Палей, как мы уже выше сказали, овладел частью польской Украины и утвердился в Белой Церкви, а Самусь хотя и поставлен был Польшею в гетманы войска Заднепровского, но, по примеру приятеля своего, Палея, подчинился также России и также грабил Польшу, овладел городами Немировом, Богуславом, Корсунем, Бердичевом и Винницею, объявив притязание к казне Республики, за неуплату жалованья. Два одновременные короля польские не в силах были удержать буйных казацких старшин от своевольтва. Август жаловался союзнику своему, русскому царю Петру, а Станислав Лещинский — Карлу XII и тайному другу своему, гетману Мазепе. Но Петр, будучи занят войною на Севере, не мог водворить порядка в Украине. Карл XII был далеко, а Мазепа опасался вмешиваться явно в польские дела, чтоб не навлечь на себя подозрения. Ко-

гда, наконец, Мазепа согласился помириться с Палеем, он назначил ему свидание в Бердичеве, принадлежащем по праву Польше, но платящем подать Самусю, из опасения грабежа. 12 июня бывает в сем городе ярмарка, на которую съезжается множество польских панов, казацких старшин, простых казаков, крестьян и татар. Палей охотно согласился на приглашение гетмана явиться на ярмарку и сим убедился даже в искренности Мазепы, полагая, что если б он имел против него злой умысел, то— не назначил бы ему свидания при многочисленном стечении народа, благоприятствующего в целой Украине Палею и ненавидящего Мазепу, как явного приверженца Польши. Палей приглашал с собою приятеля своего, Самуся, но он одержим был недугом в Виннице и не мог исполнить его желания.

Палей сперва намеревался взять с собою сильный отряд самых отчаянных казаков; но когда Мазепа пригласил его на ярмарку, то он почел ненужною сию предосторожность. Его сопровождали только Огневик, Иванчук, Москаленко и человек десять казаков, для при-

слуги.

Мазепа имел другие виды, назначая ярмарочное время для свидания. Он хотел, не возбуждав подозрения в своих врагах, переговорить с польскими панами, приверженцами Станислава, и увидеться с княгинею Дульскойю.

Палей отправился верхом, как в поход, без обоза, без кухни. Он велел только уложить в чемодан самую богатую свою одежду и самое дорогое свое оружие. В том состояла вся роскошь Палея, который хотя владел несметными сокровищами, плодами его набегов, но вел жизнь простого казака и любил блеск только в наряде. Пред отъездом он позвал Огневика в свою кладовую и велел ему насыпать в кожаную торбу червонцев без меры и счету.

— Береги это на дорогу, — сказал Палей, — и смотри, чтоб нам не было ни в чем недостатка.

Палей прибыл в Бердичев прежде Мазепы и остановился у приятеля своего, священника. За несколько дней до приезда гетмана пришел его обоз, состоявший из нескольких

карет, берлинов, бричек и колымаг. Для гетмана наняли лучший дом в городе, на главной площади. Комнаты убрали драгоценными персидскими коврами и шелковыми тканями, в шкафах расставили за стеклами серебряную раззолоченную посуду. Множество слуг, по большей части из поляков, наполнили весь дом. Двенадцать человек сердюков содержали стражу у ворот и дверей дома. Двадцать четыре музыканта гетманского двора, хор певчих заняли два соседние дома. Целый город и все прибывшие на ярмарку с нетерпением и любопытством ожидали прибытия гетмана Мазепы, которого все боялись и уважали, как самого государя.

Наконец прибыл высокомерный гетман войска Малороссийского, при многочисленном стечении народа, встретившего его за городскими воротами и провожавшего его карету до самого его жилища. Все шли без шапок, в тишине. Бургомистр и чиновники магистрата поднесли ему хлеб-соль на пороге дома и претствовали речью, как наместника русского царя. Православное духовенство явилось к нему с поздравлением. Одним сло-

вом, гетмана приняли в пограничном городе, как независимого владельца, и тем же порядком, как принимались прежде венчаные главы.

В городе никто не заметил прибытия Палея. Но народ вскоре узнал о сем и толпился возле дома его, приветствуя его при каждом его появлении радостными восклицаниями. Палей велел купить несколько бочек водки и меду, выкатить их на улицу для всенародного угощения, бросил в народ несколько сот талеров и, явившись сам к восхищенной толпе, запретил собираться впредь подле занимаемого им дома. Украинские крестьяне, казалось, ожили в присутствии Палея. Они бодро и смело расхаживали по улицам, не ломали шапок перед польскою шляхтой и даже придирались к служителям польских панов, чтоб завести драку. Между украинскими поселянами и казаками только было и речей, что о Палее. Поляки избегали встречи с ним, а жида прятались, когда он проходил по улице.

С Мазепою прибыли Орлик, Войнаровский и полковник Чечел. Огневик немедленно отправился к Орлику объявить, что Палей ожи-

дает приказаний ясневельможного гетмана.

Орлик ввел тотчас Огневика к Мазепе.

Мазепа встретил Огневика с радостным лицом и с распростертыми объятиями:

— Здорово, здорово, любезный Богдан! — сказал Мазепа, обняв Огневика и поцеловав его в лицо и в голову. — Спасибо за прислугу! Ну вот тебе за это грамотка от твоей невесты! — примолвил он, отдавая письмо. — Я хотел было взять Наталью с собой, но после порассудил, что ей неприлично быть здесь со мною. Зато я дал ей слово привезти тебя с собою в Батурин. Ты, верно, не откажешь мне в этом, Богдан! Не правда ли?

Огневик, вместо ответа, поцеловал руку гетмана.

— Ну что, здоров ли приятель мой, полковник Палей? — спросил Мазепа.

— Слава Богу, здоров и желает нетерпеливо представиться вашей ясневельможности!

— Я сам хочу как можно скорее обнять его. Но в первый раз мы должны увидеться только при двух свидетелях. Пусть в сумерки придет полковник Палей с тобою, а при мне будет только мой Орлик.

Мазепа прибыл в Бердичев в полдень. Победав налегке, он заперся в своей комнате, сказав, что хочет отдохнуть после дороги. Но он не думал о сне и об успокоении. Душа его была в сильном волнении. Страсти буйствовали в ней, и он должен был употребить всю силу своего ума и все могущество своего коварства, чтоб прикрыть ненависть свою к Палею видом искренней дружбы. Борьба сия стоила Мазепе большого усилия, и когда в сумерки он позвал к себе Орлика, тот испугался смертной бледности и унылого, померкшего взора гетмана.

— Вот настает решительная минута, любезный Орлик! — сказал Мазепа. — Я должен встретиться со смертельным врагом моим, изливавшим в течение тридцати лет по каплям отраву в мое сердце. Все клеветники мои, все враги мои находили пособие и совет у Палея, который посеял в моем войске недоверчивость и холодность ко мне. Теперь я должен прижимать его к сердцу! Я выдержу эту пытку, но ты, Орлик, будь осторожен... не измени ни взглядом, ни движением, ни словом...

— Я буду как камень, — отвечал Орлик.

— Крепись, Орлик! Не долго нам мучиться! Это последняя преграда на нашем поприще!..

Вошел сторожевой казак, доложил, что пришел полковник Палей, и удалился.

Мазепа невольно вздрогнул:

— Воды! Поддай мне поскорее холодной воды.

Орлик налил ему большую кружку, Мазепа выпил душком, обтер пот со лица, вздохнул тяжело и сказал Орлику:

— Введи его!

Когда Палей вошел в комнату, Мазепа приподнялся с кресел и снова присел, как будто от изнеможения. Он хотел говорить, проворчал что-то невнятное и замолчал. Он пристально смотрел на Палея, хотел ласково улыбнуться, но губы его дрожали.

Палей, казалось, не замечал или не хотел заметить замешательства Мазепы. Переступя чрез порог, Палей низко поклонился и, не дождавсь приветствия Мазепы, сказал громким и твердым голосом:

— Повинную голову меч не сечет! Прихожу к тебе, ясневельможный гетман, с покор-

ностию, с надеждою на твою приязнь и в уверенности, что ты, подобно мне, забудешь все прошлое. От твоего мирного слова старый Палей переродился! Буду служить верно царю Московскому под твоим началом, и в целом войске не будет полковника послушнее Палея. Господь пособил мне отнять у ляхов и татар несколько грошей, награбленных ими в родной нашей Украине, и укрепил руку мою на поражении неверных и недоверков Неверными называли украинцы мусульман и жи-дов, а католиков *недоверками*. Это польское слово *niedowiariek*, то есть неверящий вполне... Казна моя и рука моя — твои, на пользу нашей родины! Отдаю тебе мою саблю, которая сорок лет упивалась вражескою кровью, и только однажды отнята была у меня ляшскою изменою, когда я был заточен в Мариенбургской крепости. Жду воли твоей, что прикажешь, то и будет со мною! — Палей снял саблю и вручил ее Мазепе.

Между тем гетман пришел в себя.

— Я не мог опомниться, старый друг мой, Семен, увидев тебя в первый раз, после тридцатилетней разлуки, — сказал Мазепа ласко-

во, дружески, с видом откровенности и простодушия. — С тех пор, как мы жили с тобой по-братски, в одном курене, в Запорожье, с тех пор, как я перешел в Гетманщину — мы не встречались, а злые люди воспользовались нашею разлукою и посеяли между нами вражду. Дай мне руку, Семен! Эта звезда и эта голубая лента, которыми царь Московский прикрыл грудь мне, не изменили моей сердечной простоты, а гетманская булава не ослабила руки моей для дружеских объятий! Я все тот же Иван для тебя, что был в запорожском курене. Возьми свою саблю, Семен, а я благодарю тебя, что ты позволил мне прикоснуться к оружию, прославившему Украину. Обойми меня, старый товарищ!

Старый Палей был тронут простотою и ласковостию приема и охотно прижал к сердцу Мазепу, поверив его искренности.

— Садись-ка возле меня, пане полковник, — сказал Мазепа, — да извини моему калечеству. Ты в степях закалился на старость, а я ослабел в палатах: чуть передвигаю ноги!

— Была бы голова на плечах, — сказал Палей. — Разум твой прытче наших бегунов и

тверже булата. Крепких, храбрых и здоровых молодцов у нас довольно — была бы голова!

— Нет, пане полковник, теперь не те времена, что было при прежней гетманщине! Лучше б и безопаснее было для меня, если б разум погас в голове моей и любовь к родине замерла в сердце навеки! Теперь не хотят этого, пане полковник! Царь Московский хочет управлять везде одною своею волею и головою. Сердце и голова нужны были гетману в прежнюю гетманщину, когда гетман, как царь, трактовал с Москвою, с Польшею, с ханом, с султаном и с волохами, принимал и отправлял послов, вел войну и заключал мир, управлял произвольно войсковыми маестностями и скарбом... Теперь гетман не более значит как урядник! Если мы проживем с тобою лет десяток, то увидим конец казачины так же, как видели конец стрельцов. Верь мне, пане полковник! к тому все клонится. Царь уже не однажды намекал мне, что он не любит привилегированных войск и желает, чтоб Россия имела одно войско регулярное. Когда я однажды, за обеденным столом, за которым были все царские бояре и полковники,

возразил царю и упомянул о привилегиях, то он при всех — ударил меня по щеке... По щеке гетмана Малороссии, представителя войска!.. Палей вздрогнул на стуле.

— Нет, пане гетман, не бывать тому с казаками, что было со стрельцами! — сказал он, покраснев от злости и ударив рукою по рукояти своей сабли. — Никто не дерзнет уничтожить казатчину и Запорожье!.. — Палей хотел продолжать и вдруг остановился, как будто опомнившись, что должен быть осторожен в словах.

— Не дерзнет, говоришь ты! — возразил Мазепа. — Московский царь обрил москалям бороду, которую они ценили как голову, уничтожил патриарха, в которого целая Русь верила как в полубога, поставил детей гордых бояр под ружье, уничтожил одним своим словом неистребимое местничество до того, что теперь первейшие бояре служат под начальством немецких пришельцев! Нет, пане полковник! Царь Петр Алексеевич имеет железную волю и притом ум необыкновенный и что захочет исполнить — то и будет исполнено! Никто не посмеет ему воспротивиться. Он

ужасен в гневе и беспощаден в каре с послушниками своей воли!

Мазепа замолчал и смотрел исподлобья на Палея, который волнуем был гневом и преодолевал себя, чтоб не промолвиться. Он то закусывал губы, то разглаживал усы свои и молчал, бросая вокруг страшные взгляды.

— Да, да, пане полковник, — примолвил Мазепа, — с царем Московским иметь дело не то что с польскими королями, которые после каждого казацкого бунта давали нам новые привилегии, подарки и обременяли нас ласками... У Московского царя чуть пикни, так и прощай голова!.. Скажи, смел ли бы король польский дать пощечину гетману?..

— Нет, пане гетман! уж если сказать по совести, так лучше московская пощечина, чем ласки ляхов, папистов, недоверков! Дались мне знать эти ляшские ласки, и дорого заплатил я за них! Тебе дал царь Московский пощечину!.. Но он возвысил тебя также превыше всех прежних гетманов, наградил истинно по-царски за твою службу!.. Вспомни, пане гетмане, что делали с нами ляхи! Разве не они засекли на смерть батогами сына Богдана

Хмельницкого? Разве не они колесовали гетмана Острапицу, генерального обозного Сурмилу, полковников Недригайла, Боюна и Риндича? Разве не ляхи замучили, адскими муками, тридцать семь полковников и старшин? Кто сварил в котле храброго и простодушного Наливайка?.. Но что тут припоминать!.. Скажу коротко: по мне, так лучше сильная царская власть, чем ласки и коварство слабых польских королей... Не дай Бог, иметь снова дело с ляхами!

Мазепа значительно посмотрел на Орлика и после того, взяв за руку Палея, сказал:

— Похвальны чувства твои к Московскому престолу и буду свидетельствовать об них пред царем. Ты теперь имеешь нужду в этом, любезный мой пане полковник, ибо царь крепко гневается на тебя и на Самуся, по жалобе короля Августа и панов польских за то, что вы сослушались повеления царского и не удовлетворили панов Потоцкого и Яблоновского, забрав их замки и города. Я уже просил за тебя и ежедневно ожидаю ответа... надеюсь, благоприятного!..

Палей быстро поднял голову и устремил

проницательный взор на Мазепу:

— Царь на меня гневается! — сказал он. — Но я писал к нему, что готов удовлетворить польских панов за занятые мною их поместья, если они рассчитаются со мною и удовлетворят за обиды и притеснения, сделанные братьям нашим... Царь ничего не отвечал, и я думаю, что дело кончено! Русский царь не то, что король польский! Я сказал уже тебе это, Мазепа. Русский царь не переговаривается и не переписывается со своими подданными, но повелевает, а повелений его должно слушаться беспрекословно и безусловно! Кто осмелится возразить ему или не исполнить его повеления, тот почитается бунтовщиком!

Палей вскочил со стула.

— Пане гетман! Я не бунтовщик противу царя Московского, но верный слуга его! — воскликнул он.

— И я говорю и думаю то же и писал к царю точно в том же смысле. Но в Москве не так думают, как в Варшаве и на Украине!

— Пане гетман! — сказал Палей твердым и решительным тоном. — Если его царское ве-

личество не признает моей верности, то я кланяюсь ему в ноги и пойду искать себе счастья по свету! Никогда рука моя не поднимется противу православного воинства; но у турецкого султана есть много врагов и без москалей... Пусть мне дадут на мой пай ляхов... я управлюсь с ними!

— Эдак нельзя поступать с царем Московским, пане полковник! — возразил Мазепа с улыбкою. — Из подданства царя Московского не так легко выбиться, как из польского! Вспомни, что все мы царские холопи...

Палей едва мог владеть собою.

— Ясневельможный пане гетман! скажи мне, зачем ты меня призвал?.. На царский суд и расправу, что ли? — сказал он, устремив на Мазепу налитые кровью глаза.

— Гей, Семен, Семен! Ты все тот же, что был в молодости! — сказал Мазепа ласково, взяв его за руку и принудив присесть возле себя. — Пламенная твоя кровь не остыла до сих пор, — примолвил он, улыбаясь. — Слушай терпеливо! Я признавал тебя как друга и как брата, чтоб открыть тебе во всей истине настоящее положение дел, опасность, угрожа-

ющую правам нашим волею царя, и предостеречь тебя самого. Впрочем, опасаться тебе пока нечего. До сих пор царь ко мне милостив: ни в чем мне не отказывает; а я твой заступник и предстатель у Московского престола. Но власть моя и милость непрочны! Я имею много завистников и врагов, которые могут лишить меня ни за что ни про что царской милости и царского доверия, и в один миг я буду ниже простого казака, по одному слову царскому! Теперь будь спокоен, старый мой друг и товарищ; я клянусь тебе на кресте, что пока я жив, то по моей воле не спадет волос с головы твоей! — Мазепа перекрестился, и Палей крепко пожал ему руку.

— Извини меня, Семен, что я попрошу тебя оставить меня отдохнуть после дороги, — примолвил Мазепа. — Я слаб и хил — живу духом, а не телом. Душа моя рада бы слиться с твоею навеки, но тело требует покоя. Завтра мы попируем, любезный Семен, а послезавтра поговорим подробнее о делах. Я тебе открою все, что знаю, все, что думаю, все, чего надеюсь, все, чего опасуюсь и чего желаю для блага нашей родины и собственной нашей

безопасности, и даю тебе вперед слово, что твой совет будет мне законом. Отныне да будут Палей и Мазепа одна душа и одна голова! Мазепа простер объятия и прижал к груди Палея. Он поклонился и вышел. Проходя по улицам, Палей не сказал Огневику ни слова. Возвратясь в свое жилище, снял с себя богатый кунтуш, повесил саблю на гвоздь, лег на соломенную свою постель, прикрытую буркой, и закурил трубку. Потом, обратя взор на Огневика, который стоял в безмолвии у стола и читал полученное им чрез Мазепу письмо, сказал:

— Черт меня побери, если я что-нибудь понял из слов гетмана! Чего он от меня хочет? Что он замышляет? Сам черт не догадается! На язык он то мед, то яд. Каждый взгляд и каждое слово его то лесть, то угроза, а все вместе, воля твоя, кажется мне, обман и коварство!

— Полно, полно, батько! — возразил Огневик. — Ты все-таки не можешь победить первого впечатления насчет Мазепы! Что тут мудреного, что тут запутанного в речах его? Он хочет с тобой посоветоваться, как бы об-

щими силами составить оплот для защиты прав Малороссии — вот и все тут! Тебе он весьма кстати напомнил о немилости царской и сам же взялся исходатайствовать для тебя прощение. В речах его и в поступках я вижу одно искреннее желание иметь тебя другом и подпорою, а если что-нибудь кажется тебе в нем невнятным или двусмысленным, прости ему: он привык к скрытости, водясь с польскими панами и с знатными московскими боярами и будучи окружен врагами и лазутчиками! Что до меня касается, я верю его искренности и советую тебе, батько, быть спокойным! Мазепа не имеет желания обманывать нас, ибо это противно его собственной пользе!

— Дай Бог, чтоб это была правда, — сказал Палей. — Но мне все что-то не верится, и все что-то не хорошо на сердце, как будто перед недугом или после какого нечистого дела. Я не останусь здесь долее! Завтра пробуду, а послезавтра домой. Бог с ними! В леса, в степи наши! Для меня гетманщина, как церковь для татарина. Не хочу я знать никакой политики! Буду сидеть смиренно в хате, а коли затронут

меня — тогда не прогневайся!

Дали знать, что ужин готов, и Палей, выпив с гарнец крепкого бернардинского меду, разогнал тоску и, забыв все сомнения, заснул спокойно на соломе, с трубкою в зубах.

Мазепа вздохнул свободно, когда Палей оставил его наедине с Орликом.

— О, какое мучение! — сказал гетман. — Какое адское мучение вытерпел я, принужден будучи ласкать этого зверя, с которого я готов содрать кожу собственными моими зубами! Довольно долго он грыз сердце мое! Ты видел, как он расположен к Польше, без помощи которой нельзя никак даже начать нашего дела. Сей яд ненависти к Польше имеет источник в сердце Палея и заражает всю Украину. Должно решиться теперь на самое отчаянное средство, чтоб только избавиться от него.

— Должно одним ударом кончить все, — сказал Орлик. — Я берусь пробить насквозь коварное сердце этого разбойника хотя бы всенародно, на городской площади!

— Пустое говоришь, Орлик! Вспомни, что на нас смотрят и Россия и Украина и что в ме-

сти моей не должно быть ниже тени личной вражды. Малороссия и Украина обожают Палея, почитают его вторым Богданом Хмельницким, Россия чтит его и уважает за вред, нанесенный им врагам ее, туркам, татарам и полякам: так умно ли будет, если в нынешних обстоятельствах мы навлечем на себя всеобщую ненависть? Не лучше ли устремить эту ненависть на царя Московского? А? Как ты думаешь? — промолвил Мазепа, смотря с улыбкою на Орлика. — Будь спокоен! Я все это обдумал и устроил. Пусть царь Московский погубит Палея — а я умываю руки!

— Хорошо б было, если бы это так удалось. Но я боюсь, чтобы нам не упустить его из рук!

— Положись на меня, Орлик! Из моих тенет этот зверь не выпутается!

Служитель доложил, что пришел пан Дульский со своею невесткою. Мазепа вспрыгнул от радости с кресел и, приняв бодрый вид, опираясь не приметно на свой козтыль, пошел навстречу гостям.

Они встретились в дверях.

Княгиня Елеонора Дульская, вдова по двух мужьях, имела около тридцати лет от рожде-

ния, но сохранила всю свежесть первой юности и слыла красавицею между прекраснейшими женщинами польского двора. Темно-голубые глаза ее, осененные длинными ресницами, имели необыкновенную прелесть, при бровях и волосах темно-каштанового цвета и необыкновенной белизне лица. Высокий рост и стройный стан придавали величие ее физиономии, оживленной приятною, но гордою улыбкой. Первый муж ее, князь Вишневецкий, призвал нарочно живописца из Италии, чтоб написать картину, в которой она изображена была Дианою, на ловле. Можно было бы составить толстую книгу из стихов, написанных в Польше в похвалу прелестным ножкам княгини. При красоте своей она отличалась необыкновенным умом и ловкостью, и притом была чрезвычайно искусна в политических интригах, в которых женщины всегда играли важную роль в Польше. Красоту свою она употребляла, как талисман, для управления умами, при помощи всех тонкостей кокетства, но в сердце ее господствовала одна страсть: честолюбие. Княгиня жила пышно, имела многочис-

ленную прислугу и свою надворную хоругвь По-польски: Nadworna choragięw, то есть некоторое число воинов, служащих под гербовым знаменем польского магната, на его содержании... Влияние княгини на общественные дела в Польше было весьма велико как по родственным ее связям, так и по собственному ее богатству, а более еще по любви к ней нескольких из первых вельмож, искавших получить ее руку и друг пред другом старавшихся угождать ей. Назначение родственника ее, Станислава Лещинского, королем Польским придало ей новый блеск и силу, и когда началось междоусобие, княгиня Дульская решилась всеми зависящими от нее средствами помогать ему и была главною подпорою его партии.

Княгиня была тогда в Минске, когда гетман Мазепа с войском Малороссийским занял сей город. Любопытствуя видеть прославленную красавицу, Мазепа навестил княгиню и прельстился ею. Хитрая полька употребила все очарование своего кокетства, чтобы вовлечь старого волокиту в свои сети, и наконец совершенно овладела его умом и серд-

цем. Она-то посеяла в нем первую мысль измены, убедив Мазепу в возможности отложиться от России и сделаться независимым владельцем, под покровительством Польши, Швеции и Турции. Успех борьбы Петра Великого с Карлом XII, признанным непобедимым, был тогда весьма сомнителен, а явное желание всех соседей России унижить, ослабить ее и не впустить в семью европейских держав подавали Мазепе надежду, что они с удовольствием согласятся на основание нового, независимого владения в Южной России, которое, вместе с Польшею, будет служить Европе оплотом противу русских и противу татар. Дальновидность и проницательность Мазепы заглушены были двумя господствующими в душе его страстями, любовью и честолюбием, и он, увлекаясь мечтами, согласился на измену. Притом же Мазепа, имея сильных врагов при российском дворе между любимцами государя, боялся, рано или поздно, попасть в немилость у русского царя и лишиться своего сана, по одному слову царскому. Он так привык к власти, что опасность лишиться ее тревожила его беспрестанно, а частые на него до-

носы и производимые по ним следствия увеличивали грозу. Княгиня воспользовалась всем, чтоб представить Мазепе настоящее его положение неверным и жалким, а будущее в блистательном виде, и наконец обещала отдать ему свою руку, коль скоро он объявит себя независимым.

Мы уже видели прежде, что семена коварства, брошенные в сердце Мазепы, созрели, но ум его еще не был ослеплен до такой степени, чтоб жертвовать существом для одних надежд. Итак, Мазепа со своей стороны убеждал партию Станислава в Польше уговорить Карла XII поспешить вторжением в Украину, а приверженцы Станислава старались выманить у Мазепы письменный договор, чтоб удостоверить короля шведского в сильной помощи при вторжении в Россию и заставить его скорее прибыть в Польшу, для утверждения нового короля на престоле. Нетерпеливая княгиня Дульская, не успев в сем деле чрез посланцев, сама прибыла в Украину и, после счастливого избавления от Палея, назначила свидание Мазепе в Бердичеве. Мазепа, прибыв в город, тотчас послал

верного своего Орлика к княгине просить о назначении тайного свидания, опасаясь явно навещать польских приверженцев Станислава в то время, когда они открылись и объявили себя врагами России. Княгиня, вместо ответа, сама нечаянно навестила Мазепу.

— Я никогда не ожидал такой особенной милости, прелестная княгиня, — сказал Мазепа, поцеловав руку своей гостьи и провожая ее до софы. — Только опасение повредить делу, в котором вы принимаете участие, воспрепятствовало мне исполнить долг мой и *расцеловать ножки ваши* Обыкновенный польский комплимент: *shalowac pozke.*, ясневельможная пани, в вашем доме!

— Между нами, князь, не должно быть никаких расчетов в этикете, — возразила княгиня, сев на софу и умильно смотря на Мазепу, который стоял перед нею и не выпускал руки ее из своих трепещущих рук. — Мы только для света чужие!.. — примолвила она, опустив глаза и приняв скромный вид.

Мазепа в восторге поцеловал снова руку княгини и, обратясь к пану Дульскому, пожал ему руку и обнял дружески.

— Надеюсь, — сказал Мазепа, — что препятствия, заставляющие нас скрывать дружбу нашу, скоро кончатся. Прошу садиться, князь, и поговорить о деле.

Они оба сели. Пан Дульский на софе, а Мазепа в креслах, напротив княгини.

— Препятствия могут возрасти, если мы станем медлить в устранении их, — возразила княгиня. — Если бы сердце мое не участвовало в этом деле и если б личное мое счастье не зависело от скорого окончания сей войны, то я вовсе не занималась бы вашею скучною политикой, — примолвила она, бросив нежный взгляд на Мазепу, который таял от любви и, казалось, ловил каждое слово, каждый взор прелестной гостьи. — Но наша медленность лишает меня покоя и углубляет разделяющую нас пропасть, — присовокупила Дульская. — В нетерпении я сама ездила в Саксонию, к королю шведскому, и убеждала его вторгнуться как возможно скорее в Россию. Он отвечал мне решительно, что тогда будет уверен в успехе своего предприятия, когда вы, ясновельможный гетман, заготовите ему продовольствие и восстанете противу

России.

— Продовольствие у меня готово, — отвечал Мазепа, — а восстать я не мог прежде, пока в Украине был человек, который владел умами народа и мог своим влиянием перевесить мою власть. Я говорю о Палее. Теперь он здесь и скоро будет в моих руках!

— Пожалуйте, истребите поскорее этого разбойника! — сказала княгиня. — Я не могу вспомнить об нем без ужаса! — Она закрыла лицо руками и вздрогнула.

— Он дорого заплатит за причиненный вам страх и за оказанное им неуважение к той, пред которою цари должны преклонять колени, — примолвил Мазепа. — Что же касается до восстания моего, то я уже изложил причины, по коим не могу сего исполнить прежде приближения шведского короля к пределам нашим.

— Но король хотел бы иметь письменное уверение, — сказала княгиня, — и я прошу вас и заклинаю именем моей... дружбы к вам... исполнить желание короля! Другим средством мы не преодолеем его упрямства! — Княгиня слово *дружба* произнесла так нежно

и с таким умильным взглядом, что оно означало более, нежели *любовь*.

— Княгиня! — сказал Мазепа нежным, но каким-то отчаянным голосом, смотря пристально ей в лицо и взяв ее за руку. — Княгиня! знаете ли, что вы сим средством передаете на волю вихрей жизнь мою, честь, имущество мое... славу и счастье! Но чтоб доказать вам мою любовь и преданность... я согласен на все, что вы прикажете!

Княгиня пожала руку Мазепы, которую он поцеловал с жаром.

— Теперь исчезли все мои сомнения! — воскликнула княгиня. — Теперь я счастлива, ибо уверена в любви вашей!

Мазепа едва мог удержать восторг свой. Все признаки болезни и телесной слабости в нем исчезли. Лицо его покрылось румянцем, глаза пылали, и он чуть не бросился на колени.

— За эту минуту я готов заплатить жизнью, — сказал Мазепа, целуя руки хитрой прелестницы. — Одна минута любви вашей стоит того, чтоб заплатить за нее веками мучений!

— Зачем эти века мучений! — возразила княгиня с приятной улыбкой. — В сердце моем живет надежда на продолжительное счастье. — Она замолчала и взглянула значительно на пана Дульского, который сказал веселым тоном, взяв за руку Мазепу:

— Ясневельможный пане гетмане! Вы будете иметь много времени наслаждаться любовью, только поспешите положить основание храма любви и силы вашей. Скажите: на что мы должны решиться и чем начать?

— Сегодня я отправлю к царю Московскому депешу, в которой извещу его, что прибыл нарочно сюда, для выведывания тайнств политики у приверженцев врагов его, королей польского и шведского. Завтра у меня пир, на который я приглашаю всех польских панов и дам. Завтра же должна решиться участь Палея, а послезавтра я вручаю вам мое письменное обещание, если вам это непременно угодно. Но вы позвольте мне, прелестная княгиня, предложить вам также небольшое условие, не холодный политический трактат, но коротенькую просьбу, написанную стрелой Амура на розовом листке! — Улыбающиеся

уста старца дрожали, полусомкнутые глаза покрылись прозрачною влагой, на щеках выступил румянец...

Княгиня, взглянув на него, потупила взор, встала поспешно и сказала:

— Итак, до приятного свидания, князь! Помните только, что время дорого...

— То есть оно дорого с вами, — примолвил Мазепа, подавая ей руку, чтоб проводить ее.

Княгиня поблагодарила его, наклоением головы, за вежливость и сказала:

— Во всяком случае нам должно торопиться...

— Торопливость извинительна только в любви, прелестная княгиня, — возразил Мазепа, ведя ее под руку в переднюю комнату, — но в войне и в политике она всегда бывает пагубна. Величайшая осторожность в приготовлениях и быстрота в исполнении — вот что доставляет верный успех. Положитесь на мою опытность, княгиня! — Поцеловав руку княгини в передней и обнявшись с паном Дульским, Мазепа возвратился в свою комнату и стал писать письма к царю и к приятелям своим, графу Головкину и барону Шафирову,

намереваясь с рассветом отправить бумаги с нарочным, чтоб враги не предупредили его и не истолковали во вред ему поездки его в Бердичев и дружеских сношений с польскими панамы.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава X

Вечеронька на столе, а смерть за плечами.

Малор. песня

*...Не так привык я ненавидеть!
Мученья долгие врага желаю видеть,
..*

*Упиться токами его горчайших слез,
..*

И смертью медленной мою насытить злобу.

Озеров

Кармелитский монастырь[14] в Бердичеве славился в целой Польше чудотворным образом Богоматери и несметными своими богатствами. Он был в то время укреплен валами, рвами и палисадами. Монахи содержали на свой счет до трех сот вооруженной

шляхты, для защиты монастыря. Самусь, взяв Бердичев и наложив на него дань, не нападал на монастырь, щадя своих людей. Монахи, опасаясь измены и внезапного нападения, не позволяли никому из исповедующих православную веру, то есть казакам и поселянам, входить в крепость ни под каким предлогом. Знатные польские паны, приезжая в город, обыкновенно останавливались и жили с своими семействами внутри монастыря, вознаграждая за сие монахов богатыми подарками.

В день открытия ярмарки католическая церковь праздновала память Св. Онуфрия. В монастыре было торжественное служение, на котором находились все польские паны со своими женами, детьми, офицерами, надворного своего войска и многочисленными слугами. Несколько тысяч католиков помещалось возле паперти церкви и вокруг оной. Несметное число народа, поселян и казаков стояло вне укреплений и толпилось на площадях и улицах города, ожидая окончания католической божественной службы, ибо во время служения запрещено было открывать лавки и шинки и вообще заниматься торгов-

лей. Любопытные с нетерпением ожидали процессии, или крестного хода. На обширном пространстве раздавался шум и говор, заглушаемый по временам колокольным звоном.

Выстрелили из пушки с монастырских укреплений. Настала тишина, и взоры всех обратились на вал. Внутри крепости раздалось громогласное и унылое пение нескольких тысяч голосов. Католики пели песнь Богородице, сочиненную св. Войцехом в первые времена христианства в Польше, которая, по примеру прочих католических держав, имеющих особенных своих покровителей в лице святых, признавала Богоматерь своею защитницей. Польские воины в старину пред началом боя всегда пели сию песнь громогласно ввиду неприятеля и стремились в сечу, повторяя ее. Во время войны и опасностей, угрожавших отечеству, песнь Богородице пели в церквах всенародно, по окончании литургии. Сия народная молитва воспламеняла мужество поляков воспоминаниями прежней славы и порождала в сердцах надежду на преодоление всех бедствий. Набожные верили, что песнь сия наводит ужас на врагов Польши и

имеет чудотворную силу склонять победу на сторону поляков.

Пение за монастырскими стенами постепенно усиливалось, и вдруг показались хоругви и кресты на вершине вала. Процессия медленно подвигалась из-за ограды и растягивалась по валу. Шествие открывали монастырские воины, несшие церковные хоругви, знамена польские и знамена и бунчуки, отнятые польскими панами у неприятелей и посвященные церкви. Потом шли послушники монастырские в белых долматиках со крестами и образами. За ними шли по два в ряд, также в белых долматиках, юноши и дети, воспитывающиеся в окрестных монастырях. Двенадцать гайдуков, в красных кунтушах с золотыми галунами, несли балдахин из алого бархата, украшенный золотыми галунами, кистями, бахромою и страусовыми перьями, под которым был чудотворный образ Богородицы, сияющий алмазами и цветными камнями. За балдахином шел епархиальный епископ с аббатами Капитула и с высшим духовенством, за которыми следовали польские паны в богатой одежде, с обнаженными саб-

лями и дамы польские в лучших своих нарядах. За толпою сих почетных богомольцев тянулись длинные ряды монахов различных орденов: Кармелиты, Доминиканцы, Бенедиктины, Бернардины, Реформаты, Миссионеры, Францискане, в белых, черных, коричневых рясах. Шествие замыкали воины и слуги панов и вся мелкая шляхта со своими женами и детьми. На монастырской колокольне благовестили медленно, в один большой колокол, и чрез каждые пять минут палили из пушки с монастырского вала. Сие духовное торжество представляло величественное зрелище, и католики с гордостью смотрели, с вершины вала, на многочисленные толпы подвластного им народа украинского. Православные, невзирая на ненависть свою к папизму, сняли шапки пред образом Богородицы и пред знаменем Спасителя мира, в благоговейной тишине смотрели на процессию и крестились.

Изо всех православных только один Мазепа приглашен был настоятелем кармелитского монастыря к торжеству и к обеденному столу. Но он отказался, чтоб избегнуть наре-

кания в народе, и слушал в сие время обедню в православном соборе, в присутствии всех казацких старшин, находившихся на ярмарке.

Весь народ знал вражду Мазепы с Палеем, и потому все с удивлением смотрели на них, стоящих рядом в церкви, возле левого клироса. После обедни священник поднес просфору гетману, и он, разломав ее, отдал одну половину Палею и, поцеловав его в лицо, сказал громко, чтоб все окружающие могли его слышать:

— Христос Спаситель, разделяя апостолам благословенный хлеб, на последней вечере, завещал им братство и любовь. С сим священным хлебом, долженствующим припоминать христианам завещание распятого за грехи наши, отдаю тебе половину сердца моего и приглашаю тебя к любви и братству!

Палей крепко пожал руку Мазепе. В народе раздался шепот. На всех лицах видны были радость и умиление. Все предвещали доброе от примирения двух знаменитых казацких вождей.

Вышед на паперть церкви, Мазепа подо-

звал к себе Палея и Огневика и сказал им тихо:

— Паны польские пируют сегодня в монастыре и не могут обедать у меня, итак, прошу ко мне на вечер, Семен!..

— Нельзя ли меня уволить, пане гетмане! — отвечал Палей. — Я люблю есть кашу с казаками, а биться с поляками. Не порадуются и паны моему соседству!

— Все это я знаю и для того-то именно и хочу свести вас вместе, — возразил Мазепа. — Как друг мой, ты должен быть в милости у царя, Семен, а первый шаг к этому мировая с польскими панами, которых царь хочет привлечь на свою сторону и отвязать от партии Станислава.

— Да будет по-твоему! — сказал Палей, наморщив лоб. — Но все-таки я не отдам никому моей Белой Церкви! Уж воля твоя, пане гетмане, а из этого гнезда сам черт меня не выкурит!

— Об этом-то я и хлопочу, — примолвил Мазепа. — Верь мне, что Республика Польская откажется от Белой Церкви, по моему предстательству и по твоему обещанию не напа-

дать более на Польшу. Я беру это дело на себя.

— Много благодарен, да только я не могу навсегда связать себе руки обещанием не нападать *никогда* на Польшу, — сказал Палей. — Пусть только осмелится польский пан отдать русскую церковь в аренду жида или пусть только тронет пальцем священника за проповедование православия... я залью кровью Польшу!.. — Глаза Палея страшно засверкали. — Когда старый Палей не будет на страже, — примолвил он, — кто защитит бедного украинского мужика от угнетения? Пана гетмане! Ты *кость от кости нашей* Слова Богдана Хмельницкого воеводе Киселю, комиссару со стороны Польши для заключения мира., в тебе украинская кровь! Подумай о наших братьях и вспомни, что в Польше нет закона для защиты слабого...

— Я думаю об этом денно и ночью, любезный мой Семен, — отвечал Мазепа, смешавшись, — и для того-то призвал тебя, чтоб уладить все дружно и миролюбиво к защите и вольности целой Украины. Начать надобно притворную мировую с польскими панами.

— Не люблю я и не умею притворство-

вать, — возразил Палей, — но на этот раз уступлю вашей латинской премудрости, пане гетмане! Ничего не хочу, как только истребления угнетения в польской Украине и свободы православию, а для этого мне надобно дено и ночно сидеть с заряженным ружьем в Белой Церкви и неусыпно беречь мое кровное стадо от волков. Впрочем, делай что хочешь — приду к тебе на вечер, пане гетмане!

Мазепа снова обнял и поцеловал Палея.

— Еще одна просьба! — сказал Мазепа. — Я люблю твоего Богдана, как родного сына, и хочу ходатайствовать за него у тебя. Любезный Богдан! — примолвил гетман, обращаясь к Огневику, — я должен объявить тебе неприятное известие. Невеста твоя, Наталья, крепко заболела и прислала ко мне нарочного с просьбою, чтоб я отправил тебя к ней...

Огневик побледнел. Уста его трепетали.

— Еду, сейчас еду! — сказал он дрожащим голосом. Палей посмотрел на него с негодованием.

— Если б я вырастил тебя в курене Запорожском, — сказал он гневно, — а не отдавал проклятым ляхам в науку, то теперь не бегал

бы ты за девками, как угорелый, а знал бы одно казацкое дело! Экое времечко! Казаки стали нежитья, как паньчи! Не бывать добру!

— Пане полковнику! — возразил Мазепа. — Вспомни, что и мы были молоды, что и мы любили...

— Бей меня бес! — воскликнул Палей. — Если я когда-либо поворотил коня с дороги для бабы! Хороша баба на хуторе, чтоб шить сорочки да печь паленицы Белый хлеб, род каравая., но чтоб гоняться за ней... трясца ее матери!..

— Батько! сжался надо мной! — сказал Огневик. — Ты не знал любви, а потому не постигаешь и мучений моих. Я умру, если не увижу Натальи!.. Я обязан ей жизнью!..

— Не умирай, а ступай к ней... Я не держу тебя... — отвечал Палей и, отвернувшись, сошел с паперти, забыв в гневе проститься с Мазепою.

— Твой вождь дик, как степной конь, — сказал Мазепа Огневику, — не возвращайся к нему, пока гнев его не простыл, а возьми коня с моей конюшни и ступай с Богом. Лети в Батурин, любезный сын, и спасай Наталию! Мо-

жет быть, взор любви сильнее подействует, нежели все лекарства... Но повидайся прежде со мною, я дам тебе поручение...

Гетман сел в свой берлин и поехал домой, а Огневик побежал за ним опрометью, пробиваясь силою сквозь толпу народа. Прибыв в свое жилище, Мазепа нашел уже Огневика в передней. Страшно было взглянуть на него. Сильное движение покрыло лицо его румянцем, но в глазах его была смерть, а на устах выражение скорби. Мазепа велел ему следовать за собою во внутренние комнаты.

Гетман взял со стола жестяной ящик, величиною с ладонь, замкнутый внутренним замком, и, подавая его Огневику, сказал:

— Отдай этот ящик начальнику артиллерии, полковнику Кенигсеку. Здесь находятся ключи от моей казны и от собственной моей аптеки и письмо к нему. Ключ от ящика хранится у него. Этот человек предан мне и не упустит ничего, чтоб спасти Наталию, если есть еще возможность. Россыпай золото, созови всех наших врачей, делай что можешь... Спасай мое детище! — Мазепа с горестью прижал Огневика к груди, закрыл лицо свое

платком и сказал прерывающимся голо-
сом: — Ступай с Богом!

На дворе уже ожидал Огневика оседлан-
ный конь. Он вспрыгнул на него и понесся
стрелою за город, по Батури-нской дороге.

Между тем, по окончании божественной
службы, подняли знамя на ратуше, в знак от-
крытия ярмарки, и вдруг двери и окна лавок
и домов, в которых сложены были товары,
растворились. Жиды, которые прятались во
время торжественной процессии — ибо в сие
время и православные и католики били их
нещадно, встретив на улице, — жиды толпа-
ми показались среди народа, как гадины, вы-
ползающие из нор при появлении солнца. На-
род толпился возле корчем, шинков и стоек
под открытым небом, где жиды продавали
мед и водку. Спустя несколько времени, во
всех концах города, особенно на большой
площади и прилежащих к ней улицах, разда-
лись звуки сопелок, цимбалов, волынок и
бандур. Веселые песни смешивались с уны-
лыми голосами старцев, распевających духов-
ные гимны о воскресении Лазаря, об Алексее
Божьем человеке и т. п. В корчмах дрожали

окна от топота дюжих казаков, пляшущих метелицу, горлицу и дудочку с украинскими красавицами. Запорожцы первенствовали на ярмарке. Одеты в богатые панские кунтуши, подпоясанные парчовыми и шелковыми кушаками, награбленными в Польше, или в куртках и шароварах из драгоценных восточных тканей, полученных в добычу при набегах на Крым, блистающие богатым вооружением, но замаранные дегтем, салом и смолою, они обращали на себя общее внимание и возбуждали уважение в народе. Запорожцы сыпали деньгами, потчевали всех и дарили ленты, бисер и платки красавицам, которые оставляли мужей и отцов, чтоб веселиться с щедрыми и удалыми пришельцами. Жиды ходили за ними толпами, в надежде продать им дорого свои товары или купить дешево драгоценные вещи, полученные ими в добычу, во время набегов. Мелкая шляхта, находящаяся в услужении у панов: экономы, писаря провентовые То есть ведущие расходные книги по винокурне и шинкам., наместники Помощник эконома или управителя. лесничие, маршалки То же, что: maltre d'hotel., конюшие

в праздничных кунтушах или капотах, при саблях, расхаживали гордо между народом, не обращая даже внимания на поклоны мужиков, принадлежащих их господам. Цыганы и татары разъезжали на конях, приглашая громким голосом покупателей и запрашивая охотников в поле, где стояли табуны лошадей и стада рогатого скота. Когда солнце начало склоняться к западу, появились паны и дамы со множеством вооруженных слуг, которые очищали им путь к лавкам, где находились дорогие товары.

Палей сел на коня, закурил трубку и выехал на площадь полюбоваться на веселящийся народ. В конце площади, возле большой корчмы, он увидел толпу, из которой раздавались бранные восклицания и крик. Палей подъехал к толпе. Несколько жидов отнимали у мужика корову. Запорожцы вступились за мужика, а шляхта защищала жидов. Сила была на стороне поляков, потому что мужики не смели им противиться и оставались праздными зрителями.

— Что это значит? — спросил Палей.

— Защити и помилуй, батько! — сказал му-

жик сквозь слезы. — Вот этот жид, Хацкель, наш арендарь. Он стал торговать у меня корову, а как я не хочу отдать ему за дешевую цену, так он насильно отнимает у меня, будто за долг моего тестя. Не знаю, должен ли ему тесть мой. Он выслан в Овруч с панскими подводами... За что ж у меня отнимать мою корову! Меня бьют, чтоб я заплатил панский чинш... Откуда же мне взять!

— Вы себе рассчитаетесь с тестем, — возразил жид. — Ведь вы вместе пили мою горилку.

— Не тронь его коровы, жид, — сказал Палей, — и убирайся к черту!

— Пане Бартошевич! — сказал жид, державший корову за рога, обращаясь к дюжему, полупьяному шляхтичу, — пане Бартошевич! два гарнца малинику, если защитишь меня!

Бартошевич выступил вперед, надвинул шапку на ухо и, опершись на саблю, сказал Палею:

— А кто ты таков, что смеешь здесь распоряжаться! Знаешь ли ты разницу между казаком, холопом и польским шляхтичем?

Палей, не говоря ни слова, прискочил на

коне к Бартошевичу, отвесил ему удар нагайкою по спине и в то же время хлестнул жида по голой шее. Бартошевич едва опомнился от удара, а жид, присев на пятках, завопил пронзительным голосом:

— Гвалт, гвалт! бьют, резут!

— Только бьют еще, — примолвил Палей и, обращаясь к запорожцам, сказал: — Хлопцы! пособите бедному мужику отвести корову куда он хочет.

Между тем все жида завопили:

— Гвалт, гвалт! бьют, резут! — Шляхта и казаки сбегались на крик со всех сторон.

Бартошевич, опомнившись, выхватил саблю и устремился на Палея, закричав яростно:

— Смерть холопу! За мной шляхта — братья!

Палей прискочил к Бартошевичу, ударил его из всей силы нагайкою по голове, и тот свалился, как сноп на землю.

— Разбой! убийство! — закричала шляхта, обнажив сабли.

— Хлопцы, бей собачьих детей! — воскликнул Палей, обращаясь к казакам и к мужикам. — Не бойтесь ничего: я с вами! — С сим

словом он устремился на шляхту, размахивая нагайкой направо и налево, а толпа народа двинулась за ним со воплем. Шляхта, видя невозможность сопротивляться, подалась в тыл, защищаясь саблями от нападающих. Жиды прятались за шляхтичами и вопили громкогласно. Палей то наскакивал на отступающих, то поворачивал коня назад, ободряя следующею за ним толпу, и бил по головам нагайкою шляхту и жидов, не успевающих ускользнуть от него. Вся площадь пришла в движение. Паны польские, думая, что казаки взбунтовали противу них чернь, как то уже не раз случалось, поспешили в кармелитский монастырь, а другие заперлись в домах. Все спрашивали друг друга, что это значит, и никто не мог растолковать причины сего смятения. На площади раздавалось:

— Бей ляхов! Ура, Палей! Здоров будь, Палей!

Имя Палея в устах народа возбудило ужас в панах. Некоторые из них бросились к Мазепе, прося защиты. Мазепа сам был встревожен сим происшествием и, когда выслушал панов и увидел из окна Палея на коне, сказал

им:

— Будьте спокойны: я сейчас усмирю моего дикаря. Орлик! поди на площадь и скажи полковнику Палею, что я приказываю ему усмирить чернь и воротиться самому домой. — Подозвав к себе Орлика, Мазепа шепнул ему на ухо: — Не говори, ради Бога, что я *приказываю*, а скажи, что я *прошу его покорно*, как друга, не показываться до вечера на улице и приказать послушному ему народу, чтобы он не обижал ни жидов, ни поляков. Скажи ему, что я требую этого в доказательство его дружбы.

Орлик с трудом пробился сквозь густые толпы к Палею, и когда пересказал ему, в самых ласковых и нежных выражениях, поручение гетмана, Палей опустил нагайку и, обратясь к народу, закричал громко:

— Молчать и слушать!

Вдруг настала тишина.

— Детки! — сказал Палей. — На сей день довольно! Приказываю вам, чтоб никто из вас не смел тронуть ни ляха, ни жида, а если они осмелятся обижать православных, помните, что старый Палей не дремлет. Дайте

мне знать: я тотчас явлюсь на расправу!

— Ура, дай Бог здоровья батьке нашему! Ура, Палей! — раздалось на площади.

— Видишь ли, что я послушен пану гетману! — сказал Палей Орлику, поворотил коня и поехал домой. Толпы народа немедленно рассеялись, и вскоре все приняло прежний веселый и спокойный вид. Избитых жидов и раненых поляков перенесли в дома.

Настал вечер, и к Мазепе стали собираться паны польские с женами и дочерьми.

Супруга знаменитого Иоанна Собесского, спасителя Вены и мстителя христианства, ловкая, прекрасная и хитрая француженка, Мария Казимира маркиза д'Аркиан (Arkuran) ввела в Польшу французские моды и обычаи, которые удержались в женском поле до нынешнего времени. Знатные дамы отбросили прежний полувенгерский и полуазиатский наряд, спенцеры, короткие шубы с рукавами до локтей и короткие юбки и оделись в длинное круглое платье (*robe-ronde*) со шлейфами. Замужние женщины вместо высоких чепцов стали носить небольшие шляпки или корзинки с цветами, наколотые на взбитых вверх и

распудренных волосах, а девицы перестали заплетать волосы в косы, по-венгерски, а зачесывали их вверх, оставляя длинные локоны, ниспадающие на плечи, и вместо тыльной косы собирали волосы в шиньон и слегка прикрывали их пудрою. Алмазы и цветные дорогие камни сделались необходимою принадлежностью наряда. Уже ни одна женщина не смела показаться в общество в цветных сафьянных, окованных серебром полусапожках. Прекрасные ножки полек обулись в шелковые востроносые башмаки с высокими каблуками. Сверх польского танца мазурки и краковяка знатное юношество научилось танцевать менуэт и кадрили. Прежний воинственный тон, смелое и непринужденное обхождение сохранилось только между стариками и в среднем дворянстве, но в обществе знатных дам требовалось утонченности нравов и гибкости ума, истощаемых на угождение тщеславию женского пола, равно как на уловление мужского самолюбия, требовалось со стороны дам подражания кокетству французского двора.

Мазепа, прошедший юность в Польше и со-

хранивший связи с польскими панями, перенял их обычаи и даже на старости отличался ловкостью в обхождении с дамами и любезностью в беседе с ними. Он, по тогдашнему обычаю, сам принимал дам в передней и провожал их до дверей залы, где Орлик, в качестве церемониймейстера, указывал назначенные им места. Музыканты и певчие гетмана, одетые в бархатные алые кунтуши с золотыми галунами, помещались на устроенном нарочно для них возвышении, почти под потолком залы, и попеременно играли и пели польские танцы, марши и малороссийские песни.

Дом, который занимал Мазепа, был чрезвычайно обширен. Он был построен князем Радзивиллом в то время, когда некоторые члены его знаменитого рода приняли учение Кальвина и распространяли оное в Польше. Дом сей услужил тогда для помещения в нем нескольких проповедников для общей молитвы и для совещаний приверженцев секты. Когда род Радзивиллов возвратился к католицизму, в сем доме поместили вотчинное правление князя Радзивилла, и главный по-

веренный сего князя очистил дом для Мазепы, чтоб приобрести его покровительство. В доме не было достаточного количества мебели, но Мазепа велел обить бархатом простые скамьи, развесил богатые ковры по стенам, убрал несколько комнат тканями и таким образом дал сему дому вид свежести и великолепия. Находясь при войске, в Батурине, гетман почти всегда сказывался больным, чтоб избавиться от выступления в поход. Он точно имел почти ежедневно припадки подагры, но как недуг сей одолевает и оставляет человека быстро и внезапно, то Мазепа мог по произволу сказываться больным или здоровым, не возбуждая ни в ком подозрения в притворстве. В этот день на нем не было никакого признака слабости, и если бы не седина, то по приемам и ловкости его можно б было принять за человека в цвете возраста. Он сам открыл бал польским, с княгинею Дульскойю, после того прошел по несколько раз по зале с каждою из почетных дам и наконец, сев возле княгини, окруженной красавицами, стал занимать их разговорами, примешивая лесть красоте к веселым рассказам и приятным

шуткам, открывая притом своим прелестным собеседницам обширное поприще к выказанию их собственного ума в возражениях и в шуточных спорах, возбуждаемых искусно. Дамы были в восхищении от любезности гетмана. Между тем служители разносили сухие нежные плоды и сласти, привозимые в Польшу из Греции и Малой Азии и продаваемые дорогою ценою, сладкие вина кипрские и итальянские и сахарные венские и варшавские конфеты.

Всякая беседа между поляками начинается толками о политике. Собравшиеся паны, разделившись на небольшие толпы, разговаривали между собою о происшествиях того времени, и каждый, сообразно своим видам, выхвалял или порицал короля Августа или Станислава Лещинского. Но когда разговор обратился на приключения того дня, все единодушно восстали против Палея, удивляясь его дерзости и негодуя на царя московского, на Августа и на Станислава, которые позволяли ему своевольничать и вредить всем партиям без разбора друзей и врагов России или Швеции. Мазепа не отходил от дам и не мешался

в политические разговоры панов, но с беспокойством и нетерпением поглядывал на все стороны и часто подзывал к себе Орлика, чтоб спросить, прибыл ли Палей. Наконец, когда гости уже устали от танцев, паны утомились в спорах политических, а прислуга ожидала приказа вносить кушанье в столовую залу, убранную со вкусом цветочными гирляндами, дверь с шумом отворилась, и вошел Палей. Взоры всех поляков и полек обратились на него с любопытством, гневом и страхом. Радость выразилась на лице Мазепы.

Палей, против обыкновения своего, был одет в этот вечер по-казацки, а не по-польски. Он имел на себе голубую бархатную куртку, красные турецкие казимировые шаровары и желтые сапоги, окованные серебром. За парчовым золотым кушаком заткнут был кинжал, с рукоятью, осыпанною алмазами, при бедре сабля, в золотых ножнах, с драгоценными камнями. Запонка на воротнике его полужупана была алмазная, дорогой цены. Палей медленными шагами проходил чрез залу, ища взорами Мазепу, и, завидев его возле

княгини, подошел к нему, поклонился и хотел отойти, но Мазепа встал со своего места, взял его за руку, пожал дружески и сказал обычное приветствие:

— Просим веселиться, дорогой гость!

Палей, не говоря ни слова, снова поклонился, отошел в сторону и стал возле стены. Во всех углах поднялся шепот. Несколько молодых поляков, чтоб прикрыть общее смятение, подняли дам в мазурку. Палей смотрел на танцующих, поглаживал усы и не трогался с места.

Мазепа велел Орлику подавать скорей ужин, и когда доложили ему, что все готово, он повел княгиню Дульскую под руку в столовую залу при звуках музыки. Проходя мимо Палея, он остановился и шепнул ему на ухо:

— Ты, Семен, садись возле меня. Вспомним старую дружбу, как едали вместе из одного котла в запорожском курене!

Гости последовали попарно за хозяином и уселись за столом, каждый возле своей дамы. Мазепа сел возле княгини Дульской, по правую сторону, оставив порожнее место между собою и полковником Чечелом. Все уже сели,

но Палей еще стоял на пороге и поглядывал на всех таким взором, как орел смотрит с высоты скалы на пир воронов. Мазепа с беспокойством искал его взорами и, завидев, закричал с нетерпением:

— Пане полковнику! Прошу ко мне! Для вас сбережено место!

Палей, не говоря ни слова, подошел к Мазепе и сел возле него.

Чем более польские гости чувствовали принуждения в присутствии злейшего своего врага, которого одно имя распространяло ужас на целые области, тем более они старались прикрыть свое смятение шумными разговорами и притворною веселостью. Но один Палей был безмолвен, почти ничего не ел и не пил, против своего обыкновения, и поглядывал исподлобья на польских панов и дам, показывая, однако же, вид, что не слушает их речей. Тщетно полковник Чечел старался завести с ним разговор. Он отвечал только да или нет или просто кивал головою и молчал. Мазепа угощал дам и, разговаривая с ними, несколько раз извинялся пред Палеем, что не может исключительно заняться им, но, часто

обращаясь к нему, просил его кушать, пить и веселиться. Палей благодарил наклонением головы и всегда отвечал одно и то же:

— Благодарим! всем довольны!

Орлик не садился за стол, но в качестве хозяина ходил кругом и упрашивал гостей пить, распорядившись притом разноскою лучших вин. Гости были послушны, и в конце ужина из всех поляков не было ни одного трезвого. Но сколько ни упрашивал Палея Орлик, тот никак не хотел осушать бокалов, а только прихлебывал понемногу. Наконец, когда стали разносить сласти и закуски, начались тосты. Мазепа встал, поднял бокал и сказал:

— Прошу вас, дорогие гости, выпить за здоровье всемилостивейшего моего государя, царя и личного моего благодетеля и милостивца, Петра Алексеевича!

Приверженцы короля Августа и казацкие старшины выпили и прокричали громогласно: «Виват!» Друзья Станислава Лещинского пили, но в безмолвии, и не трогались с места. То же самое повторилось и при питье за здоровье Августа. Как начальником партии Ста-

нислава в сем обществе был пан Дульский, то он упросил предварительно друзей своих, для сохранения приличия и для отклонения всякого подозрения от Мазепы, не провозглашать тостов Станиславу и не противиться, когда будут пить за здоровье его противников. В другом месте и в другое время заздравное вино смешалось бы с кровью приверженцев двух враждующих партий, но теперь одна партия уступала другой, в надежде приобрести преимущество сею жертвою.

Хотя Мазепа упросил всех своих друзей, панов польских, обходиться как можно осторожнее с Палеем и избегать всякой размолвки с ним, но вино преодолело осторожность и заставило забыть мудрые советы и данные обещания. Пан Задарновский, староста Красноставский, поглаживая лысую голову свою, испещренную несколькими рубцами, следами сабельных ударов, полученных в кровавых спорах на сеймиках, и покручивая седые усы, долго смотрел в безмолвии на сидевшего насупротив его Палея, краснел, пыхтел и надувался, а наконец, обратясь к нему, сказал:

— Пане полковнику! Сколько вы заплати-

ли за эту алмазную запонку, которая блестит на вашей шее? Этот крест над подковой есть герб моего покойного зятя, и мне помнится, что я видел эту вещь у него!

Вдруг шум умолк. Всех взоры обратились на Палея. Он отвечал хладнокровно:

— Запонка стоит мне одной свинцовой пули, а у кого ты видал запонку прежде, это твое, а не мое дело!

— Следовательно, эту запонку, купленную пулею, можно выкупить веревкою, — возразил пан Задарновский.

Дамы побледнели, мужчины пришли в смущение. Все ждали и опасались какого-нибудь насильственного поступка со стороны Палея. Но он пребыл спокоен и отвечал с прежним хладнокровием:

— Еще я не перевешал на моих казацких арканах всех, кого следует повесить за дерзость, нахальство и тиранство; а когда у меня не станет веревок, а ты доживешь до той поры, то я приду к тебе поторговаться, пане староста!

Пан Задарновский вспыхнул и от злости не мог приискать слова для ответа. Но Мазепа

вскочил с места и сказал с досадою, по-латыни:

— Вы изменяете своему слову, староста! Прошу вас покорно прекратить этот спор, для пользы вашей и вашего отечества и из дружбы и уважения ко мне. Ручаюсь вам честью, что вы получите удовлетворение, если только смолчите. Староста закусил губы и замолчал.

— Вина! — закричал Мазепа. — Здоровье друга моего и верного помощника, пана полковника Палея! Виват!

Заиграли на трубах, ударили в бубны и литавры. Многие поляки, в угождение Мазепе, повторили виват, а слуги, казаки и музыканты от чистого сердца кричали из всей силы.

Орлик стоял позади Мазепы, он мигнул ему, и Орлик подозвал к себе немного татарина, который стоял в углу с двумя бутылками вина и с двумя золотыми бокалами. Орлик налил в каждый бокал из особой бутылки и сам поднес бокалы на подносе Мазепе. Он оставил один бокал возле себя, а другой подал Палею и сказал ему:

— Обнимемся по-братски, старый друг Семен, как мы обнимались некогда в Запоро-

жье, когда собирались на кровавую сечу, и выпьем теперь в память старого и на задаток будущему! — Не дав вымолвить слова Палей, Мазепа обнял его, поцеловал и потом, взяв свой бокал, выпил душком.

Палей выпил также свой бокал и, поставив его на столе вверх дном, сказал:

— Да очистятся так сердца наши, пане гетмане, от всякого прежнего нашего злоумышления друг противу друга, и да укрепятся любовью и согласиём, для блага нашей родины и на пагубу всех врагов имени русского и православия! Аминь и Богу слава! — Мазепа не мог скрыть радости своей, видя, что Палей выпил до дна поднесенную ему чашу.

— Вина, вина! — закричал он, — почтенные гости и все друзья мои! Пейте, веселитесь! Играй, музыка! Сей день есть день моего блаженства, торжества, счастья!..

Некоторые поляки думали, что эта пламенная радость есть следствие успеха гетмана в любви к княгине Дульской. Палей верил, что это пламенное изъявление удовольствия относится к их примирению, а потому крепко пожал руку Мазепы. Орлик, стоя позади,

улыбнулся и взглянул на патера Заленского, который сидел в конце стола и в знак, что понял взгляд Орлика, кивнул головою и по-прежнему потупил взоры.

Началась попойка, и дамы с молодыми мужчинами встали из-за стола и перешли в танцевальную залу. Мазепа не провожал княгини, но, шепнув ей что-то на ухо, остался возле Палея, не спускал с него глаз и старался удержать его за столом разговорами, ибо Палей решительно отказался пить с поляками.

Через несколько времени Палей начал зевать и глаза его стали смыкаться.

— Прощай, пане гетман! — сказал он. — Мне что-то нехорошо: в голове шумит, перед глазами будто туман; я в первый раз в жизни не могу преодолеть сна. Пойду домой!

— Ступай с Богом! — отвечал Мазепа и встал из-за стола вместе с ним, прося гостей подождать его возврата. Взяв за руку Палея, Мазепа сказал ему: — Зайди в мою комнату, я дам тебе на дом бумаги, которые завтра утром вели себе прочесть, — и, не ожидая ответа Палея, повел его под руку в свою спальню. Вошед туда, Мазепа сказал — Сядь-ка в

мои большие кресла, а я вынесу тебе бумаги. — Мазепа вышел, а Палей, кинувшись в кресла, немедленно захрапел. Голова его свалилась на грудь, и пена покрыла уста. Он вытянулся, хотел встать, но силы оставили его. Проворчав что-то невнятно, Палей перевалился на стуле и заснул.

Мазепа стоял за дверьми в другой комнате и смотрел в замочную щель. Когда Палей захрапел, он возвратился в свою спальню, подошел к нему и, смотря ему в глаза, улыбался и дрожал. В глазах Мазепы сверкала радость тигра, готового упиться кровью беззащитной добычи. Он взял Палея за руку, потряс ее сильно, но он не просыпался. После того Мазепа поднес свечу к глазам спящего. Веки задрожали, но глаза не открывались. Мазепа дернул Палея за усы. Лицо сморщилось, но он не пробудился.

— Наконец ты в моих руках! — воскликнул Мазепа и поспешно вышел из комнаты, замкнув ее ключом. Через несколько минут Мазепа возвратился с Орликом и с немым татаринном, с клевретами своими, казаками Кондаченкой и Бьевским и с кузнецом, призван-

ным из кармелитского монастыря. Татарин нес цепи. Спящего старца обезоружили, оклали по рукам и по ногам, завернули в плащ и вынесли на руках из дому. На дворе стояла телега с сеном, в одну лошадь. Палея положили на воз, прикрыли слегка сеном и свезли со двора через задние ворота. Орлик, завернувшись в плащ, пошел за телегой с татаринном и казаками, ведя перед собою кузнеца, сказав ему прежде, что если он осмелится промолвить слово кому-нибудь из встречных, то будет убит на месте. Телега, выехав на улицу, повернула к реке.

Мазепа, возвратясь к гостям, кивнул головою патеру Заленскому, и он, сидев до сих пор в задумчивости, быстро вскочил со стула, налил бокал и, воскликнув: «За здоровье ясневельможного гетмана и за упокой всех врагов его!» — выпил и передал пану Дульскому, который во весь голос прокричал виват, повторенный всеми собеседниками. Мазепа, оставив гостей за столом, перешел к дамам, которые уже стали разъезжаться по домам. Провожая княгиню Дульскую на лестницу, он сказал: — Прелестная княгиня! Вепрь уж в

яме!

— Благодарю вас, гетман! — отвечала княгиня. — Итак, завтра или, лучше сказать, сегодня, потому что теперь уж день, мы приступим к письменному условию? Не правда ли?

— К двум условиям, — возразил Мазепа, устремив страстные взоры на княгиню, — к умственному и к сердечному!

Княгиня не отвечала ни слова.

Мазепа не возвращался в столовую. Он приказал извинить его перед гостями слабостью здоровья и пошел в свою почивальню. Гости пили до упаду, и уже с рассветом некоторых из них вынесли, а других выпроводили под руки к их берлинам и бричкам и развезли по домам. Мазепа не ложился спать, ожидая возвращения Орлика. Он пришел со светом и сказал:

— Слава Богу! Все кончено благополучно!

— Наконец удалось нам! — отвечал Мазепа. — Надеюсь, что и другое удастся. Ступай же отдыхать, мой любезный Орлик! Сегодня тебе еще много работы!

Орлик вышел, а Мазепа бросился на постель и от усталости заснул.

Глава XI

*Я дико по тюрьме бродил —
Но в ней покой ужасный был.
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой.*

Жуковский

Огневик, волнуемый страхом, любовью, сгорая от нетерпения, скакал во всю конскую прыть по дороге в Батурин, несмотря на палящий зной и не обращая внимания на усталость коня. Проскакав верст двадцать пять, конь его пристал и едва передвигал ноги. Огневик должен был остановиться. Он своротил с дороги, привязал коня на аркане к дереву, в густой траве, и сам лег отдыхать в тени, на берегу ручья. Солнце было высоко. Усталость, зной, а более беспокойство, борьба страстей истощили силы нетерпеливого любовника. Природа преодолела, и Огневик заснул крепким сном.

Когда он проснулся, солнце уже садилось. Он оглянулся, — нет лошади. Конец перерезанной веревки у дерева не оставлял никакою-

го сомнения, что лошадь украдена. Где искать? В которую сторону обратиться? Он был в отчаянии. Вдали, со стороны города, слышался за рощей скрип колес. Он побежал туда. Несколько мужиков ехало с земледельческими орудиями на господский двор, из ближнего селения. Они сказали Огневику, что видели трех цыган, скачущих верхами, и что один из них вел, за поводья, казацкую лошадь. Цыганы, по словам мужиков, своротили с большой дороги и поехали лесом. Огневик рассудил, что гнаться за ними было бы бесполезно. Впереди, верстах в пятнадцати, было селение на большой дороге. Он решился дойти туда пешком, и там, купив лошадь, продолжать путь. Когда он пришел в село, уже была ночь. Жида не было в корчме; он отправился на ярмарку, в Бердичев. Все спали в деревне. Надлежало подождать до утра. На рассвете Огневик объявил в деревне, что он заплатит, что захотят, за добрую лошадь с седлом; но как богатые хозяева были на ярмарке, то без них трудно было удовлетворить его желанию. Несколько мужиков побежали в табун, в пяти верстах за деревней, и пока

они возвратились, прошло довольно времени. Наконец начался торг и проба лошадей. Огневик выбрал лошадь понадежнее, заплатил за нее втридорога и едва к полудню мог отправиться в путь. К ночлегу он успел отъехать не более двадцати верст. Переночевав в корчме, он со светом выехал, намереваясь в этот день вознаградить потерянное время.

Едва он отъехал несколько верст за деревню, как слышал за собою крик и конский топот. Он оглянулся и в облаках пыли едва мог различить двух казаков, несшихся по дороге во всю конскую прыть. Огневик вынул pistols из-за пояса и, взведя курки, остановился возле большой дороги. Всадники вскоре приблизились к нему, осадили коней, и один из них соскочил с седла. Это был Москаленко, любимец Палея.

— Куда ты? Зачем? — спросил его с нетерпением Огневик.

— За тобой, Богдан! Все пропало — батько погиб!

— Как, что ты говоришь!

— Погиб! Злодей Мазепа погубил его!

Огневик побледнел. «Предатель!» — сказал

он про себя, слез с лошади и, взяв за руку Москаленка, примолвил:

— Расскажи мне все подробно. С погибелью моего благодетеля все кончилось для меня на свете... Все, любовь, надежда на счастье!.. Отомщу и умру!

— Дай обнять тебя, Богдан! — сказал Москаленко с жаром. — Я не обманулся в тебе. Иванчук подозревал тебя в измене, в тайных связях с Мазепою...

— Злодей! Я ему размозжу голову! — воскликнул в ярости Огневик.

— Его уже нет на свете, — возразил Москаленко, — он погиб жертвою своей преданности и верности к нашему вождю...

— Но расскажи же мне поскорее, как все это случилось, — сказал Огневик, — я мучусь от нетерпения!

Москаленко сел в сухом рву, возле дороги. Огневик поместился насупротив, и первый из них начал свой рассказ:

— Ты знаешь, что батяк был запрошен вчера Мазепою на вечерний пир. Нашему старику не хотелось идти туда. Какое-то предчувствие удерживало его; он опасался, чтоб поль-

ские паны не заставили его выйти из себя и забыть должное уважение к гетману и данное ему слово не ссориться с поляками. Мы упростили его не пить с ляхами и не мешаться в их речи. Он пошел поздно и обещался возвратиться тотчас после ужина, приказав нам приготовиться на утро к отъезду в Белую Церковь. Целый вечер он был угрюм и несколько раз изъявлял свое неудовольствие противу тебя, за твою любовь к девице, близкой Мазепе. Мы оправдывали тебя как могли и как умели. Наконец батько пошел к гетману. До свету ждали мы возвращения его и, не дождавшись, хотели пойти за ним, в дом Мазепы, думая, что наш старик выпил лишнюю чарку. На улице встретил нас нищий, бандурист, который сказал нам, чтоб мы воротились домой и что он нам объявит важную тайну. Мы заперлись в светлице, и нищий сказал нам:

— Я целый вчерашний день забавлял слуг гетмана моею игрой и песнями и остался на ночь у них в доме, чтоб поживиться крохами от панского пира. Наевшись и напившись досыта, я заснул в сенном сарае. Сегодня один

молодой служитель гетманский разбудил меня и сказал:

— Украинец ли ты?

— Чистый украинец и верный православный, — отвечал я.

— Итак, ты должен любить старика Палея?

— Люблю его, как душу, как свет Божий, как веру мою!

— Так пооди же к его людям и скажи им, что Палея нет уже на свете! — Я зарыдал. — Молчи и делай дело, — примолвил слуга гетманский, — а не то, если ты станешь реветь, как баба, я задушу тебя здесь как кошку... — Волею, неволею я отер слезы. Слуга примолвил: — Вчера, когда гости сидели за столом, а мы суетились, прислуживая им, пан писарь генеральный, который не садился за стол, взял тайком одну бутылку вина и вышел в пустые комнаты, оглядываясь, чтоб мы не заметили. Из любопытства я заглянул в замочную щель и увидел, что пан писарь всыпал в вино какой-то порошок из бумажки. Возвратясь в столовую избу, пан писарь отдал бутылку проклятому немому татарину и велел ему держать ее и не двигаться с места. Я не спус-

кал глаз с пана писаря и с татарина. Когда пан гетман потребовал вина, чтоб выпить вместе с Палеем, пан писарь поднес ему вина из той самой бутылки, в которую всыпал порошок, а гетману налил из другой бутылки. Я не мог предостеречь нашего батьки! Все стало мигом! Со слезами на глазах и с горестью в сердце смотрел я на старика, догадываясь, что он проглотил смерть! Не обманулся я! Палей стал жаловаться на тяжесть в голове и вышел с гетманом в его почивальню. Двери за ними затворились, и я, приставив ухо к замку, услышал, что старик страшно захрапел, как будто его резали. Я не знал, что мне делать! Когда гости разъехались, сторожевой казак, бывший на дворе, сказал мне, что он видел, как что-то тяжелое вынесли из покоев гетманских и свезли со двора. Нет сомнения, что это труп нашего батьки! Поди и расскажи это Палеевым людям; но помни, если изменишь мне, то изменишь Богу и Украине!

Выслушав нищего, мы не знали, что начать. Горесть и гнев мешали нам рассуждать. Иванчук клялся убить Мазепу, если удостоверится в справедливости сказанного нищим.

Наконец мы решились с Иванчуком идти к Мазепе и расспросить его самого о нашем вожде.

Долго мы ждали перед домом гетмана, пока ставни отворились. Площадь между тем наполнилась народом. Мы вошли в дом и просили сторожевого сотника доложить об нас гетману. К нам вышел Орлик — расспросить о причине нашего прихода. Мы отвечали, что имеем дело к самому гетману, и Орлик удалился, оставив нас одних в сенях, посреди стражи. Мы ждали недолго. Орлик ввел нас к гетману.

Он стоял посреди залы, опираясь на козлы, и был во всем своем убранстве, в шитом золотом кафтане, с голубою лентою чрез плечо, со звездою на груди. Несколько войсковых генеральных старшин и полковников стояли по обеим сторонам. Он взглянул на нас исподлобья и наморщил лоб.

— Чего вы хотите? — спросил он грозно.

— Мы пришли узнать от тебя, ясневельможный гетман, — сказал Иванчук, — что случилось с вождем нашим. Он не возвратился домой с твоего пиру, и мы думаем, что он за-

хворал.

Мазепа не дал кончить Иванчуку:

— Прочти указ его царского величества, — сказал он Орлику.

Орлик прочел указ царский, которым повелено гетману взять под стражу полковника Хвастовского и отправить к государю, как слушника царской воли и государственного преступника, а на место его назначить другого полковника и всех казаков наших привести наново к присяге.

— Слыхали ли вы? — сказал Мазепа.

Мы посмотрели друг на друга и не знали, что говорить и что делать. Не будучи в силах, однако ж, удержаться, я спросил:

— Жив ли наш батько?

— Тебе до этого нет дела, — сказал гневно Мазепа. — Конец вашим разбоям и своевольству! Чечел! поди с этими людьми в дом, где жил преступник; забери бумаги и все, что найдешь там, а всех людей отправь под стражей в Батурин, для размещения по полкам. Ступайте...

Иванчук затрепетал, и я думал, что он бросится на Мазепу и убьет его на месте; но он

удержался, посмотрел на меня, пожал мне руку и вышел, не поклонясь гетману. Чечел не успел оглянуться, как Иванчук сбежал уже с крыльца и скрылся в народной толпе. Я не отставал от него. Мы добежали до корчмы, где обыкновенно собираются запорожцы и все удальцы из крестьян. Иванчук закричал толпе, чтоб его выслушали.

— Знаете ли вы меня, хлопцы! — спросил Иванчук у народа.

— Как не знать тебя! — закричали со всех сторон. — Ты батькино око!

— Хорошо! А любите ли вы нашего батьку? — примолвил Иванчук.

— Как не любить родного батьки! Он только и бережет нас от угнетения ляхов, ксензов и жидов! — закричали мужики.

— Итак, знайте, что мы остались сиротами, что уже нет нашего батьки!..

Крик, вопли и рыдания пресекли речь Иванчука. Он едва мог убедить народ выслушать его до конца.

— Не слезами, а кровью должно поминать нашего батьку, потому что он проливал за вас не слезы, как баба, а собственную кровь. Гет-

ман Мазепа умышляет с панами и ксензами погубить Украины и Малороссии и хочет отдать нас душою и телом ляхам и папистам. Зная, что батько не допустил бы до этого, он заманил его сюда бесовскими своими хитростями и сегодня, ночью, опоил у себя, за столом, какою-то отравою. Батько наш не выходил из дому гетманского и пропал без вести! Пойдем к предателю Мазепе и потребуем, чтоб он отдал нам батьку, живого или мертвого; а я берусь отделить черную душу Мазепину от его гнилого тела... За мной, братцы, кому дорога православная наша вера и мать наша Украина!

Запорожцы выхватили сабли, народ вооружился кольями, оглоблями, купленными на ярмарке косами и топорами и с воплем ринулся за нами. Мы почти бегом прибыли к дому гетмана.

— Отдай нам нашего батьку! — кричал народ.

— Смерть ляхам, смерть папистам! — вопила толпа. Камни и грязь полетели в гетманские окна. Между тем Иван-чук уговаривал отважнейших из запорожцев вломиться в

дом и обыскать все углы, намереваясь в суматохе убить Мазепу.

Вдруг двери запахнулись настезь, и Мазепа вышел на крыльцо со своими старшинами и полковниками. Народ сильнее закричал:

— Отдай нам нашего батьку!

Мазепа дал знак рукою, чтоб его слушали. Крики умолкли. Увидев Иванчука впереди, Мазепа подозвал его. В надежде на народную помощь, Иванчук смело взошел на ступени крыльца и, не снимая шапки, сказал:

— Отдай нам батьку нашего, если не хочешь, чтоб народ растерзал тебя на части...

— Ребята! — сказал Мазепа, обращаясь к запорожцам и к народу. — Я показывал этому человеку указ царский, которым мне велено взять под стражу полковника Хвастовского, Семена Палея. Вам известно, что я, гетман, и он, полковник, и все мы, холопы царские, должны беспрекословно слушаться повелений нашего царя и государя. Если б я осмелился ослушаться царского указа, то подвергся бы казни, как изменник, и заслужил бы ее, так как заслуживает и получает ее каждый

ослушник и бунтовщик, начиная с этого разбойника... — Не дав опомниться Иванчуку, Мазепа выхватил из-за кушака пистолет, выстрелил, и Иванчук упал навзничь с лестницы, залившись кровью. Народ с ужасом отступил назад.

— Смерть первому, кто осмелится противиться царской воле! — сказал Мазепа грозно.

Народ молчал, и толпы подавались назад. Тщетно я возбуждал народ броситься на общего нашего злодея. Меня не слушали! Мазепа твердостью своею и решительностью посеял страх в сердцах. Надейся, после этого, на народную любовь! При первом несчастье, при первой неудаче он оставит тебя... То же было и с родным моим отцом, в Москве, во время Стрелецкого бунта!..

Между тем в ближних улицах послышался конский топот и звук тяжелых колес. Хитрый Мазепа все предусмотрел и все устроил на свою пользу. Вскоре мы увидели несколько отрядов польских всадников в полном вооружении и четыре монастырские пушки, при зажженных фитилях. Поляки поставили пушки возле гетманского дома и стали на страже.

Я побежал домой с моим верным Руденкой, сел на коня и хотел тотчас скакать в Белую Церковь. У ворот встретила меня женщина, хорошо одетая по-польски.

— Ты из вольницы Палеевой? — спросила она меня. Когда я отвечал утвердительно, она сказала мне: — Поспешай по Батуринской дороге, догони есаула Огневика и скажи ему, чтобы он воротился сюда, ибо та же самая участь, которая постигла Палея, ожидает его в Батурине. Скажи Богдану, что тебя послала к нему Мария Ивановна, которая хочет спасти его и помочь ему. Пусть он въедет ночью в город, никому не показывается, а спросит обо мне у жида Идзки, которого дом на углу, противу русского собора. Скажи Богдану, — примолвила она, — что он раскается в том, что оказывал ко мне недоверчивость, и уверится, что он не имел и не будет иметь вернейшего друга, как я. Спеши, Бог с тобою!

В отчаянном моем положении я хватился первого совета и поскакал за тобой. Чтоб ускорить наше возвращение, я приготовил во всех селениях подставных лошадей, и мы можем сей же ночи быть в Бердичеве, если ты

рассудишь ввериться этой женщине...

— Едем! — сказал Огневик. — Так или так погибнуть, но я должен по крайней мере узнать, что случилось с моим благодетелем; жив ли он или в самом деле отправлен к царю. Пока есть надежда быть ему полезным, мы не должны пренебрегать никакими средствами. Ты, Руденко, ступай прямо в Белую Церковь и скажи есаулу Кожуху, чтоб он заперся в крепости, не сдавался Мазепе, не слушал ни угроз, ни увещаний и защищался до последней капли крови. Мы повоюем еще с паном Мазепю! Если Палея нет на свете, то дух Палеев остался в нас! Довольно одной измены! Теперь надобно разведаться начистоту. Прощай, Руденко! Поезжай степями и лесами, что<бы> не попасться в руки Мазепиным людям. — Сказав сие, Огневик вскочил на коня и поскакал с Москаленкой в обратный путь.

В ночь они прибыли в Бердичев.

Огневик не рассудил въезжать в город. Он остановился на предместье, у жида. Осмотрев и зарядив наново пистолеты, Огневик и Москаленко, вооруженные, сверх того, кинжалом и саблею, пошли пешком в город, взяв в про-

водники жиденка.

В городе все спали. Только запоздалые пьяницы и ярмарочные воры кое-где мелькали во мраке. В Польше в то время не знали полиции. Каждый гражданин должен был силою или хитростию охранять свою собственность, а о благочинии не было никакого попечения. Начальства и судилища руководствовались пагубным правилом: «Где нет жалобы, там нет и суда». Но как жаловаться нельзя было иначе, как с представлением явных улик в преступлении, а вольного человека никто не смел воздержать от разврата, кроме духовного его отца, правительство же не имело силы разыскивать, наблюдать и предупреждать зло, то Огневик крайне удивился необыкновенной тишине в городе, в ярмарочное время, и приписал сие, не без основания, ужасу, произведенному во всех сословиях свежими происшествиями и присутствием страшного гетмана Малороссийского, осмелившегося посягнуть на непобедимого Палея. Без всякого приключения Огневик и Москаленко дошли до дому жида Идзки, споткнувшись только несколько раз во мраке на пьяных шляхти-

чей и мужиков, спящих на улице.

В верхнем жилье виден был свет. Огневик постучался. Жилище каждого жида есть шинок и заезжий дом. Для жида, как известно, нет ничего заветного. Он все готов продать из барышей, и самый богатейший из них всегда откажется за деньги от удобств жизни, от спокойствия под домашним кровом. Крепкие же напитки жид имеет в доме всегда, как заряды в крепости. Вино омрачает разум, следовательно, оно есть самое надежное оружие в руках плута, живущего на счет других. У дверей Идзкиных сторожила снутри христианская служанка. Долго стучался Огневик, пока успел разбудить ее, и долго ждал, пока она вздула огонь.

— Чего вам надобно, пива, вина или меду? — спросила спросонья служанка.

Огневик всунул ей талер в руку и сказал:

— Пей сама, коли хочешь, а мы не за тем пришли сюда. Скажи-ка нам, есть ли здесь в доме жилища из Малороссии?

— А! так это она ждет вас! — возразила служанка и, приставив свечу к лицу Огневику, примолвила: — Ну нечего сказать, неда-

ром ей так не терпится! Экой молодец!

— Итак, она здесь! Скажи же нам по правде, много ли здесь в доме малороссийских казаков? — спросил Огневик. — Я тебе дам вдвое более денег, сколько она дала тебе за то, чтоб ты не сказывала нам, что здесь есть казаки.

— Ей-ей, здесь нет ни души казацкой, — отвечала служанка, — хоть поклясться рада. При барыне одна только служанка, да кучер в конюшне, и тот так пьян, что хоть зубы выбери у него изо рта, не услышит.

— А не велела ли она тебе дать знать кому-нибудь, когда мы придем? — спросил Огневик.

— Ей-ей же, нет! — отвечала служанка.

— Ну, так проводи нас к ней, — сказал Огневик.

По узкой и крутой лестнице они взошли на чердак за служанкой, которая шла впереди со свечою. По первому стуку дверь отворилась, и Мария Ивановна Ломтиковская сама встретила жданного гостя, со свечкою. Видно было, что она и служанка ее не раздевались.

— Добро пожаловать! — сказала Мария

Ивановна, приятно улыбаясь.

Жидовская служанка хотела воротиться в нижнее жилье, но Огневик удержал ее, ввел в светелку и запер двери.

— Пока я здесь, никто без меня отсюда не выйдет, — сказал он.

— Ни слова противу этого! — возразила Мария Ивановна. — Ты дорого заплатил гетману за уроки осторожности и благоразумия и имеешь право не верить не только мне, но ни одной живой душе. Только жилье мое слишком тесно. В этой избушке, с перегородкой, нам нельзя говорить без свидетелей, а мне должно переговорить с тобой наедине. Пусть твой товарищ подождет с этими женщинами за дверьми, на чердаке, пока мы переговорим с тобою.

— Хорошо! Москаленко, ты слышишь, чего она требует! Пожалуйста, брат, не стыдись посторожить баб. Впрочем, ты знаешь, что бабий язык иногда опаснее кинжала!

Москаленко, не говоря ни слова, вышел с двумя служанками.

Мария ввела Огневика в светелку и, указав на сундук, просила сесть, а сама села на-

против, на кровати.

— Ты не доверяешь мне, Богдан! — сказала она, устремив на него пристальный взор. — Ты не доверяешь мне, а между тем прибыл сюда по одному моему слову! Если б я хотела твоей гибели, то не посылала бы за тобою в погоню. Ты тотчас увидишь, зла ли я тебе желаю или добра! Подай мне коробку, которую дал тебе гетман, отправляя в Батурин.

Огневик вынул из-за пазухи жестяную коробочку и подал Марии.

— Нет! Разломи ее и посмотри, что в ней находится, — примолвила она, улыбаясь.

— А мне и в голову не пришло! — сказал он, срывая крышку с коробочки своим кинжалом. — Здесь нет ключей, о которых он говорил мне, а только одна бумага...

— Прочти ее! — сказала Мария.

Огневик подошел к столу, на котором стояла свеча, и прочел следующие строки, писанные рукою Мазепы:

«Верному полковнику моему, Кенигсеку.

Когда ты получишь сие письмо, надеюсь, что бешеный Палей уже будет в моих руках. Я

нарочно удалил отсюда первого клеветы его, чтоб облегчить дело, и послал его к тебе в Батурином под предлогом болезни Натальиной. Разбойничья дерзость до такой степени ослепила его, что он поверил, будто я выдам за него замуж мою Наталию! Теперь он не нужен мне более. Закуй его немедленно в железные и с надежным прикрытием отправь в Воронеж к царскому коменданту, к которому я напишу сегодня же, чтоб он принял сего государственного преступника и отправил куда следует, для получения заслуженной казни. Будь здоров и жди меня с добрыми вестями.

Мазепа».

Огневик, читая сие письмо, то бледнел, то краснел. Голос его то дрожал, то яростно вырывался из груди, как порыв бури. Окончив чтение, он остался на месте, сжал письмо в руке и, бросив свирепый взор на Марию, сказал:

— Нет! человек не может быть до такой степени зол и вероломен! Это воплощенный ад в одном лице!.. Мария! — продолжал он, смягчив голос. — Ты служишь этому демону... я все знаю!

— Служила! — отвечала Мария хладнокровно. — А теперь проклинаяю его столь же чистосердечно, как и ты.

— Ты спасла мне жизнь, Мария, послав за мною погоню... Но и Мазепа спас мне два раза жизнь, в Батуристине, когда я был ему нужен! Ты начала как ангел; кто мне поручится, что ты не кончишь как... Мазепа!

Мария вскочила с кровати и, бросив проницательный взгляд на Огневика, положила руку на сердце и сказала:

— Здесь порука! У Мазепы вместо сердца камень, а в этой груди сердце, которое живет и бьется для дружбы... и любви!.. — Последние слова Мария вымолвила, понизив голос и потупя взор. Огневик молчал и пристально глядел на Марию. Она снова подняла глаза и примолвила: — Веришь ли ты мне или не веришь, но мы должны объясниться. Скажи мне, на что ты думаешь решиться, чего теперь желаешь?

— У меня одна мысль и одно желание: месть! — сказал Огневик, и лицо его приняло грозный вид. — Потерять отца, друга и благодетеля, лишившись невесты и даже приюта, я

жертвую ненавистную мне жизнью для наказания злодея. Мазепа должен пасть от моей руки!..

— Но разве ты поможешь этим Палею?

— Я отомщу за него, и этого довольно! Палею теперь уже ничего более не надобно!

— Нет! Палею нужна твоя помощь, твое заступление...

— Разве он жив? — воскликнул Огневик с нетерпением.

— Конечно, жив, — отвечала Мария. — Он теперь находится под стражею и завтра будет отправлен к царю московскому...

— Итак, есть надежда освободить его?

— Да, из рук царских, но не из когтей Мазепиных. Слушай меня! Орлик хотел лишить жизни Палея: отравить или зарезать его, но Мазепа воспротивился. «Скорая смерть не есть удовлетворительная месть, — сказал Мазепа, — потому что смерть прекращает все страдания и самую память об них. Пусть мой враг, который заставлял меня мучиться в течение двадцати лет, умрет медленною смертью, в страданиях, в пытках, во мраке темницы. Палей стар и не выдержит терзаний и за-

ключения. Если б я убил его, враги мои могли бы оклеветать меня перед царем. Я должен избегать этого. Друзья мои, Головкин и Шафиров, не выпустят Палея из рук...» — Вот собственные слова Мазепы! Он выслал уже к царю обвинения противу Палея, приложив переписку его с польскими панами, перед поездкой твоею в Варшаву...

— Но царь извещен был, что Палей вступил в переговоры с панами для того только, чтоб узнать их намерения, — возразил Огневик.

— Противу этого Мазепа собрал целую книгу писем приверженцев Станислава, написанных здесь, вчера, в доме гетмана... Он все обдумал к погибели своего врага!

— Но я взбунтую народ, отобью Палея на дороге, и после пусть царь нас рассудит! Но что я говорю?.. Я забылся... Мария! Ужели ты мне изменишь?

— Не изменю тебе, а помогу, в чем можно помочь. Верь или не верь, а кроме меня, никто не в состоянии помочь тебе. Но если хочешь быть полезен Палею, то должен мне повиноваться. Напрасно ты надеешься на на-

род! Это стадо. Народ страшен только малодушным, и свирепость его, как буря, безвредна на скале. Душа Мазепы закалена в бедствиях и в народных возмущениях, а ум изощрен на хитрости. Он все предвидел и все приготовил для отвращения могущего случиться возмущения. Здесь более пятисот польских всадников и несколько пушек охраняют пленника. Все стоявшие на польской границе казацкие сотни расставлены теперь по киевской дороге, которою повезут Палея. Силою избавить его невозможно. Но есть другое средство. Падь к ногам царя, объяви ему истину и проси суда и следствия! Царь правосуден, и если убедится в несправедливости доноса Мазепы, то, без сомнения, возвратит свободу Палею. Я доставлю тебе средства к оправданию Палея и поручу сильным людям, окружающим царя!..

— Мария, ты сводишь меня с ума, расстраиваешь душу мою! Что я должен о тебе думать? Ты знаешь все тайные дела, почти все помышления Мазепы; знаешь, что он говорит сам-друг, что пишет наедине! Ты должна пользоваться величайшею его доверенно-

стью, любовью, дружбою... и как же ты хочешь, чтоб я верил, что ты можешь пожертвовать всем для меня, чуждого тебе человека!..

— Богдан, ты дорог мне! Бог свидетель, что ты мне дорог! — воскликнула Мария. Глаза ее сверкали необыкновенным пламенем, лицо горело. Огневик был в смущении: он не знал, что думать, что говорить.

Помолчав несколько, Мария успокоилась и сказала:

— Человек, который никому не верит, который живет ложью и коварством, всегда окружен обманом и изменою. Мазепа всех людей, от царя до раба, почитает шахматами, нужными ему только для выиграния партии. Ему нет нужды в их уме и сердце! В его глазах все это кость, и вся разница в форме и в месте, занимаемом на шахматной доске. Зато и все окружающие Мазепу служат ему, как работники мастеру, из насущного хлеба и ежедневной платы. Одно сердце имеет силу привлекать к себе сердца, а металлом и почестями можно оковать только ум и волю... Нет вернее людей у Мазепы, как Орлик и Война-

ровский. Они в самом деле преданы его пользам потому, что с его пользами соединены их собственные; но Войнаровский обманывает его, любит и любим взаимно княгинею Дульскойю, на которой старый развратник хочет жениться, а Орлик в моих руках, как Геркулес у Омфалы... Немой татарин также предан мне, и я все знаю... и притом ненавижу Мазепу, как смерть, как ад... Если б он не был мне нужен... давно бы не было его на свете! Но я не знаю, кто будет после него гетманом, а мне нужно иметь силу и влияние в гетманщине...

Мария замолчала, опустила голову на грудь, задумалась и вдруг вскочила с постели, быстро подбежала к Огневику, взяла его за руку и, устремив на него свои пылающие взоры, сказала:

— Я открою перед тобой душу мою, Богдан! Поверю величайшую тайну и поручу тебе судьбу мою и целой Украины и Малороссии! Что ты на меня смотришь так недоверчиво! Не сомневайся! Судьба этого края вот здесь! — Мария ударила себя по голове. — Мне нужен только человек с душою адамантовою, с волею железною, с головою Мазепиной, с серд-

цем человеческим. Этот человек должен быть — ты!

Огневик не знал, что отвечать. Он смотрел в недоумении на Марию, которая, с разгоревшимися щеками, с пламенными глазами, дрожала и казалась в восторженном состоянии, подобно провозвещательнице или волшебнице, совершающей чары. Мария присела на сундуке возле Огневика и сказала:

— Слушай меня! В Малороссии не знают роду моего и племени. Я жидовка... — Огневик невольно подался назад. — Ужели ты не свободен от детских предрассудков? — спросила Мария, — неужели и ты веришь, что одно племя лучше создано Богом, нежели другое?

— Нет... не то... но я удивляюсь, находя в тебе необыкновенный ум... — возразил Огневик в замешательстве. Мария презрительно улыбнулась:

— Так — я жидовка! Отец мой был богатый банкир в Лемберге. Матери я лишилась в детстве. Противу обыкновения нашего народа, отец мой не хотел жениться в другой раз, чтоб не наделить меня мачехою. Он был ко

мне страстно привязан. Находясь в беспре-
рывных связях с значительными домами Гер-
мании и в Италии, отец мой принужден был
часто путешествовать. Ему ненавистно было
невежество и заслуженное унижение поль-
ских жидов. Будучи сам человеком образо-
ванным и начитанным, он вознамерился вос-
питать меня по образцу дочерей богатейших
христианских банкиров. Меня окружили учи-
телями и придали для надзора итальянку,
женщину высокого образования, жившую
некогда в кругу вельмож. Отец мой хотел сде-
лать меня способною вести банкирские дела,
после его смерти, и назначил мне в женихи
одного бедного голландского жида, также вос-
питанного по-европейски, обязав его усло-
вием, чтоб он был подчинен моей воле по
управлению делами. С детства я приобрела
навык говорить правильно почти на всех ев-
ропейских языках, преодолев трудность про-
изношения, отличающую наше поколение.
Не находя удовольствия в обществе моих гру-
бых соплеменниц и не довольствуясь даже
обществом польских и иностранных жен-
щин, слишком легкомысленных, я проводила

время в чтении и в беседах с отличнейшими учеными, которых отец мой приглашал к себе, нарочно для меня. Уже мне минуло 18 лет, но я не только не хотела идти замуж, но даже видеть моего жениха. Голова моя и сердце были наполнены мыслями и чувствами, несогласными с моим назначением! Я мечтала о величии, о славе! В это время Мазепа прибыл в Лемберг и остановился в нашем доме. Он хотел видеть чудо, как тогда меня называли, увидел, поговорил и не мог расстаться. Вскоре между нами начались тайные беседы без ведома моего отца. Я находила удовольствие быть с ним. Он уж и тогда был немолод, но ум его, познания, любезность заставляли забывать его лета. Я не была никогда влюблена в него, но не могла противиться какой-то сверхъестественной силе, которою он оковал меня. Представив мне ничтожность моего настоящего и будущего существования, при моем уме и чувствованиях, Мазепа предложил мне бежать с ним, обещая на мне жениться. Мысль быть гетманшею меня соблазнила! Не стану распространять моего рассказа... одним словом, я согласилась оставить родительский

дом, отречься от веры... Мазепа возвратился в Малороссию, а чрез месяц я бежала от отца и явилась в Батурин, к Мазепе, как заблудшая овца в волчье гнездо...

Из последствий ты догадываешься, что Мазепа обманул меня и сделал игралищем своего сладострастия... Между тем отец мой умер с горя, а родственники завладели моим имуществом, на которое я потеряла право, приняв христианскую веру. Оставшись бедною сиротою, без имени, без чести, я должна была выйти замуж за простого казака, для прикрытия моего бедственного положения. В душе моей пылала месть... Но я успела воздержать себя в надежде достичь со временем того, в чем однажды обманулась. Я вошла в связи с польскими жидами. Ты должен знать, Богдан, что миром управляет не сила, как думают не посвященные в таинства политики, но хитрость, владеющая силою. Католическою Европою управляют жиды, духовенство и женщины, то есть деньги, предрассудки и страсти. Сии пружины соединяются между собою невидимо в чудной машине, движущей мир! Я знаю склад ее, и в моих руках ключ. Сам Ма-

зепа, мечтающий о власти... есть не что иное, как слабое орудие, приводимое в движение главными пружинами. Польские жиды, ксензы и женщины вознамерились сделать его независимым владетелем Украины, для своих выгод. Мазепа уже согласился отложиться от России и присоединиться к Карлу. Ожидают только его приближения. Я все знаю, хотя гетман и скрывает передо мной умышляемую им измену. Тебе, Богдан, предстоит великий подвиг и великая слава, если захочешь исполнить мою волю. Ты умен, учен, смел и... красавец... Поезжай к царю московскому, открой ему измену Мазепы, которой я тебе дам доказательства, и предложи любимцам царским миллионы, кучи золота, если они уговорят царя сделать тебя гетманом. Я дам тебе деньги и письма к московским вельможам, с которыми нахожусь в связях. Ты не знаешь, что в самой России существует заговор противу царя. Русские бояре, оскорбленные предпочтением, оказываемым иностранцам, и величием любимцев Петра, вознесенным им из праха, соединились с духовенством, которое опасается лишиться церковных имуществ, поте-

ряв уже всю прежнюю силу. Все фанатики, все раскольники, все приверженцы старины, полагающие спасение души и благо отечества в бороде и в покрое кафтана, только ждут знака, чтоб восстать противу нововведений. Они избрали сына царского, царевича Алексея, своим главою... Они боятся Мазепы и с радостью согласятся избрать в гетманы человека, им преданного. Главный заговорщик, Кикин: он в милости у царя и в дружбе с вельможами, его любимцами... Я с ним в связях... Итак, от тебя зависит освободить Палея, отмстить Мазепе и сделаться гетманом!..

Огневик едва верил слышанному. Он смотрел с удивлением на чудную женщину и не мог собраться с духом, чтоб отвечать ей.

— Вот что ты можешь сделать, Богдан! — продолжала Мария. — Но от тебя требуется одной жертвы...

Мысль о гетманстве, о мщении, об освобождении Палея и о возможности соединиться с Натальей, эта мысль как искра зажгла сердце Огневика. Он чувствовал в себе душевную крепость и способность удержаться на высоте, которая представлялась ему в таких

блистательных надеждах.

— Говори, Мария! я ничего не устрашусь!

— Здесь дело не в страхе. Я не сомневаюсь в твоём мужестве. Но ты должен пожертвовать детскою твоею любовью к Наталье и жениться на мне!

Огневик вскочил с места и, став перед Марией, бросил на нее суровый взгляд.

Мария внезапно побледнела, уста ее дрожали.

— Какой жертвы ты от меня требуешь! — сказал Огневик. — Неужели ты стерпишь, чтоб я принес тебе в супружество сердце без любви? Довольствуйся моею дружбою, благодарностью... Я буду чтить тебя как божество, любить как друга, повиноваться как благодетельнице...

— Этого для меня мало! — сказала Мария. — Будь моим и люби себе Наталью, люби из-за меня! Я победила силою ума предрассудки общежития, но не могу победить страсти моей к тебе, Богдан! Я люблю тебя, люблю со всем бешенством, со всем исступлением страсти: мучусь, терзаюсь с той самой минуты, как увидела тебя, и пока руки мои не окреп-

нут, прижимая тебя к сердцу моему, пока я не вопьюсь в тебя моими устами, пока не задохнусь дыханием твоим, до тех пор адское пламя, жгущее меня, не утихнет... Богдан, сжался надо мною.

Мария бросилась к ногам Огневика и дрожала всем телом.

— Успокойся, Мария! — сказал Огневик, подняв ее и посадив на прежнее место. — Время ли, место ли теперь говорить о любви, когда в душе моей яд и мрак!..

Мария, казалось, не слушала слов его:

— Ты любишь Наталью! — сказала она. — Какою любовью может она заплатить тебе за твою страсть? В жилах всех европейских женщин течет не кровь, а молоко, подслащенное изнеженностью. В моих жилах льется пламя, а чтоб согреть, смягчить душу богатырскую, расплавить в роскоши тело, вмещающее в себе сердце мужественное, нужно пламя адское, а не молочная теплота! Во мне кипит целый ад, Богдан; но чрез этот ад проходят в рай наслаждений!.. Будь моим на один день... ты не оставишь меня никогда... ты забудешь Наталью!.. — Краска снова выступила на лице Ма-

рии, глаза снова засверкали. Грудь ее сильно волновалась.

— Мария, ради Бога, успокойся! — сказал Огневик. — Я теперь в таком положении, что не в силах понимать речи твои, постигать твои чувства... Душа моя прильнула к целям друга моего и благодетеля, Палея, и холодна как железо... Доставь мне случай увидеться с ним хотя на минуту, умоляю тебя! После... быть может, я буду в силах чувствовать и понимать что-нибудь...

Мария задумалась. Потом, взглянув быстро на Огневику, сказала:

— Ты увидишь его! Я ни в чем не могу отказать тебе. Пойдем сейчас! Но помни, что или ты должен быть мой, или вместе погибнем!

Огневик не отвечал ни слова. Мария встала, подошла к столику, вынула из ящичка кинжал, заткнула за пояс, взяла небольшую скляночку и, показав ее Огневику, сказала с улыбкою:

— Это яд! — Скляночку она положила на грудь, за платье. Потом, накинув на плечи мантию, а на голову черное покрывало, при-

молвила: — Пойдем! Пусть товарищ твой подождет нас здесь.

Огневик, надев на себя кобеняк и опустив видлогу на голову, вышел за Марией и сказал Москаленку:

— Жди меня здесь, а если до рассвета я не возвращусь, — ступай в Белую Церковь! Там должна быть наша общая могила, под развалинами наших стен!

Мария и Огневик в безмолвии шли по улицам Бердичева. Огневик не спрашивал Марии, куда она ведет его. Он так поражен был всем, случившемся с ним в сие короткое время, что, погруженный в мысли, не обращал внимания на внешние предметы, и тогда только пришел в себя, когда они очутились у подъемного моста, ведущего в монастырь карме-литский.

По сию сторону рва, к мостовому столбу прикреплен был конец цепи с кольцом. Мария дернула за кольцо; внутри каменных ворот раздался звук колокольчика, и из небольшого круглого окошка высунулась голова.

— Кто там? — спросил сторож.

— Нам нужно немедленно видеться с на-

стоятелем монастыря, — сказала Мария. — Позови его!

— Подождите до утра; скоро настанет день, — возразил сторож. — Настоятель почи- вает по дневных трудах.

— Нам нельзя ждать ни минуты, — отвеча- ла Мария, — дело важное, государственное, и ты отвечаешь головою, если промедлишь хо- тя одно мгновение!

— Итак, подождите!

Прошло около четверти часа в ожидании, и вдруг цепи заскрипели на колесах, и узкая перекладка, с перилами для пешеходов, опу- стилась. Калитка отворилась в воротах, и Ма- рия с Огневицом вошли во внутренность кре- пости. Несколько вооруженных шляхтичей сидели на скамьях, под воротами и спросонья поглядывали на вошедших. Придверник ве- лел им следовать за собою. Взойдя на первый двор, они увидели на крыльце толстого высо- кого монаха, закрытого капюшоном. Страж подвел их к нему. Это был сам настоятель.

— Кто вы таковы и что за важное дело имеете сообщить мне? — сказал гневно мо- нах, зевая и потягиваясь. — Говорите скорей,

мне некогда... — Сильная зевота с ревом прекратила его речь.

Мария быстро взбежала на крыльцо, приблизилась к монаху и сказала ему на ухо:

— Здесь находится пленник Мазепы, Палей. Позвольте моему товарищу повидаться с ним и переговорить наедине, с четверть часа!..

Монах отступил на три шага, протер глаза и уставил их на Марию.

— Кто ты такова и как смеешь просить этого! В своем ли ты уме?

— Кто я такова, для вас это должно быть все равно, преподобный отче, — отвечала Мария, — а что я не сумасшедшая, это может засвидетельствовать вам Рифка...

При сем имени монах встрепенулся и как будто проснулся.

— Говори тише, окаянная женщина! — проворчал он. — Если Рифка изменила мне, черт с ней; я более не хочу знать ее, — при молвил настоятель, — Поди и скажи ей это. Я не смею никого допустить к Палею, без позволения гетмана. Ступай себе с Богом... — Монах хотел уйти. Мария остановила его за ру-

ку.

— Вы должны непременно исполнить мое желание, преподобный отче, если дорожите своею честью, местом и даже своим существованием, — сказала она тихо. — В моих руках находятся вещи, принесенные в дар монастырю Сапегою, которые вы подарили Рифке и объявили, что они украдены. Мне известно, что вы на деньги, определенные на подаяние неимущим, выстроили ей дом и содержите ее из доходов монастырских вотчин. Сверх этого, у меня в руках та бумага, которую вы подписали так неосторожно, в пылу страсти, за три года пред сим! Если вы не исполните моей просьбы, завтра же обвинительный акт с доказательствами будет послан к примасу королевства. При этом уведомляю вас для предосторожности, чтоб вы не погубили себя опрометчивостью, задумав покуситься на мою свободу, что все эти вещи и бумаги хранятся в третьих руках и что это третье лицо, непричастное нашей тайне, имеет приказание выслать бумаги к примасу, когда я не возвращусь через два часа. Пыткою же вы не выведаете от меня, у кого хранятся обвинитель-

ные акты, потому что вот яд, которым я в одно мгновение прекращу жизнь мою, если вы на что-либо покуситесь... Что бы вы ни затеяли, дело пойдет своим чередом...

— Дьявол меня попутал, — шептал монах, ломая руки, — и вот он является мне олицетворенный в том же образе, в котором соблазнил меня! Чувствую, что я заслужил это наказание! *Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa!* — проворчал монах, ударяя себя в грудь. — Слушай, ты демон или женщина! Скажи мне, за что Рифка изменила мне? За что предала меня? Нечистое племя Иуды, порождение демонское! Так, поистине только женоотречение может доставить счастье и спокойствие на земле! Будьте вы прокляты, женщины, изменническое отродие Евино, игрالیце змеиное!

Монах бесновался, а Мария улыбалась.

— Успокойся, преподобный отче, — сказала она. — Рифка не изменила и не изменит вам. Я нечаянно открыла эту тайну, которая сохранится навеки, потому что я одна знаю ее, и поклянусь вам, что никому не открою и не употреблю в другой раз в свою пользу.

— Делать нечего, пусть исполнится твое желание! — сказал монах и, сошед с крыльца, дал знак рукою Огневику, чтоб он следовал за ним. — Остайся здесь, — примолвил он, обращаясь к Марии, и пошел с Огневиком к церкви.

На паперти церкви, где стояла стража, монах велел Огневику сложить оружие, сказав, что это необходимое условие, и клянясь, что он не подвергнется никакой опасности. Огневик не противился и вошел в церковь безоружный.

Одна только лампада теплилась перед главным алтарем и бросала слабый свет на высокие своды и готические столпы. Монах провел Огневика между рядами лавок, за перила, отделяющие священнодействующих от молельщиков в католических храмах, взял фонарь, стоявший у подножия жертвенника, зажег в нем свечу и велел Огневику поднять дверь в помосте, ведущую в подземный склеп, где хоронят знатных и богатых католиков за большую плату.

— Возьми этот фонарь и спустись по лестнице. Направо, в углу, ты найдешь того, кого

желаешь видеть.

Вошед в подземелье, Огневик очутился посреди гробов, поставленных рядами, между которыми едва можно было пройти боком.

— Батько, где ты? — сказал Огневик громко.

— Здесь! — раздалось в углу. Огневик пошел на голос. В крепком, новом дубовом гробе лежал несчастный Палей на спине, окованный крепко по рукам и по ногам. Крыша на гробе была отодвинута настолько, чтоб узник мог дышать свободно. Огневик, взглянув на Палея, не мог удержаться и в первый раз в жизни зарыдал. Поставив фонарь, он бросил крышу с гроба и прижался лицом к лицу своего благодетеля, орошая его своими горячими слезами.

— Ты плачешь! — сказал Палей. — Итак, ты не изменил мне!

— Неужели ты мог подумать это, мой благодетель, мой отец? — возразил Огневик, рыдая.

— Думал и верил, потому что ты меня довел до этого своими советами...

— Я был обманут, опутан, ослеплен любо-

вию... — сказал Огневик, утирая слезы.

— Постой! — сказал Палей. — Если ты не причастен Мазепиным козням, то каким же образом ты попал сюда?

Огневик рассказал ему подробно все случившееся с ним от самого выезда из Бердичева.

— Что ж ты думаешь делать? — спросил Палей.

— Пойду к царю, брошусь ему в ноги, открою измену Мазепы и буду просить твоего освобождения.

— Мазепа не допустит, чтоб царь судил меня, — сказал Палей. — Он хочет потешиться над моим телом и замучить меня до смерти. Если ты мне верен и благодарен за мое добро, исполни сейчас волю мою и убей меня! Вот все, чего я требую от тебя, за мою любовь и попечения о тебе! Не дай злодеям ругаться над твоим батькою!

— Зачем ты хочешь лишать себя жизни? — возразил Огневик. — Мария знает все замыслы Мазепы и клянется, что он не смеет и даже не хочет покушаться на жизнь твою, а лишь только передадут тебя русским вла-

стям, то спасение твое верно. Царь любит правду, а я всем пожертвую, чтоб довести правду до ушей царских.

— Ничему не верю и ничего не надеюсь! Если ты верен мне и меня любишь — убей меня! — сказал Палей. — Неужели тебе не жалко смотреть на меня, лежащего заживо во гробе, во власти сатаны, и стоят ли несколько лет жизни, чтоб для них терпеть эти мучения!

— Если б я даже хотел исполнить твою волю, то у меня нет оружия, — сказал Огневик.

— А разве у тебя нет рук? — возразил Палей. — Задуши меня, и всему конец! — При сих словах Палей силился протянуть шею.

— Нет, я не в силах выполнить это! — сказал Огневик отчаянным голосом. — Еще б я мог, отворотясь, пустить пулю, но наложить на тебя руки — никогда! Не могу!..

— Баба! — примолвил Палей. — Я задушил бы родного отца, весь род мой и племя, если б только этим можно было избавить их от позора и мучений. Задуши меня, или я прокляну тебя!

— Делай что хочешь, но я не подниму на тебя рук, и потому даже, что надеюсь видеть

тебя скоро свободным, в славе и силе, а общего нашего врага в унижении и на плахе. Скрепи сердце, батько, вытерпи беду и живи для мести. Завтра повезут тебя в Киев, завтра я буду на пути к царю!

— Не хочешь убить меня, так убей тотчас Мазепу! — сказал Палей.

— Это тебе повредит. Тогда не будет надежды на твое освобождение. Злодей умрет мучеником, а всю вину свалят на тебя!

— Какая нужда! Убей сперва меня, потом Мазепу, и делу конец! — сказал Палей.

— Конец этого дела должен быть во славу твою и к стыду изверга Мазепы. Он должен пасть от руки палача, а не от моей! — отвечал Огневик.

— Бог с тобой: делай что хочешь и оставь меня в покое. Вижу, что в тебе не украинская кровь!

— Я несу в жертву жизнь мою за тебя и за Украину! — возразил Огневик.

— А не можешь отнять жизни у человека, который просит тебя об этом! Дитя! баба!

— Потому, что эта жизнь дорога мне и целой Украине...

— Довольно! Ступай с Богом, да смотри же, накажи деткам, чтоб они не поддавались в Белой Церкви! Кто молодец, тот умри на стене, а кому охота жить, ступай в Запорожье. Поклонись жене, скажи мое благословение детям... Поблагодари хлопцев за верную службу... Прощай!.. — Глаза Палея были красны, но он не мог пролить слез. Он только вздохнул. — Мне тяжело с тобой, Богдан! Сердце ноет... Ступай, куда Бог ведет тебя!

Огневик стал при гробе на колени и сказал:

— Благослови меня!

— Бог благословит тебя, дитя мое! — при молвил Палей. — Верю, что ты не изменил мне, и прощаю тебе неумышленную беду! Берегись баб! Вот видишь, к чему ведет ваша глупая любовь! Прощай, Богдан, мне грустно смотреть на тебя! Можешь — освободи, а не можешь — отомсти!

— Клянусь! — сказал Огневик.

— Верю, — отвечал Палей.

Огневик еще раз расцеловал Палея и вышел из подземелья. Взяв на паперти свое оружие, он возвратился на то место, где ожидала

его Мария. Монах отвел Марию на сторону и, взяв с нее клятву не открывать никому тайны, велел проводить их за ворота. Когда они перешли мост, Мария остановилась и, взяв Огневика за руку, спросила:

— Доволен ли ты мною? Огневик пожал ей руку.

— Начинает светать, — сказал он. — Я боюсь остаться в городе. На день скроюсь в лесу, а ночью буду у тебя, Мария! Теперь пойду на свой постоялый двор, а ты пришли ко мне товарища!

— Доволен ли ты мною? — повторила Мария.

— Благодарен, как нельзя более! — отвечал он.

— Уверился ли ты в моей силе? — примолвила она.

— Это сила ада или неба! — сказал Огневик.

— Сила ума, — возразила она, улыбаясь. — Жду тебя в полночь с освобождением Палея, с казнью Мазепы и с гетманскою булавою для тебя! Прощай!

Они расстались.

Глава XII

*Чрез горы проточил он воды,
На блатах грады насадил
Хранил примерный суд.*

Державин

В то время, когда случились описываемые здесь происшествия, то есть незадолго до вторжения Карла XII в Украину, Петербург только что зарождался, и никакой ум, никакое воображение не могли тогда предвидеть его нынешней красоты и величия. Распространение города началось после Полтавской битвы, но до низложения шведского могущества Петр занимался более укреплением нового города, которого первое основание положено было на нынешней Петербургской стороне. Как бы волшебством возникла Петропавловская крепость, состоявшая тогда из одного кронверка, одного рavelина и шести болверков, с четырьмя воротами. Вал был земляной, и только Меншиковский болверк начинали строить каменный. Внутри крепости все здания были деревянные. Соборная

Петропавловская церковь, низкое крестообразное здание о трех шпилях, выкрашена была под мрамор. С одной стороны церкви построены были небольшие дома: оберкоменданта, генерал-поручика Романа Вилимовича Брюса, плац-майора полковника Чемезова, священников собора, цейхгауз, выкрашенный так же, как и церковь, под вид желтого мрамора, и большой караульный дом. Противу караульного дома находилась площадь, называемая плясовая, на которой стояла деревянная остроспинная лошадь, а рядом с нею вкопан был столп, обнесенный палисадом. От верха столпа висела цепь. Провинившихся солдат и мастеровых сажали на сию лошадь или приковывали руками к цепи на некоторое время. По другую сторону церкви были провиантские магазины, гарнизонная канцелярия и главная аптека. Крепость прорезана была внутри каналом, в две с половиною сажени шириною. Сии первые строения были, так сказать, ядром новорождавшегося города.

Перед крепостью, за гласисом, стояла на том месте, где и ныне, деревянная церковь во имя Святыя Живоначальныя Троицы. Пло-

цадь и пристань назывались Троичками. На берегу на пристани стоял, как и ныне, домик, в котором жил Петр Великий. Рядом выстроен был большой дом, называвшийся *Посольский*, в котором жил генерал-губернатор Петербургский, князь Меншиков, а по другую сторону находился знаменитый питейный дом (или австерия), пред которым производились все торжества и сожигались фейерверки и куда государь заходил с приближенными на рюмку водки, после обедни, в праздничные дни. По другую сторону стояли: деревянный гостиный двор и несколько частных домов, выстроенных в линию противу крепости. На другой стороне Невы находилось Адмиралтейство, обнесенное земляным валом, рвом и палисадами. Внутри Адмиралтейства были деревянные магазины и деревянная же башня со шпилем. Деревянная Исаакиевская церковь только что начинала строиться, равно как и по Миллионной. Все как частные, так и казенные здания были или деревянные или мазанки (Fachwerk). На Васильевском острове были галерная верфь, укрепления, состоявшие под начальством капитана бомбар-

дирской роты, Василия Дмитриевича Корчмина, и французская казенная слобода для приезжих иностранных мастеров. На безымянном острове, против нынешнего Екатерингофа, построен был загородный дом, или *подзорный дворец*. Место, назначенное под город, было вымерено, и главные улицы означены были небольшими каналами по обеим сторонам, или сваями, в некотором расстоянии одна от другой. В лесах сделаны просеки, из коих главная шла чрез густую березовую рощу в Московскую Ямскую слободу, населенную переселенцами из подмосковных ямщиков. Сия лесная дорога есть нынешний великолепный *Невский проспект*. При устье Фонтанки находилась старинная деревня Калинкина, а далее на взморье деревня Матисова, населенные туземцами, ижорами, древними обитателями сего пустынного края. Несколько бревчатых мостов на Фонтанке и на Мойке способствовали сообщению на Адмиралтейской стороне; но на Неве тогда мостов не было. Солдаты жили в слободах, построенных на Петербургской стороне, а матросы в нынешних Морских улицах, на Адмиралтейской сто-

роне. Крестьяне, присылаемые по наряду на работу из соседних губерний, жили в шалашах, в лесах, в нынешней Литейной части. Они занимались рубкою лесов на просеках, очисткою болот, приготовлением кирпича, доставкой песка, извести, выжиганием угля. Частные люди строили дома наемными работниками. По линиям, где надлежало быть улицам, лежали костры досок, бревен и кучи песку. Везде рыли ямы и каналы для спуска воды. На обширном пространстве курились огни, при которых ночевали работники. Повсюду раздавались стук топоров, молотков, скрип и шипенье пил, ободрительные крики работающих, побудительные голоса начальников и заунылые звуки русских песен. Везде была деятельность, поспешность в труде, быстрота в движении, рачительность в исполнении, как будто невидимый дух повсюду присутствовал, за всем надзирал и поверял работу.

В прекрасное летнее утро стоял на берегу Невы, противу строившейся Исаакиевской церкви, запорожский казак и с любопытством смотрел на движущуюся картину дея-

тельности проворного народа русского. Толпы рабочих, как муравьи, двигались в разных местах, поднимая и перевозя тяжести. Но чаще всего взор запорожца обращался на крепость и на домик царский, перед которым стоял расписанный и разукрашенный резьбою бот. В нескольких шагах от запорожца остановился старик с седою бородою, в русском летнем кафтане, в пуховой шляпе. Старик с удивлением осматривал, с головы до ног, запорожца, статного и красивого лицом, и любовался, как казалось, его нарядом. Наконец, как будто не могли преодолеть свое любопытство, старик подошел к запорожцу, приподнял свою шляпу, поклонился и сказал:

— Видно, ваша милость прибыл сюда с царем из Польши и впервые видишь здешние чудеса?

— Правда, что я здесь в первый раз, и только со вчерашнего дня, — отвечал запорожец, — но я прибыл не с царем, а к царю.

— Так видно, какой мастер, — примолвил старик. — Наш царь-батюшка никакому гостю так не рад здесь, как мореходу да мастеру.

— Мое мастерство вот это, — сказал запо-

рожец, ударив по своей сабле.

— И то хорошо, батюшка! — отвечал старик. — У всякого свой промысел!

— А когда можно увидеть царя? — спросил запорожец.

— Да он, батюшка, с утра до ночи, все на ногах. Не любит покоиться, кормилец! Ведь и сегодня со светом уже был на Васильевском острове, а теперь, видно, заехал домой, перекусить. А ты, чай, знаешь царя нашего?

— Никогда не видал!

— Уж такого царя не бывало, да и не будет, не только на Руси, да и на целом белом свете, — примолвил старик. — Ростом великан, силой богатырь, лицом красавец, а умом так всех и бояр, и князей, и владык за пояс заткнет. Все, вишь, знает, все умеет и во всяком мастерстве и в книжном деле искусен, только, как говорят, не умеет лаптей плести. Предание, *до сих пор сохранившееся* в простом народе, что Петр Великий умел все делать, только не умел лаптей плести... Уж я отжил мой век, а об таком царе и в сказках не слыхивал! Бывало, наши цари сидели себе, сердечные, в теплых хоромах, молились Богу да кушали

хлеб-соль, на здоровье с князьями да боярами, которые судили и рядили в народе, как сами хотели. А ныне так не только что везде царское око и царское ухо, да и рука-то его повсюду с мечом, с топором и с молотом. В суде он первый судья, на войне первый воин, во всяком ремесле первый мастер, когда б не... — старик остановился.

— Когда б не — что? — спросил запорожец.

Старик посмотрел исподлобья на него и сказал, понизив голос:

— Да ведь ты сам, отец родной, короткокафтанник и безбородый!

— Понимаю! — примолвил запорожец. — Русским не нравится то, что царь не любит бород и русского кафтана.

— И вестимо, батюшка! — сказал старик. — Ведь деды наши и отцы носили бороды и жили не хуже других, да и святых-то угодников Божьих пишут с бородами...

— Святость не в бороде, дедушка! — возразил запорожец. — Пишут святых так, как они были в жизни, но мы должны подражать им не в одежде и в стрижке и бритье волос и бороды, а в делах. Нарядись беззаконник как

удобно, он все-таки проклят, а праведный муж благословен во всякой одежде.

— Ото так! — сказал старик. — Да вишь, народ, одевшись в кургузое платье и обрив бороду, так и льнет к немцам, а от них далеко ли до расколу, да до антихриста папы. Господи, воля твоя! — примолвил старик, крестясь и тяжело вздыхая. — Уж чего наши бояре не переняли у немцев! Пьют дьявольское зелье, табачище, заставляют своих жен плясать с нехристями всенародно; едят всякую нечисть, и раков, и телят, и зайцев, и Бог знает что. А язык-то наш так исковеркали, что иное слушаешь от русского, да не понимаешь. Да то ли это! Ведь эти поганые немцы мало того, что опутали царя, да еще и подговорили его женить православного царевича Алексея Петровича на своей *обливанке*. Так в старину русские называли всех христиан, которых при крещении не погружают в воду, а только обливают водою... Слышно, наплакался, беденький! Этот — дай Бог ему здоровье — так тянет все за стариной и куды как не любит немцев и всякой их новизны. За то и народ и священство так и прильнули к нему душой...

Вдруг словоохотливый старик замолчал, как бы испугавшись, что высказал лишнее перед незнакомым человеком.

— Не бойся говорить правду, старинушка, — сказал запорожец. — У нас, на Украине, так же, как и на Руси, не любят немцев и всяких иноверцев, а до сих пор, слава Богу, у нас нет ни одного.

— У нас, батюшка, так они всем завладели, — отвечал старик. — И войско-то они водят, и кораблями правят, и всякими мастерствами заведывают. Нечего сказать, есть меж ними люди добрые и смирные и знают свое дело... да все-таки, что немец, то не русской, что нехристь, то не православный.

— Уж что говорить! Куда им равняться с нами? «Далеко кулику до Петрова дня!» — возразил запорожец.

— А царь-то их, вишь, вельми жалует! — сказал старик. — Сказывают, что от них все тяжкое и горькое, и корабельщина, и поголовщина, и дороги, и каналы, и война-то, которой и конца не видно, и гоненье на стрельцов и старообрядцев Современное мнение народное, ложное во всех отношениях, как вся-

кий вымысел невежества. Без иностранцев Петр не мог бы успеть в великом деле преобразования России. О сем сказано будет ниже... Слышно, что и город-то строить на этом чухонском болоте затеяли они же, чтоб быть поближе к своим, да подальше от коренной Руси. А уж эта постройка города, чего будет стоить, Господи! Ведь что копнешь заступом в землю, так бездонный провал! А кругом пустошь пустошью, и кроме мухоморов, думаю, ничто здесь не созреет. Но ведь царская воля-то словно Божье слово, а наш царь чего захочет, то и будет. Недавно забушевало под ним Ладожское озеро, так он как велел высечь его порядочно батогами, ан на другой раз и пошелохнуться не смело перед ним Предание, до сих пор сохранившееся... Уж за то люблю царя, дай Бог ему здоровья, что у нас для всех равны суд и расправа. Будь крестьянин, будь князь, провинился, так уж не потакнет ради роду и племени. Для верного же и усердного слуги, будь он простой плотник или солдат, всякая честь и награда... Вот, недалече поискать... Посмотри-ка на князя Меншикова. Ныне первый боярин из кре-

стьянских детей. Вот что дело, то дело! Ведь коли сам царь служит и работает, так и всем должно... Да вот и он сам, наш батюшка! Вот сел в свой бот, с кем бишь, издали-то не видно... Видно, едет в Миратейство (Адмиралтейство). Он еще не был здесь сегодня.

— А можно ли мне пойти туда, посмотреть сблизка на царя? — спросил запорожец.

— А почему ж нет! К нему, батюшке, доступ волен каждому, во всякое время и в каждую пору! Я сам проведу тебя. Я подрядчик казенный, и мои люди работают там.

Старик с запорожцем вошли в Адмиралтейство. Старик пошел к своим работникам, а запорожец стал за большим костром бревен. Ботик приближался к берегу, и запорожец, подозвав к себе старика, спросил:

— Скажи, старинушка, который из них государь и кто таковы господа с ним?

— Царь сидит на руле, а на скамьях комендант крепости, Брюс, да вице-адмирал Крюйс, люди добрые, хоть из немцев. А вот этот молодец, денщик государя, Румянцев.

Бот пристал к берегу, и государь, проворно выскочив, пошел к новостроящейся брига-

тине. Он превышал головою всех бывших в Адмиралтействе людей. На нем был светло-зеленый, длиннополый мундир с красным откидным воротником и с красными обшлагами, камзол и исподнее платье из простого равентуха и козловые сапоги за колено. Подпоясан он был по камзолу лосиною португезей, на которой висел, при бедре, кортик. Голова покрыта была небольшою треугольною шляпой. Черные волосы его висели по воротнику, небольшие усики придавали выразительность полному, смуглому его лицу, а глаза горели как алмазы. Он и имел в руках трость, знаменитую дубинку, которая перещупала хребет всех нерадивых, всех злоупотребителей сего славного царствования.

Поздоровавшись с работниками, Петр Великий взобрался на новостроящуюся бригадирину, обошел повсюду от килия до шканцев и, спустившись на землю, пошел к другому стапелю. Перед ним несколько работников силилось поднять бревно из костра. Петр подошел к ним, закричал: «Посторонись!» — и когда работники опустили бревно, Петр уперся в него плечом, двинул, и тяжелое дерево слете-

ло на землю как перышко. Государь улыбнулся и пошел далее.

— По-каковски ты рубишь, неуч? — сказал государь плотнику, выхватив у него из рук топор и бросив на землю свою дубинку. — Топор держи плашмя к брусу, да не размахивайся, а надрубай бережно. Вот так! — Петр стал сам тесать бревно, приговаривая: — Ведь это дорогой товар — дуб, испортить его легко в минуту, а пока он вырастет, надобно ждать веки! Гей, мастер!

Работники стали кликать корабельного мастера, который немедленно предстал перед государем.

— Не изволишь беречь лесу и не умеешь выбирать работников, — сказал ему государь. — Неужели у тебя нет лучших плотников для такой работы?

— Откуда взять, государь! — сказал мастер. — Рад-радехонек, когда найдешь человека, который смыслит поболее, как рубить дрова! Ведь у нас столько работы, государь, что и в Голландии не нашли бы довольное число хороших плотников...

— Учи, надсматривай! — возразил госу-

дарь.

— Ведь не много таких переимчивых, как сардамский плотник, а что смотреть — то смотрю в оба, да за всеми не углядишь.

— Ну, ладно, кум! — сказал государь. — У тебя на все готов ответ, а вот господин вице-адмирал говорит, что шхуна нашей работы тяжела на ходу и берет много воды.

— Ведь вы сами изволили сделать чертеж, государь, чтоб попробовать. Я также предвидел, что дело не пойдет на лад...

— Предвидел! — сказал государь грозно, стукнув дубинкою в землю и посмотрев гневно на мастера. — Ты предвидел, что дело не удастся — и не сказал мне ни слова!

— Я не смел... Я боялся огорчить вас, государь!

— Ты не смел, ты боялся огорчить меня! — примолвил государь. — Разве я огорчаюсь правдою? Разве ты не знаешь, что я благодарен, когда мне поправят мою ошибку, когда научат меня, чего я не знал, покажут, чего недосмотрел? Не сто раз повторял я вам всем, и генералам моим, и сенаторам, и мастерам: говорите мне правду смело и открыто. Я бо-

лее ничего от вас не требую, как правды и рачения к должности. Гневаюсь я и наказываю за ложь и за обман, а не сержусь, хотя бы кто говорил и вздор от чистого сердца и с добрым намерением. Никак не могу управиться с моими людьми! — примолвил он, обращаясь к генералу Брюсу и вице-адмиралу Крюйсу, — никак не могу вбить в голову, что они служат не для моей потехи, а для пользы общей нашей матери, России. Не могу уверить их, что я для себя лично ничего не хочу, ничего не требую от них, кроме исполнения моей воли, которая имеет одну цель, благо отечества, а потому советников моих и помощников я избираю для того только, чтоб они говорили мне правду, по крайнему своему разумению! Дал бы мне Бог поболее таких людей, как князь Долгорукий! Вот этот так понял меня! Слушай, кум, — примолвил государь, обращаясь к мастеру, — на этот раз я тебя прощаю, веря, что ты молчал правду от глупости, а если в другой раз услышишь, что я приказываю тебе что-либо такое, в чем ты не видишь пользы, а ты не скажешь мне, что думаешь, то вот эта дубинка погуляет по твоей спине! Наде-

юсь, что ты за это сделаешь мне славную бригантину!

Мастер бросился в ноги государю.

— Встань! Я терпеть не могу этого. Кланяйся Богу, а перед царем стой прямо, смотри в глаза, говори правду и делай честно свое дело. — Государь отвернулся и пошел в магазины, где лежало железо.

Старик подошел к запорожцу и сказал ему:

— Коли тебе нужда до царя, так ступай за ним.

— Нет, теперь еще не пора, — отвечал запорожец. — Мне только хотелось увидеть его, а между тем я в одно время и увидел и узнал его коротко. Великий муж! Государь, который любит истину и помышляет единственно о благе отечества, есть образ Бога на земле. Надеюсь на его правосудие!

— Не угодно ли вашей милости пожаловать ко мне откусать моего хлеба-соли? — сказал старик. — Ты здесь чужой.

— Спасибо, старинушка! С радостью принимаю твое приглашение, а после попрошу, чтоб ты проводил меня к боярину Кикину.

— Изволь! Ну пойдем ко мне.

Они вышли из Адмиралтейства, и старик повел его в свой дом в Морскую слободу, возле новостроящейся церкви Исаакия Далматского.

В короткое правление царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, во время слабого, колеблющегося троецарствия Иоанна, Федора и Петра Алексеевичей и в пронырливое, кознестроительное управление царевны Софьи Алексеевны власть бояр, их самоуправство, своенаравие и безнаказанность достигли высочайшей степени. Хотя они не сме- ли явно противиться воле царской, но если она не согласовалась с их выгодами или честолюбием, они умели отклонять исполнение, под различными предлогами, и самую волю царя обуздывали кознями. Любимцы двора делали, что хотели, а правители областей и городов угнетали народ беспощадно. Партии боролись между собою у двора, чтоб доставить себе власть и ввергнуть в опалу противников. Для честолюбивцев и корыстолюбцев, за пожертвование совестью, открыты были неисчерпаемые рудники богатства и почестей. Вдруг появился герой на престоле,

единственный Петр, которого не знали и не постигали до тех пор, пока он не достиг еди-нодержавия. Железною рукою взяв опущенные бразды правления, он удержал своеволие, разогнал козни, усмирил буйные страсти и все подчинил своей воле, непреложной как судьба. Сея твердою волею своею, как архимедовым рычагом, Петр выдвинул царство из тины невежества и варварства, выкатил его на солнце просвещения и помчал по терни-стому пути образованности. С первого шагу Петр поставил себя в противумыслие с целым своим народом. Каждая мера его, каждое на-чинание и учреждение явно разногласили с нравами, обычаями, образом мыслей, поняти-ями, чувствованиями и предрассудками всех сословий тогдашнего русского народа. Петру невозможно было починивать и перестраи-вать. Ему надлежало сломить, разрушить до основания ветхое государственное здание, по-грести под развалинами оногo старинные предрассудки и из обломков создать новое, по европейскому образцу. Так он и сделал, пре-одолев препятствия и понеся труды, которые показали бы баснословными, ежели бы не

были так близки к нам. Но ежели в странах просвещенных и благоустроенных каждое нововведение, имеющее целью народное благо, находит сильных противников в людях, тучнеющих от злоупотреблений и закоренелых предрассудков, тем более Петр должен был найти недовольных между русскими боярами и закоснелым в невежестве мелким дворянством, с которых он стряхнул лень, и, обуздывая их пороки, заставил действовать противу их воли на пользу отечества, оскорбляя при том их самолюбие возведением на высокие степени людей с дарованиями и с усердием, без оглядки на родство и связи. Особенно вооружало противу Петра всех русских и даже преданных ему людей предпочтение, оказываемое им чужестранцам, хотя многие чувствовали, что без их помощи государь не мог начать, а тем более совершить великого дела преобразования России. Но характерная черта русского народа есть уверенность в превосходстве своем перед иностранцами. Уверенность сия и ныне даже не может назваться справедливою, ибо дарование не есть привилегия одного племени, а в то время сия само-

надеянность русских на собственные силы была столь же ложною, как и вредною, ибо большая часть вещей, о которых русские не имели никакого понятия, была на высокой степени совершенства у других народов. Суеверие называло каждого неправославного нехристом или обливанцем, а потому невеждам казалось делом богопротивным подчинять православных под их начальство. Приближенных государя оскорбляла необыкновенная вольность иностранцев в обхождении с ним и его чрезвычайная к ним снисходительность. Словом, все вымышляли и находили причины быть недовольными великим мужем, боготворимым потомством и уважаемым всем человечеством. Такова участь истинного величия души и гения! Горести, труды, неблагодарность и клевета в жизни — за гробом бессмертная слава. Не многие из русских тогдашнего времени понимали Петра, но героев везде и всегда не много, а избранные им сподвижники в точном смысле слова были герои. Великий Петр пользовался умом каждого и чтит его, но доверял только уму, соединенному с праводушием. А потому-то

умный Александр Кикин, казначей государев и член Адмиралтейства, хотя пользовался милостью царя, но не мог возбудить в нем доверенности, следовательно, не мог достигнуть тех степеней в государстве, как Меншиков, Шереметев, Апраксин, Головин, Головкин, Долгорукий и другие. Кикин хотя умом оправдывал все начинания Петра, но, мучимый завистью и честолюбием, скрытно держался стороны недовольных, которые в невежестве и фанатизме своим вопияли противу каждого нововведения и называли их беззакониями, смертными грехами, дьявольским наваждением. Слабодушный и слабоумный царевич Алексей Петрович уловлен был в сети фанатиками и безумными приверженцами грубой старины, а умные честолюбцы, в том числе и Кикин, тайно ободряли их ревность, надеясь со временем овладеть царевичем и управлять Россией, под его именем. Жизнь Петра почти ежедневно висела, так сказать, на волоске, потому что он не щадил ее ни в боях, ни в трудах, едва не превышающих силы человеческие. Все знали отвращение царевича Алексея Петровича от нововведений и его связи со

всеми противниками нового порядка вещей, и все были уверены, что если царевич Алексей вступит на престол, то любимцы и сподвижники Петра должны погибнуть вместе с возникающим преобразованием России. Умные и добросовестные люди страшились сей минуты: фанатики, невежды и обманувшиеся в надеждах честолюбцы с нетерпением ждали ее, как начала своего благополучия. Между тем, пока Петр жил и действовал, козни устраивались во мраке, порождались злые замыслы и клеветы, и при помощи суеверия представляли Петру препятствия и отвращали от него сердца народа. Главными действующими пружинами зла были епископ Ростовский, Досифей, владевший душою царевича Алексея, и генерал-майор Степан Богданович Глебов, господствовавший над сердцем его матери, Евдокии Федоровны, постриженной в старицы, под именем Елены, и находившейся в Суздальском Покровском монастыре. Вокруг их увивались толпы беспокойных, недовольных козnelюбцев.

Александр Кикин строил в сие время новые палаты, на набережной Невы, противу

крепости, а сам жил в небольшом доме, на дворе. Вечером, когда работники распущены были с казенных и частных работ, старик повел запорожца к дому Кикина и, указав оный, удалился, сказав:

— Держи ухо востро, брат казак! Этот боярин любит ловить рыбу в мутной воде...

Запорожец постучал у дверей, и его ввел в светлицу дьяк. Кикин сидел возле стола, за бумагами. Он оборотился, бросил проницательный взор на запорожца, осмотрел его с головы до ног и сказал хладнокровно:

— Откуда и с чем?

— Мне нужно переговорить наедине с вашею милостью о важном деле, — отвечал запорожец, поклонясь в пояс.

— Подожди в сенях, — отвечал Кикин, позвал дьяка и стал заниматься бумагами. Запорожец ждал около часа, наконец Кикин выпроводил дьяка на крыльцо, подождал, пока он не скрылся из виду, и, воротясь в сени, велел запорожцу следовать за собою в избу. Сев на прежнее место, Кикин устремил глаза на запорожца и сказал:

— Ну-тка, посмотрим, чего ты от меня хо-

чешь?

— Я приехал к тебе с поклоном из Малороссии, от Марьи Ивановны Ломтиковской, — сказал запорожец.

Кикин улыбнулся и спросил:

— Что она нового затеяла?

— Она открыла мне положение здешних дел, — сказал запорожец, — и приказала сказать вам, что если царевичу нужна помощь в Малороссии и Украине, то он теперь имеет случай приобрести все сердца, исходатайствовав у царя, чрез друзей своих, прощение полковнику Палею и выпросить позволение возвратиться ему восвояси. Вашей милости, вероятно, известно, какою любовью пользуется у народа Палей и как ненавидим Мазепа, который теперь замышляет измену противу России, что всем известно на Украине, хотя и не может быть доказано бумагами. Если б друзьям царевича удалось поставить Палея в гетманы и низложить коварного Мазепу, сто тысяч воинов ополчились бы по слову царевича и весь войсковой скарб поступил бы в его распоряжение...

— Все это насаждала тебе эта баба! — возра-

зил Кикин с лукавою улыбкой. — Легко сказка сказывается, да не легко дело делается. Царь, брат, не таков, как вы об нем думаете! Его не проведут ни сто Мазеп, ни двести Палеев! Все вы, братцы, малороссияне, хотя люди храбрые и умные, но превеликие ябедники! Хотелось вам свернуть шею Мазепе, а вы же укрепили его на гетманском месте вашими недоказанными доносами, вашим пустым ябедничеством. Палей сослан в Сибирь, за послушание царской воле и в угодность Мазепе, которого царь теперь ласкает, потому что имеет в нем нужду. Да, впрочем, он и заслужил милость царскую двадцатилетнею верною службой. По пустым просьбам царь не простит Палея и не захочет огорчить Мазепу. Это дело конченное: поезжай с этим к Марье Ивановне да скажи ей от меня, что с этой поры, как она изволила наболтать тебе всякого вздору о царевиче и обо мне, да еще осмелилась подсылать ко мне неизвестного мне человека, я больше не хочу ее знать, а если она еще вздумает подсылать ко мне, то я скручу в бараний рог ее посланца да и отдам царю, как изменника. Благодарю Бога, что ты как-то мне

приглянулся и что я отпускаю тебя цела и невредима. Но чтоб сей же ночи тебя не было в Петербурге! Прощай! С Богом!

Кикин отвернулся, и Огневик (ибо это был он) вышел, не сказав ни слова, огорченный своею неудачею. Возвращаясь на постоянный двор, в Московской Ямской, где он остановился, Огневик стал рассуждать о своем предприятии и почувствовал все свое неблагоприятие, что обратился к человеку, в котором он не был уверен. Услышав мельком от Марьи о существующем заговоре и удержав в памяти имена царевича Алексея Петровича и казначея Кикина, Огневик сперва верил, что, намякнув сему последнему об их тайне, он будет принят заговорщиками, как и их соучастник, и найдет у них покровительство. Теперь он удостоверился, что поступил легкомысленно, не взяв от Марии писем к заговорщикам и доказательств измены Мазепиной. Но вспомнив при сем, какой жертвы требовала от него сия исступленная женщина, Огневик наконец успокоил себя мыслию, что ему иначе нельзя было поступить, как отведать счастья, без содействия Марии, с которой он страшил-

ся войти в тесную дружбу. Огневик внутренне устыдился, вспомнив, что с самого выезда своего из Бердичева он впервые стал размышлять о подробностях своего предприятия и что, следуя долгу своему и совести, повелевающим ему забыть все, устремиться на помощь своему благодетелю, Палею, он действовал почти машинально, а внутренне занят был Натальей и только об ней одной думал всю дорогу, только ей одной посвящал ощущения души своей. Будучи обречен Мазепою в жертву его мщения, Огневик не мог показаться в Малороссии и в Русской Украине, следовательно, не имел никакой надежды свидеться с Натальей, а тем менее похитить ее из Батурина. Все его благополучие зависело от освобождения Палея, и, не надеясь более найти подпору в русских боярах, притом не зная никого, он решился написать челобитную от имени украинского народа и подать ее лично царю.

Спросив бумаги и чернил у хозяина, Огневик заперся в своей светлице и занялся сочинением челобитной. Он изобразил яркими красками заслуги и подвиги Палея в его бес-

прерывной войне с татарами и поляками, врагами России; представил, что Палей со своею вольницею составлял как бы оплот России в тех странах и своим влиянием на умы удерживал в повиновении царю запорожцев, привлек гетмана польской Украины, Самуся, на русскую сторону и заставлял гетмана Малороссии быть невольно верным царю, хотя во всем том крае известны сношения его с Польшей и ненависть к России. В неисполнении Палеем царской воли он оправдывал его тем, что Палей хотел только рассчитаться с польскими панами во взаимном ущербе и после того возвратить им занятые поместья, и наконец, убеждал царя не верить доносу Мазепы, который ненавидит Палея и желает его гибели для того только, что во время его пребывания на Украине Мазепе невозможно вовлечь народ в измену противу царя. Употребив все школьное свое красноречие и всю силу своего чувства при составлении сей челобитной, Огневик, не раздеваясь, лег отдыхать, намереваясь со светом идти к царскому дому и подать ему оную при выходе царя. Огневик проспал долее, нежели предполагал, и

когда проснулся, солнце уже было высоко. Он нанял у хозяина лошадь с телегой и поехал к старику, подрядчику, с которым познакомился накануне. Старик уже возвратился из Адмиралтейства к завтраку и сказал ему, что государь был там с какими-то новопривывшими немцами, показывал им работы и остался весьма доволен. Огневик открылся старику, что намерен подать государю челобитную.

— Смотри, будь осторожен, — сказал старик, — здесь объявлен всенародно указ государев, чтоб никто не осмеливался подавать ему челобитень, кроме как по делам государственным и на несправедливость судей. По всем прочим делам повелено подавать жалобы в Приказы, куда какая следует. Государь не любит, чтоб преступали его волю, и издал указ, в коем прописано, чтоб никто не отговаривался незнанием законов.

— Я жалуясь на несправедливость судей! — возразил Огневик.

— Делай что хочешь, — примолвил старик, — мое дело сторона, а ты человек грамотный и знаешь более нас. Теперь государь дома; ступай на ту сторону и дождись, пока он

выйдет.

Огневик изготовил также письмо к Наталье, в котором уведомлял ее обо всем случившемся и извещал, что он решился пожертвовать собою, для избавления своего благодетеля. Он увольнял ее от данного ею обета, если его постигнет несчастье, смерть или ссылка, и просил только об одном — вспоминать иногда об нем. Письмо сие надписано было русскому священнику в Виннице, приятелю его.

— Ты областал меня, сироту, на чужой стороне, — сказал Огневик старику, пожимая его руку, — доверши доброе дело, и если я не ворочусь к тебе сегодня вечером, постарайся переслать это письмо.

— Будь уверен, что желанье твое исполнится, — отвечал старик. — У меня много знакомых между слугами царскими, и я отошлю письмо с первым гонцом на Украину. Огневик обнял старика, простился с ним, отпустил телегу и пошел к перевозу. Переехав через Неву, он остановился возле Троицкого питейного дома, чтоб расспросить о государе. Ему сказали, что государь с денщиком своим, Ру-

мянцевым, пошел гулять и осматривать строящиеся частные дома в новой улице, которая шла от Троицкой церкви до острова, называемого Каменный. Огневику указали путь, и он пошел отыскивать государя. Пройдя несколько десятков сажен, Огневик увидел толпу народа возле небольшого красивого домика. Он поспешил туда и вмешался в толпу. Государь с гневным лицом, с пылающими взорами держал за ворот толстого, дюжего, красноного подьячего, который, стоя пред ним на коленях, трепетал всем телом и восклицал:

— Виноват, согрешил, грешный! Попутал лукавый! Между тем государь, приговаривая:

— Не воруй, не плутуй, не обманывай православных! — отсчитывал ему полновесные удары по спине своею дубинкою.

Огневик спросил одного порядочно одетого человека, что это значит и за что государь изволил прогневаться.

— Я сам был в гостях у именинника, вот у этого секретаря Удельной конторы, который теперь ежится под благословенною царскою дубинкою, — отвечал порядочно одетый человек. — Государь изволил в прошлом году кре-

стить у него сына и своеручно пожаловал рубль родильнице. Теперь, проходя мимо и увидев, чрез окно, толпу народа в горнице, государь зашел к куму, который упросил его выкушать рюмку водки и закусить пирогом. Хозяйка, вся в жемчугах и в шелку, вынесла на серебряном подносе штоф любимой государевой гданской золотой водки, а хозяин поднес пирог на серебряном блюде. Государь помолился Богу, выкушал, поблагодарил хозяев и стал осматривать дом, небольшой, да туго набитый всяким добром. Стены как жар горят от позолоченных окладов; в шкафе, от полу до потолка, битком набито серебряной посуды; скатерти на столе голландские, ковры на полу персидские, занавесы у кровати шелковые, с золотом, словом, у другого князя нет того, что у нашего приятеля. Осмотрев все, государь обратился к хозяину и сказал:

— Я у тебя не видал этого добра в прошлом году на крестинах?

Хозяин смешался и отвечал:

— Вещи еще не были привезены из Москвы...

— А много ли за тобой родового имения? —

спросил государь.

— Покойный отец не оставил мне ничего, кроме своего благословения и наказа служить верой и правдою царю-батюшке.

— Видно, ты, куманек, не дослушал наказа твоего отца, — примолвил государь. — А за женой много ли взял? — спросил царь.

— Не смею лгать: ничего, — отвечал секретарь.

— Откуда же привалила к тебе такая благодать? — сказал государь, смеясь и посматривая на нас. — Ни у адмиралов, ни у генералов моих нет столько всякого добра, как у тебя, куманек, а кроме Данилыча Князя Александра Даниловича Меншикова, которого Петр Великий всегда называл *Данилычем*, никто не потчевает меня такою водкой. Сколько ты получаешь жалованья в год?

— Семьдесят три рубля двадцать две копейки с деньгой! — отвечал секретарь.

Мы все закусили губы.

— Так из каких же доходов ты накопил столько богатства?

— Трудовая копейка, ваше царское величество! Работаю день и ночь, чтоб поспешать

окончанием дел; так дворяне, имеющие дела в Приказе, дарят меня за труды.

— А знаешь ли ты указ о лихоимстве?

— Православный государь, — сказал смело секретарь, — Я не продаю правосудия, не беру взяток с правого и виноватого и потому невинен в *лихоимстве*, а признаюсь чистосердечно, грешен во *мздоимстве*, получая плату от просителей, сверх твоего царского жалованья.

— Итак, за искренность твою и за то, что не признаешь себя по совести виноватым в лихоимстве, я тебя не отрешу, на этот раз, от места, куманек, а только дам отеческое наставление и напомню, что я плачу и награждаю чинами за то, чтоб все чиновники работали *безвозмездно* для моих подданных. Не можешь жить жалованьем, не служи, а пили дрова, коли чего лучшего не умеешь, но не криви душой противу присяги. Это до всех вас касается, господа! — сказал царь, оборотясь к нам, и, взяв за ворот хозяина, примолвил: — Пойдем-ка со мною на улицу, чтобы не мешать празднику. — Вот теперь он дает отеческое наставление своему куманьку!

Пока незнакомец рассказывал Огневику, государь перестал бить секретаря и, велел ему встать, сказал:

— Ступай-ка с Богом докушать своего, пирога и допить штофик, да не забудь на радость, в день твоего ангела, прислать сто рублей в Морскую госпиталь. Когда деньги не будут доставлены к вечеру, я завтра опять заверну к тебе с отеческим наставлением. — Государь с улыбкой показал свою дубинку секретарю, который отряхивал и поворачивал плечами, охая и утирая пот с лица.

Государь пошел к своему дому, а в толпе народа раздавался хохот и восклицания: «Спасибо царю-батюшке, что он бережет нас от этих волков! Когда б то почаще эта дубинка плясала по спине приказных!» и т. п.

Огневик последовал за государем. На крыльце дома государева дожидались его с бумагами: граф Таврило Иванович Головкин, барон Петр Павлович Шафиров и Александр Кикин. Лишь только царь хотел войти в дом, Огневик громко сказал:

— Православный государь! благоволи выслушать!

Кикин побледнел как полотно, узнав запорожца.

Петр обернулся и, кажется, удивился, увидев казака в запорожской одежде.

— Кто ты таков? — спросил он.

— Бумага эта все скажет вашему царскому величеству, — отвечал Огневик, представляя челобитную.

— Разве ты не знаешь, что я запретил мне подавать жалобы? — сказал государь гневно.

— Ты позволил, государь, жаловаться на несправедливость судей, и я жалуюсь на *тебя* — тебе, правосудному государю!

Государь посмотрел пристально в лицо Огневику и, взяв от него бумагу, сказал:

— Хорошо, посмотрим, в чем ты меня обвиняешь!

По мере, как он читал бумагу, брови его хмурились и черты лица принимали грозный вид. Окончив чтение, царь отдал бумагу Головкину и, обратясь к Огневику, сказал:

— Ты клепешь на меня! Палей сослан в Сибирь по суду и следствию, заслушание моей воле, за неповиновение начальству и за самовольные набеги на именья моих поль-

ских союзников. Следствие произведено гетманом, а суд произнесен военною коллегиею. Ваши малороссийские ссоры и доносы друг на друга надоели мне. Я требую чинопочитания и послушания и не терплю никакого самоуправства. Палей хотя и был человек храбрый, но его дерзость и неповиновение достойны казни, а пример законной строгости должен быть над старшим, а не над младшим. Гетман писал ко мне и об тебе, голубчик! Знаю я, что ты за птица! Следовало бы мне и тебя сослать туда же, куда я припрятал Палея; но, снисходя к твоей молодости, я не хочу наказывать тебя, а помилую, в надежде, что ты на моем флоте заслужишь мою милость. Кикин! отошли этого человека к господину вице-адмиралу Крюйсу, чтоб он написал его в матросы, в гребной флот!

— Государь! — воскликнул Огневик. — Мазепа тебя обманывает...

— Молчать! — сказал грозно государь, подняв палку. — Мазепа двадцать лет служит мне верно и нелицемерно, и сотни ваших доносов не могли уличить его ни в одной злой мысли противу меня! Какая будет награда за

верную службу, если я по каждому злобному доносу стану обижать испытанных слуг моих подозрениями и следствиями? Знай, молодой сорванец, что надобно много заслуги и много доводов верности, чтоб заставить царя верить себе на слово!

Между тем Кикин приказал караульным взять Огневика и отправить в Адмиралтейство.

— Служи честно, дерись храбро, живи тихо, а я не забуду об тебе, — сказал царь Огневику. — Помни, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадет.

Огневик, видя, что дальнейшее его объяснение будет бесполезно, пошел безмолвно к лодке. Он убедился, что доверенность царскую к Мазепе не легко поколебать и столько же трудно склонить его в пользу Палея, ибо предубеждение противу одного основано было на доверенности к другому. Итак, Огневик решился ждать удобного случая к открытию истины, надеясь заслужить милость царскую своею службою, и внутренно благодарил Бога, что его не сослали в Сибирь или не заключили в темницу, ибо, будучи на свободе, он мог

дать о себе известие Палею и Наталье.

Глава XIII

*Зачем же судишь ты превратно?
За что ты губишь сироту?*

Ф. Глинка

Все случилось по желанию Мазепы. Опасный
совместник его, Палей, исторгнут из среды
любившего его народа и сослан в Сибирь. Бе-
лая Церковь сдалась изменою граждан сего
города; сокровища Палеевы перешли в сунду-
ки Мазепы, а храбрая дружина удалого наезд-
ника после упорной защиты истреблена и
разогнана. Гетман Заднепровской Украины,
Самусь, друг и товарищ Палея, лишенный
подпоры и совета, отказался добровольно от
своего звания, в которое он облечен был
Иоанном Собесским, и подчинился Мазепе,
довольствуясь чином полковника Богуслав-
ского полка. Кошевой атаман Запорожья, Гор-
денко, вовлечен уже был в сети Мазепиной
политики и повиновался воле гетмана Мало-
россии. Мазепа достиг того, чего так давно
жаждал: он владел наконец всей Малоросси-

ей и Украиной.

Прошло три года от пленения Палея, и народ уже начал охладевать в чувствах своей привязанности к нему. Таков народ везде и всегда! Он скоро забывает своих благодетелей и долго-долго помнит утеснителей и тиранов. Потомство платит долги предков.

Со времени истребления вольницы Палеевой Наталья томилась грустью, невзирая на советы и увещания Мазепы. Она знала участь, постигшую друга ее, Огневика, и решилась остаться ему верною, если б судьба разлучила их даже на всю жизнь. Любовники переписывались между собою посредством жены священника, которая отправляла и получала письма чрез проезжих русских офицеров и гонцов, охотно исполнявших поручения, когда их просили именем несчастного. В последних письмах Огневик писал, что он уже обратил на себя внимание начальства, произведен в урядники, находится в Канцелярии вице-адмирала Крюйса и надеется, покровительством сего отличного мужа, получить скоро прощение и вступить в офицерском звании в полевые полки. В последнем

письме Наталья умоляла его придумать средства к избавлению ее от угрожающей беды, уведомляя, что гетман поговаривает о выдаче ее замуж за какого-то поляка, которого она видела только один раз в Батурине и даже не знает его имени.

В сие самое время король шведский уже шел чрез Польшу к русским пределам, и Малороссия с Украиною наводнены были злобными его манифестами, исполненными клеветы противу царя русского и приглашавшими его подданных к измене. Русский царь собирал силы, чтоб дать отпор непобедимому до того сопернику своему, и настоятельно требовал высылки к войску малороссийских полков. Сею мерою царь совершенно расстраивал предначертания Мазепы, который, собрав значительное количество продовольствия, хотел сосредоточить в Украине лучшие свои полки, чтоб соединиться с Карлом. Желая убедить царя в своей верности, Мазепа посылал к нему то деньги, то коней на потребности войска, умоляя притом не лишиться Украины защиты и представляя опасность от крамольного духа старшин, будто бы непри-

язненных России. Он писал к царю и к его министрам, князю Меншикову, графу Головкину и барону Шафирову, что он не отвечает за верность украинского народа, если ему должно будет удалиться из своего местопребывания и если для удержания народа не будет достаточно числа войска. Для большего удостоверения в сих мнимых своих догадках, Мазепа, чрез наушников своих, подговорил нескольких сотников затеять возмущение в их сотнях, под предлогом неудовольствия, за высылку малороссийских войск из Украины по приближении неприятеля. Уведомляя о сем царя, Мазепа был уверен, что Петр убедится наконец его доводами и вверит ему защиту Украины и наблюдения за внутренним ее спокойствием. С нетерпением ожидал он ответа от царя.

Ночью прибыл гонец в Батурин и требовал, чтоб немедленно разбудили гетмана и впустили его к нему, потому что ему приказано было вручить бумаги лично и взять собственноручную расписку гетмана в получении. Мазепа велел тотчас призвать гонца, взял запечатанный пакет, поцеловал его, как

святыню, и потом уже сорвал печать. Развернув бумагу и не видя на ней подписи царя, гетман обратился к гонцу с видом неудовольствия и сказал:

— Это не царский указ! Ты ввел меня в заблуждение!

— Сиятельный князь! — возразил русский офицер. — Хотя этот указ не за подписью его царского величества, но дан из Военного Совета, действующего по воле царя, его именем.

Мазепа нахмурил брови и стал читать бумагу. По мере того, как он пробежал строки, лицо его изменялось и наконец покрылось смертною бледностью. Не говоря ни слова, он подошел к столу, написал расписку и отдал ее гонцу, сказал вполголоса: «С Богом!»

Лишь только гонец вышел из комнаты, Мазепа захлопал сильно в ладоши. Явился немой татарин.

— Орлика сюда! Скорей! — Татарин бросился опроретью за двери, но Мазепа снова захлопал в ладоши еще сильнее, и татарин воротился. — Позови также иезуита и польского гостя! Да не торопись так: они подумают, что я испугался чего-нибудь. — Татарин

вышел, и Мазепа сказал про себя: — Должно преодолеть себя и казаться спокойным. — Он подпер руками голову и задумался.

В одно время вошли Орлик, патер Заленский (пребывавший в Батурине под именем врача) и поляк, называвшийся его племянником. Мазепа при входе их встал с кресел и, показывая полученные бумаги, сказал:

— Гроза разразилась!

В безмолвии ожидали объяснения призванные на совет клеветы гетмана.

— Теперь чувствую всю справедливость пословицы *madry Polak rozs Kodzie* То есть: умен поляк *после* беды., — примолвил Мазепа. — Все вы ошиблись в расчете, друзья мои, предполагая, что, представляя царю Украину, готовую возмутиться, когда выведут из нее малороссийские полки, я принужу его оставить меня здесь, с моим войском. Сталось иначе! Царь поручил рассмотрение сего дела новоучрежденному им Военному Совету, и вот повеление, которым предписывается мне выступить немедленно со всем войском моим для соединения с русскою армиею под Новгород-Северским, а князю Голицыну, Киевскому

воеводе, приказано, оставив сильный гарнизон в Печерской крепости, расположиться с его русским ополчением внутри Украины. Болезнь моя уже не может служить предлогом к отсрочке, ибо приказано, в таком случае, вручить начальство над войском Наказному атаману! Итак, надобно теперь подумать, что станется с артиллериею и с съестными припасами, приготовленными мною для его величества короля шведского, когда мои города займет Голицын? Каким образом я могу объявить войску о моих намерениях в российском стане?.. Беда свалилась как гром на голову!

Все молчали и смотрели в лицо гетману.

— Вы, пане Понятовский, — примолвил гетман, обращаясь к поляку, — вы, как брат ближнего человека и любимца его величества, должны поспешить теперь к королю и объяснить ему, в какое затруднительное положение ввела меня его медленность к вторжению в Украину. Признаюсь, я даже не вижу средств, как избегнуть сетей, расставленных мне моими врагами! Бумага подписана жесточайшим гонителем моим, фельдмарша-

лом Шереметевым, а князь Меншиков, давно уже замышляющий водвориться вместо меня на гетманстве, сам едет в Чернигов, вероятно, для того, чтобы наблюдать за мною. Без сомнения, они уже успели поколебать доверенность царя ко мне! Теперь крайне опасно раздражать его замедлением в исполнении его воли... Вы, думаю, слышали, каков он в гневе!

— Я согласен с вами, пане гетмане, что эта помеха не в пору и затруднит вас несколько; должен, однако же, признать, что не вижу в сем царском приказании неотвратимой опасности и весьма далек от того, чтоб думать, будто вы не в силах преодолеть всех затруднений, — возразил Понятовский. — Все эти препятствия и помешательства можно было вперед предвидеть, — примолвил он, — и вы предвидели их, пане гетмане, и победили главные, успев укрепить свои города, собрать запасы и удержать при себе лучшее войско. Несколько лет сряду вы вели политическую войну с теми же людьми и за тот же предмет, и я твердо уверен, что ваш высокий ум и теперь восторжествует над затеями сих дика-

рей в европейской одежде...

— Мой ум, мой ум! — возразил Мазепа, покачивая головой. — Русская пословица твердит: «Ум любит простор», — а мой ум еще не на просторе, но в тенетах и только что теперь силится вырваться на свободу! Если вы предполагаете во мне ум, то должны знать присем, что он мне столь же полезен ныне, как меч, зарытый в землю. Но не о том теперь дело! Вам кажется все легким, потому что вы, господа поляки, не знаете русских! История перед вами: вникните в события и образумьтесь. Не сто раз вы имели политические сношения с русскими, а прошу вас указать мне на один случай, где бы удалось вам обмануть русских, хотя в желанье и не было у вас недостатка? Правда, вы имели часто перевес на вашей стороне, доставленный вам оружием, но успехом оружия располагает слепая фортуна, а ум торжествует и над самою фортуною, когда действует свободно, для собственных выгод, почитаете русских дикими, варварами, потому что они отстали от вас в образованности. Но русский народ вообще одарен от природы необыкновенным умом, сметливо-

стью и дальновидностью, которым уступает и образованность, и просвещение, и ученость. Таковы русские, и кто их не знает или не хочет знать, тот дорого заплатит за свое произвольное невежество. Что такое политика? Конная ярмарка! Каждый выводит на меню или на продажу своего коня. Умный и смысленный простолюдин уедет с ярмарки на добром коне, а ученому и образованному, но легковерному и нетерпеливому, незнатоку — покупщику достанется кляча, на которой нельзя ни уйти, ни догнать! Так бывает и с политическими делами! Его величество король шведский также не знает русских, и я нетерпеливо желаю увидеться с ним, чтоб объяснить по этому предмету. Между тем уже ударил последний час моей стражи, и мне нельзя долее держаться в прежнем положении. Еще испытаю последние силы: вышлю Наказного атамана с худшими казаками к войску русскому, а сам скажусь больным, недели на две, пока будет длиться переписка и пока его величество успеет приблизиться к нам на такое расстояние, чтоб я мог соединиться с ним в двое или трое суток. Орлик!

Завтра же отправь лучших казаков из нового Белоцерковского и Богуславского полка в Гадяч и Ромны для защиты замков, и вели собраться в Батурине всем сердюкам. Племянника моего, Войнаровского, завтра вышлю я с письмом к Меншикову... Вам, пане Понятовский, надобно поспешать к его величеству, как я уже сказал, и умолять, чтобы он не медлил, а вы, патер, поезжайте к Яблоновскому и Любомирскому и принудьте их тотчас вторгнуться в Киевское воеводство. Завтра распрощаемся, до радостного свидания в стане шведском. — После сих слов Мазепа пожелал им доброй ночи.

— Позвольте мне переговорить с вами наедине, несколько минут, — сказал Понятовский.

— Извольте! — отвечал Мазепа и дал знак Орлику и иезуиту, чтоб они удалились.

— Я хочу просить вас, чтоб вы позволили мне отправить секретаря моего к брату, а самому остаться здесь, — сказал Понятовский, потупя взор. — Любовь к Наталье, одобренная вами, лишает меня ума и всех способностей души на всякое дело... Я не могу помыслить

о разлуке с нею, не получив ее согласия на брак...

— Не сомневаюсь, что она будет согласна, — отвечал Мазепа. — Завтра я открою ей тайну, которая должна быть известна ей только в решительный день ее жизни, в день брака, и уверен, что она не воспротивится тогда моей воле. Между тем завтрашний день вы можете остаться здесь и переговорить с нею. Я приготовлю ее к этому свиданию!

Понятовский бросился целовать руку гетмана, который обнял его и, поцеловав в лицо, простился с ним.

На другое утро, лишь только Наталия успела одеться, Мазепа призвал ее в свой кабинет. Он был важен и серьезен и противу обыкновения не встретил ее ласковым словом и улыбкою. Указав ей на кресла, противу себя, он дал знак, чтоб она села, и смотрел на нее пристально, не говоря ни слова. Сердце Наталии сильно билось.

— Я долготерпелив, Наталья! Три года скрывал я грусть в сердце, видя твою холодность со мною, принуждение в обхождении и все признаки ненависти. Безрассудная лю-

бовь к безродному бродяге...

Наталья прервала слова Мазепы:

— Прошу вас, ради Бога, ясневельможный гетман, не оскорбляйте памяти несчастного! Вы этим не перемените чувств моих...

— Прошу слушать, — возразил Мазепа с гневом. — Безрассудная любовь заглушила в душе твоей все чувства природы и обязанностей. Если б ты обязана была мне одним воспитанием, то и тогда надлежало бы тебе выбирать жениха не иначе, как с моего совета, или, лучше сказать, отдать руку тому, кого я тебе представляю в женихи; но ты обязана мне более, нежели воспитанием... Ты обязана мне жизнью!..

Мазепа остановился, и Наталья, думая, что гетман упрекает ее в том, что призрел ее сиротство, потушила глаза, покраснела и сказала:

— Я всегда благодарна вам за попечения ваши... За жизнь я обязана моим родителям и Богу, хранителю сирот... но... я должна сказать вам откровенно, — примолвила она, понизив голос, — что теперешняя жизнь моя не благо для меня, а бремя...

Мазепа, казалось, не расслушал последних слов ее и продолжал:

— Ты говоришь о твоих родителях! Знаешь ли ты их?.. Это тайна, которую я скрывал от тебя и теперь только намерен открыть... Итак, знай, что ты... дочь моя!

— Я дочь ваша! — воскликнула Наталия, устремив на него быстрый взор и вскочив с места.

— Ты дочь моя, кровь от крови моей, плод любви моей! — Глаза Мазепы наполнились слезами, он распростер объятия, и Наталия упала в них, рыдая.

— Успокойся, дочь моя! — сказал он, посадив возле себя Наталью. — И слушай! Сердечный союз мой с твоею матерью не мог быть благословен церковью. Я был тогда женат а мать твоя слыла вдовою польского пана, погибшего в битве с татарами. Спустя три года после нашей связи, незадолго до смерти жены моей, явился муж твоей матери, из татарского плена. Мать твоя... умерла с горя... а... но я не беру на свою душу греха; не я причиной ее смерти... Я имел твердое намерение жениться на ней... Судьба устроила иначе...

Наталья горько плакала, и Мазепа замолчал, чтоб дать время пройти первому впечатлению.

Когда сердце Натальи несколько облегчилось слезами, Мазепа продолжал:

— Гореваньем и плачем ты не исправишь и не переменишь прошлого. Что случилось, то случилось, и если в прошедшем могло бы быть лучше, зато настоящее с лихвою все искупает...

— Счастье мое в ваших руках... — сказала робко Наталья.

— Оно в сердце отца твоего, который любит тебя более всего на свете и готовит тебе самую блистательную, самую завидную участь, — примолвил Мазепа, прижимая Наталью в своих объятиях. — Теперь рассуди, дитя мое, моя милая дочь! Мог ли я согласиться на брак твой с простым запорожцем, с казакон без роду и племени, с разбойником из шайки гнусного Палея? Через месяц, не далее, ты будешь объявлена пред целым светом дочерью удельного князя Северского... Ты должна все знать. Я отлагаюсь от русского царя и приступаю к союзу Швеции и Польши проти-

ву России. Султан, хан, Швеция и Польша уже согласились признать меня независимым государем, и я, в преклонных моих летах, для тебя одной пустился на сей опасный подвиг, для того только, чтоб потомству твоему доставить престол!..

— Ах, батюшка! — сказала Наталья с тяжелым вздохом. — Слава и почести могут иметь привлекательность для мужчины, но для женщины нужно только одно сердце. И в бедной хижине можно быть счастливым с милым, и на престоле льются слезы!..

— Детские мечты, сказки, поэзия! — возразил Мазепа. — Когда ты будешь матерью, тогда будешь чувствовать иначе. То, что ты говоришь, есть отголосок эгоизма. Надобно уметь жертвовать собою для блага своего потомства...

— Но разве нельзя соединить собственного счастья с благом детей? — сказала Наталья. — Ты будешь государем, батюшка, и в твоей воле будет усыновить моего Богдана, как ты прежде говорил. Нет человека в мире, который более достоин был бы царского венца, как он...

Мазепа нахмурил брови.

— Любовь помрачает твой рассудок, дочь моя, — сказал он. — Чем прославился этот казак? К чему он способен? Кто захочет повиноваться безродному пришлецу, без имени? На чем могу я основываться, возвышая его над всеми моими сподвижниками, друзьями и помощниками? Красота телесная и искусство к уловлению невинного женского сердца не суть такие достоинства, которые дают право на управление народом. Я бы унизил себя, сокрушил бы собственную власть, если бы избрал в помощники и в преемники человека ничтожного, не имеющего никаких прав на уважение света...

— Вы не знаете Богдана, батюшка! Он способен ко всему...

— То есть он умеет нравиться женщинам, — возразил Мазепа. — Преодолей слабость свою, Наталия, и будь достойною дочерью основателя царства! Я представлю тебе в женихи Понятовского, брата друга шведского короля. Польский король Станислав обещал мне произвести его в коронные канцлеры, немедленно по заключении мира. Вот какой

нужен мне зять! Он будет печься в Польше о выгодах моего княжества, а брат его будет моим заступником у шведского престола, пока я успею утвердить новое государство на собственных его силах. Понятовский молод, красив, умен, образован, приятного нрава, в родстве и связях с первыми польскими фамилиями и силен покровительством непобедимого Карла. Он любит тебя пламенно. Его любовь к тебе есть дело самой судьбы. Он встретил тебя однажды в Варшаве, где-то на публичном гульбище. Он был тогда в обществе дам и не мог оставить их, чтоб следовать за тобою и узнать, кто ты такова. Но после он тщетно искал тебя всюду и, не встретив нигде, страдал, мучился, нося твой образ в сердце и памяти, пока случай не завел его сюда по делам моим. Здесь он встретил тебя в саду и ожил душой... Узнав от меня, кто ты, он на коленях просил согласия на брак с тобою — и я обещал ему...

— Вы напрасно обещали за меня, батюшка! — сказала Наталия твердым голосом. — Я не вольна в своем слове... Я принадлежу сердцем Богдану!..

— Ты никогда не увидишь его! — сказал

Мазепа грозно.

— В таком случае монашеская келья сократит меня от всякой земной власти! — отвечала Наталья, встав со стула и посмотрев хладнокровно на Мазепу.

— Дочь моя! — сказал он нежно. — Ты теперь только нашла своего отца, и первое чувство, которое ты в нем возбуждаешь, есть горечь! Ужели ты хочешь, чтоб последнее слово отца к тебе было проклятие!

— Проклятие! — воскликнула Наталья. — Батюшка, и вы могли вымолвить это! — Слезы брызнули из глаз ее.

— Благословение не может пасть на упрямое дитя, которое, предавшись преступной страсти, навлекает бедствия на главу родителей... Быть может, участь моя зависит от этого брака!..

— А если б меня не было на свете, что б тогда было? — спросила Наталья твердым голосом, утерши слезы.

— Тогда бы... тогда бы Понятовский не узнал тебя, не полюбил, не получил твоего отказа и не мог бы сделаться врагом моим...

— Итак, меня не будет на свете! — сказала

Наталья хладнокровно и обратилась к двум.

— Дочь моя, Наталья, стой! — вскричал Мазепа. Наталья остановилась.

Мазепа не знал, что Наталье известно местопребывание Огневика, и тем менее он мог предполагать, что любовники переписываются.

— Что ты замышляешь, безрассудная! — сказал он жалостно, с нежным упреком. — Знаешь ли ты, что случилось с Богданом? Где он? Ужели ты завецала верность хладному праху? Быть может, его уже нет в живых! Мне сказывали, что его сослали в Сибирь и что он пропал без вести... — Мазепа пристально смотрел на Наталью.

— Я верна живому и любящему меня, — отвечала Наталья. Она хотела что-то примолвить и внезапно замолчала.

Мазепа задумался на несколько минут. Подозрение возродилось в душе его, и он вдруг переменил обхождение свое с дочерью.

— Успокойся, дочь моя! Я не стану более принуждать тебя. Время просветит тебя и даст мне, может быть, силы перенести это го-

ре. Об одном умоляю тебя: береги себя! Не убивай отца своего грустью и отчаянием! Я решился всем пожертвовать для твоего спокойствия и счастья. — Наталья нежно обняла отца своего и заплакала, но не смела напоминать ему об Огневике. Мазепа возвратился к столу, взял пакет писем и, отдавая их Наталье, сказал:

— Вот все, что мне осталось после твоей матери! Прочти их: ты увидишь, как она любила твоего отца!

Наталья вышла из комнаты, и Мазепа, сев на свое место, покачал печально головою и сказал про себя:

— Железная душа! Не далеко яблоко падает от яблони! Настоящая кровь моя! Нет, с ней нельзя ничего сделать силою! Испытаем другие средства.

Между тем Орлик чуть свет отправил из войсковой канцелярии гонцов во все полки с приказанием готовиться к немедленному выступлению в поход. Все пришло в движение в Батурине. Казаки с радостью известились о предстоящих битвах и опасностях и собирались в круги, на площадях и возле шинков,

толковать о будущем и воспоминать прошедшее. Насупротив гетманского дворца находилась обширная корчма, выкрашенная красною краскою, которую держал на откупе перекрест из жидов, любимец гетмана, поставлявший по подряду все припасы на его кухню и исправлявший разные его поручения. Корчма разделена была на две половины.

В одной были комнаты для приезжих и одна большая зала, где собирались офицеры играть в кости, толковать и пить виноградное вино и старые польские меды: *малинник* и *вишняк*, которыми производили торговлю монастыри католические. В другой половине, состоявшей из трех обширных комнат, обставленных вокруг узкими столами и скамьями, толпились с утра до ночи сердюки и казаки, пить водку, мед и пиво, есть сельди, курить табак и слушать или рассказывать новости. В праздничные дни молодые казаки плясали здесь с малороссийскими красавицами, при звуках гудков, сопелок и цимбалов. Вокруг корчмы теснились, во всякое время, нищие, калеки, странствующие певцы с бандурами. Перекрест, отрекшись от веры отцов

своих, придерживался, однако ж, их обычая: он торговал всем, то есть покупал все, что только мог купить за бесценок, продавал все, что мог сбыть с большою выгодною, и, усыпив раз навсегда свою совесть, во всем искал одних барышей, обращаясь с людьми, как с товаром. Подобно всем бессовестным богачам и всем пролазам, покровительствуемым людьми сильными, перекрест пользовался наружным уважением и был всеми внутренне ненавидим и презираем. Он имел от гетмана поручение собирать вести, доносить ему о духе войска и распространять слухи. Хитрый перекрест хотя был всеми подозреваем в шпионстве, но он умел привлекать посетителей в свою корчму сделавшись для всех необходимым. Он отпускал товары в долг казакам, пользующимся уважением и любовью товарищей, потчевал их и даже ссужал деньгами, вмешивался в их ссоры и в любовные дела и был предстателем пред начальниками за провинившихся. В беседах казацких он имел первый голос и слыл в народе всезнающим по связям его с гетманом и по частым отлучкам за границу. В этот день корчма была наполне-

на народом. Известие о походе, столь желанном и давно ожидаемом, привлекло в корчму множество народа, чтоб услышать новости, повидаться с приятелями и поговорить о делах. Казаки, сидя вокруг столов, пили, шумели, спорили и сообщали друг другу свои мысли и догадки. Перекрест, с трубкою в зубах, расхаживал важно по комнатам, прислушивался к разговорам и отдавал приказания служанкам и шинкарям.

— Гей, любезный наш хозяин! — сказал седой урядник. — Велика подать гарнец доброго меду, чтоб распить его, на прощанье, с приятелями. Как воротимся из-под шведа, так заплатим тебе шведскою добычею.

— За то, что ты принесешь из-под шведа, я не дам и полкварты простой горелки, — отвечал перекрест, улыбнувшись насмешливо. — Смотри, береги только свою седую чуприну! Послушай-ка, что говорят о шведах московские солдаты!

— А что говорить москалям? Били их шведы, а потом они побили шведов, да еще и город зачали строить на их земле, — возразил урядник.

— Правда, удалось москалям побить шведов там, где не было их короля, — примолвил перекрест, — и где на одного шведа было по десяти русских...

— Брешешь, пане хозяин! — сказал с гневом урядник. — Я сам был при московском войске, когда мы побили шведов в Польше, под Калишем, с князем Меншиковым, в Чухонщине с Шереметевым и в самой шведской земле с Апраксиным. Мы были равны числом. А чтоб ты знал, как москали не боятся теперь шведа, так я расскажу тебе, что сделал Апраксин. Узнав, что шведов только восемь тысяч противу нас, он взял с собою столько же московского войска, хотя имел его втрое более, и пошел навстречу шведу, напал, разбил в пух и воротился, не потеряв своих и десятой доли. Не веришь, так спроси у Грицка и Потапенки: они были тогда со мною. Да и пан есаул Кравченко скажет тебе, правду ли я говорю...

— Я не хочу спорить, что москалям удалось побить шведов раза два, три, да все-таки стою на своем, что тогда не было с ними их короля, — возразил перекрест.

— Ну, а что диво их король! — сказал урядник. — Побил он русских под Нарвой, да тогда и с русскими не было их царя, а начальствовал ими изменник, который продал московское войско да и улизнул к шведам, со своими немцами! Эдак немудрено воевать! Уж московский-то царь — не шведу чета! Орел орлом! Как взглянет на человека, так дрожь пронимает, а что схватит в руки, все трещит, будь сталь, будь камень... Сущий богатырь! Конь под ним так и вьется, а как гаркнет перед войском, так, кажется, и мертвый бы встрепенулся. Пусть бы король шведский встретился с самим царем, так ему небо с овчинку покажется! Как вспомню про старину, так царь московский, ни дать ни взять, наш Палей!..

— Сгинь ты, пропади со своим Палеем! — сказал перекрест, плюнув и топнув ногою. — Вот нашел кого сравнивать с царем!

— Я не сравниваю, — возразил урядник, — а так, пришло к слову! Состарился я на войне, а отроду не видывал таких молодцов на коне перед войском, как царь, да наш Палей, с которым мы били и татар, и турок, и ляхов...

— Стыдно и грешно тебе, старик, вспоминать о Палее, — сказал перекрест, — разве ты не знаешь, что он наказан за измену?

— А мне почему знать! — отвечал урядник. — Так было сказано, а правда ли, одному Богу известно.

— Не одному Богу, а целому свету известно, — примолвил перекрест, — что Палей поступил против присяги, грабив польских панов против воли и вопреки приказаниям нашего милостивого пана гетмана...

Старый урядник громко захохотал.

— Ха, ха, ха! так это, по-твоему, измена! — сказал он. — А который гетман, считая от Хмельницкого до нашего милостивого Ивана Степановича, не нагревал рук в Польше? Ге, ге, хозяин! Ты, видно, не считал подвод гетманского обоза, когда мы воротились из последнего похода в Польшу! Ведь для нашего брата, казака, Польша то же, что озеро: как захочется рыбки, так и закидывай уду!

В толпе раздался хохот и шум. Все казаки пристали к мнению урядника. Один дюжий казак перекричал всех и сказал громко:

— Как ляхи пановали на Украине, так соса-

ли из нас кровь, а теперь наша очередь! Коли бы гетман наш...

— Молчи ты, бестолковый! — примолвил другой казак, толкнув его под бок. — Ни слова про гетмана, коли не хочешь, чтоб завтра же услали тебя копать землю в Печерской крепости или строить корабли в Воронеже...

— Постойте вы, гоголи, придет время, что вы будете со слезами поминать польское панованье! — возразил перекрест. — Будет с вами то же, что с московскими стрельцами! Недаром в целом московском царстве говорят, что царь хочет переселить всех казаков по московским городам, а особенно в свой новый город, на шведской земле, при море, где шесть месяцев сряду такой мороз — что камни лопаются, три месяца холодный ветер — что дух занимает, а три месяца такое лето — что хуже нашей зимы. Вот там запоете другую песню! Дай только царю московскому управиться со шведом, так он примется за вас!..

— Типун бы тебе на язык! — сказал старый урядник. — Я столько лет выходил по походам, вместе с москалями, а никогда ни сло-

вечка не слыхал об этом! Все это суцая ложь и обман, а выдумывают и разглашают это сами же ляхи, — трясца их матери! Трудно лилице забыть о курятнике!

— Ха, ха, ха! Ляхам опять захотелось засунуть лапу на Украину! — сказал дюжий казак. — Хорошее житье пчелам, коли медведь пасечником!

— Хорошо жить пчелам, когда они сами едят свой мед, — возразил перекрест, — а еще лучше было бы украинцам, когда б ни лях, ни москаль не вмешивался в казацкие дела, как было при Хмельницком!

— Вот что правда, то правда! — сказал старый урядник. — Того-то и хотел старик Палей!

— Опять ты со своим Палеем! — подхватил с досадой перекрест. — У нашего пана гетмана больше ума в мизинце, чем в целом запорожце!..

— Ум-то есть... да... что тут говорить! — сказал урядник. — Подавай-ка меду!.. Пейте, братцы! Во славу и в память гетманщины и казатчины, каковы они были при отцах и дедах наших!..

— За здоровье нашего пана гетмана! — вос-

кликнул один из сердюков, сидевших особо. — Такого гетмана не было и не будет; а кто не пьет за его здоровье, тот подавись первым куском и захлебнись первым глотком! Ура!

Сердюки прокричали ура. Некоторые казаки пристали к ним, а старики, поднеся чарки и кружки к устам, прихлебнули и в молчании поглядывали друг на друга.

— Уж коли быть Украине такой, как она была прежде, при дедах наших, так не через кого другого, как через нашего пана гетмана, — сказал сердюк. — По правде сказать, так и нынешнее житье не лучше ляшской неволи. Служи казак на своем коне и в своей одежде, таскайся Бог знает куда, бейся, терпи нужду, да и воротись домой ни с чем, коли не пришлось костей сложить на чужой стороне. То ли дело, бывало, при старой гетманщине, когда казак шел на войну, как на охоту, пригонял домой целые стада и табуны да приносил чересы с червонцами и серебро, расправленное в ружейном дуле! Ведь кто и теперь богат, так от старины, а не от нынешнего житья!

— Правда, суцая правда! — повторили в

толпе.

— По-моему, — продолжал сердюк, — так всю бы Польшу, по самую Варшаву, выжечь начисто, сделать из нее степь, ляхов перерезать, баб и ляшенят продать татарам, все добро, разумеется, забрать на Украину, а московскому царю поклониться и сказать: мы не пустим к тебе ни турок, ни татар, а ты избавь нас от кацапов. Замечательно, что каждое славянское племя почитает себя лучше другого и имеет бранные слова для своих соседей. — Русские бранят малороссиян *хохлами*, а малороссияне называют русских *кацапами*. Цап по-польски значит *козел*.

Хохот и восклицания в толпе заглушили слова сердюка.

— Славно, дядя!

— Правда, правда, — кричали казаки, согретые вином.

— Этой правдой, сердюк, ты или сам попадешь, или других втянешь в петлю, — сказал старый урядник. — Братцы! — примолвил он своим товарищам. — Пойдем прочь отсюда! Не бывать добру, коли сердюки вмешались в казацкое дело. А я знаю хорошо Кондаченку!

— А как ты меня знаешь? — воскликнул Кондаченко, вскочив со своего места и подбоченясь.

— Знаю, что у тебя язык как жернов: что подсыплют на него, то он и мелет, — возразил урядник, смотря смело в глаза Кондаченке. — Видно, хозяйский медок сладок, — примолвил он насмешливо, — что твои речи так сходны с хозяйскими!

— Знаем и мы тебя, старая лисица! — отвечал Кондаченко, озлившись. — Туда дорога Черниговскому полку, куда и Палеевцам! Каков поп, таков и приход!

— Как ты смеешь стращать и поносить Черниговский полк! — вскричал старый урядник, вскочив также из-за стола и схватив за ворот Кондаченку. — Наш пан полковник Полуботок, первый полковник в целом войске, и черниговцы более всех отслужили царю... Ваше сердюцкое дело воевать с бабами, за печью, да красть кур, а ты смеешь еще брехать Лаяться на черниговцев!..

Кондаченко, желая вырваться из рук урядника, толкнул его в грудь. На помощь уряднику бросились его товарищи, а к Кондаченке

прискочили сердюки. Завязалась драка.

— Бей палачей-сердюков! — кричали казаки.

— Бей бунтовщиков, — вопили сердюки.

В корчму сбежались с площади сердюки и казаки. Сперва дрались кулаками, но вскоре засверкало оружие, и помост обагрился кровью.

Перекрест побежал в гетманский дворец, чтоб уведомить о происшедшем и призвать стражу, а некоторые казаки бросились к полковнику Полуботку. Стража поспешила на место драки, разогнала народ и упорнейших отвела в войсковую тюрьму.

Полковник Полуботок давно уже заметил, что в войске распространяется дух буйства, внушаемый какою-то невидимою силой, но, зная нерасположение к себе Мазепы и всех его окружающих, довольствовался наблюдением порядка в своем полку, а не смел объявить гетману о своих опасениях. По мере приближения войска шведского к российским пределам, возрастала дерзость поляков, находившихся в услужении у гетмана, и своеволие в речах, дотоле неслыханное, особенно

заметно было между сердюками. Гетман, сказываясь почти всегда больным и редко показываясь в народе, не предпринимал никаких мер к пресечению сего зла, а приближенные к гетману старшины, казалось, не замечали происходившего. Верные долгу и присяге полковники и генеральные старшины хотя догадывались о кроющемся в войске злоумышлении и даже подозревали самого гетмана, но, опасаясь его мщенья и зная неограниченную доверенность к нему царя, молчали и ждали последствий. Наконец, после драки, случившейся в корчме, и взятия под стражу казаков Черниговского полка, прибывших в Батурино с Полуботком, он, расспросив их о подробностях дела, решил воспользоваться сим случаем для объяснения с гетманом и после вечера пошел во дворец.

Полуботок не слишком надеялся, что гетман допустит его к себе, но вознамерился требовать личного объяснения для того более, чтоб сложить с себя всякую ответственность, если бы дошло до розыска. Он на всякий случай приготовил письменное донесение, чтоб вручить генеральному писарю, когда ему не

позволено будет видеться с гетманом.

Сверх чаяния, Мазепа допустил к себе Полуботка и, сверх всякого ожидания, принял его отменно ласково. Гетман сидел в своих больших креслах, укутанный одеялами и подушками. Только немой татарин находился при нем.

— Здравствуй, Павел Леонтьевич! — сказал Мазепа, протянув руку Полуботку. Полуботок не смел пожать руки гетмана, но поцеловал его в плечо и низко поклонился.

— Умираю, брат, умираю! — примолвил Мазепа жалобным голосом. — Много недовольных мною в войске между панами полковниками и старшинами, но совесть говорит мне, что по смерти моей они отдадут мне справедливость, и это одно убеждение облегчает мои страдания!

Полуботок молчал.

— Ты, некогда, любил меня, Павел Леонтьевич! — сказал Мазепа. — А с отцом твоим мы были старые приятели и искренние друзья. Злые люди разлучили нас, однако же ты, надеюсь, не помянешь меня лихом и не скажешь, чтоб я не исполнял слов вседневной

молитвы: «И отпусти нам долги наши, яко и мы отпускаем должником нашим»?

— Вы сущую правду изволите говорить, ясневельможный гетман! Злые люди оклеветали меня перед вами и лишили вашей милости и доверенности. Но я никогда не поминал и не помяну вас лихом, ибо хотя и безвинно был оклеветан, будто участвовал с Забеллою в составлении доноса противу вас, но, по вашей милости, освобожден от всякого преследования и даже получил обратно чин, место и отнятое на скарб именье...

— Так ты не забыл этого! — сказал Мазепа с коварною усмешкой. — Бог видит душу твою, Павел Леонтьевич! — примолвил он. — Но в то время меня убедили в твоём соучастии с Забеллою, и я простил тебя не потому, чтоб почитал тебя безвинным, но по той причине, что всегда любил и люблю тебя, зная твой высокий ум, опытность в делах и любовь к родине, и уверен, что после меня ты один в состоянии поддержать права наши... А мне недолго уже быть на страже у сей святыни!.. — Мазепа опустил голову на грудь и, взглянув исподлобья на Полуботка, погрузил-

ся в думу.

— Я должен полагать себя счастливым, если вы, ясневельможный гетман, признаёте мое усердие к службе его царского величества и обратили внимание на малые мои способности. Сие-то самое усердие к службе и радение о спокойствии вашем привели меня теперь к вам, ясневельможный гетман. Не обвиняя никого из тех, кому вы поручаете исполнение своих предначертаний о благоденствии нашего отечества, я должен, по совести, сказать вам, что с некоторого времени, именно с тех пор, как вы начали так часто хворать, наблюдение за порядком значительно ослабело. Жидаы и польские выходцы явно распространяют в войсковых землях универсалы короля шведского; по всем перекресткам поют песни, возбуждающие в казаках ненависть к нынешнему порядку вещей; в корчмах и на площадях толкуют Бог весть что... и никто не помышляет о прекращении сего зла, которое, при теперешних обстоятельствах, может иметь весьма пагубные последствия!

— Я в первый раз слышу об этом, — сказал простодушно гетман, — а что написано в этих

универсалах, что говорится в песнях, что толкует народ?

Полуботок наморщил чело, взглянул с недоверчивостью на Мазепу и, не спуская с него глаз, отвечал:

— В универсалах возбуждают народ украинский к бунту противу царя русского, в песнях приглашают нас вооружиться за прежнюю независимость и отложиться от России, а народ толкует о старине, вспоминает прошлое своеволие и, сравнивая с нынешним положением нашего края, ропщет на настоящее...

Полуботок замолчал, заметив, что гетман что-то хочет сказать. Но Мазепа, устремив проницательный взор на Полуботка, не говорил ни слова и, отворив уста, казалось, не хотел спустить слов с языка.

Двое умнейших и вместе хитрейших людей в Малороссии, знаменитой издревле искусством и ловкостью своих сынов в скрывании настоящих замыслов под личиною простодушия, Мазепа и Полуботок, с взаимною недоверчивостью в сердце, сошедшись наедине, после долгого несогласия, единоборствова-

ли теперь оружием своего ума. Мазепа хотел уловить Полуботка в свои сети, а Полуботок, догадавшись с первого слова, что Мазепа не чужд распространяемых в народе козней, желал удостовериться в этом, чтоб погубить его в собственных его тенетах. Мазепа, заметив, что нерешительность его в ответе не ушла от внимания Полуботка, вдруг хватился за ноги свои, обернулся в одеяла и застонал:

— Прости, Павел Леонтьевич, что я слушал тебя рассеянно. Сколько я ни крепился, но не могу выдержать жестокой боли!

Полуботок хотел удалиться, но Мазепа удержал его и просил присесть. Молчание продолжалось несколько минут, наконец Мазепа сказал:

— Кто подбрасывает универсалы шведского короля, разыскать трудно! Его царское величество воюет с одною половиною Польши, а с другою находится в союзе. Проезд чрез Украину и даже убежище в ней не возбранны приверженцам короля Августа, и нам невозможно читать в сердцах и обыскивать всех пришлецов. Под именем друзей Августа, быть может, сюда заходят враги его. Но что касает-

ся до возмутительных песен, то нет сомнения, что они составлены у нас и нашими земляками, ибо вряд ли поляк в состоянии постигнуть все таинства нашего языка и передать чувства нашего народа. По песням можно бы было добраться до источника сего замысла, если бы все войско было вместе. Но теперь это невозможно! Не помнишь ли ты хоть одной из этих песен или хотя несколько стихов?

Полуботок, не говоря ни слова, вынул из-за пазухи бумагу и, подавая Мазепе, примолвил:

— Вот знаменитая песня, которую поют все слепцы, все бродящие по Украине музыканты и даже многие казаки!..

Мазепа взял бумагу и, взглянув на нее, улыбнулся и сказал:

— Эта песня давно мне известна! Ее представили царю Искра и Кочубей при своем доносе и уверяли, что я сочинил ее, для посеяния в народе возмутительных правил!..

Полуботок не знал подробностей доноса Искры и Кочубея, а потому и не мог догадываться, что песня сия была уже представлена царю и приписывается Мазепе. Выпытывая слепцов и музыкантов, чрез своих прибли-

женных, Полуботок нашел след и узнал, что песня сия вышла из батуринской красной корчмы, от перекреста, покровительствуемого Мазепою, а потому слова гетмана поразили Полуботка и почти объяснили то, о чем он прежде догадывался.

— А что, Павел Леонтьевич, песенка, право, хорошо сложена? — сказал Мазепа будто в шутку. — Как тебе нравятся, например, вот эти стихи:

*Жалься Боже Украины,
Что не вкупе мает сыны.
Еден живет и с поганы,
Кличет сюда атаманы,
Идем матки ратовати,
Не даймо ей погибати!
Другий ляхам за грош служит,
По Украине и той тужит,
Третий Москве юже голдует
И ей верне услужует...*

Мазепа перестал читать и смотрел с простодушною улыбкою в глаза Полуботку, как будто ожидая ответа. Полуботок молчал и покручивал усы.

— Ну что ты скажешь об этих стихах, Па-

вел Леонтьевич?

— Песня сложена складно, но здесь кстати вспомнить московскую поговорку: «Не все то правда, что в песни говорится». Грешно и стыдно тем, которые *живут с поганы и служат за гроши ляхам*. Но долг, присяга и благо нашей родины повелевают нам *голдовать Польское слово: голд, значит подданство. Москве и служить ей верно*, потому что Украина не может быть независимым царством, и если б, в наказание за грехи наши, Господь Бог отторгнул нас от единоверческой России, то мы впали бы или в турецкую или в польскую неволю.

Мазепа покачал головою и сказал:

— Что ты это толкуешь, умная голова! Украина не может быть независимою! А Молдавия, а Волошина разве лучше Украины!

— Не дай Бог такой независимости, как независимость этих несчастных стран, сжатых между сильными и хищными соседями и обязанных непрерывно то биться с ними, то служить им, то откупаться от беды! Мы народ русской крови и русской веры и наше счастье в соединении с Россией...

— Так зачем же ты так часто жалуешься и скорбишь на нарушение прав и привилегий, Павел Леонтьевич? Ведь в этом виновен не я, ваш гетман, верный сын Украины... Понимаешь ли меня, Павел Леонтьевич, в этом виновен не я, Иван Мазепа, готовый пролить последнюю каплю крови за права и привилегии наши!

— Права и привилегии наши надобно беречь как зеницу ока, — сказал Полуботок с жаром. — За это я охотно положу свою голову!

— Ну, а в песне только этого от нас и требуют! — подхватил Мазепа с радостью. — Слушай, слушай!

*Лепше было пробувати,
Вкупе лихо отбувати.
Я сам бедный не здолаю[15],
Хиба тилько заботаю[16]:*

*Ей Панове енералы,
Чому ж есте так оспаты[17]?
И вы панство полковники,
Без жадной политики.*

Озметеса все за руки,

*Не допустим горькой муки
Матце своей больше терпети!
Ну те врагов, ну те бити!*

*Самопалы набувайте,
Острых шабель добувайте,
А за веру хоть умрите
И вольностей бороните,*

*Нехай вечна будет слава,
Же през шаблю маем[18] права.*

— Ведь это то самое, только в стихах, что ты сказал мне пред этим, Павел Леонтьевич, и другой, слушая тебя, подумал бы, что ты сам сложил песню, — примолвил Мазепа, захохотав притворным смехом.

Полуботок, хотя чувствовал настоящий смысл гетманских слов, но притворился также, что принимает их в шутку.

— Правда, ясневельможный гетман, что права наши надобно защищать, не жалея жизни, и, не опасаясь преследования и опалы, говорить правду. Но я не понимаю, о каких врагах говорится в песне, с кем советуют сражаться и кого бить?

— А, ты не понимаешь этого в песне? —

возразил Мазепа, посмотрев с лукавою усмешкой на Полуботка. — Мне кажется, что врагами называют тех, которые нарушают права наши...

— Теперь понимаю! — сказал Полуботок, погладив усы и опустив голову.

— Дай Бог, что Господь вразумил тебя, Павел Леонтьевич! — примолвил Мазепа, приняв важный вид. — На таких людях, как ты и как я, лежит тяжкая ответственность пред Богом за благо народа, над которым мы поставлены. Скажи мне, Павел Леонтьевич, хочешь ли ты искренно помириться со мной?

— Вы не можете сомневаться в этом, ясневельможный гетман!

— Дай же мне руку! — примолвил Мазепа, взяв за руку Полуботка и пожав ее крепко. — Ты невлюбил меня, воображая, что я по собственной воле нарушаю права наши. Я докажу тебе противное, только чур не выдавать! Помни слова песни: *Озметеса все за руки!* Только будь послушен, а не далее как чрез месяц ты будешь генералом, графом, если угодно тебе, и сам выберешь для себя маетности, какие захочешь!..

— У его царского величества есть люди, оказавшие ему более услуг, нежели я, и имеющие более прав на столь высокие милости! — отвечал Полуботок, кланяясь.

— Не в том дело, братец! — возразил Мазепа, нахмутив брови. — Все, чего только ты можешь желать, в твоей собственной воле. Только будь послушен мне и служи верно Украине.

— Я никогда не был ослушником ваших приказаний и никогда не изменял пользам моего отечества...

— Это мы увидим! — сказал Мазепа и снова стал гладить свои ноги, будто чувствуя боль, а в самом деле для того только, чтоб пресечь разговор, которого продолжение он почитал излишним.

— Он хочет поговорить с вами, ясневельможный гетман, насчет бывшей драки в красной корчме и о задержании казаков моего полка...

— Вели всех выпустить из тюрьмы. Это дело пустое, и теперь не та пора, чтоб заниматься разбирательством ссор между пьяными казаками...

— Но я думаю, что для прекращения подобных беспорядков не худо было бы выслать не только из Батурина, но даже из Украины людей подозрительных, о которых идет молва, будто они польские шпионы... — сказал Полуботок, не спуская глаз с гетмана.

— А кого же ты подозреваешь, Павел Леонтьевич? — спросил Мазепа.

— Более всех Марью Ломтиковскую, которая то сама отлучается в Польшу, то переписывается чрез нарочных.

— Мы сошлись в мыслях! Я тоже сильно подозреваю ее и уже отдал приказание выслать ее отсюда, — сказал Мазепа. — Прошу тебя, говори мне всегда откровенно, что ты думаешь: я всегда готов следовать твоим советам...

В это время вошел слуга и доложил, что генеральный писарь просит позволения войти. Мазепа взял за руку Полуботка и, пожимая ее, сказал:

— *Озметеса все за руки!* От сего часа я твой верный друг, Павел Леонтьевич, и докажу тебе это на деле, ибо убежден, что никого нет в Украине достойнее тебя занять мое место.

— Много милости! — прошептал Полуботок и, поклонившись низко, вышел за двери, убедившись совершенно, что Мазепа замышляет измену. Полуботок не прельстился пышными обещаниями Мазепы и притворною его дружбою и не увлекся его ласкательствами. Не имея никаких ясных доказательств к уличению Мазепы в его замыслах, Полуботок не смел обнаруживать явно своих подозрений, а тем более доносить. Он решился немедленно отправиться в свой полк и ждать происшествий. Мазепа также не был уверен, чтоб он мог преклонить хитрого Полуботка на свою сторону сладкими речами и обещаниями, но ему хотелось испытать его и на всякий случай бросить в душу его искры честолюбия, раздражая в то же время главную страсть его, привязанность к правам отечества. Только Орлику и Войнаровскому открыл вполне свои замыслы. С другими старшинами войска он поступал так, как с Полуботком, действуя с каждым сходно его образу мыслей, способностей, надежд и желаний и представляя каждому свои замыслы под полупрозрачным покровом.

Орлик, отдав отчет в своих распоряжениях касательно приготовлений к походу, сказал:

— Мне кажется, что теперь надлежало бы приласкать несколько полковников, прежде нежели вы заблагорассудите открыть им дело. Особенно надобно приласкать тех, которые преданы вам. Некоторые из них уже представляли, неоднократно, свои просьбы. Вот, например, преданный вам Чечел, уже около года как просил о пожаловании ему войсковой деревни, прилежащей к ранговой его маетности.

— Умный ты человек, Филипп, и я люблю тебя, как родного сына, а должен сказать тебе, что в некоторых делах, а именно в управлении машиной, составленною из голов и сердец человеческих, ты часто делаешь промахи. Знаешь ли ты, в чем состоит счастье человека? В надежде, любезный друг! Каждый человек скоро привыкает к тому, что имеет, и всегда стремится душою к тому, что представляет ему надежда. Правитель должен искусно пользоваться этою общею слабостью рода человеческого и, представляя каждому из слуг своих целый океан благ *в будущем*, изливать

на всех, только по капельке, благодетельную росу, чтоб гортань не засохла вовсе от жажды. От того, кто желает и надеется, можно всего требовать и ожидать, а тот, кто получил желаемое, хочет отдыхать, как путник после трудного пути или работник после тяжкого труда. Благодарность — прекрасное чувство, но оно пламенно на словах, а весьма неповоротливо в деле. Одним словом: *необходимое в настоящем* и *надежда в будущем*, вот две пружины, которыми правитель может двигать сердца в свою пользу. Помни это, любезный мой Филипп, и удостоверься теперь, какую доверенность имею я к тебе и какую участь тебе готовлю, открывая правила, стоившие мне долгих размышлений и опытов. Итак, льсти старшинам и полковникам и обещай им все, чего они желают и надеются, давая притом чувствовать, что одна помеха к исполнению есть воля царя.

Орлик не отвечал ни слова и, казалось, рассуждал о слышанном.

— Здесь ли Мария? — спросил гетман, по некотором молчании.

— Насчет этой женщины я хотел бы также

представить вам некоторые замечания, — возразил Орлик. — Вы хотели отправить ее в Петербург, вероятно, с важным поручением. Можно ли надеяться на женщину?.. — Орлику, находившемуся в любовных связях с Марией Ивановной Ломтиковской, не хотелось с ней расстаться, а потому он вознамерился отклонить предназначенное ей путешествие возбуждением подозрения в гетмане.

— Будь спокоен! — сказал гетман, — Поручение ее не касается нашего общественного дела... Позови ее, а сам останься в канцелярии и изготвь подорожный лист для нее и подарки для моих приятелей в Петербурге.

Орлик вышел, и чрез несколько минут явилась Мария. Мазепа приветливо улыбнулся и, покачав головою, сказал:

— Чудная ты женщина, Мария! Вместо того, чтоб стареть, ты все становишься прекраснее. Я, право, боюсь, чтоб в Петербурге ты не вскружила всех голов...

— Тем лучше будет для вас, — отвечала Мария шутливо. — Я заставлю их преклониться пред вами.

— Спасибо и за доброе желание, — сказал

Мазепа, — а что я не сомневаюсь в твоей дружбе, — примолвил он, взяв ее за руку, — это я докажу тебе теперь. Дело, которое я поручаю тебе ныне, составляет величайшую для меня важность. Орлик уже сказал тебе, что Наталия — дочь моя. Неопытность и злые советы вовлекли ее в постыдную страсть к этому бродяге, которого я лелеял в моем доме, к палеевскому казаку Огневику. Он теперь находится в Кронштадте, на Галерном флоте... Мария... друг мой... избавь меня навеки от этого человека!

Холодный трепет пробежал по всем жилам Марии. Мазепа заметил ее смущение.

— Ты побледнела, Мария! Что это значит?

— Я не знаю, чего вы от меня требуете... Не понимаю вас! — отвечала она с притворным хладнокровием. — Начало вашей речи смутило меня...

— С твоею твердою душою стыдно смущаться! Неужели ты не в силах раздавить червя, убить змею? А враг наш хуже, чем змей, и ничтожнее, чем червь!..

— Итак, вы поручаете мне убить Огневика? — сказала Мария, едва преодолевая внут-

ренное движение.

— А разве ты не в состоянии выполнить это поручение, для счастья, для спокойствия твоего друга, твоего любовника? Мария! Вот лист белой бумаги, подписанный мною. Пиши сама, чего требуешь за свой великодушный подвиг. Я на все согласен.

Мария подошла к столу, взяла бумагу и изодрала ее в куски, сказав:

— Вы обижаете меня! На что я решаюсь из дружбы, того не сделаю за миллионы!

Мазепа бросился ей на шею и прижал ее к сердцу, восклицая:

— Друг мой, моя добрая, моя милая Мария! Никогда не забуду тебя, никогда не оставлю тебя! Отныне я твой — как был в первый день нашей любви.

Сняв с руки своей драгоценный перстень, Мазепа надел его на палец Марии, примолвив: — Да послужит он символом сочетания душ наших!

Мария, притворяясь тронутую внезапным порывом прежней любви гетмана, рада была, что могла прикрыть мнимую чувствительностью смятение, произведенное в ней сею

ужасною доверенностью и гнусным поручением. Мазепа отпер шкаф, вынул небольшую серебряную коробочку и, подавая ее Марии, сказал:

— Здесь сокрыта — смерть!

Протянув руку, Мазепа замолчал и смотрел в глаза Марии.

— Учить ученого, только портить, — примолвил Мазепа, — тебе легко будет сойтись с моим злодеем и попотчевать его от меня — этим лакомством. Действуй по уму своему и по обстоятельствам.

Мария, не говоря ни слова, взяла коробочку с ядом.

— Теперь прощай и ступай с Богом! — сказал Мазепа, обняв Марию и поцеловав ее. — Помни, что отныне — я снова повергаюсь к ногам твоим!.. Орлик выдаст тебе деньги и бумаги!

Мария вышла, но она была в таком положении, что должна была отдохнуть и успокоиться с полчаса, в саду, прежде нежели осмелилась показаться в люди. Орлик удивился, увидев ее. Она была бледна и расстроена. Тщетно он спрашивал ее: она не открыла

Орлику тайны своего поручения и в ту же ночь отправилась в путь.

Глава XIV

*Юность, ты никак лукавству
непричастна!
Там состраданье зришь, где
опытность несчастна
Пронырство признает в сердечной
глубине.*

Озеров

За сухопутными укреплениями Кронштадта, со стороны так называемой косы, стоял на берегу молодой русский матрос и смотрел в задумчивости на волны, разбивающиеся с шумом об камни. Солнце уже закатилось. Вдали раздавались клики работников, кончивших тяжкие дневные труды в гаванях.

Матрос воспоминал о плодоносных полях своей родины, о милых сердцу и тяжело вздохнул, взглянув на угрюмые берега Финского залива. Слезы навернулись у него при мысли о своем одиночестве. Плески чуждых волн и порыв северного злобного ветра, казалось,

расколыхали душу его; грустные ощущения сменялись одни другими.

Вдруг кто-то ударил его по плечу. Он оглянулся и отступил в изумлении.

— Здравствуй, Богдан! Неужели ты так одичал здесь, что боишься друга твоего, Марии!

— Не боюсь, но не могу опомниться от удивления! Каким образом ты очутилась здесь? — спросил Огневик, смотря с недоверчивостью на Марию Ивановну Ломтиковскую, которая с улыбкою на устах протянула к нему руку.

— Что нового на Украине?.. — спросил боязливо Огневик и остановился, не смея продолжать расспросов, ибо мысль его и чувства прикованы были к одной только душе в целой Украине и он боялся напоминать об этом Марии.

— Скоро, очень скоро из Украины будут расходиться вести на целый мир, а теперь все идет там по-старому. Наталья жива и велела тебе кланяться...

— Ты видела Наталью, ты говорила с ней обо мне, Мария! Правда ли это?

— Бог свидетель! — возразила Мария, подняв руку и сложив три пальца.

Огневик, как иступленный, бросился к Марии и прижал ее к сердцу. Она повисла у него на шее.

Он скоро пришел в себя и потихоньку оттолкнул от себя Марию, которая, обхватив его, не хотела выпустить из своих объятий.

— Это не мои поцелуи, Богдан! — сказала она с тяжким вздохом, отступая от него. — Они принадлежат счастливце, Наталье. Но я уж сказала тебе, что я не завистлива... Пойдем со мной!.. Здесь не место объясняться, а мне нужно о многом переговорить с тобою. Я не без дела прибыла сюда из Украины! — Сказав сие, она взяла Огневика за руку и повела его в город. Он не сопротивлялся и шел в безмолвии, погруженный в мысли, даже не замечая, что рука Марии дрожала в его руке.

Прибыв в Кронштадт накануне, Мария остановилась у русского купца, недавно переселившегося в сей порт из Вологды. Она наняла вышку в новопостроенном деревянном домике. В сенях встретил их казак из сотни мужа Марии, взятый ею для прислуги. Огневик,

увидев наряд своей родины, чуть не прослезился. Сердце в нем сильно забилося. Тысячи мыслей вспыхнули в голове его, тысячи ощущений взволновали душу. Со времени службы своей на флоте он никогда не ощущал сильнейшего отвращения к новому своему состоянию. Душа его в один миг перелетела на крыльях воображения в поля Украины, в толпы вольных сынов ее... Вне Украины целый мир казался ему тюрьмою, каждый наряд, кроме казачьего, — цепями.

В первой комнате накрыт был стол на два прибора. Холодное жаркое, ветчина и пирожное стояли на столе. На краю стоял поднос с бутылкою, оплетенною в тростник, и с двумя серебряными кубками.

— Видишь ли, что я ждала дорогого гостя, — сказала Мария весело. — Долго-долго стояла я у дверей твоей канцелярии и наконец, когда ты вышел, мне вдруг пришла в голову мысль узнать, где и как ты проводишь время после трудов. Я пошла за тобой. Бедный Богдан! Ты беседуешь с морем, глухим к страданиям сердца; проводишь время между камнями, столь же бесчувственными и холод-

ными, как здешние люди! Я встретила тебя улыбкою, но если б ты мог заглянуть в мою душу, ты бы увидел в ней грусть и сожаление... — Говоря сие, Мария провела Огневика в другую светличку и просила его присесть, а сама возвратилась в комнату, где накрыт был стол, и заперла за собою двери. Огневик, погруженный в мысли, ничего не видел и не слышал и повиновался Марии, как младенец.

Через несколько минут Мария отперла двери и сказала:

— Милости просим! Прежде подкрепим силы, а после приступим к делу, требующему отсутствия всех помышлений о земном. Вот вино, похищенное Мазепою в Белой Церкви, из погребов друга и воспитателя твоего Палея! Выпьем за здоровье его и Натальи!

Вино уже было налито, прежде нежели Огневик вошел в комнату. Он принял кубок из рук Марии и, покачав головою, сказал:

— Не вином, а кровью должен я поминать моего благодетеля и мою невесту. Злодей Мазепа погубил всех нас!

— Мера злодейств его еще не преисполнилась, — примолвила Мария. — Пей и тогда

узнаешь более!

Они чокнулись кубками и выпили до дна.

Когда Огневик поставил пустой кубок на стол, Мария взяла его за руку и, подведя к образу, сказала: — Молись, Богдан, за душу свою!

Огневик с удивлением смотрел в глаза Марии, не понимая, что это значит.

— Молись, Богдан! — примолвила она повелительно.

— Мария! — сказал Богдан гордо. — Во всякое время я готов молиться, но не по приказанию, а по собственной воле. Если ты хочешь объявить мне что-нибудь, говори прямо, без всяких предварений. Я не намерен быть ничьим игралищем...

Сказав сие, Огневик перекрестился перед иконою, висевшей в углу, и, взяв свой картуз, пошел к дверям, сказав хладнокровно:

— Прощай, Мария Ивановна!

Она схватила его за руку, воскликнув:

— Постой, несчастный! — Не дав ему опомниться, она потащила его в другую комнату и, указав на стул, сказала важно: — Садись и слушай!

Несколько минут продолжалось молчание, наконец Мария сказала:

— Этот стакан вина прислал тебе Мазепа! — Она пристально смотрела в глаза Огневику.

— Будь он проклят! — возразил с негодованием Огневик, порываясь с места.

— Слушай терпеливо! — продолжала Мария. — Этот стакан вина прислал тебе Мазепа, а в стакане вина — смерть!

— Что ты говоришь, несчастная! — воскликнул Огневик, схватя Марию за руку.

— Я просила тебя, чтобы ты слушал терпеливо, — возразила она хладнокровно. — Мазепа выслал нарочно меня к тебе вот с этим лакомством! — Мария, при сих словах, вынула из кармана серебряную коробочку, данную ей гетманом при ее отъезде, и, показав ее Огневику, продолжала: — Здесь хранится жесточайший яд, которым он велел мне опоить тебя, подозревая, что Наталья знает, что ты жив, и, питая надежду увидеться с тобою, не хочет по воле гетмана выйти замуж за пана Понятовского, брата и любимца шведского короля. Твоею смертью Мазепа хочет заста-

вить Наталью повиноваться себе...

— И ты?.. — Огневик не мог продолжать. Бесстрастная душа его в первый раз поколебалась от ужаса и негодования.

— И я взялась исполнить поручение гетмана, — примолвила хладнокровно Мария. — Ты знаешь, что презренная любовь превращается в ненависть, а ненависть требует мщения.

— Видно, жизнь столько же наскучила тебе, как и мне, — сказал Огневик, с притворным равнодушием скрывая ярость свою. — Приготовься к смерти, в свою очередь... Мы умрем вместе! — Он медленно поднялся с места и хотел идти к дверям, чтоб запереть их.

Мария остановила его и сказала с улыбкою:

— Умрем, только не теперь! — Она посадила его на прежнее место и, смотря на него нежно, сказала: — Ужели ты мог подумать, Богдан, чтоб я решилась покуситься на жизнь твою? Я бы отдала сто жизней за твою и теперь жертвую собою для спасения тебя. В эту минуту я хотела только испытать чувства твои ко мне... — примолвила она печально,

опустив голову, — но вижу, что ты меня ненавидишь, когда мог подумать, что я в состоянии лишить тебя жизни!

— Но ты сама заговорила о мщении... Ты сама ввела меня в заблуждение, Мария!

— Неужели ты не видишь, не чувствуешь любви моей к тебе! Неблагодарный! Я вся любовь, вся страсть! За один нежный твой взгляд, за один поцелуй я готова в ад... Сия-то любовь к тебе заставила меня принять предложение Мазепы, из опасения, чтоб он не подслал кого другого. Но теперь мне уже нельзя воротиться на Украину, точно так же, как и тебе невозможно нигде избежать подосланных убийц... Мы должны бежать вместе, скрыться вместе от мщения сильного злодея!

— Я избавлю от него землю!.. Пойду и убью его!.. — сказал Огневик решительно.

— А что станет с Натальей? — спросила Мария.

— Прости, Мария, но я, имея столько доказательств твоей дружбы, не хочу тебя обманывать. Убив Мазепу — я женюсь на Наталье!..

— Нет, ты этого не сделаешь, да и Наталья

не согласится быть женою убийцы ее отца. Ты не знаешь, что Наталья родная дочь Мазепы...

— Она дочь этого изверга! О, я несчастный! — воскликнул Огневик, закрыв руками лицо.

— Успокойся, Богдан, и если хочешь счастья, вверься мне. Я спасу тебя от мщения Мазепы, отмщу за тебя и соединю тебя с Натальей!

— Ты можешь это сделать?

— Сделаю, если ты будешь мне послушен. Поклянись повиноваться мне во всем беспрекословно, и я клянусь тебе Богом и душою моею, что чрез четыре месяца ты будешь мужем Натальи...

— Если так, то клянусь быть послушным твоей воле!

— Дай мне руку, Богдан! Завтра ты должен отправиться со мною в Польшу...

— Как бежать из службы! — воскликнул Богдан. — Понимаешь ли ты всю важность этого преступления, Мария!

— Ты бежишь не к неприятелю и не от войны. Слушай, Богдан! Если ты станешь про-

ситься на Украину, тебя не отпустят, и мы ничего не сделаем. Брось платье свое в воду, напиши письмо к твоему покровителю, адмиралу Крюйсу: что отчаянье заставило тебя лишиться себя жизни — и ступай со мною. У меня уже готовы паспорта от польского посла, для свободного пропуска слуг его. Я наряжусь по-мужски, и мы, в польском платье, поедem завтра же в Польшу, а оттуда проберемcя на Украину. В Батурине я скрою тебя у себя в доме... Увижусь с Натальей, посоветую ей бежать с тобой за Днепр и доставлю вам средства спастись. Между тем возгорится война в самой Украине, и тебе откроется поприще верною службою к царю загладить бегство твое с флота... Именем Палея мы соберем дружину и явно восстанем против изменника, ибо я знаю наверное, что Мазепа изменит царю при вторжении Карла в Украину...

Радость вспыхнула на лице Огневика.

— Я твой, Мария! — сказал он весело, пожав ей руку. — Делай со мною, что хочешь!

— Сама Наталья позволила бы тебе уступить мне, на время, частичку твоего сердца, которое я сохраню для нее и отдам в целости,

навек. Богдан!.. ты сказал, что ты мой! будь моим до приезда в Украину, до тех пор, пока не будешь принадлежать навсегда Наталье... С сей минуты здесь твое жилище... ты не выйдешь отсюда прежде, как завтра утром, чтоб прямо отправиться в путь. У меня есть для тебя платье, поддельные волосы, все, что нужно, чтоб не быть узнанным... Ночью мы переговорим и посоветуемся...

Огневик прижал Марию к сердцу.

— Ты истинный друг мой! — сказал он. — Я остаюсь с тобою!

Твердая душа Марии не могла выдержать избытка радости. Мария повисла на шее Богдана, впилась в него в полном смысле слова и, сказав тихим-тихим и прерывающимся голосом:

— Ты мой... Пусть теперь умру!.. — лишилась чувств.

Мазепа, не смея послушаться повеления Военного Совета, исполнил его двусмысленно, то есть выслал казаков к войску русскому, но один только Миргородский полк, оставив при себе лучших людей. Сам же переехал в замок свой, Бахмач, вблизи Батурина, и велел раз-

гласить вести о своей смертельной болезни. Орлик управлял войском, получая приказания от гетмана. Мазепа выслал Войнаровского к князю Меншикову, находившемуся в окрестностях Чернигова, для уверения сего вельможи в своей преданности и объяснений о причинах замедления в высылке войска, поручив сему любимому племяннику выведать о состоянии дел и узнать, нет ли на него каких доносов от людей, ему неприязненных.

Между тем Батурицкий гарнизон был усилен, Гадяч и Ромны приведены в оборонительное состояние и войско Малороссийское было готово к выступлению в поход и к бою, по первому приказанию. В сие время прибыла тайно в замок Бахмач княгиня Дульская, с двумя только служителями, в сопровождении влюбленного в Наталью пана Понятовского, который после объяснения с Мазепой ездил к шведскому королю и возвратился с ответом Карла XII и с повторением своей просьбы о браке с Натальей. Верхние сердюки содержали стражу в Бахмаче, и никто не смел явиться в замок без особенного позволения гетмана. Ключи не только от во-

рот, но и от подъемных мостов хранились у Мазепы.

Хитрая княгиня Дульская умела отклонить в Бердичеве предложение Мазепы вступить с ним в тайный брак. Но Мазепу нельзя было обмануть. Обольстив незадолго пред сим простодушную дочь генерального судьи Василия Кочубея, крестницу свою, Матрену, Мазепа из тщеславия, сего врожденного чувства каждого волокиты, хотя и верил еще, что мог внушать привязанность к себе на шестьдесят втором году своего возраста, но не был так прост, чтоб мог надеяться возбудить страсть в кокетке, в женщине уже опытной в любви. А потому при всей страсти своей к княгине он знал, что ее привязывают к нему расчеты честолюбия, и решился воспользоваться страстью для удовлетворения своей страсти. Предугадывая, что только дело необыкновенной важности, сопряженное с личными выгодами княгини, могло принудить ее прибыть к нему тайно, в столь грозное и опасное время, он переменял свое обхождение с нею и, быв всегда самым нежным, самым пламенным и угодливым любовником, решился теперь по-

казаться холодным и сим средством заставить пронырливую польку сложить пред ним оружие своей хитрости.

Не ушла от пронизательности княгини сия внезапная перемена, но женщина видит глубже в сердце, нежели мужчина, и княгиня в несколько дней заметила, из взглядов Мазепы, что холодность его с нею исходит из головы, а не из сердца. То же дружелюбие было между ними, но Мазепа старался казаться важным, задумчивым и не говорил, как прежде, о любви, хотя они имели частые случаи быть наедине, потому что Наталья, сказываясь больною, не выходила из своей комнаты. Понятовский проводил время один, в мечтаниях, а из приближенных гетмана не было при нем ни одного. Мазепа до того протер свое мнимое равнодушие, что, приняв княгиню со всею любезностью гостеприимного хозяина, он даже не спросил ее о причине сего внезапного и тайного посещения. Так прошло три дня.

На четвертый день княгиня, получив письмо из Польши, чрез нарочного, не могла более откладывать объяснения с гетманом и ре-

шила на последнее испытание его любви.

Теплый осенний день вызвал в сад Мазепу. Он прогуливался медленно, в уединенной аллее. Княгиня обошла кругом сад, чтоб встретиться с ним.

— Если б не ваш бодрый и здоровый вид, то я в самом деле поверила бы слухам о вашей болезни, — сказала княгиня. — Никогда я не видала вас столь угрюмым, столь печальным... таким холодным, — примолвила она, понизив голос и потупив глаза. — Здесь, в собственном вашем доме, вы кажетесь мне совсем другим человеком!..

— Радость есть выражение счастья, а пламя гаснет, когда на него льют холодную воду. Вам лучше можно знать, нежели кому другому, могу ли я называться счастливым и могло ли чье-либо сердце выдержать более холода, до собственного оледенения, как мое бедное сердце, измученное безнадежною любовью!

Княгиня молчала и смотрела пристально на Мазепу. Они сели на близстоящую скамью.

— Вы, кажется, не понимаете слов моих, княгиня! — примолвил Мазепа, со значитель-

ной улыбкой.

— Напротив того, очень понимаю, что упреки ваши относятся ко мне; но как я не заслужила их, то и не знаю, что отвечать. Знаю только, что если кто вознамерится изгнать любовь из сердца, то призывает на помощь софизмы и, скажу более, несправедливые обвинения...

— Итак, вы меня же обвиняете! — сказал Мазепа с досадою. — Меня, который по одному вашему слову подписал свой смертный приговор, утвердив подписью союз с врагами моего государя! Большой жертвы не мог я вам принести, ибо вследствие сего договора, вверяю ветрам и волнам политической бури жизнь мою, честь и достояние! Я все исполнил, что обещал, а где же ваши для меня жертвы! Вы умели отклонить предложение мое сочетаться тайно браком со мною в Бердичеве, и до сих пор нежная моя любовь была вознаграждаема тем только, чем может пользоваться каждый, желающий вам доброго утра! Кроме милостивого вашего позволения целовать прекрасную вашу ручку, княгиня, я не пользовался никакими преимуществами

пред последним из ваших холопов!

— Вы обижаете себя и меня, князь, подобными упреками! Приглашала я вас и уговаривала вступить в союз с Карлом для собственного вашего блага, для доставления вам независимого княжения и славы и вручила вам все, что невеста может отдать жениху перед венцом — сердце...

— Вы мне отдали сердце, княгиня! — сказал Мазепа нежно, взяв ее за руку и смотря на нее пожирающими взглядами. — Вы мне отдали сердце, — примолвил он и, притянув ее к себе, прижал к груди и страстно поцеловал. Она слабо противилась и, потупя взор, безмолвствовала.

Наконец княгиня, как будто оправясь от смущения, сказала:

— Вы упрекали меня, любезный князь, что я *отклонила* предложение ваше жениться на мне тайно, в Бердичеве. Я *не отклонила* вашего предложения, а только силою рассудка *преодолела* собственное желание. Вы знаете, что многие наши магнаты предлагают мне руку и сердце. Отказать им я не смею теперь, потому что отказом вооружила бы их проти-

ву себя и лишила партию нашу сильнейшей поддержки, а вверить тайну брака нашего не смею никому, опасаясь измены. Патер Заленский, которого вы хотели употребить в сем деле, более всех мне подозрителен. Образчик его верности вы уже видели в Батурине, когда вы захватили в своем доме разбойника из шайки Палеевой!..

— Ваша правда, что иезуиту нельзя ни в чем верить; но разве для вас не довольно одного обряда, по правилам нашей греческой церкви?

— Вам известны правила нашей веры: вне римско-католической церкви нет спасения, следовательно, никакой иноверческий обряд не может быть признан законным и священным... На что эти богословские прения теперь, когда чрез несколько недель мы можем обвенчаться явно, в присутствии двух королей! Дело уже в конце...

— В начале только, любезная княгиня, в начале! — примолвил Мазепа с горькою улыбкой.

— Говоря, что дело близко конца, я разумею только соединение ваше с Карлом, хотя и

не сомневаюсь в полном и скором успехе войны, ибо король Станислав, мой родственник, получил достоверное известие, что в самой России уже созрел заговор, имеющий целью возведение на престол Алексея, сына царя Петра, и что русские ждут только, чтоб вы показали пример...

— А! вы и это уже знаете! А кто вам сообщил это известие? — спросил Мазепа. — Я сам только третьего дня получил оное.

— Какая-то женщина, мне вовсе незнакомая, которая находится с давнего времени в связях с родственником моим, королем Станиславом...

— Проклятая жидовка! — проворчал про себя Мазепа и потом, обратясь к княгине, сказал нежно: — Зачем нам смешивать любовь с политикой? Быть может, первая пуля на поле брани сокрушит мои надежды и ожидания... Княгиня! Если страсть моя стоит награды, вознеситесь превыше всех предрассудков... — Он замолчал и, обняв одной рукою княгиню, а другою пожимая ее руку, страстно смотрел ей в глаза и трепещущими устами ловил ее уста. Княгиня, при всем кокетстве своем и

при всем самоотвержении в политических интригах, едва могла скрыть отвращение свое к ласкам сладострастного старца, который, забывшись совершенно, тянул ее к себе, бормоча что-то невнятное.

Внезапно вскочила она с места, вывернувшись из объятий Мазепы, как выскользает угрь из рук рыболова.

Мазепа устремил на княгиню мутные глаза и, простирая к ней трепещущие руки, воскликнул отчаянным, глухим, прерывающимся голосом:

— Любовь... или смерть!

Ничто не может быть омерзительнее старца или старухи в любовном исступлении. Дрожь проняла княгиню при виде Мазепы, преданного гнусной чувственности; но она победила свое отвращение к нему и сказала нежно:

— Любовь!.. Но любовь священная, законная.. Мазепа не дал ей продолжать, схватил свой костыль, ыстро вскочил с места и, не говоря ни слова, пошел в противоположную сторону. Княгиня возвратилась в комнаты. Княгине Дульской надобны были деньги для

вооружения новонабранного ею отряда в Польше и для изготовления съестных припасов для шведской армии. Она уже истощила свою казну, и богатые магнаты, к которым она прибегнула с просьбою пособить ей, или сами нуждались в деньгах в сие трудное время, или, будучи влюблены в княгиню, предлагали ей сокровища свои не иначе, как с рукою и сердцем. Не решаясь лишиться свободы и обманывая всех женихов своих обещаниями, княгиня решилась отнестись к Мазепе и надеялась на верный успех при личных переговорах. Но бесстыдные притязания любострастного старца заставили ее отказаться от своих выгод, и она вознамерилась немедленно оставить его и возвратиться в Польшу. Она уже достигла главной цели, убедив Мазепу подписать условия со шведским и польским королями, и хотя она для этого только и притворялась согласною вступить с ним в брак, но ожидала восстания гетмана с войском противу России, чтоб переменить свое обхождение с ним и обнаружить свои истинные чувствования. Раздумав обо всем основательно, княгиня вознамерилась, однако ж,

примириться с Мазепою, но еще не решилась, каким образом приступить к этому, не подвергая себя прежней опасности.

Мазепа чрезвычайно досадовал, что упустил столь привлекательную добычу, и на остаток дня заперся также в своих комнатах, не показываясь своим гостям.

Развратники не верят в женскую добродетель, и Мазепа в этом случае был прав, не веря, чтоб одно целомудрие было причиною упорства княгини к удовлетворению его желаний. Самолюбие не допускало его подозревать в княгине отращения к нему, и потому он заключил, что, вероятно, склонность к кому-нибудь другому господствовала в сердце княгини. Он стал подозревать ее в связях с Понятовским, полагая, что не столько красота Натальи заставляет сего честолюбца искать руки ее, сколько надежда на богатое приданое и значение в независимом войске Малороссийском. В это самое время он увидел из окна княгиню, вышедшую в сад, вместе с Понятовским; они направили шаги в самую темную аллею. Мазепа не предполагал, чтоб они в сию минуту совещались, каким образом вы-

манить у него деньги для вспомоществования их партии, и, мучимый ревностью, думал, что они заняты любовными разговорами.

Мазепа не мог уснуть ночью. Кровь в нем сильно волновалась. Ревность и оскорбленное самолюбие терзали его. Вдруг свет блеснул в саду. Мазепа поспешно встал с постели, приблизился к окну и увидел, что свет из окон дома отражается на деревьях; он поспешно оделся и вышел в сад.

Гетманский дом в замке Бахмаче построен был в виде правильного четырехугольника. Пространство между четырьмя фасадами здания разделялось коридорами на три небольшие двора. Сие два поперечные коридора соединяли между собою два главные фасада. На среднем глухом дворе возвышалась башня, в которой находились архивы и кладовые. В одном конце дома были гостиные комнаты, в середине, со стороны сада, приемная, — а в другом конце жили сам гетман и его приближенные. Дом был каменный в одно жилье. Службы и казармы построены были по сторонам, между домом и валом, не соединяясь, од-

нако ж, с главным зданием. Замок построен был на краю оврага и обнесен земляным валом, двойным частоколом и глубоким рвом. На всех углах вала стояли часовые. Ворота были одни только и охранялись сильною и верною стражею сердюков, получающих двойное жалованье. Весь гарнизон замка состоял из любимцев гетмана, самых заслуженных казаков, испытанной храбрости и преданности.

Свет отразился из окон приемных комнат.

Только в Бахмаче Мазепа почитал себя в безопасности, будучи уверен, что чужому человеку, особенно злоумышленнику, невозможно пробраться в замок. Из комнат его был особенный выход в сад, в густую липовую аллею, примыкающую к самой стене.

Вышед в сад, Мазепа остановился на изгибе аллеи и вперил взор в окна главного фасада; но свет не показывался более. Он терялся в догадках, кто мог войти в сие время в приемные комнаты, которые всегда были пусты, кроме торжественных дней, когда гетман приглашал гостей попировать с собою поприятельски. Сия часть дома отделялась от жилых комнат с трех сторон сенями и коридорами.

дорами, и двери всегда были заперты. Мазепа не сомневался, что княгиня назначила любовное свидание Понятовскому в сих комнатах, чтоб избежать всякого подозрения, ибо они жили в противоположных концах дома и у всех наружных дверей стояли часовые. Подобрать ключи не трудное дело для любовников, думал Мазепа. Он ждал с нетерпением появления света, и вдруг огонь снова блеснул в окне. Женщина, которой ни лица, ни одежды он не мог рассмотреть, подошла к окну и с двумя свечами и тихо махнула ими накрест три раза. Нельзя было более сомневаться, что это условный знак. Мазепа едва мог воздержаться от досады и нетерпения. Свет в окне снова исчез. Все предметы скрылись во мраке, и вдруг на валу, между кустами, при спуске в сад, также блеснул свет. Мазепа затрепетал от злости. Вымышляя самые колкие упреки будущему своему зятю, Понятовскому, Мазепа потихоньку пошел аллеей к кустам, чтоб поймать счастливого своего соперника и заставить его признаться во всем, а после того отправиться к княгине и, побранив ее в качестве жениха, кончить... усладительным при-

мирением...

Осенний ветер колебал деревья; листья с шумом слетали с них и клубились с шорохом по дорожкам сада. Мазепа подошел к самым кустам и увидел двух человек, которые, завернувшись в плащи, сидели на земле. Они были обращены к нему спиною, а фонарь прикрыт был плащом. Пользуясь шумом ветра и шорохом листьев, Мазепа подкрался незаметно к сидящим и ударил одного из них по плечу, воскликнул грозно:

— А что вы здесь делаете в эту пору?

Человек, которого Мазепа ударил по плечу, быстро вскочил с земли и приставил фонарь к его лицу. Мазепа задрожал и в ужасе отступил несколько шагов, едва держась на ногах.

Это был Огневик!..

— Ни с места и ни слова! — сказал Огневик шепотом. — Или вот этим кинжалом пригвозжу тебя навеки к земле!..

Мазепа что-то хотел говорить, но Огневик, устремив на него кинжал, примолвил:

— Молчи, или смерть!

Гетман повиновался. Холодный пот высту-

пил на нем; в голове его шумело, и трепет объял его, как в лихорадке. Он чувствовал приближение последней своей минуты и не ждал пощады от человека, которого он столь жестоко оскорбил, обманул, предал и хотел, наконец, лишить жизни. Огневик, держа в одной руке кинжал, а в другой фонарь, с какою-то зверскою радостью смотрел на смертельного врага своего, которого судьба предала ему на жертву, и наслаждался приметным страхом его.

— Предатель, убийца, изменник! — сказал Огневик, трепеща от злобы и улыбаясь, или, лучше сказать, шевеля судорожно губами, чтоб показаться равнодушным и хладнокровным. — Тебе удалось погубить Палея, но с ним ты не погубил всех его мстителей. Ни клеветою, ни ядом ты не мог оковать той руки, от которой, по закону мздовоздания, ты должен получить награду за твои злодеяния. Ничто не спасло бы тебя, если б, по какому-то расчету ада, покровительствующего тебе, ты не был отцом моей Наталии, ибо чрез несколько минут она будет в моих объятиях и я, прокляв тебя навеки, скроюсь от тебя с

нею... Она немедленно явится здесь, а пока ты мой пленник!

Когда Мазепа услышал от Огневика, что жизнь его в безопасности, он мгновенно пришел в себя, и, пока враг его говорил, он уже обдумал и рассчитал все средства, чтоб не только выпутаться из беды, но и расстроить все предначертания Огневика.

— Я не мешал тебе говорить, позволь же, для собственного твоего спасения, и мне сказать тебе пару слов, — сказал Мазепа хладнокровно, насмешливо улыбаясь. — Ты можешь убить меня одним ударом, в этом не спорю; но уверяю тебя, что пользы от этого не будет тебе. Не я твой пленник, а ты мой! Гнусная жидовка, проклятая Мария изменила тебе и освободила тебя из Кронштадта для того только, чтоб живого предать мне... — При сих словах Огневик побледнел и почувствовал опасность своего положения. Мазепа продолжал: — Она уведомила меня, что доставит тебе сегодня вход в замок, будто для похищения Наталии, и я расставил везде моих сердюков, чтоб схватить тебя, по первому моему свисту. Сад этот и все окрестности наполнены моими

воинами! Одно безопасное место есть то, где ты прошел... Чувствую, что я поступил неосторожно и не кстати погорячился, вознамерившись поймать тебя своими руками... Ты точно мог бы убить меня, если б хотел. Но ты поступил со мною великодушно, и я не хочу оставаться у тебя в долгу. Ступай отсель цел и невредим! Бог с тобой! Не берусь провести тебя в ворота замка, ибо не ручаюсь за моих сердюков. Они, может быть, не послушаются меня в этом случае и убьют тебя... Впрочем, я должен еще сказать тебе, что сам Бог вразумил тебя воздержаться от убийства, ибо тогда бы и ты и Наталия пали непременно под ударами моих верных слуг... Богдан! слушай последние слова мои: я тебя прощаю, и если чрез месяц ты, собрав дружину, присоединишься ко мне, когда я выступлю в поход, то награда тебе за первое отличие — рука Наталии... Не хочу более противиться... Мне самому наскучили ее слезы!..

Мазепа, до свидания с Огневицом, почитал его погибшим, поверив письму Марии, с приложением свидетельства от флотского начальства, что Огневик бросился в воду с отча-

няня и утонул. Возвратясь на Украину, Мария рассказала Мазепе, будто она отравила Огне-вика и бросила тело в воду, а письмо от него к адмиралу сочинила сама, подделавшись под его почерк, Мазепа поверил ей, а еще более поверил свидетельству начальства и подарил ей богатое ожерелье, обещав дать, после войны, вотчину. Однако только смущало и удивляло Мазепу, а именно, что Наталия выслушала хладнокровно известие о смерти своего любовника, объявив в то же время, что она решилась наконец отрешись от всего земного, и что если б Богдан был даже жив, то все бы просилась в монастырь. Но хладнокровие Наталии происходило от того, что она знала обо всем случившемся с Огневиком, кроме любовной жертвы, принесенной им из благодарности, и надеялась вскоре соединиться со своим возлюбленным. Огневик, прибыв в Украину, скрывался на хуторе Марии. Она-то устроила все к похищению Наталии, дала ей знать и указала Огневику путь к валу, на который взобрался отчаянный любовник при помощи веревочных лестниц с крюками по концам. Место сие, при крутизне оврага, по-

читаемое непроходимым, было, однако ж, оберегаемо часовым, которого Мария успела подговорить к измене и бегству. Мария не думала никогда изменять Огневику и ждала его нетерпеливо на хуторе, с тремя оседланными лошадьми. Все, что в сию опасную минуту сказал Мазепа Огневику, было не что иное, как вымышленная им сказка, основанная на предположениях, догадках и лжи. Увидев Огневика, он не сомневался, что Мария вступила с ним в заговор и что она же доставила ему средства войти в замок, и потому искусною ложью решился освободиться от одного врага и в то же время оклеветать другого.

Огневик не отвечал ни слова, но скрежетал зубами со злости и с отчаянья. Товарищ его тянул его за руку к валу, шепча ему на ухо:

— Воспользуемся случаем, пока изверг не раздумал! На свободе придумаем что-нибудь лучшее. Была бы голова на плечах, а Наталия будет наша!..

Вдруг послышался шорох и шаги бегущего человека.

— Спасайся, Богдан! Вот бегут сердюки!

Они, верно, слышали шум и боятся за меня... Еще минута, и я не в силах буду даровать тебе жизнь-Товарищ Огневика насильно увлек его за вал, и они быстро окатились вниз...

Мазепа с улыбкой смотрел им вслед, приговаривая про себя: «Не уйдешь от меня, голубчик, и с твоею ведьмою! Я вас отправлю вместе!» Едва он успел повернуться, кто-то с разбегу чуть не сшиб его с ног. Он схватил за руку... Это была Наталия!

— Поздно, милая! — сказал Мазепа... Она ахнула и упала без чувств на землю.

С великим трудом Мазепа дотащил несчастную дочь свою до дому, разбудил немого татарина, спавшего всегда в ближней комнате, возле его спальни, и с помощью его привел ее в чувство.

— Поди, дочь моя, и успокойся, но не гневайся на меня за то, что я приму меры предосторожности, чтоб воспрепятствовать тебе к вторичному покушению обесславить себя и меня бегством.

Мазепа взял связку ключей, велел татарину светить и повел Наталью чрез все комнаты, в башню. Вошел в одну обширную и хоро-

шо убранную комнату, возле архива, где не долго пред сим жил один из его секретарей, Мазепа указал на софу и сказал:

— Отдохни здесь, милая дочь! Завтра мы переговорим с тобою! — Замкнув двери снаружи железным запором и двумя замками, Мазепа возвратился в свою комнату.

Он не успел еще раздеться, как сторожевой урядник от ворот постучался в двери. Мазепа вышел к нему. Урядник доложил, что генеральный писарь Орлик с племянником его, Войнаровским, прискакали верхом из Батурина и требуют, чтоб их немедленно впустили в замок и разбудили гетмана.

Сердце Мазепы сильно забилося.

— Впусти их и скажи, что жду их в моей почивальне. Выслав Войнаровского к князю Меншикову для шпионства и обмана, Мазепа велел ему оставаться до тех пор в русском лагере, пока сам он не выступит в поход и не перейдет чрез реку Сожу. Мазепа предчувствовал, что внезапное возвращение Войнаровского не означает добра. С нетерпением ожидал он его появления.

Вскоре Орлик и Войнаровский предстали

пред Мазепою, и он, взглянув на них, убедился, что не обманулся в своем предчувствии. Орлик и Войнаровский не могли скрыть своего страха и горести. Войнаровский поцеловал руку дяди и сказал печально:

— Дурные вести!

— Не торопись, племянник, и отвечай основательно и хладнокровно на мои вопросы. Что ты услышал дурного?

— Замысел наш, отложиться от России, известен князю Меншикову, — отвечал Войнаровский.

— Каким же образом он объявил тебе об этом?

— Он мне ничего не объявил, но я узнал это от приближенных его, моих приятелей.

— А что же сказал сам князь, отпуская тебя в обратный путь?

— Он мне не мог ничего сказать, потому что я не видал его перед моим отъездом.

— Как? ты уехал не простившись с ним!..

— Меня предостерегли, что князь намерен задержать меня и пытаться. Я тайно бежал из русского лагеря.

— Так уж дошло до того, что хотят пытаться

родного моего племянника!.. Кто же надумил князя?

— Русский генерал Инфлант поймал под Стародубом поляка Улишина, посланного к вам Понятовским с письмами и словесным поручением. Несчастливого пытали на огне, под виселецей, и он сознался, что слышал от Понятовского, что вы присоединяетесь к шведам. Письма Понятовского к вам также объясняют многое. После этого князь Меншиков велел взять под стражу и пытаться Войта Шептаковского, Алексея Опоченка, приятеля управителя ваших вотчин, Быстрицкого, которого бегство к шведам также известно в русском лагере. Опоченко не вытерпел истязаний и сознался, что Быстрицкий в проезд свой к шведам был у него, объявил ему, что едет к неприятелю по вашему поручению и что вы ждете только вторжения Карла в Украину, чтоб восстать противу царя Московского. Во всех этих дознаниях князь Меншиков хотел удостовериться моими показаниями, и уже определено было исторгнуть из меня истину огнем и железом. Князь послал к царю нарочного с донесением обо всем случившемся и с

просьбою о позволении взять вас немедленно под стражу... — Войнаровский замолчал, и Мазепа, который слушал его хладнокровно, сложив крестом на груди руки и устремив на него неподвижный взор, сказал:

— А ты безрассудным своим бегством подверг меня большему подозрению, нежели незначащий чиновник и польский шпион своими показаниями!

— Неужели мне надлежало ждать, пока меня станут пытаться?

— А почему ж нет? Регулы и Курции шли бесстрашно на верную гибель и мучения для славы и чести отечества, а мы не можем выдержать пытки!.. Где же та римская добродетель, которою ты похвалялся? Осталась в школе, вместе с учебною книгою!.. — Мазепа насмешливо улыбнулся. — Да, племянник! Если б ты выдержал пытку и не сознался, то опровергнул бы все доносы и подозрения...

— Я не предполагал, признаюсь, чтоб вы требовали от меня такой жертвы, — сказал Войнаровский с досадою.

— Я от тебя ничего не требую, любезный племянник, но этого требовало от тебя твое

отечество, для независимости которого мы идем ныне на смерть; требовали твоя слава и твое будущее величие, зависящее от успеха нашего предприятия! Но упреки не у места! Сталось, Орлик! Надобно будет упросить русского полковника Протасьева, чтоб он съездил к князю Меншикову и попросил от моего имени извинения за безрассудный отъезд моего племянника... К царю и Головкину я сам напишу.

— Протасьев не откажет вам, — отвечал Орлик. — Вы умели привязать его к себе...

— Золотою нитью, — примолвил Мазепа, стараясь улыбнуться и своим хладнокровием, при столь ужасной вести, ободрить унывших своих клеветов. Но видя, что лица их проясняются, Мазепа сам принял угрюмый вид, сел, опустил голову на грудь и задумался.

Прошло около четверти часа, и никто из них не промолвил слова; вдруг Мазепа быстро вскочил с кресел и, обратясь к Орлику, спросил:

— А сколько у нас, в Батурине, отборных казаков, кроме сердюков, готовых к походу?

— Около пяти тысяч, — отвечал Орлик.

— Довольно на первый случай. Завтра, на конь и в поход! Я сам веду их за Десну, — сказал Мазепа. Взор его пламенел.

— Завтра! Вы сами, дядюшка! Зачем такая поспешность... За Десною русское войско...

— Побереги советы для себя, племянник! Я знаю хорошо, что делаю... — Мазепа захлопал в ладоши. Явился татарин. — Вели подать мне моего коня! — сказал Мазепа. — Господа! Я тотчас еду с вами в Батулин и на рассвете в поход!

— Дядюшка, позвольте мне остаться и проводить княгиню до польской границы, — сказал Войнаровский умоляющим голосом. — Теперь опасно женщине возвращаться этою дорогою...

— Предоставь мне позаботиться о безопасности княгини, — возразил Мазепа с лукавою усмешкой. — Между тем прошу присесть, мои паны! Я сейчас переоденусь, вооружусь и — на конь. Не должно прерывать сон моих гостей. Завтра я пришлю сюда мои распоряжения.

Пока Мазепа одевался и вооружался, подвели коней к крыльцу, и он отправился в

путь, сопровождаемый Орликом, Войнаровским и неотступными своими слугами, немым татаринном и казаками, Кондаченкой и Быевским.

Глава XV

И наведу на тя убивающа мужа и секиру его.

Прор. Иеремии, глава 21, стих 7

*Увянет! жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей.*

А. Пушкин

Отборное войско, назначенное к выступлению в поход вместе с гетманом, уже собралось за городом. Отцы и матери, жены и дети, любовницы и невесты толпились на сборном месте. Генеральные старшины и полковники ждали гетмана на паперти собора, чтоб отслужить молебен. Уже было около полудня. Войнаровский сказал старшинам, что гетман занят письменными делами.

И в самом деле Мазепа писал письма к государю, к графу Головкину, к барону Шафиро-

ву и к князю Меншикову, уведомляя их о своем выступлении в поход и уверяя в своей преданности к священной особе царя русского и в непоколебимой своей верности к престолу. Между тем в ту же ночь отправлен был гонец к шведскому королю с известием, что уже войско Малороссийское двинулось на соединение с ним. Когда все письма были готовы, Мазепа отдал их Орлику для отправления и призвал к себе немого татарина и казака Кондаченку.

— Верные мои слуги! — сказал Мазепа, положив руку на плечо Кондаченки и погладив по голове татарина. — Я знаю вашу преданность ко мне, а потому хочу поручить вам дело, от исполнения которого зависит спокойствие моей жизни...

— Что прикажешь, отец наш! За тебя готов в огонь и в воду! — сказал Кондаченко.

Татарин положил правую руку на сердце, а левою повел себя по горлу, давая сим знать, что готов жертвовать своею жизнью.

— Надобно спровадить с этого света две души... — примолвил Мазепа.

— Изволь! Кому прикажешь перерезать

горло?.. — воскликнул Кондаченко, схватившись за саблю.

Татарин зверски улыбнулся и топнул ногою.

— Тот самый палеевский разбойник, который был уже в наших руках и отправлен мною в ссылку, бежал из царской службы и бродит по окрестностям. Он сей ночи ворвался даже в Бахмач... Надобно отыскать его и убить, как бешеную собаку...

— Давно б пора! — отвечал Кондаченко. Татарин махнул рукой.

— Злодея этого освободила и привела сюда изменница Мария Ломтиковская, — продолжал Мазепа. — Это суцая ведьма... От нее нельзя ничего скрыть и нельзя ей ничего поверить... Надобно непременно убить ее...

— Жалеть нечего! — примолвил Кондаченко. Татарин покачал головою и вытаращил глаза.

— Тебе кажется удивительным, что я хочу убить Марию, — сказал Мазепа, обращаясь к татарину. — Она изменила мне, продала меня врагам моим!

— Петля каналье! — воскликнул Кондачен-

ко.

Татарин кивнул головою и снова провел пальцем по горлу.

— Тебе, Кондаченко, я отдаю все имущество Марии, — сказал Мазепа, — а ты, — примолвил он, обращаясь к татарину, — бери у меня, что хочешь... Казна моя не заперта для тебя.

Кондаченко бросился в ноги гетману, а татарин только кивнул головой.

— Эту бумагу отдай есаулу Кованьке в Бахмаче, — сказал Мазепа, подавая бумагу Кондаченко. — Польские гости мои так испугались моего внезапного отъезда, что бежали в ту же ночь из замка, не дождавшись свидания со мною. Ему бы не следовало и не следует ни впускать, ни выпускать никого без моего приказания. Подтверди ему это! Вот ключ от той комнаты, где я запер Наталью, — примолвил он, отдавая ключ татарину. — Ты знаешь где. Второпях я забыл отдать ключ Кованьке. Поспешайте же в Бахмач. Ведь Наталья взаперти осталась без пищи, а ты знаешь, что в эту половину дома никто не зайдет, и хоть бы она раскричалась, то никто не услышит... Ко-

гда исправите свое дело, спешите ко мне, где б я ни был. Я иду за Десну... Прощайте... Вот вам деньги!.. — Мазепа дал им кису с червонцами, и они, поклонясь, вышли.

Огневик, спустясь с валу, опомнился от замешательства, в которое привела его мнимая опасность.

— Мы дурно сделали, что не убили злодея, — сказал Огневик товарищу своему, — пока он жив, я не могу быть счастливым! Вся адская сила в его руках!..

— После рассудим! — отвечал Москаленко. — Теперь надобно спастись... Я не верю великодушию Мазепы и опасуюсь погони...

Они влезли на берег оврага, по приготовленной ими веревочной лестнице, подняли ее, вскочили на коней своих, с которыми ждал их казак, и поскакали в лес.

Возвращаясь в Украину, Огневик случайно встретился с Москаленкой в пограничном польском местечке и узнал от старого своего товарища подробности о взятии Белой Церкви изменой и о бегстве семьи Палеевой, с несколькими десятками казаков, в Польшу. Москаленко, услышав от Огневику о намере-

нии его похитить Наталью, взялся помогать ему, отыскал старых казаков палеевских, рассеянных по окрестностям, и собрал ватагу из тридцати человек, готовых на самое отчаянное дело. Мария отправилась одна в Батурин, и когда устроила все к побегу Наталии и переговорила с нею, то дала знать Огневику, и он, пробираясь по ночам непроходимыми местами со своей ватагой, прибыл в окрестности Батурина и расположился в лесу, неподалеку от Бахмача. В эту ночь Мария ждала его на своем хуторе, где собралась и ватага, чтоб вместе с Натальей бежать в Польшу.

Проскакав несколько верст по узкой тропинке, они выехали на поляну и увидели огонь на хуторе. Огневик придержал своего коня и сказал Москаленке:

— Ты слышал, друг мой, что говорил Мазепа: Мария изменила нам, предала... Она должна получить воздаяние...

— Высечь бабу порядком, чтоб помнила казачью дружбу, — отвечал Москаленко.

— Нет, друг, этим она от меня не отделается! Она заслужила смерть.

— Неужели ты решишься убить женщи-

ну! — воскликнул Москаленко с удивлением.

— Я убью не женщину, но ядовитую змею, которой жало грозит не только мне, но и Наталье. Ты знаешь, любезный друг и брат, какая необходимость заставляет меня решиться на это отчаянное средство? Ад внушил Марии любовь ко мне, на пагубу мою! Не будучи в состоянии погасить во мне любовь к Наталье, она решилась погубить меня и, вероятно, погубит также и Наталью. Доказательства измены ее ясны и неоспоримы...

— Делай, что хочешь! — сказал Москаленко.

Собака подняла лай на хуторе, и у ворот встретили их казаки. Мария выбежала на крыльцо с пучком зажженной лучины и, не видя Натальи, спросила Огневика: «А где ж она?»

Огневик, не приветствуя Марии и не отвечая ни слова, вошел в избу и, не снимая шапки, сел на скамью. Казаки остались на дворе с Москаленкой; одна Мария последовала за Огневиком. Она стояла перед ним, смотрела на него с удивлением и беспокойством и наконец спросила его:

— Что с тобой случилось, Богдан? Где Наталья?

— Искусство твое в предательстве не спасет тебя теперь от заслуженной тобою кары, изменница! — сказал Огневик грозно. — Я говорил с самим Мазепою, и он все открыл мне... — Огневик смотрел пристально в глаза Марии, но она была спокойна и, покачав головой, горько улыбнулась.

— Ты встретился с Мазепою! — сказала она. — Видно, он не мог ни убить тебя, ни захватить в неволю, когда довольствовался одним обманом!

— Замолчи и готовься к смерти, — кричал в бешенстве Огневик, вскочив с места. — Довольно был я игралищем ваших козней! На колени и читай последнюю молитву! — Огневик выхватил саблю.

— Несчастный! Неудача и любовь ослепили твой рассудок, а гнев заглушил голос совести. Ты поверил общему нашему злодею и обвиняешь меня... Меня! Зачем было мне подвергаться опасности и трудам, чтоб предать тебя Мазепе, когда жизнь твоя была уже в моих руках в Кронштадте, а свободою твоею я

могла располагать в Кармелитском монастыре, в Бердичеве? Но если смерть моя может доставить тебе утешение, убей меня! — Мария при сих словах бросилась на колени и обнажила грудь. — Рази, пробей сердце, в которое ты влил вечную отраву! Жизнь моя — тяжкое бремя, пытка! Освободи меня от мучений... О! убей меня, убей!.. Мне сладко будет умереть от руки твоей!.. Ты будешь плакать по мне, Богдан, будешь сожалеть обо мне!.. Ты полюбишь меня за гробом, когда истина откроется... Убей меня!..

Огневик, занесший уже саблю, чтоб поразить Марию, остановился. Но она ухватилась за его колени и пронзительным голосом вопияла:

— Сжался надо мною и убей меня! милый Богдан, не смущайся, не робей... Я прошу у тебя смерти, как милости, как награды за любовь мою!..

Жалость проникла в сердце Огневику. Он вспомнил все, что Мария для него сделала, и ее отчаянье, ее необыкновенное мужество в последний час, ее самоотвержение заставили его усомниться в истине его подозрений. Он

вложил саблю в ножны и сказал ласково:

— Встань, Мария, — объяснимся!

Мария рыдала. Твердая душа ее размягчилась. Почти бесчувственной Огневик поднял ее с пола и посадил на скамью. Долго она не могла прийти в себя; наконец, когда выплакалась и несколько поуспокоилась, сказала с упреком:

— И ты мог подозревать меня в измене! И ты мог поверить Мазепе!

— Да рассудит между нами Бог! — возразил Огневик. — Быть может, ты невинна, Мария, но на моем месте ты сама стала бы подозревать...

— Нет, я не стала бы подозревать того, кто дал мне столь сильное доказательство любви, преданности, самоотвержения!..

— Довольно, Мария! Выслушай и после рассуди...

Огневик рассказал ей все, случившееся с ним в Бахмаче. Мария задумалась.

— Нет! — сказала она после долгого молчания. — Нет, случай, а не измена свел тебя с Мазепю. Из чужих людей один только сердюк, стоявший на часах над оврагом, знал на-

шу тайну, и этот сердюк здесь; он бежал от мести гетмана, следовательно, изменить было некому. Притом же, верь мне, Богдан, что если б Мазепа был в состоянии задержать тебя, то он не выпустил бы тебя из рук!..

При сих словах Марии Огневик почувствовал, что он слишком поспешно поверил словам Мазепы и слишком торопливо последовал совету своего товарища, представлявшего ему опасность неизбежною.

— Весьма вероятно, — примолвила Мария, — что гетман, мучимый бессонницею или поспешая на любовное свидание с княгинею, забрел один в сад и случайно наткнулся на тебя... Хладнокровие и присутствие духа даровало ему преимущество над тобою, Богдан! Я думаю, что он был в твоей власти, а не ты в его.

— Быть может! — сказал Огневик с досадою. — Но теперь одна смерть заставит меня отказаться от исполнения моего предприятия... Во что бы то ни стало — Наталья будет моя...

В сие время служитель Марии вошел в избу и подал ей бумагу, сказав, что она присла-

на с нарочным из Батурина. Мария поспешно прочла и сказала Огневику:

— Гетман прибыл в Батурин и сего же утра выступает в поход... Что-нибудь необыкновенное заставило его решиться на это быстрое выступление...

— Тем лучше для меня! — воскликнул Огневик. — Завтра же я попробую напасть врасплох на Бахмач и силою вырвать Наталью из заключения...

— Об этом поговорим с тобою после. Теперь поди и отдохни, Богдан. Я обдумаю дело и скажу тебе мое мнение...

Через несколько времени все покоились на хуторе. Только Огневик и Мария бодрствовали. Мария заперлась в своей комнате, а Огневик расхаживал по двору, в задумчивости. Утренние лучи солнца застали его в сем положении, и он, возвратясь в избу, бросился на лавку и уснул от изнеможения.

Мазепа, выступил из Батурина с пятью тысячами войска, пошел к Десне, рассылая повсюду приказания вооружаться и присоединяться к его отряду. Но приказания его исполнялись неохотно, и он, остановясь лагерем

при местечке Семеновке между Новгородом-Северским и Стародубом и простояв с неделю, едва собрал до десяти тысяч воинов. Здесь Мазепа получил известие от шведского короля, что он ожидает его с нетерпением, в Горках, местечке, лежащем при реке Проне, в Польше, в Могилевском воеводстве, неподалеку от русской границы, и что всякую медленность со стороны Мазепы примет за доказательство его измены и неустойки в слове. Подозреваемый русским царем к шведским королем, Мазепа должен был наконец открыться и действовать. Он желал и страшился этой решительной минуты. Ночь была тихая, но мрачная. Это было 25 октября: костры ярко пылали в лагере; казаки, сидя вокруг огня, готовили ужин и разговаривали между собою весело о будущих битвах, шумели, пели. Мазепа сидел у окна в уединенной рыбацкой хижине, стоявшей над рекой, на возвышении, и, подперши голову рукою, смотрел на лагерь. В избе не было огня.

Шум в лагере начал утихать мало-помалу; огни угасали; только часовые перекликались унылым голосом. Мазепа, не раздеваясь, при-

лег на походную постель и уснул.

Верный Орлик находился неотлучно при гетмане и в эту ночь спал в сенях рыбацкой хижины, на ящиках с важнейшими бумагами, с войсковыми клейнодами и с червонцами, которые везли за войском на двадцати вьючных лошадях. Орлик не мог сомкнуть глаз. Грустные мысли и какое-то зловещее чувство терзали его сердце. Сколько ни старался он облагородить предстоящую измену лжемудрствованиями, тайный упрек совести разрушал хитросплетения ума. Страшно было подумать, что он завтра нарушит присягу, данную законному царю, что должен будет проливать кровь одноверцев и соплеменников и служить орудием чужеземцам к угнетению однокровных. Не имея твердости отстать от Мазепы, он молил Бога, чтоб он внушил ему мысль отказаться от измены и направить путь в царский лагерь. Еще не ушло время. Никто в войске не знал о намерении гетмана, хотя уже приближалась последняя минута... Орлик мечтал и раздумывал, переворачиваясь с одного бока на другой; вдруг в избе гетманской раздался пронзительный крик. Ор-

лик вскочил с постели... За воплем последовал глухой стон... Орлик схватил саблю и бросился к гетману, полагая наверное, что убийцы ворвались в гетманскую избу через окно или через крышу. Быстро отворил двери Орлик и остановился. Только тяжкое дыхание гетмана извещало, что в избе есть живая душа.

— Пане гетмане! что с вами случилось? — спросил Орлик.

Нет ответа.

— Пане гетмане! Иван Степанович! — закричал Орлик. Глухой стон раздался во мраке.

Орлик выбежал из избы, взял свой фонарь, зажег свечу у огня, разведенного стражею перед крыльцом, и возвратился к гетману.

Мазепа лежал на полу. Пот градом лился с лица его, глаза были полуоткрыты, уста посинелые, смертная бледность покрывала лицо. Он взглянул мутными глазами на Орлика, тяжело вздохнул и сказал слабым голосом: — Подними меня.

Орлик поднял его, положил на постель, зажег свечи на столе и с беспокойством смот-

рел на него, ожидая последствий. Гетман молчал и сидел на постели, склонив голову на грудь, потупив глаза и сложив руки на груди.

— Не прикажете ли позвать лекаря, пане гетмане? Вы, кажется, нездоровы.

Гетман покачал головою и молчал.

— Что с вами сделалось, скажите, ради Бога! Не нужно ли пустить кровь!.. Я побегу за лекарем!

— Я здоров... Ужасный сон!.. Садись, Орлик... я расскажу тебе!..

Орлик содрогнулся. Его самого мучили предчувствия и тяжкие, страшные сны.

Мазепа молчал и тяжело вздыхал.

Несколько времени продолжалось обоюдное молчание. Наконец Мазепа сказал:

— Я не верю в сны, Орлик! Они не что иное, как игра воображения... Но я видел страшный сон!.. Ты знаешь, что я в юношеских летах проживал в Польше и, находясь при дворе одного знатного пана, любил жену его и был любим взаимно. Спасаясь от мести раздраженного мужа, я бежал в Запорожье. Супруги после того примирились, но любовь наша с прекрасною полькою продолжалась.

Она ездила на богомолье в монастыри, лежащие на границе, и я видался с нею. Залогом тайной любви нашей был сын... Муж снова стал подозревать, и моя любовница решилась бежать ко мне, с младенцем... Она бежала от мужа, но не являлась ко мне... И она и младенец пропали без вести! Вероятно, мстительный муж убил их. Прошло около тридцати лет... Я был женат после этого, имел детей, овдовел, осиротел, искал отрады в любви, любил многих, был счастлив в любви... Но первая любовь и привязанность к первому детищу моему не истребились из памяти моей!.. Часто, часто вижу я в мечтах и во сне мою возлюбленную с младенцем на руках, прижимающихся к моему сердцу... Это самые сладостные и самые горькие минуты моей жизни, Орлик!.. В эту ночь я также видел их... но в ужасном положении... Ты знаешь, что Наталья прижита мною уже после смерти жены моей... Я люблю Наталью всей душою, но первое детище мое, живущее в одном воображении, в мечтах — мне милее ее... Не понимаю этого чувства и не могу тебе объяснить его. Кажется, это кара небесная! В эту ночь я ви-

дел их обоих!.. Мне чудилось, будто я стою на краю пропасти. С правой стороны стоит возле меня моя возлюбленная, с младенцем на руках, а с левой Наталья. Вдруг земля стала осыпаться под нашими ногами. Я хотел бежать, но какая-то невидимая сила удерживала меня. Наталья покатилась в пропасть и в падении ухватилась за колени мои. В эту самую минуту моя возлюбленная отдала мне на руки младенца — и исчезла. Спасай детей твоих!.. — раздался пронзительный голос... Невольно, как будто судорожным движением я оттолкнул Наталью, и она ринулась в пропасть. И вдруг младенец, которого я держал на груди моей, обхватил ручонками вокруг моей шеи и стал душить меня... Я хочу оторваться... Наконец хочу бросить ребенка... но нет... он впился в меня, он душит меня... я упал... и мы все погрузились в бездонную пучину... Внизу были дым и пламя. Раздались хохот, свист, змеиное шипенье... ударил гром... Я проснулся и очутился на полу, без сил, без языка, в поту... В это время явился ты, верный друг мой!

— Страшный сон! — сказал Орлик. — Но

кажется мне, что он ничего не предвещает, а есть только следствие ваших помышлений и слабости телесной. Вы изнурили себя походом, пане гетмане... Я три ночи сряду видел сны гораздо ужаснее! Мне грезились пытка, палачи, кнут, плаха...

— Вздор, пустяки! — примолвил гетман. — Сны твои остаток робости, следствия страха, при исполнении нашего предприятия, которое если б не удалось, то повело бы нас на плаху. Но вот уже мы стоим на рубеже... Один переход — и мы в шведском лагере!..

— Но кроме меня и Войнаровского никто не знает еще ваших замыслов, пане гетмане. В целом войске только мы одни согласны перейти к шведам. Что будет, если другие не согласятся... Если захотят выдать нас царю?

— Будет то самое, что было бы, если б мы на месте стали подговаривать старшин и казачков пристать к нам и если б один из тысячи задумал нам изменить. Разница в том, что теперь нам легче будет, при слабой помощи, избегнуть предательства и бежать к шведам, нежели в то время, когда Карл был далеко, а вокруг нас русские войска. Теперь, в случае

неудачи, я беру на себя одного всю ответственность и не подвергну друзей моих несчастью, за привязанность и доверенность ко мне. Не удастся — и один глоток яду покроет все мраком! Я довольно жил, друг Орлик, довольно наслаждался жизнью, чтоб жалеть ее! Я играю в кости. Смерть или корона!..

Мазепа замолчал, и Орлик стоял перед ним, опустив голову, волнуемый различными противоположными мыслями и чувствами, не смея ему противоречить и не изъявляя своего согласия. Между тем начало светать.

— Вели войску приготовиться к выступлению в поход, по первому трубному звуку; а как все будет готово, то пускай паны старшины и полковники придут ко мне, в нарядной одежде.

Орлик, не отвечая ни слова, вышел из избы и велел трубачам трубить зорю, а к полковникам и старшинам разослал вестовых с приказанием гетмана.

Через два часа войско стояло в боевом порядке, а старшины и полковники собрались перед жилищем гетмана. Вынесли бунчук, большое знамя войсковое и серебряные ли-

тавры. Орлик дал знак, чтоб старшины и полковники сели на коней. Вышел гетман в богатом польском кунтуше с голубою лентою чрез плечо и звездою ордена Белого Орла, с булавою в руке. Два есаула подвели ему коня, а третий поддерживал стремя. Бодро вскочил на коня Мазепа и, приветствовав собрание, поехал шагом к войску, предшествуемый литаврщиком, бунчужным и хорунжим, со знаменем. Прочие старшины и полковники ехали с тылу.

Войско приветствовало гетмана радостными возгласами, думая, что его поведут немедленно в бой, противу шведов. Мазепа остановился на середине и велел всем полкам, вытянутым в одну линию, составить круг. Орлик объявил, что гетман хочет говорить с войском. Настала тишина. Мазепа произнес следующую речь:

— Товарищи! Мы стоим теперь над двумя безднами, готовыми поглотить нас, если не минуем их, избрав путь надежный. Воюющие государи до того ожесточены друг против друга, что падет держава побежденная. Важное сие событие последует в нашем отечестве,

пред глазами нашими. Гроза наступает. Подумаем о самих себе! Когда король шведский, всегда победоносный, уважаемый, наводящий трепет на всю Европу, одержит верх и разрушит царство русское, мы поступим в рабство поляков, и оковы, которыми угрожает нам любимец короля Станислав Лещинский, будут тягостнее тех, кои носили предки наши! Если допустим царя московского сделаться победителем, чего должно ожидать нам, когда он не уважил в лице моем представителя вашего и поднял на меня свою руку? Товарищи! Из видимых зол выберем легчайшее. Уже я положил начало благосостоянию вашему. Король шведский принял Малороссию под свое покровительство. Оружие решит участь государей. Станем охранять нашу собственную независимость. В шведах мы имеем не только друзей и союзников, но благодетелей. Они ниспосланы нам самим Богом! Позаботимся о пользах своих, предупредим опасность. Этого требует от нас потомство. Страшимся его проклятий! Мазепа кончил речь, и молчание в войске не прерывалось. Старшины посматривали друг на друга с

недоверчивостью, и каждый полагал, что он один только непричастен открытой тайне, а потому не смел изъяснить своего образа мыслей. Простые казаки и низшие офицеры думали, что все старшины и полковники, прибывшие торжественно с гетманом, согласны с ним, а потому готовы были беспрекословно повиноваться общей воле своих начальников. На сие внезапное впечатление рассчитывал гетман — и не ошибся. Когда Орлик и несколько приверженцев возгласили ура гетману, все войско повторило сей возглас, и когда Мазепа поворотил коня на дорогу к Горкам, и воскликнув:

— За мной, братцы! — устремился вскачь к польской границе — все поскакали за ним.

И Черниговский полковник Полуботок был при гетмане. Внезапность сего события поразила его, и быстрота в исполнении гнусного замысла отняла все средства к противодействию. Но когда, перешед границу русскую, гетман поехал тихим шагом, тогда Полуботок вдруг своротил с дороги и закричал:

— Стой! Ко мне, братья черниговцы!

Все войско остановилось. Мазепа с изумле-

нием и недоверчивостью устремил взор на Полуботка, который, обратясь к войску, сказал:

— Что вы делаете, безрассудные! Лукавый попутал вас устами клятвопреступника, и вы, не размыслив о судьбе жен и детей ваших, забыв душу свою — стремитесь на общую гибель! Если сердца ваши так закрепили в измене, что вы не хотите слушать гласа истины и совести — пролейте кровь мою! Не хочу пережить бесславия Малороссии и прошу у вас смерти. Но прежде, нежели убьете меня, выслушайте! Только один царь православный на целом свете, и вы, православные, изменяете вашему царю, и вы, поверив прельщению дьявольскому, идете служить папистам и лютерам противу главы и защитника нашей церкви, противу единокровного царя и братии наших по вере и по происхождению! Сия измена и предательство хуже Иудиной, ибо Иуда, предав Христа Спасителя, не проливал сам крови его, а вы присоединяетесь к врагам помазанника Божия, царя православного, и должны будете, вместе с иноверцами, проливать кровь братии ваших, предводимых са-

мим царем! Не один стыд в потомстве и проклятие церкви ожидают вас, но и гибель отечества нашего будет следствием вашей гнусной измены! Хотя бы шведский король и остался победителем, но все-таки он не покорит целой России и не останется в ней навсегда. Он должен будет возвратиться в свое ледяное царство, и тогда Польша овладеет Украиной, если русский царь не будет в силах или не захочет защитить нас. Помните, что, поддаваясь шведу, мы поддаемся Польше. Нет, друзья и братья, не изменять должны мы русскому царю, чтоб выбиться из его подданства, но служить ему верою и правдою и умолять его, чтоб он не лишал нас своей державной защиты и не исключал из верноподданства, ибо Малороссия может быть счастливою только под державою царя православного и единоплеменного. Братья и друзья! кто верен Богу, совести и родине — за мной — к царю!

При сих словах Полуботок ударил коня и устремился в обратный путь. Множество казаков последовало за ним, с шумом и криком.

— Ударим на них, истребим упорнейших и заставим других возвратиться! — сказал Вой-

наровский, обращаясь к гетману.

— Нет, племянник! Я не хочу начинать дела пролитием братней крови, междоусобицей! — сказал Мазепа. — Пусть себе они идут к царю! Универсалы мои возвратят всех их под мое гетманское знамя! Вперед!

Войско разделилось почти на две равные части. Одна половина поскакала в тыл, другая — с Мазепою, в шведский лагерь.

На другой день, по выступлении Мазепы из Батурина, Огневик с ватагой своей, состоящей из пятидесяти неустрашимых казаков палеевских, приблизился к Бахмачу и остановился в лесу. По совещании с Марией он решился воспользоваться первыми сутками после отсутствия гетмана и всех старшин из столицы войска, пока успеют привести все в прежний порядок, расстроенный внезапным походом гетмана. Начальство над Батурином вверено было полковнику Чечелу, а в замке Бахмач оставался по-прежнему есаул Кованько, с сотнею сердюков. Огневик вознамерился напасть на замок в ту же ночь, а между тем Мария отправилась в Батурин. Она выдумала следующее средство к овладению замком.

Один из чиновников войсковой канцелярии был ей предан совершенно. Он должен был написать приказание Кованьке, от имени гетмана, принять десять конных казаков для рассылок. Канцелярист умел подделывать почерк Мазепы, а Мария имела у себя подложную войсковую печать. Лишь только бы Кованько отворил ворота в Бахмач, для пропуска посланных будто бы гетманом казаков, они должны были броситься на стражу и в сие время ватага Огневика ворвалась бы в замок и овладела им. Мария отправилась в Батурин со светом и должна была присоединиться к ватаге вскоре после полудня.

Мария поехала в Батурин в небольшой тележке, запряженной в одну лошадь, управляемою мальчиком лет двенадцати. Она не отыскала преданного ей канцеляриста, который, пользуясь отсутствием войскового писаря, в то же утро отправился со знакомыми, за город. Не дождавшись возвращения его до вечера и зная, что подозрительный Огневик станет беспокоиться в ее отсутствие, Мария решила ехать к нему, объявить о случившемся и отложить исполнение предприятия до

следующего дня.

Немой татарин видел ее в городе и скрытно следил за нею. Когда она выехала за городские ворота по дороге к Бахмачу, татарин вскочил на коня, вооружился и поскакал вслед за нею.

При въезде в лес он догнал ее.

Мария ужаснулась. Хотя немой татарин долгое время служил ей в тайных делах и даже изменял для нее своему господину, но внезапное появление его в это время, когда она полагала, что он в походе с гетманом, привело ее в трепет, и какое-то мрачное предчувствие сжало ее сердце. Татарин, опередив телегу, дал знак, чтоб она остановилась.

Мария исполнила его желание. Татарин слез с коня, привязал его к дереву и с язвительною улыбкою на устах, устремив быстрый взгляд на Марию, приблизился тихими шагами к телеге, остановился, отступил шаг назад, захохотал злобно и быстро, с размаху, как тигр, вскочил на телегу, одной рукой схватил за горло Марию, а другою мальчика, прыгнул с ними на землю, обнажил ятаган, и, едва Мария успела испустить пронзитель-

ный вопль, он уже отрезал ей голову и пробил грудь малолетнему ее слуге. Татарин, совершив сие двойное убийство, в мгновение ока поднял за волосы голову Марии, любовался своею добычею и положил голову в кожаный мешок, бывший при седле.

Увязывая мешок, он заметил, что подпруги при седле его ослабли и одна из них лопнула. Он стал переседлывать лошадь.

Вдруг послышался конский топот, и, прежде нежели татарин успел отскочить в чащу леса, четыре всадника прискакали на место убийства.

Это был Огневик с тремя товарищами. Не дождавшись Марии и сгорая нетерпением, он поехал к ней навстречу, слышал пронзительный вопль, полетел стрелой, но не успел спасти ее.

Огневик узнал татарина, наскочил на него, взмахнул саблей, и татарин, избегая удара, упал на колени и, простирая руки, просил помилования взорами и знаками. Товарищи Огневики прискочили туда же, повалили на землю трусливого злодея и сели на руках и на ногах его.

Огневик слез с коня и подошел к трупку несчастной. С ужасом и сожалением он стоял над обезглавленным телом, истекающим кровью, и слезы катились по лицу его. Он догадывался, что сие убийство есть месть Мазепы за избавление его от яда.

— Друзья! — сказал он казакам. — Делать нечего — злодеяние совершилось, по крайней мере преступник не избегнет казни. Повесьте его на дереве!

Казаки отвязали аркан от седла, сделали петлю и, накинув на шею татарину, хотели вязать ему руки.

Он страшно завизжал, выхватил из-за пазухи ключ (тот самый, который дал ему Мазепа при отъезде, чтоб отпереть тюрьму Натальи в Бахмаче) и, показывая этот ключ Огневику, делал быстрые движения руками, прикладывая их к сердцу, силился что-то произнести; показывая на дорогу в Бахмач... Но его не понимали ни казаки, ни Огневик.

— Это, верно, ключ от казны гетманской, — сказал один казак.

Татарин сделал отрицательный знак, указывая на Огневика и прикладывая руку к

сердцу... но его не понимали.

Огневик подошел к нему, выхватил ключ и закричал грозно:

— В петлю злодея!

В минуту татарин уже висел на суку, и один из казаков, чтоб скорее кончить дело, схватил висельника за ноги и дернул изо всей силы.

Тело Марии и несчастного слуги ее зарыли в яме под деревом, на котором повесили убийцу, и Огневик с грустью в сердце поскакал к своей ватаге.

В тот же вечер двое горожан, возвращаясь в Батуриин с ближнего хутора, увидели татарина, висящего на дереве, над свежей могилою, и дали знать об этом полковнику Че-челу.

Весть о сем разнеслась по всему городу, и все радовались погибели ненавистного татарина, страшась за другую жертву, ибо каждое семейство имело отсутствующего члена. Когда на другое утро Чечел выслал отряд казаков, чтоб предать земле тело татарина и узнать, кто лежит в свежей могиле, множество жителей поспешило на место злодейства. Все поражены были ужасом, отрыв тело

Марии и ее слуги и найдя отрезанную голову в кожаном мешке. Как Мария слыла в народе чародейкою, а татарин был не христианин, то легковерный народ приписал убийство дьяволу и не хотел поставить креста на могиле.

Один Кондаченко разгадал истинную причину этого события и сообщил свои подозрения полковнику Чечелу, объявив о поручении, данном гетманом, умертвить Марию и Огневика, скитающегося в окрестностях Бахмача. О Наталье Кондаченко вовсе не помышлял. Чечел и Кондаченко не сомневались, что убийство Марии есть дело татарина и наверное полагали, что он погиб от руки Огневика. Догадки сии подтвердились полученным в тот же день известием от поселян, видевших толпу запорожцев, укрывшихся в лесу. Чечел послал Кованьке приказание быть осторожным в Бахмаче и, не имея конных казаков, не мог послать погони за запорожцами, он запер городские ворота и расставил кругом крепкие караулы. Огневик, узнав, что пребывание его в окрестностях дошло до сведения властей, удалился в степи, по направлению к Белой Церкви.

Прошло восемь дней от убийства Марии, и вдруг в Батурин прискакал гонец от гетмана с известием, что он поддался с войском под покровительство короля шведского. Полковнику Чечелу приказано было защищать Батурин от русских до последней капли крови и распространить в народе универсалы гетмана и короля шведского, в которых изложены были причины и пользы соединения со шведами и обещаны новые вольности и права народу Малороссийскому. Универсалы уже были напечатаны прежде и хранились в одном шкафу войсковой канцелярии. Гетман писал к Чечелу, что он надеется на его верность и потому производит его в генералы и отдает в вечное владение все вотчины полковника Полуботка, которого назвал в письме изменником и отступником от народа малороссийского.

Ужасное смятение возникло в народе при получении этого известия и при чтении универсалов. Буйные люди рады были случаю к ниспровержению порядка и послушанию властям; смиренные, честные, богобоязливые устремились клятвопреступления и измены,

предвидя гибель отечества. Жители Малороссии разделились на партии, неприязненные одна другой. Одни утверждали: что *гетман благ есть*; другие говорили: что *он льстит и обманывает народ* Слова современных летописей... От споров дошло до драк, и прежде нежели универсалы русского царя проникли в Малороссию, уже все благомыслящие люди приняли его сторону.

Полковник Чечел, есаул Кованько и сердюки пребыли верными гетману. Батурин и Бахмач снабжены были всеми средствами к защите. Чечел выгнал из города всех подозрительных горожан и решился сопротивляться русскому войску до последней крайности, если оно обратится к Батурину.

Огневик, пользуясь случаем, вышел с ватагою своею из мест, где укрывался, и, приглашая всех сынов Украины быть верными русскому царю и громить изменников, собрал в несколько дней дружину в несколько тысяч человек. Он подступил к Бахмачу, требуя именем царским сдачи замка и приглашая казаков соединиться с ним под хоругвь Палея, которого скорый возврат он возвещал всем вер-

ным украинцам и малороссиянам. В самом деле, при первом известии об измене Мазепы, Огневик написал прошение к царю, от имени всей Украины, о помиловании Палея и послал его чрез Киев, в главную квартиру, не сомневаясь в правосудии царя и в успехе своего предприятия.

Есаул Кованько отвергнул предложение Огневика, но в числе его подчиненных было много приверженцев Палея, гнушавшихся изменою. Они отперли ночью ворота замка, опустили подъемный мост и впустили в замок Огневика с его дружиной.

Кованько с преданными гетману казаками заперся в доме и отстреливался до утра. Тогда Огневик с саблею в руке устремился на приступ, со старыми палеевцами, и чрез несколько минут дом был взят, большая часть упорствующих казаков перебита, и Кованько, израненный, попал в плен.

Огневик не велел употреблять огнестрельного оружия при штурме дома, опасаясь, чтоб в перестрелке не подвергнуть Наталью опасности. Овладев домом, он велел привести пред себя Кованьку и спросил:

— Где Наталья, дочь гетмана?

Кованько смотрел ему в глаза с удивлением и спросил:

— А разве она здесь?

— А где же она может быть? — воскликнул с нетерпением Огневик. — Разве ты отправил ее куда-нибудь, по выезде отсюда гетмана?

— Я не видал ее с того времени, — отвечал простодушно Кованько. — Здесь оставалась княгиня Дульская и какой-то польский пан; но они, узнав, что гетман уехал ночью в Батурин, тотчас бежали в Польшу, а о Наталье я вовсе не слыхал, где она девалась, и думал, до сих пор, что гетман выслал ее в ту же ночь из Бахма-ча...

— Нет, я знаю, что он не увез ее с собою!.. — сказал Огневик, едва удерживая свое нетерпение.

— Ну, так после гетманского отъезда ни одна душа, кроме пани Дульской и польского пана, не выходила из Бахмача. Это верно, как Бог на небе!

— Лжешь!.. Говори правду!.. Признайся, где она... или я тебя растерзаю на части!.. — завопил Огневик в бешенстве, ухватя за волосы

Кованьку и потрясая саблею.

— Бей, режь на части! Твоя воля и твоя сила!.. — сказал хладнокровно Кованько, — но я не знаю, где Наталья, и готов присягнуть на этом!

— Братцы, берите топоры и ломы, разбивайте все двери, обыщите все углы в доме! — сказал Огневик, обращаясь к своей дружине. — Все ваше, что найдете здесь... откройте только убежище Натальи... Она должна быть здесь!..

Во всех концах дома раздался стук и треск, шум и вопли: двери слетали с крюков, шкафы и сундуки распадались на части, драгоценные вещи, серебро, оружие, одежды расхищались, ломались, раздирались буйными хищниками, которые дрались между собою за добычу... Огневик ничего не видел и не слышал: он перебегал из комнаты в комнату, искал Натальи и кликал ее громогласно.

Толпа остановилась перед железной дверью, ведущею в башню.

— Здесь казна гетманская! — закричал один казак, и топоры застучали. Но дверь противилась всем усилиям. Стали ломать сте-

ну, чтоб вынуть крюки, на которых укреплена была дверь, но стена в сем месте складена была из дикого камня, на котором ломались орудия. В это время подошел к двери Огневик с Москаленко: «Здесь должна быть казна гетманская, итак, попробуем ключа, который мы отняли у татарина. Я сохранил его в надежде побывать в Бахмаче — и так и случилось...»

С этими словами Москаленко добыл ключ из сумы, вложил в замок, повернул, и дверь со скрипом отворилась. Жадная грабежа толпа с воплями бросилась стремглав в двери... и вдруг, как будто встретив под ногами пропасть, быстро подалась назад, толкая стоящих позади. Водворилась тишина. На всех лицах изображался ужас... Некоторые казаки закрыли лицо руками, другие крестились.

— Пустите меня! — сказал Огневик. Толпа раздалась, и он вошел в дверь.

Если б сердце его пробили раскаленным железом, если б кровь его превратилась в пожирающее пламя, он не ощущал бы больших мучений, какие произвело в нем зрелище, открывшееся его взорам, при вступлении в дверь... На полу лежал иссохший труп, с от-

крытыми глазами, с отверстыми устами, на которых видна была запекшаяся кровь... На лице остались следы ужасных судорог... Руки были изглоданы... Это были несомненные признаки голодной смерти... В сем обезображенном трупе Огневик узнал — Наталью!..

Несколько минут Огневик стоял неподвижно, как оглушенный громом. Страшно было взглянуть на него! Лицо его покрылось сперва смертною бледностью, взор померк, он задрожал, и вдруг глаза его налились кровью, щеки запылали, из груди излетел глухой стон, и он бросился на труп, схватил его в объятия и стремглав побежал из комнаты. Никто не смел остановить его. Выбежав на двор, с драгоценною ношею, он закричал:

— Коня! моего коня!

Казак подвел ему коня. Огневик завернул труп в свой кобеняк, перевалил его чрез седло, вскочил на коня и понесся из замка во всю конскую прыть.

Глава XVI

*...Нет! в твой век
Уж не бунтует кровь: она покор-
на
Рассудка воле; виден ли ж рассу-
док
В такой замене? Ты имеешь
смысл —
Имея мысли — но он спит сном
мертвым.
Здесь и безумство истину бы зре-
ло,
И никогда не меркнул столь ра-
зум,
Чтоб в выборе подобном заблуж-
денью
Причастным быть мог. О! какой
же демон
Тебя так злобно, дивно ослепил?*

*Шекспиров Гамлет (перевод М. Врон-
ченко)*

Восемь человек казаков ехали верхом по ле-
су, без дороги, наудачу, с трудом пробира-
ясь между деревьями. Двое из них были изра-
нены и едва держались на лошади. Усталые

кони чуть передвигали ноги. Поднявшись на кургане, один из казаков завидел вдали воду.

— Ура, братцы! Мы спасены! — закричал он громко. — Река, река!

Казаки перекрестились.

— Река доведет нас непременно до какого-нибудь села, — сказал один из казаков, — а как солнце еще высоко, то, может быть, мы попадем на ночлег в живое место.

— А если село занято шведами или изменниками запорожцами? — возразил другой казак.

— Ну так мы поедem в другое село, — примолвил первый казак. — Важное дело в том, чтоб попасть на дорогу к жилым местам и выбиться из этого проклятого леса, а ведь река — та же дорога. Это, верно, Сула, потому что как мы бросились в лес, то Ромны оставались у нас направо, а мы ехали все прямо.

— Дай-то Бог, чтоб это была Сула!

Это было в начале весны 1709 года. Вода в реке поднялась высоко и ускоряла ее течение. Нельзя было помышлять о переправе, а потому казаки, утолив жажду, отдохнув и напоив коней, поехали вдоль берега, по течению ре-

ки. Солнце уже начинало садиться, но казаки не нашли еще ни дороги, ни даже стези. Они уже намеревались провести ночь в лесу, как вдруг, вдали на берегу реки, показался дым. С радостью поспешили казаки в то место.

Выбравшись на поляну, они увидели, что дым выходил из землянки, вырытой на скате крутого берега. Казаки подъехали к землянке и стали громко звать хозяина. Вышли два человека. Один из них был старец в ветхой монашеской рясе, с четками в руке, в черной скуфье, подбитой лисьим мехом; другой в цвете лет, но бледный, исхудалый, с черною бородою, в изношенной казацкой одежде. Начальник прибывших казаков пристально всматривался в младшего отшельника и вдруг, бросив поводья, сплеснул руками и громко воскликнул:

— Так! я не ошибаюсь! Это Богдан! Это наш Огневик!.. Отшельник поднял глаза, потом опустил голову на грудь, как будто припоминая что-нибудь, и наконец протянув руку к начальнику казаков, сказал:

— Здравствуй, Москаленко! Я не думал увидеться с тобою в здешней жизни. Какими

судьбами занесло тебя в эту пустыню?

— Я тебе расскажу это после, — отвечал Москаленко, соскочив с лошади и бросившись обнимать Огневика. — Слава Богу, что я нашел тебя! — примолвил Москаленко. — У меня есть для тебя хорошие вести!

— Я не жду и не надеюсь добрых вестей в здешнем мире, — отвечал Огневик. — Я умер для света!..

— Пустое, брат! — возразил Москаленко. — Ты волен отказаться от света во всякую пору, но не можешь отказаться от отечества, когда оно в опасности, когда чужеплеменник раздирает и язвит его железом и пламенем, когда угрожает ему рабством... Огневик! Отечество — вот первая святыня, драгоценнее души и жизни, а наша святая Русь теперь в опасности, наша Русь призывает сынов своих к оружию... Нет, Богдан! Бог и царь, вера и закон повелевают тебе возвратиться под знамена нашего прежнего военачальника, нашего батюшки, старика Палея...

— Как! Палей жив, Палей возвращен!.. Слава Богу! Теперь я умру спокойно!.. — воскликнул Огневик.

— Так, Палей снова на коне, Палей в прежней славе! Но и Палей, и все наши удальцы то и дело что вспоминают о тебе... Я тебе расскажу обо всем подробнее, только, ради Бога, накорми нас и призри моих раненых... Но я от радости и позабыл о хозяине... Благослови, святой отец! — Москаленко подошел к старику схимнику и поцеловал его руку. Старец осенил его крестом.

— Милости просим! — сказал Огневик. — Но вы у нас ничего не найдете, разве немного рыбы и муки...

— Чего же более! — вскричал один из казаков. — Коли есть мука, так будут галушки. Без того нам пришлось бы глодать кору или жевать мох в этом проклятом лесу...

Казаки слезли с коней, привязали их к деревьям и стали разводять огонь и делать для себя шалаш. Схимник пригласил раненых и Москаленку в свою землянку, сам перевязал раны страждущих и отдал Москаленке весь запас свой, мешок муки и лукошко сушеной рыбы. В землянке подложили дров на очаге и один из казаков стал варить пищу, между тем как другие искали корму для коней. Тщетно

Москаленко старался возбудить любопытство в Огневике и заставить его самого рассказать свои приключения, со времени взятия Бахмача. Огневик не спрашивал его ни о войне, ни о старых товарищах и не хотел отвечать на вопросы. Он был угрюм и грустен, сидел на обломке дерева, потупя глаза, и, казалось, не замечал происходящего вокруг него. Вопросы Москаленка как будто тревожили его. Казалось, что Огневик в уединении своем отвык от человеческих речей. Когда поставили ужин и казаки собрались в землянку, Огневик вышел и углубился в лес.

После ужина казаки вышли из землянки, и в ней остались только схимник и Москаленко.

— Давно ли находится здесь мой товарищ? — спросил Москаленко.

— Более года.

— Кажется, что пустыня не исцелила души его?..

— Я исцелил тело его, а душу исцелит вера. Теперь, благодаря Бога, он уже помнит себя и может молиться. Но я встретил его в ужасном положении, — примолвил старец, — и до сих

пор не знаю, кто он, откуда и что за труп привез он сюда. Я почитал его преступником и не хотел растравлять сердечных ран его рассказами, а старался только пролить утешение в его душу...

— Нет, он не преступник, — возразил Москаленко, — а несчастный. Он жертва чужого преступления. — При сем Москаленко рассказал старцу про любовь Огневика к Наталье и про несчастную ее кончину.

Старец прослезился и погрузился в думу.

— Ужасно действие, но еще ужаснее последствия необузданных страстей, — сказал старец. — Я видел это на друге твоём. По прошлой осени я бродил однажды по лесу, — примолвил старец, — собирая целительные травы, и, утомясь, сел отдыхать под деревом. Внезапно ветер переменился и меня обдало сильным запахом гнилости. Желая исследовать причину, я пошел противу ветра и — набрел на ужасное явление. На поляне лежал издыхающий конь и возле него сидел, на камне, человек с включенными волосами, с зверским взглядом, бледный, изнуренный... Он держал на коленях полусогнивший труп жен-

щины... это был друг твой!

С трепетом приблизился я к нему, решившись, хотя бы с опасностью жизни, исполнить христианский долг и помочь несчастному. Он был в беспамятстве, в онемении чувств. Дико смотрел он на меня — и не видал ничего перед собою, кроме трупа; он не слышал речей моих и тогда только опомнился, когда я хотел вырвать труп из его объятий. Страшным, пронзительным голосом завопил он тогда, сжимая труп, и наконец упал без чувств... Я воспользовался этим временем, чтоб зарыть в землю мертвое тело... и с великим трудом перетащил несчастного в мою землянку. К ночи открылась в нем сильная горячка.

Болезнь его была трудная, и бред, в минуты исступления, ужасен!.. Он беспрестанно видел перед собою кровь, убийства, пожары, терзания... вопил о мести и грыз себя, воображая, что раздирает врагов своих. Много мне стоило труда беречь его от самоубийства! Учась смолоду врачеванию недугов, я истощил все мои познания и средства, чтоб исцелить несчастного, и Господь благословил труд

мой. Но грусть налегла на его сердце, и только одна вера и молитва поддерживают его существование. Он почти безмолвен и проводит все время на могиле погребенной мною женщины. Я всегда сожалел об нем и молился за него, но теперь, узнав, что он чист душою, вдвое более скорблю о несчастном. Все от Бога — помолимся Ему! — Старец стал молиться, Москаленко клал земные поклоны.

Помолившись Богу, Москаленко просил старца проводить его на могилу Наталии. Они вышли в лес, и, пройдя с полверсты, старец указал ему Огневика, стоящего неподвижно между кучею камней. Москаленко пошел туда один.

Огневик находился в забвении. Он смотрел на безоблачное небо, на ясный месяц и поворачивал голову на все стороны, как будто ища на небе образа своей Наталии. Слезы текли по лицу его, но на устах была улыбка — улыбка, выражающая не радость сердца, но надежду и тихую грусть, питающуюся мечтами. Он не заметил приближения Москаленки, который, став рядом с ним, усердно молился.

Наконец Огневик увидел своего товарища и как будто внезапно проснулся. Воспоминания ожили в душе его: он громко зарыдал и бросился в объятия Москаленки.

Долго они стояли в безмолвии друг против друга, и наконец Огневик, указав рукою на камни, сказал тихо:

— Она здесь!

— А убийца ее и твой гонитель еще жив и упивается кровью наших собратий, — отвечал Москаленко с сильным чувством. — Тебе, Богдан, воину и вольному сыну степей, постыдно лить слезы на могиле жертвы злодейства, когда должно мстить за нее, за себя и за благодетеля твоего, Палея, мстить, вместе с нами, за оскорбленное отечество...

Огневик воспламенился словами Москаленки. Это были первые слова мести, услышанные им со времени смерти Натальи.

— Мечь и смерть!.. — воскликнул он.

— Смерть, казнь и позор Иуде-Мазепе! — сказал с жаром Москаленко. — Нет греха убить его, как нет греха убить дикого зверя. Мазепа предан церковью анафеме, проклят из рода в род... Палей завещал тебе мщение

в подземелье Кармелитского монастыря; смерть Наталии требует очистительной жертвы. Кровь за кровь — казнь за казнь!

— Кровь за кровь! — возопил с бешенством Огневик. — Иду с тобою, — примолвил он, схватив за руку Москаленко. — Казнь за казнь! Смерть злодею!

Москаленко прижал его к сердцу.

Огневик был в сильном волнении. Вырвавшись из объятий Москаленки, он бросился на колени и, воздев руки к небу, сказал громко:

— На этом священном для меня месте, где я вскоре надеялся слечь, клянусь отмстить за все зло, нанесенное мне Мазепой, и собственными руками умертвить чадоубийцу — предателя, изменника отечеству...

— Аминь! — сказал Москаленко.

Огневик встал и с видом спокойствия возвратился к землянке. Они шли в безмолвии. Пришед на берег, Огневик сел рядом с Москаленкой на камнях и, помолчав несколько, сказал:

— Ты верно любопытствуешь знать, как я зашел сюда? Я сам не знаю! Схватив в объятия труп Наталии, я поскакал... Сердце мое

рвалось от бешенства и злости, в голове кружились черные мысли. Я хотел убить Мазепу, себя... кипел мстью противу всего человеческого рода... Помню только, что я отрубил саблею косу Натальи и обвинил вокруг моей шеи... Помню, что конь пал подо мною... И наконец я проснулся — в землянке отшельника. — Огневик замолчал и задумался. Слезы навернулись у него на глазах, и он продолжал: — Мне тяжело будет расставаться с могилою Натальи! Я решился было провести здесь остаток жизни, в посте и молитве. Ты заставил меня переменить мое намерение. Возвращаюсь в свет, ненавистный мне... еду с тобою! Но расскажи мне, что делается между людьми, что случилось с Украиной, с Палеем, с царем... Где неприятель? Я в это время не жил, никого не видал, ничего не слышал!

Москаленко начал свой рассказ:

— После того, как ты оставил нас в Бахмаче, ватага наша присоединилась к войску царскому. В это время дело шло о выборе гетмана, на место Мазепы. Мнения в войске и между старшинами были не согласны. Народ хотел Палея, а старшины намеревались вы-

братъ Полуботка. Но царь не захотел ни того, ни другого. Оба они казались опасными. О Полуботке царь сказал: «Он слишком хитер и может сделать то же, что Мазепа». Царь приказал выбрать Скоропадского, полковника Стародубовского, человека доброго, но слабодушного, с умом ограниченным. Войском Малороссийским управляют воеводы русские, а гетман поставлен только для вида. Много недовольных между старшинами, и все опасаются, чтобы пророчество Мазепы не сбылось, то есть, чтоб после войны не было с нами того же, что случилось со стрельцами.

Царь получил письмо твое и тотчас приказал уволить Палея. Ему возвращен Хвостовский полк. Цепи не охладили его крови, и ссылка не усыпила в нем отваги. Сильна душа его — но тело ослабело в страданиях. Уже он не тот бодрый и неутомимый воин, который в старости превосходил нас, молодых, в искусстве владеть конем и саблею. С трудом держится он на коне, но не престаёт помышлять о благе войска. Он хочет подать царю челобитную о нуждах нашего края и просить его о восстановлении древних привилегий.

Ты крайне нужен ему.

Вторжение шведов в Украину и измена Мазепы сначала поразили страхом всех — кроме царя! Кажется, он ждал Карла в России, приказав войскам своим уходить перед шведами из Польши и сражаться только при крайней необходимости. Никогда король шведский не был так силен, как в то время, когда выступал из Саксонии, с намерением свергнуть царя с Московского престола. С ним было сорок тысяч опытных воинов, из коих каждый привык сражаться противу десятых врагов — и побеждать. Шведский генерал Левенгаупт шел за ним с двадцатью тысячами войска и бесчисленными запасами. Мазепа обещал шведскому королю тридцать тысяч казаков и всю Сечь Запорожскую. Карл XII шел в Россию, как на пиршество, и думал, что вся трудность при завоевании русского царства состоит в непроходимых путях и больших расстояниях. Жаждая русской крови, король шведский с быстротою тигра спешил за отступающими русскими отрядами и в самое неблагоприятное время, осенью, углубился в леса и болота литовские. Голод, труды, болез-

ни и русские штыки на каждом шагу уменьшали число шведов, и когда король пришел на Десну, то, как мы после узнали, войско его уже находилось в крайности, быв принуждено бросить в лесах и болотах большую часть пушек, обозов и съестных и боевых припасов. Король надеялся на Мазепу. Он явился не как сильный союзник, а как беглец, ищущий убежища и защиты от угрожающей ему казни. Запасы, снаряды, оружие и казна, приготовленные Мазепою для шведов, достались русским. Батурин, Ромны, Гадячь, Белая Церковь взяты русскими приступом и приверженцы изменника побиты без пощады. Настала зима, какой не запомнят старики, и шведы дошли до крайности. Помощь и обозы с казною и припасами, которые вел Левенгаупт, достались также русским, и едва несколько тысяч шведов спаслись. Отряд Левенгаупта разбит наголову! С Польшей пресечено всякое сообщение. Мазепины козни кое-как поддерживали шведов, но когда они стали грабить поселян, то и последние приверженцы Мазепы от него отступились. Народ, в свою очередь, восстал противу грабителей и бьет их, где только

может. Без всякой пользы шведы переходили с места на место и проливали кровь, чтоб овладеть пустыми городами и селами, а между тем русское войско укреплялось и устраивалось. По несчастью, Мазепе удалось недавно склонить к бунту кошевого атамана запорожцев Гордеенку. Слух об этом пронесся в нашем войске, но царь не хотел верить. Меня послали с малым отрядом в тыл шведской армии, чтоб разведать об этом основательно. Нечаянно напала на меня сильная ватага запорожцев. Они требовали, чтоб я сдался, но мы пробились сквозь них и рассеялись в лесу, условившись, чтоб каждый поспешал своим путем к войску и уведомил об измене запорожцев. Таким образом я попал сюда!..

Шведский король осаждает теперь Полтаву, где хранятся запасы русского войска. Если он возьмет город, то дела его поправятся; если же город устоит до тех пор, пока царь успеет подойти на помощь, то будет решительная битва... Надеюсь, что мы еще поспеем на этот пир!

На другой день Огневик взял коня и оружие одного тяжело раненного казака, не мог-

шего продолжать путь, и отправился с Москаленкой к русскому войску.

Шведский лагерь под Полтавою находился на западе от города и прикрывался редутами. В первой линии расположена была отборная шведская пехота, а по обоим крылам конница. В середине возвышалась ставка королевская. В некотором расстоянии за первой линией находился резерв из финских стрелков и эстлянских гренадер. За резервом, в полуверсте, помещался обоз, состоявший из крестьянских телег с военными тяжестями и с малым количеством съестных и боевых запасов. Обоз был прикрыт отрядом Мазепы. За обозом расположен был аррьергард, из нескольких тысяч пехоты и войска Запорожского, присоединившегося к шведам незадолго пред сим.

С падением могущества Мазепы исчез страх, которым окованы были сердца и уста его подчиненных. Из числа оставшихся при нем до сей поры старшин и полковников не было ни одного, который бы пожертвовал собою из любви и преданности к гетману. Одних увлекло честолюбие, других корыстолю-

бие, третьих ложно понимаемая любовь к родине, некоторых привычка повиноваться беспрекословно ужасному для всех гетману. Страх казни и надежда на гений шведского короля удерживали сих несчастных, преступных или заблудших от возвращения к долгу и присяге. Но все они, постигая важность принесенной ими жертвы, почитали Мазепу своим должником и хотя повиновались его приказаниям по делам службы, но обращались с ним почти так же, как со своим равным, позволяя себе говорить резкие истины и намеками упрекать в общем бедствии. Даже покорный, раболепный Орлик уже осмеливался иногда спорить со своим благодетелем и возражать ему. Низшие офицеры и казаки, которых осталось при гетмане не более полуторы тысячи, хотя терпеливее сносили всякого рода недостатки, нежели начальники, но, заразясь примером запорожцев, слабо соблюдали военную подчиненность, чувствуя, что они все делают не по долгу, а по собственной воле. Отряд Мазепы походил более на толпу бродяг, нежели на войско.

Мазепа огорчался сим расположением

умов, но сносил все терпеливо, будучи уверен, что с возрождением его могущества возобновятся в его подчиненных прежние чувствования и что с успехом оружия шведского вся Малороссия и Украина пристанут к нему и охотно подчинятся его власти. Еще Мазепа не отчаивался, хотя дела короля шведского и приняли неблагоприятный оборот. От взятия Полтавы зависела участь предстоящей кампании, ибо в сем городе находилось несметное число всякого рода запасов, в которых шведское войско терпело совершенный недостаток, а потому и не могло действовать наступательно. Многие опытные мужи, из приближенных Карла, верили, что после взятия Полтавы откроется путь в Москву, где ожидает их славный и полезный мир. Они не знали вовсе ни Петра, ни России! Плохо знал их и сам Мазепа, хотя и не разделял вполне надежд Карла и его приближенных.

В лагере приготовлялись праздновать день рождения шведского короля, 8 июня. Носились слухи, что в сей день объявлен будет приступ к городу, чтоб овладеть оным до прибытия царя, приближавшегося с сильным

войском. Но накануне король шведский, получив известие, что партия русских фуражиров показала в тылу лагеря, отправился противу их с конным полком, чтоб удостовериться лично, к какому отряду принадлежит эта партия, ибо слышно было, что царь с войском уже недалеко и спешит на выручку осажденного города.

Уже было около полудня, но король еще не возвращался из разъезда. Между тем казацкие старшины завтракали в ставке прилуцкого полковника Горленки, которому удалось достать хлеба и водки, почитавшихся тогда редкостями в шведском лагере.

— Выпей еще чарочку, пане писарь! — сказал хозяин. — В Батурине я бы попотчевал тебя чем-нибудь получше, а здесь прошу не прогневаться...

— Батурин!.. Не вспоминай о Батурине всуе, — возразил Орлик с тяжким вздохом. — Развалины его священи для казака: они облиты чистой казацкой кровью.

— Жалки не те, которые пали с оружием в руках, — сказал полковник Покотило, — а мы, мы, изгнанники, осужденные на казнь, отри-

нутые отечеством и церковью, в нужде, в бедствии, между иноплеменниками, терзающими нашу родину!..

— Перестань, псаломщик! — сказал с досадою Герциг. — Твоим жалобам нет ни конца, ни меры! Все одна песня на голос Иеремии... Кто нас отринул? Те, которые почитают нас изменниками своему царю и которых мы почитаем изменниками отечеству! Еще мы в чистом поле, еще владеем оружием — и дело наше еще не решено. Войско Малороссийское там, где хоругвь, где клейноды войсковые, где сам гетман и где хартии наши... Здесь только может быть суд и расправа между нами...

— Сказка, красная сказка, пане Герциг! — возразил Чуйкевич. — Правая сторона та, на которой сила. Наши хартии, наши войсковые клейноды разлетятся в прах от пушечных выстрелов, если король шведский не останется победителем... А обманывать нам друг друга не для чего. Успех Карла — дело сомнительное!

— Вот что правда, то правда, — примолвил Покотило. — Славны бубны за горами! Короля шведского представляли нам каким-то полу-

богом, а воинов его героями, неким чудом, людьми неуязвимыми, железными! Ну вот мы познакомились с ними покороче! Правда, нет равного Карлу — в упрямстве, а шведы хотя храбры — но смертны, и так же, как и мы, грешные, не могут жить на пище Св. Антония и не глотают русских пуль, а валяются от них, как и мы, негерои!.. Вместо того чтоб идти в Польшу, мы проголодали и продрогли всю зиму здесь, чтоб иметь удовольствие драться с русскими на наших пепелищах, за обгорелые головни, а теперь вот уже шесть недель стоим под Полтавой да ждем, пока попутный ветер не занесет к нам из города запах жареного...

— Срам подумать, что у короля сорок тысяч войска, а в Полтаве едва ли и пять тысяч русских!.. — примолвил Гор-ленко.

— Нечего дивиться, что мы попали впро-сак, поверив мудрости гетманской, — сказал Забелла, — но вот диво, как-то наш мудрый пан гетман попал сам в эту западню! Кажется, он до сих пор не ошибался в расчетах, какому святому и перед каким праздником должно ставить свечу и класть поклоны.

Раздался в толпе хохот.

— Уж правду сказать, что наш гетман жестоко ошибся в своем расчете, — сказал Журавковский. — Мне, право, стыдно за него, когда подумаю, чем он был и что он теперь! Ведь нас было тысяч до пяти, как мы перешли к шведам, а теперь нет и полуторы тысячи. Апостол и Галаган подали пример, так с тех пор, при всяком случае, казаки наши перебегают десятками в московский лагерь и скоро некому будет сторожить войсковые клейноды. Что толку, что вы, пане генеральный писарь, день и ночь пижете с гетманом универсалы и приглашаете всех присоединиться к нам! Вас не слушают ни казаки, ни украинские поселяне и, вместо того чтоб помогать нам, бьют шведов, где только удастся поймать их...

— А кто виноват! Зачем шведы грабят наших? — примолвил Забелла.

— Нужда заставляет брать насильно, когда не хотят даже продавать съестных припасов, — возразил Герциг. — Ведь мы просим и платим...

— Итак, вот лучшее доказательство, что

народ малороссийский и украинский не хочет быть заодно с нами и верен царю, — сказал Забелла. — Не испытывай броду, не суйся в воду.

— А у меня на уме все гетман, — примолвил Жураковский. — Господи, воля твоя, до чего он дожил! Был царьком, а теперь попал в обозные...

Забелла захохотал. Орлик сурово посмотрел на него, но не примолвил слова. Во все время он сидел в углу палатки, наморщив чело и насупив брови, слушал, но казался бесчувственным.

— Да, правда, не много чести нажили мы здесь, — примолвил Покотило. — Эти проклятые шведы смотрят на нас, как на своих холопей, и я не забуду, что мне сказал недавно шведский капитан, когда я упрекнул его, что он не снял шляпы перед гетманом. Любят измену, но не уважают изменников, отвечал мне швед...

— Кто осмеливается говорить об измене! — воскликнул Орлик грозным голосом, быстро вскочив с места и поглядывая на всех гневно.

— Шведы!.. — отвечал Покотило с лукавою

улыбкой.

В сию минуту вбежал казак и позвал Орлика к гетману. Он вышел, бросив грозный взгляд на целое собрание.

Убедясь в непоколебимой верности народа малороссийского к русскому царю и не доверяя счастью Карла XII, Орлик потерял надежду на успех замыслов Мазепы и с тех пор сделался угрюм и задумчив. Тайная грусть снедала его. Он не нарушал уважения и подчиненности к гетману, но уже не верил словам его, как прорицаниям. Мазепа ласкал его по-прежнему, но замечал в нем перемену, не доверял ему и даже подозревал в намерении оставить его и перейти на сторону русского царя.

Когда Орлик вошел в палатку, Мазепа сидел за своим письменным столиком.

— Садись, любезный Филипп! — сказал Мазепа, указывая на складной стул, стоявший возле стола.

Орлик сел, не промолвив слова.

— Надобно, чтоб ты выбрал человек десять надежных казаков, — сказал Мазепа. — Вот я сочинил универсал, который надобно пере-

писать и разбросать по городам... Я прочту тебе...

Орлик горько улыбнулся.

— Я знаю, что вы не напишете дурно, — отвечал он, — да что пользы в этих универсалах! Ведь мы более сотни универсалов, различного содержания, пустили в ход, и никого не убедили пристать к нам! Только напрасно подвергнем опасности рассыльщиков наших или, что еще хуже, дадим им случай бежать от нас... Нас и так весьма немного!..

Мазепа положил на стол бумагу, которую держал в руке, посмотрел пристально на Орлика, покачал головою, нахмурил брови и не отвечал ни слова.

Несколько минут продолжалось молчание.

— Орлик, ты не тот, что был прежде! — сказал Мазепа, смотря пристально на него.

Орлик молчал и потупил глаза.

— Ты не тот, что был прежде, — примолвил Мазепа, — ты забыл, Филипп, мою отеческую любовь к тебе, мою дружбу, мою доверенность... мои попечения о твоей юности, о твоём возвышении...

— Я ничего не забыл, — отвечал Орлик по-

спешно, — и предан вам по-прежнему...

— Ты предан мне по-прежнему! Верю! — сказал Мазепа, горько улыбнувшись, — но если ты не изменился в чувствах ко мне, то отчего же ты переменялся в речах, в поступках, даже в нраве? Ужели и ты упал духом?..

— Признаюсь, пане гетмане, что я не могу утишить голоса, вопиющего из глубины души моей!.. Этот голос беспрестанно твердит мне, что мы погубили себя и отечество...

— Этот голос есть глагол малодушия, отголосок себялюбия, — возразил Мазепа.

— Не упрекайте меня, ясновельможный гетмане, в малодушии! Не один я упал духом. Послушали бы вы, что говорят наши старшины, что толкуют казаки! С потерей надежды все мы лишились прежнего нашего могущества... Все поколебались!..

— А я остался тверд и непоколебим, — сказал Мазепа, подняв голову и перевалившись в креслах, посмотрев на Орлика гордо и погладив усы свои.

— Первая буря лишила вас мужества, и вы упали духом от града, а я презираю громы и молнии, — сказал Мазепа. — Вы осмеливае-

тесь роптать и плачете о рабстве, страшаетесь изгнания... Малодушные!.. И вы дерзаете помышлять о независимости!.. Теперь вижу, что эта пища не по вашим силам и что я должен был поступать с вами не как муж с мужами, а как лекарь с больными, как нянька с ребенком! В нескладном вашем ропоте вам бы надлежало вспомнить обо мне, сравнить участь нашу и тогда, может быть, рассудок просветил бы вас и вы устыдились бы своего малодушия... Подумал ли хотя один из вас о том, что я вытерпел без ропота, без жалоб, противупоставляя ударам судьбы мужество, о которое должны сокрушиться наконец ее орудия! Вспомни, что была Малороссия при прежних гетманах. Я украсил, укрепил и населил город, ввел порядок в управлении войсковым имуществом, обогатил казну, защитил слабого от сильного, учредил школы, просветил целое поколение — и народ забыл все это, оставил меня, предал в ту самую пору, когда я требовал содействия его для увековечения моих трудов, для его блага! Я обогатил духовенство, построил храмы Божий, украсил их-и духовенство прокляло меня, тогда как я вооружал-

ся на защиту их достояния! Собранные неусыпными трудами моими сокровища — расхищены, дома мои ограблены, вотчины у меня отняты, и имя мое, которое в течение двадцати лет произносимо было с уважением в целой России, — предано посрамлению, лик мой пригвожден к виселице!.. Мало этого!.. Неумолимая судьба не удовольствовалась этими сердечными язвами; она хотела испытать меня в самом сильном чувстве — и лишила меня последней отрасли... Дочь моя, моя Наталья, единственная радость моя в жизни, погибла в муках, от моей ошибки, от забвения, которое должно приписать какому-то чуду — и я не умер от горести... я даже не пролил слез перед вами... не показал вам грустного лица, сокрыл отчаянье во глубине души моей — и молчал! Вы похваляетесь вашим мужеством в боях и не стыдитесь унывать в бедствии. Но истинное мужество, сущее геройство, есть бодрость в несчастье, ибо меч и пуля уязвляют только тело, а несчастье поражает душу... Я устоял противу бури и надеюсь, что она превратится в попутный ветер. Еще не все погибло — когда я жив! Прав-

да, что король шведский опрометчив, упрям, самонадеян — но он герой на поле брани и своим гением может склонить победу на свою сторону, а от одной решительной победы зависит участь этой войны, ибо тогда откроются нам сообщения с Польшей и Швецией, и мы воскреснем... Если же царь одержит победу, то и тогда не все погибло для вас! Кто бы ни царствовал в Польше, на что бы ни решились Порта и Крым в сей войне, они никогда не могут благоприятствовать возвышению России, и если я предложу им основать гетманщину, новое казачье войско в Польской Украине и в степи Запорожской, чтоб противопоставить оплот русскому могуществу, — они с радостью согласятся. Я имею друзей в Молдавии и в Валахии и сохранил еще столько денег, чтоб склонить визиря на избрание меня в господари одного из сих княжеств... Я открыл пред тобою душу мою, Орлик, ибо уверен, что ты мне предан... Итак, мужайся, перестань скорбеть и надейся на эту голову! Пока она на плечах, друзья мои не должны ни об чем беспокоиться...

Орлик, не говоря ни слова, поцеловал руку

Мазепы, который, представляя самолюбивые замыслы свои под покровом любви к отечеству и исчислив страдания свои, возбудил жалость в душе своего приверженца, а надеждами на будущее — воскресил в нем увядшее мужество.

— Если б все наши страшины могли понимать вас!.. — сказал Орлик.

— Пусть они не чуждаются меня, пусть приходят ко мне для излияния своих горестей и сомнений, и я успокою их. Тебе, Орлик, поручаю сблизить меня с ними. Мы здесь не в Батурине. Вход ко мне не возбранен друзьям моим...

Вошел полковник Герциг и сказал:

— Король возвратился из разъезда. Он разбил русскую партию и привел пленных. От них узнали мы, что сам царь пришел к Полтаве с войском, которое простирается до семидесяти тысяч человек!..

— До семидесяти тысяч! — воскликнул Мазепа. — Что ж король?

— Рад-радехонек! — отвечал Герциг, пожимая плечами. — Он прислал к вам старого нашего приятеля, немца Лейстена, который был

у нас в плену и по вашему ходатайству помещен в царском войске. Он передался к нам добровольно и хочет переговорить с вами...

— Где он? позовите его! — сказал Мазепа с нетерпением. — А вы, друзья мои, оставьте меня наедине с немцем!

Орлик и Герциг вышли из палатки и впустили переметчика, который был в русском офицерском мундире, со шпагою.

Мазепа стал с кресел, распростер объятья и, прижав к груди Лейстена, сказал:

— Приветствую тебя, верный друг мой, и благодарю за верную службу!

— Служба моя кончилась! — отвечал Лейстен. — Я делал все, что мог, уведомлял вас при каждом случае обо всем, что мог узнать, и теперь должен был явиться к вам лично...

— Обещанное тебе награждение готово, любезный друг, — сказал Мазепа, прервав речь Лейстена. — Хотя русские ограбили меня, но у меня еще есть столько, чтобы поделиться с друзьями моими.

— Не в том дело, господин гетман! — возразил Лейстен. — Я пришел к вам с вестью, которую не мог никому поверить. Жизнь ва-

ша в величайшей опасности: противу вас составлен заговор...

Мазепа побледнел. Посинелые уста его дрожали: он неподвижно смотрел на Лейстена и, не говоря ни слова, присел в креслах, как будто ослабев.

— Слушаю! — сказал гетман дрожащим голосом.

— Вы знаете, что Палей возвращен из Сибири, — продолжал Лейстен. — Он теперь так слаб и дряхл, что едва держится на коне и уже не может предводительствовать казаками, которые чтут его, как полубога. Но при нем находится дружина, из отборных казаков его прежней вольницы, которою начальствует тот самый есаул, которого вы пытали в Батурине и который был сослан...

— Огневик! — сказал Мазепа с жаром. — Но я слышал, что он погиб?

— Он недавно явился в царском лагере, и царь, по ходатайству Палея, простил его. Огневик заставил дружину Палея поклясться, не жалея жизни, искать вас в первом сражении и во что бы ни стало — убить!..

— Разбойники! — сказал про себя Мазепа и

притом примолвил громко: — Благодаря твоей дружбе им не удастся это. Скажи же мне, что замышляет царь?

— Он знает о состоянии войска шведского и решил напасть на нашего короля...

Мазепа только пожал плечами и, помолчав несколько, сказал:

— Поместись, друг мой, в палатке Орлика. Мы после переговоров с тобой, а теперь я должен идти к королю и поздравить его с днем рождения.

Мазепа вышел из ставки вместе с переметчиком и отправился в шведский лагерь, велел одному из сторожевых казаков следовать за собою.

Карл, возвратясь из разъезда, еще не слезал с коня и осматривал лагерь. Он остановился возле толпы своих солдат, которые шумели и спорили между собою.

— Что это такое? — спросил Карл.

Один из солдат выступил из толпы и, подавая королю кусок черного, черствого хлеба из мякины и отрубей, сказал:

— Вот что нам роздали на праздник! Трое суток мы голодали, а на четвертые не можем

раскусить и разжевать этого лакомства...

Солдаты обступили короля и смотрели на него с любопытством, ожидая нетерпеливо, что он скажет. Голод и нужда сделали сварливыми, недоверчивыми и беспокойными сих неустрашимых воинов, которые преодолели столько трудов единственно из угождения своему венчанному полководцу и из любви к нему.

Король взял кусок хлеба, разломал его и стал спокойно есть. Отдавая остальное солдату, король сказал хладнокровно:

— Хлеб нехорош, но есть его можно, особенно когда нет лучшего.

Солдаты посмотрели друг на друга и молчали. Король удалился, и они без ропота принялись за пищу, которая прежде казалась им противною. Между тем король возвратился к своей палатке, где ожидали его генералы. Приняв поздравления, он слез с лошади и, ступив на ногу, захромал. Камердинер бросился к нему и, увидев кровь на сапоге, закричал:

— Вы ранены, ваше величество! Все пришли в беспокойство.

— Кажется, что так! — отвечал король, обращаясь с улыбкою к фельдмаршалу графу Рейншильду. — Когда я преследовал русскую партию, — примолвил король, — два казака несколько раз врезывались в середину нашего эскадрона, как будто ища кого-то...

— Верно, меня! — сказал про себя Мазепа.

— Один из них, высокого роста, черноволосый, сильный, гонялся за моими казаками, заглядывая каждому в лицо, как будто желая узнать знакомого...

— Это Огневик! — прошептал Мазепа.

— Другой, молодой, ловкий казак, привязался ко мне, как слепень, и несколько раз чуть не задел меня саблей. Я наскочил на него и, кажется, пробил его насквозь моею шпагою. Но в это мгновение черноволосый казак выстрелил в меня — и, по счастью, попал — только в ногу... Я думаю, что это пустая рана!..

Король вошел в ставку, сел на походную кровать и велел снять сапог. Нога так распухла, что камердинер не мог исполнить желания короля. Он жестоко страдал, но не жаловался и старался казаться спокойным. В это

время фельдмаршал граф Рейншильд и государственный министр граф Пипер вошли с тремя врачами.

Доктора разрезали сапог и, осмотрев рану, объявили, что кость в пятке раздроблена. Двое из них утверждали, что для предупреждения неминуемого воспаления и антонова огня надобно отрезать ногу. Третий доктор молчал. Король, обратясь к нему, спросил:

— Твое мнение, Нейман?

— Я думаю, государь, — отвечал доктор, — что, сделав разрезы вокруг раны, можно спасти вас... Только я должен предупредить ваше величество, что операция будет болезненна...

Король улыбнулся.

— Режь, братец, смело, и начинай тотчас! — сказал он. Доктор принялся за операцию, во время которой король даже не поморщился и сам поддерживал ногу обеими руками. После перевязки король прилег на подушки и, отдохнув с полчаса, велел позвать Мазепу. Граф Пипер ввел его.

— Господин гетман! — сказал король. — Вы слышали, что царь хочет атаковать нас? —

Слышал, ваше величество!

— Мы предупредим его, — примолвил король. — Нападающий имеет такое же преимущество пред атакуемым, как конный перед пешим или как сытый перед голодным. Говорят, что царь почти втрое сильнее меня! Не беда! Под Нарвой он был сильнее меня ровно хонько всемеро! Победу доставляет не физическая, но нравственная сила, и мое имя стоит, по крайней мере, половины русского войска... Мы атакуем царя...

— Государь! Я уже докладывал вам несколько раз, что русские теперь не те, что были под Нарвою... — возразил Мазепа.

Король не дал ему продолжать и сказал:

— Правда, что они искуснее теперь бегают от меня, чем прежде. Но наконец я поймал их!

— Они отступали перед вами, пока чувствовали, что не в силах вам противиться, — отвечал Мазепа, — но теперь, когда нападают, то, верно, надеются на свои силы и мужество.

— Нет, не чувство силы и мужества заставляет Петра решиться на это, но зависть... Моя слава горька ему! В Москве я решу наше со-

перничество!.. — Король покраснел от гнева.

— Но успех был бы вернее, если б мы отступили теперь в Польшу, дали солдатам нашим отдохнуть, укрепиться, а между тем усилили бы наше войско...

Король быстро поднялся с кровати:

— Как! Мне бежать от московского царя! Никогда! Нет, он не увидит никогда моего арьергарда иначе, как пленный или как проситель... — Король был в гневе.

— Всякое внутреннее движение вредно вашему здоровью, — сказал доктор.

— Пустое! Мне вредно одно бездействие, — возразил король. — Пушечный гром излечит меня скорее твоих пластырей, — примолвил он, улыбаясь. — У нас нет пушек, — сказал он, обратясь к Рейншильду, — но у нас есть штыки, и мы возьмем пушки у русских... Господин гетман! Вы будете начальствовать всею иррегулярною конницей...

— Прошу вас, государь, уволить меня от деятельного участия в предстоящем сражении, — сказал Мазепа, низко поклонясь королю.

— Это что значит? Это я впервые в жизни

моей слышу от воина! — сказал король, смотря с удивлением на Мазепу.

— Государь! — отвечал Мазепа. — Царь провозгласил меня изменником и предателем отечества, итак, если я буду сражаться противу моих единоплеменников, противу казаков, находящихся в его войске, то подам повод к новой клевете и возбужу к себе ненависть народную. Напротив того, когда после одержанной вами победы, — я скажу народу малороссийскому, что руки мои не обагрены кровью даже неприязненных мне земляков, тогда они скорее поверят, что я приглашаю их подчиниться вашему величеству для их собственного блага... По истории известно, что Мазепа не участвовал в сражении под Полтавой и во время битвы находился при обозе.

— Пусть будет по-вашему! — отвечал король и, обратясь к Пиперу, примолвил: — Напиши от меня письма к королю Станиславу и к сестре моей в Швецию и уведоми их, что я легко ранен. Пожалуй, враги мои готовы разгласить о моей смерти, а уж верно, объявят калекой! Скажи, при сем случае, что мы с царем стоим противу друга, оба с сильным же-

ланием сразиться, и что я атакую его. Не забудь этого! Именно не он на меня нападает, а я нападаю на него! Прибавь, что под Полтавой должна решиться участь царства Московского и что первое известие, которое в Европе получают от меня, будет весьма кратко: или Петр уже не царь Московский — или Карл погиб с войском! Господа, прощайте, я хочу уснуть!

Глава XVII

И грянул бой, Полтавский бой!

А. Пушкин

*И что ж осталось? Испытать,
что властно
Раскаянье? — Чего оно не властно!
Что властно там, где нет его в
душе?*

Шекспиров Гамлет (перев. М. Вронченко)

*Идут, находят воздаянья,
Кипят и казни и беды...*

И нет уж более середины!

Ф. Глинка

В Европе не знали в точности о положении дел Карла XII после вторжения его в Россию и, привыкнув, в течение девяти лет, слышать только о победах его и необыкновенных подвигах, ожидали известия о разбитии царских войск и даже о свержении с престола царя. Письма, полученные сестрою Карла XII и Станиславом Лещинским из-под Полтавы, еще более возбудили всеобщее нетерпенье, когда узнали, что два противника уже стоят друг против друга и что Карл намерен напасть на царя русского. Вдруг разнеслась весть о Полтавской битве и об ужасных ее последствиях для славы и для могущества Швеции, и, невзирая на торжественное объявление истины в манифестах Петра Великого, даже враги Карла XII, унижавшие все его подвиги, не могли поверить столь внезапной перемене его счастья. Наконец, самые недоверчивые убедились, что царь русский говорит правду, извещая своих союзников, что войско шведское, вторгнувшееся в Россию, уже не су-

ществует, что часть его побита, а избегшие смерти воины взяты в плен с оружием, знаменами и всеми воинскими снарядами и тяжестями и что раненый король шведский с малым числом слуг, приверженцев и казаков спасся бегством в Турцию и находится в Бендерах.

Истребив врагов на земле русской, царь выслал большую часть своего войска к северу, а казаков распустил по домам. Множество раненых русских офицеров находилось в сие время в Кременчуге, где жил врач, прославившийся своим искусством.

Москаленко также лечился в сем городе от ран. Однажды, когда он расхаживал медленно по своей светелке, внезапно и неожиданно вошел к нему Огневик. Друзья обнялись, и Огневик, вынув из-за пазухи пакет, сказал:

— Ты скрывал передо мною свое происхождение, но вот эта бумага открыла мне твою тайну. Поздравляю тебя, сын стрелецкого головы Чернова, с царскою милостью, с возвращением родительских вотчин и наименованием в капитаны, в драгунский полк князя Меншикова! Вот тебе указ царский!

Осчастливленный изгнанник перекрестился, приложил к устам указ царский и, со слезами, прижал к сердцу вестника радости.

— Один только Палей знал мою тайну, итак, я обязан...

— Благости царя и великодушию Палея, — подхватил Огневик. — Царь, отпуская Палея в Белую Церковь, велел просить у себя всего, чего он желает — Палей испросил твое помилование.

— Благородная душа! — сказал Чернов. — Палей дал мне более, нежели жизнь, — он возвратил мне отечество... Никогда не забуду я его благодеяния. О, если б я мог чем-нибудь доказать ему мою любовь!

— Можешь!.. — сказал Огневик. — Вспомни, что ты говорил мне на могиле Натальи. Требую твоего содействия!

— Вот тебе рука моя!.. Я готов на все... Говори, что должно делать!

Огневик пожал руку своего друга и сказал:

— Теперь не пора. Хочу знать только, можешь ли ты ехать со мною?

— Могу! Раны мои закрылись; воздух и движение возвратят силы. Ах, если б я был

здоров до Полтавского сражения!

— Да, брат, жалею, что не был в этом деле! — отвечал Огневик. — Никогда на русской земле не было столько славы и такого торжества! Мы часто бивали врагов, но теперь побили учителей наших, победили непобедимых и одною победою решили участь нескольких царств!..

— Расскажи мне, где был ты, что делал Палей, каким образом царь успел одним ударом уничтожить все войско шведское! Я слышал много об этой чудной битве, но хотел бы узнать от тебя...

— Ты сам бывал в боях, — отвечал Огневик, — и знаешь, что никакой рассказ не может изобразить в точности сражения. В бою кипит сердце и душа забывает о земле, а после сражения действует холодный ум. Рассказ о битве есть то же, что изображение пожара на холсте: свет без блеска и теплоты. Но если тебе непременно хочется послушать меня, то я расскажу тебе, что сам видел и что слышал от старшин, бывших в этом сражении!

Перейдя за Ворсклу, русская пехота стала окапываться. В середине было 12 полков под

начальством Репнина и Шереметева. По обоим крылам было по 11 пехотных полков. Правым крылом начальствовали Голицын и Вейсбах, левым Алларт и Беллинг. Конницею, на правом крыле, начальствовал Боур, на левом — князь Меншиков. Пять полков с генералом Гинтером стояли в резерве. Палей с дружиною был при Меншикове.

Царь ждал только прибытия Калмыцкой Орды, чтоб ударить на шведов.

Государь держал совет, на который приглашен был и наш Палей. Некоторые генералы, горя нетерпением сразиться и надеясь на верную победу, стали горячиться и похваляться. Царь был важен и спокоен. Он напомнил хвастливым и нетерпеливым доказанное уже опытом, что не число войска доставляет победу и что не должно никогда презирать никакого неприятеля, а тем более шведов, которых должно уважать, как учителей наших. Генералов увещевал он не надеяться на свои силы, а, исполняя долг, уповать на одного Бога и от него ждать победы. Определенно было завязать дело в день апостолов Петра и Павла.

Король шведский предупредил царя двумя днями. На рассвете шведы выступили из своего лагеря и бросились на русские шанцы, во многих местах еще не конченные; царь ободрил воинов речью, в которой сказал нам, чтоб мы помнили, что сражаемся не за Петра, но за государство, Богом Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь и что мы не должны смущаться славою неприятеля, будто бы непобедимого, которого мы сами уже неоднократно поражали. Наконец подтвердил приказ не уступать места неприятелю и драться до последней капли крови. Все обещали умереть или победить.

В этом сражении царь в первый раз сам начальствовал войском. Он не хотел ни на кого возложить ответственности в деле, от которого зависела честь и слава России и твердость его престола. В мундире Преображенского полка, с веселым лицом, он скакал по фрунту, на турецком коне, с обнаженною саблею, и отдавал приказания. Войско приветствовало его радостным ура! Он казался нам выше смертных! Победа была в его взорах.

Русские подвезли пушки к шанцам и начали стрельбу. Но, невзирая на сильный картечный огонь, шведская пехота овладела недоконченными шанцами, а конница их принудила нашу податься в тыл. Победа, верная Карлу столь долгое время, перед прощанием с ним навеки, обернулась к нему лицом — в последний раз!

Князь Меншиков выстроил снова конницу и бросился на шведов. Более двух часов мы бились с ними с переменным счастьем. Под князем убито две лошади. Шведы дрались как львы. Палей, едва держась на коне, не хотел оставить поля битвы и понуждал наших продаться сквозь шведскую линию. Мы, как говорится, резались на ножах: наконец шведы дрогнули и начали отступать. Мы, как отчаянные, бросились на них, с воплями обратили их в бегство, гнали до самых траншей полтавских и там, отрезав их и поставив между двух огней, принудили положить оружие. Это был первый наш успех: он ободрил войско.

Между тем оба войска выстроились в линиях и сошлись на пушечный выстрел. Наши пушки загремели и страшно били в стеснен-

ный фронт неприятеля. У шведов едва было несколько пушчонок. Карл приказал своим ударить в штыки, надеясь неслыханною дерзостью изумить наших неопытных воинов и отнять наши пушки. Часть русской пехоты дрогнула и побежала в тыл. Вдруг явился сам царь с Преображенским полком! Явился он, как Бог брани. Одним взором остановил бегущих, бросился на шведов с преображенцами, все последовали за ним, и шведы побежали с поля.

Земля дрожала от грома пушек; ружейные пули свистели, как ветер на всем пространстве; ядра рыли землю, и вдруг, по слову царскому, раздалось восклицание: «Вперед! ура!» Все русское войско двинулось в одно мгновение. Наша конница, на обоих крылах, бросилась опроретью на шведов, пехота с барабанным боем ударила в штыки, и пошла резня! Шведы стояли крепко, защищались до последней крайности, около двух часов сряду, но не могли отбить нас. Мы разорвали их фронт, разбили твердые ряды на малые толпы и уже били их как овец или заставляли бросать оружие и просить пощады. Все, что

могло бежать, побежало с поля битвы. Большая часть шведских генералов, видя невозможность спастись, — отделились в плен.

Оба государя во все время боя находились в первых рядах, под ядрами и пулями. Три пули попали безвредно в нашего царя. Раненый король осыпан был ядрами, которые убили несколько человек возле его качалки и под ним лошадь, когда он садился на нее, чтоб спастись от плена. Царь провозгласил победу... Радостные восклицания наших раздавались по обширному полю...

С дружиною нашею я бросился за бегущими шведами и врезался в середину их, надеясь догнать Мазепу, которого безуспешно искал в битве. От казаков его, захваченных мною в плен, узнал я, что этот хитрец бежал при самом начале сражения... Лошади наши были измучены, и мы должны были остановиться. Злодей ускользнул на сей раз от моего мщения!..

Огневик кончил рассказ, облокотился на стол, закрыл лицо руками — и погрузился в думу.

Несколько минут продолжалось молчание.

— Чего ты требуешь от меня, друг мой! — сказал Чернов, взяв за руку Огневика и крепко пожав ее. — Скажи! Я готов с тобой в огонь и в воду!..

— Я был безумен, что хотел приковать тебя к моей горькой участи, — сказал Огневик. — Нет, друг мой! Ступай в Москву, где у тебя есть родные, где ты найдешь дружбу и... любовь... Еще все перед тобою, а передо мной одна могила! Где мне преклонить голову, безродному, бесприютному? Вольница Палеева не существует, и он сам уже одной ногой в гробу. С ним разорвется последний узел, привязывающий меня к земле. Не хочу жить ни в Запорожье, которое превратилось в разбойничий притон, ни в гетманщине, где одни происки, родство и низкопоклонство доставляют отличие... В Москве и в Петербурге душе моей будет тесно и душно, а сердцу холодно... Взросши и возмужав в степях, я гнушаюсь искательством и раболепством. При Палее я привык не только говорить все, что думаю, но даже думать вслух, а в городах этого не любят!.. Не хочу нищенствовать перед людьми!.. И что могут дать мне люди? Они не дадут мне

спокойствия, которое я потерял навеки, не дадут счастья, которое я вкусил в любви... В любви!.. О, друг мой, эта любовь сожгла мое сердце, выветрила душу... Я теперь труп, тело без души и без сердца... Одно чувство поддерживает жизнь мою — месть!.. Крови жажду я, крови!..

Лицо Огневика пылало, глаза искрились. Он вскочил с места, пожал руку Чернова и бросился к дверям.

— Нет, я не оставлю тебя! — воскликнул Чернов, удерживая его. — Не люби меня — но и не презирай! Я достоин разделять с тобой твою горе и опасности!..

Огневик бросился в объятия своего друга. Через час они уже скакали к Днепру, на лихих конях.

Сколь ни тверда была душа Мазепы, но не могла выдержать столь сильных ударов судьбы. Все надежды обманули его, ни одно желание не исполнилось, все сладостные ощущения сердца превратились в болезненные язвы. Он мужался наружно, но страдал и унывал внутренне, — и когда наконец царь Петр потребовал от Порты[19] изъятия Мазепы из

покровительства, а в переговорах о мире с Карлом XII поставил неизменным условием выдачу изменника, тогда участь Паткуля, истерзанного мстительным Карлом, представилась его воображению и страх преодолел все его силы. Мазепа заболел телом и душою. Почти два месяца он находился при дверях гроба; наконец усилия искусного королевского медика Неймана исцелили телесный недуг, а уверения короля, что не выдаст его за царство, — успокоили, хотя и не утешивали души. Во второй половине сентября Мазепа уже находился вне опасности, хотя не вставал еще с постели. Он жил в Варнице, неподалеку от Бендер, в доме греческого купца. Предполагая, что *все дела и слова* его будут известны в Малороссии, и зная, что набожность почитается там матерью всех добродетелей, Мазепа велел строить, в Варнице, русскую церковь и призвал с Афонской горы несколько монахов, между коими находился один русский.

Карл XII был принят турецким правительством с честью и великолепием. Султан, визирь и паши наделили его богатыми палатками, конями, драгоценным оружием. Король

шведский расположился лагерем между Бендерами и Варницею, имея при себе около тысячи восьмисот человек шведов, поляков и казаков, спасшихся от Полтавского поражения и присоединившихся к нему уже за пределами России. Все министры, все генералы Карла XII были в плену у русских. Любимец его, Понятовский, исправлял политические его дела и находился в сие время в Константинополе, для убеждения Порты объявить войну России. Карл XII с нетерпением ожидал успеха происков своего любимца и предавался сладостной надежде отомстить Петру Великому. Любимцы короля разделяли его надежду.

Карл оказывал тем большее уважение к Мазепе, чем более ненависти изъявлял к нему Петр Великий, и почти ежедневно навещал больного, сообщая ему новости, получаемые из Константинополя, — поддерживая дух его блистательными мечтами. Недоверчивый Мазепа сам увлекся, наконец, надеждою на помощь Порты и, когда оправился от болезни, стал замышлять снова о достижении своей цели — отторжения Малороссии и Украины

от России. Однажды после беседы с королем он призвал к себе, для совещания, Орлика и Войнаровского. В первый раз после Полтавской битвы они увидели его с веселым лицом и с улыбкою на устах. Он сидел в постели и казался бодр и здоров.

— Садитесь, друзья мои! — сказал Мазепа, приветствуя их рукою.

Они сели. Мазепа продолжал:

— Я сказывал тебе, Орлик, что еще дело не решено между мною и царем Московским. Он велел духовенству предать меня проклятию, приказал влачить по грязи мое изображение и сжечь его рукою палача... Он отнял у меня нажитые трудами поместья и сокровища и обещает триста тысяч ефимков Муфтию, чтоб он убедил султана выдать меня царю, для позорной казни!.. На все это я буду отвечать царю в Москве... Что вы удивляетесь?.. Да, в Москве! Понятовский приобрел милость матери султана и наконец успел убедить верховного визиря в пользу войны с Россией. Порта дает нам двести тысяч отборного войска, которым будет начальствовать наш северный лев, наш Ахиллес!.. Счастье изменило

ему, но для того только, чтоб научить своего любимца благоразумию. Герой пребудет героем! Швеция вооружается и ударит на царя от севера. В Польше умы в волнении. Тебя, племянник, я хочу выслать в Польшу, с важным поручением. Партия Станислава упала духом, но и король Август не много имеет приверженцев. Дружба его с царем Московским не нравится шляхте, а присутствие саксонских войск в Польше ожесточает народ. Ты должен войти в сношения с обеими партиями и представить им, сколь опасно для Польши торжество и возвеличение России, имеющей притязания на многие области, принадлежащие ныне Польше. Карл доказал, что он не ищет ни завоеваний, ни уничтожения польских прав, ибо, завладев всею Польшею, он довольствовался только низвержением с престола враждебного ему короля. Итак, со стороны Швеции Польше опасаться нечего; но сильная Россия пожелает возвратить прежние уделы русских князей, так как отняла у Швеции Ингрию, бывшую некогда Новгородской областью. Сильный берет свое где может и как может... Таким образом Белоруссия, часть

Литвы, Волынь, Подолия, Украина будут русскими... Припомни полякам слова мудрого их короля Иоанна Казимира, когда он, слагая венец, предсказал им, на Сейме, отторжение от Польши областей и даже раздел королевства между соседями... Польские вельможи делают все возможное, чтоб оправдать предсказания Иоанна Казимира! Убеди их, что теперь представляется единственный и последний случай нанести удар России!.. Пусть они вооружатся и вторгнутся в сердце России, в одно время с нами... Король обещает Польше Смоленск, Киев, княжество Северское... Сверх того, я с Малороссией и Украиной буду вассалом Польши. Карл дает тебе полномочия, я дам мое благословение — и деньги. Ты молод, ловок и красив — ищи в женщинах... Дульская изменила мне в любви...

При сих словах Войнаровский покраснел и потупил глаза. Мазепа, не показывая виду, что заметил это, продолжал:

— Но я прощаю ей и ее любовникам и требую верности только в связях политических. Возбуди в ней прежнюю ревность к делу короля Станислава, а между тем старайся позна-

комиться с графинею Кенигсмарк, любовницею Августа, и приобрести ее доверенность... хотя бы любовью!.. — Мазепа улыбнулся и замолчал. Отдохнув несколько и собравшись с мыслями, он сказал: — Если Август будет так умен, что воспользуется счастливыми обстоятельствами, восторжествует над своим со-местником и овладеет престолом, старайся соединить обе партии под знаменами сильнейшего и, найдя доступ к королю, убеди его, сколь опасны для него дружба и покровительство царя Московского. Уверь его, что если он ополчится на Россию, то Карл забудет старую вражду, выхлопочет для Станислава какую-нибудь немецкую область или отдаст ему свою Померанию, а короля Августа усилит на польском престоле... Я не могу предписать тебе правил поведения... Все зависит от местных обстоятельств, но помни, что в Польше все можно сделать посредством женщин, ксензов и — денег и что даже самые деньги приобретаются там посредством тех же женщин и ксензов. О патере Заленском я не имел никакого известия... Но все иезуиты вылиты в одну форму. Обещай им власть — и они бу-

дуг помогать тебе... Теперь ступай к королю за бумагами — и обойми меня. Орлик выдаст тебе на первый случай десять тысяч червонцев...

Войнаровский подошел к постели Мазепы, обнял его и сказал:

— Но если меня выдадут царю?

— Безопасность твоя зависит от твоего ума и осторожности. Явно тебя не выдадут, а от предательства прячься под женскую душегрейкою или под рясою ксендзовскою. Волка бояться, в лес не ходить! И мы здесь не за вами! Верь мне, что ты будешь безопаснее в Польше, нежели мы, под покровом Высокой Порты... Прощай!

Мазепа благословил Войнаровского, и он вышел, не говоря более ни слова. Ему соскучилось в Бендерах, и он рад был избавиться от несносной ссылки. Любовь прелестной княгини Дульской ожидала его в Польше.

— Любезный Орлик! — сказал Мазепа. — Я обещал дать взаймы королю семьсот тысяч талеров. Казна наша истощается и нам надобно приискать верного человека, чтоб послать за деньгами, которые я зарыл в овраге, близ

Бахмача. Есть у меня деньги и в Печерской Лавре, но я опасаясь, чтоб монахи не выдали их царю, страшась его гнева...

— Я, право, не знаю, на кого положиться в этом важном деле. Все наши старшины только из страха казни последовали за нами... На их верность я не могу надеяться. Надежнее всех братья Герциги.

— Но не можно ли тебе самому попытаться, Орлик?

— Об этом надобно подумать... У меня было много приятелей в Украине, но теперь опасно полагаться на неизменность дружбы...

— Поди же, порассуди, а завтра скажешь мне, что ты выдумал...

Орлик вышел, и Мазепа, утружденный разговорами, обессиленный напряжением духа, — заснул.

Когда он проснулся, уже было темно. Сон не укрепил и не успокоил его. Кровь в нем волновалась, мечты растревожили его и навлекли мрачные думы. Он кликнул сторожевого казака и послал его за русским монахом.

Через полчаса явился монах. Это был человек лет пятидесяти, высокого роста, смуглый,

бледный, черноволосый, сухощавый. Глаза его блестели, как уголья, из-под густых бровей. На челе изображались ум и следы сильных страданий. Мазепа просил монаха приступить у изголовья своей постели.

— Мы не кончили, третьего дня, нашего разговора, святой отец... — сказал Мазепа, потупя глаза.

— Моя беседа тяжела для твоего сердца, духовный мой сын, — возразил монах, — побереги себя! Ты слаб еще, и всякое душевное напряжение тебе вредно...

— Нет, отец мой, твоя беседа для меня усладительна! Ах, если б ты мог проникнуть в мою душу! Ты бы пожалел обо мне...

— Я сожалею — и молюсь!..

— Молись, святой отец, молись за меня! — сказал Мазепа, и слезы покатались из глаз его. — Он утер их неприметно, склонил голову на грудь и задумался.

Монах молчал, перебирая четки.

— Итак, ты, святой отец, все-таки думаешь, что мой поступок есть измена и клятвопреступление? — сказал Мазепа, тяжело вздохнув.

— Зачем ты в другой раз вопрошаешь меня об этом, сын мой! По обету моему я должен говорить истину пред царем и пред рабом, и если слова мои не приносят ни пользы, ни утешения — я должен молчать.

— Говори, говори смело правду или то, что ты считаешь правдой! С нами нет свидетеля, и посредник между нами — Бог!.. Если... я чему не верю, убеди меня, докажи.

— Истина немногословна и не знает излучистых путей красноречия, сын мой! Я не привык к спорам и диспутам. Говорю прямо, что думаю...

— Ты знаешь историю, отче мой, итак, вспомни, что я не первый вздумал отложиться от царя, основать особое царство... И эти основатели царств были почтенны, прославлены, благословляемы...

— Людьми, а не Богом! — возразил монах строгим голосом. — Успех прикрыл злодейство, лесть украсила измену, и низость изрекла хвалу... Но истина осталась истиною, и испещренные людскою хвалою хартии не скрыли зла ни пред Богом, ни пред людьми праведными... Сквозь сотни веков проклятие раз-

дается над памятью цареубийц, изменников!..

Монах, увлеченный негодованием, почувствовал, что слишком неосторожно коснулся душевной раны своего духовного сына и замолчал.

— Проклятие! — воскликнул Мазепа. — Проклятие! Итак, ты веришь в действительность проклятия? И меня прокляли!.. — Мазепа закрыл руками глаза и упал на подушки.

Монах молчал.

Мазепа быстро поднялся, присел, устремив на монаха пылающий взор, и сказал:

— Неужели проклятие, произнесенное надо мною церковью, вознесется к престолу Всевышнего?..

— Всевышний милосерд... Но глаголы церкви священны и непреложны. Благословение или проклятие есть только сума, в которой дела человеческие переносятся к подножию престола Высшего Судьи. Церковь судит не по прихотям человеческим, но по закону Божию, водворенному на земле Искупителем греха первородного. Ты сам знаешь, что гласит. Евангелие! В нем заповедана верность и послушание властям, от Бога установленным,

соблюдение обязанностей подданного — и терпение. Кесарей и помазанников Божиих судит сам Бог. Ты говорил мне, что царь хотел нарушить право народа, над которым он же поручил тебе власть. Если б и так случилось, то одна несправедливость не оправдывает другой, а в противном случае на земле не было бы ни закона, ни порядка, ни чести, которых один конец на небеси, — и сии узы — присяга, пред лицом живого Бога, на знамени нашего Искупителя, на развернутой книге божественной мудрости. Так, сын мой, нарушение присяги есть разрыв души с небом, а сей разрыв ведет за собой — проклятие!

Мазепа трепетал всем телом. Монах замолчал и снова принялся перебирать четки.

— Отец мой! — сказал Мазепа сквозь слезы, голосом трогательным, исходящим из глубины души. — Если страдания земные могут искупить грехи, то надеюсь на благость Всевышнего! Тяжелый крест влачил я среди славы и величия! Стрелы гнева Господня разили меня в самое сердце... Я хотел любить, искал любви в чувствах родительских, сыновних, супружеских... и в тайном сочетании сер-

дец — находил отраву для моей души, или мертвящий холод, или пожирающее пламя... Все, к чему я ни прикасался сердцем, гибло, оставляя тяжкую память моей собственной вины. Ты не знаешь любви, святой отец!..

Монах тяжело вздохнул.

— Ты не можешь постигнуть, что такое родительское чувство! — примолвил Мазепа.

Монах утер слезы рукавом. Мазепа продолжал:

— И все любившие меня женщины погибли мучительною смертью... И дети мои... в ранней могиле!.. Одна надежда, последняя капля крови моей на земле... дочь моя, моя Наталья, ангел телом и душою, умерла в ужасных муках, может быть, проклиная меня... умерла от оплошности моей, от непостижимого забвения, омрачившего мой рассудок по воле самого Провидения!.. — Мазепа залился слезами, повторяя: — Дети мои! дети мои! кровь моя!..

Монах растрогался. Он также плакал.

Через несколько минут Мазепа поднял голову и сказал:

— Нет, святой отец, в аде нет таких муче-

ний, какие я вытерпел на земле, и я надеюсь, что правосудный Небесный Судья сжалятся надо мною и даст мне на земле силу и власть, чтоб делать добро и, повелевая народом, излить на него счастье, которого я не знал в жизни...

Монах принял строгий вид и, смотря грозно на Мазепу, возразил:

— Демон честолюбия снова глаголет устами твоими, из которых должно изливаться одно раскаяние! Сын мой! Ты ищешь спокойствия душевного, желаешь примириться с Небом. Господь помиловал разбойника, но помиловал его на кресте, а не в лесу; помиловал в раскаянии, а не в преступных замыслах...

— Я не могу отступить от начатого мною дела, святой отец! Я не принадлежу себе, а принадлежу тем людям, которые вверили мне свою участь... И теперь ли мне помышлять об отречении от власти, когда мы находимся, так сказать, накануне новой борьбы, которая непременно должна кончиться торжеством нашим и омовением имени моего от позора и поношения?..

— Ты все помышляешь о земном, сын мой!

— Мы все сыны земли, отче мой! — отвечал Мазепа, покачивая головою.

— Итак, не жди и не требуй от меня утешения, — сказал монах, вставая с места. — Но ударит роковой час, и ты, заглянув в пустоту гроба, познаешь пустоту замыслов твоих! Говорю тебе в последний раз: Велик Господь в благости своей и страшен в каре!..

Монах пошел к дверям. Тщетно Мазепа звал его — он не возвращался. Мазепа слышал, что монах, переступая через порог, повторял про себя псалом: *«Бог отмщений Господь, Бог отмщений не обинулся есть. Вознесися судяй земли, воздаждь воздаяние гордым. Доколе грешницы, Господи, доколе грешницы восхвалятся»* Псалтирь. Псалом Давиду, в четвертый субботы....

За углом дома стоял казак, завернувшись в кобеняк и насунув видлогу на голову. Он, казалось, ждал, пока выйдет монах, ибо лишь только он удалился, казак скорыми шагами побежал к крыльцу. Сторожевые казаки оставили его. Он показал кипу бумаг и сказал грозно: «От короля!», оттолкнул сторожевых, быстро вспрыгнул на крыльцо, пробежал

через сени, где дремало двое слуг Мазепы, и, пробираясь на цыпочках через все комнаты, тихо отворил двери в почивальню, вошел в нее и тотчас запер дверь на ключ.

Мазепа сидел на постели, поджав руки и спустя голову. Он взглянул на вошедшего казака — и обомлел от ужаса. Хотел кричать — и не мог. Казак вынул кинжал из-за пояса и, грозя Мазепе, сказал тихо:

— Ни словечка!

Мазепа перекрестился и закрыл глаза.

Казак приблизился к постели и, смотря с зверскою улыбкою в лицо Мазепы, утешался его страхом. Наконец взял его за руку, потряс ее и сказал насмешливо:

— Не стыдись, приятель, и посмотри на меня! Я не палач, явившийся казнить тебя за измену царю и отечеству, а твой нареченный зять, пришедший с тобой рассчитаться...

Мазепа открыл глаза. Он дрожал всем телом и шевелил устами, как будто силясь произнести что-то. Голос его замер от страха.

— Я принес тебе поклон от друга твоего, Палея, которого ты, как Иуда, предал лобзанием на казнь. Я принес тебе восточку с гроба

зарезанной, по твоему приказанию, Марии, которую ты обольстил, унизил, отравив душу ее коварством и безбожием... Наконец я принес тебе на память останки твоей любимой дочери! — Казак отстегнул кафтан и снял с шеи женскую косу, примолвив: — Это волосы убитой тобою Натальи!..

При сих словах Мазепа, казалось, ожил. Он протянул обе руки, чтоб схватить драгоценные останки несчастной своей дочери, и, смотря дико на казака, лепетал:

— Дай мне, дай! Я только раз прижму к сердцу!.. — Уста его дрожали... По холодному лицу катились горячие слезы.

Огневик утешался страданием и страхом своего врага. Он не позволил Мазепе прикоснуться к волосам Натальи и с адскою улыбкою на устах, изображающею жажду и наслаждение мести, сказал:

— Прижать к сердцу! Ужели у тебя есть сердце? Ха, ха, ха! А я думал, что вместо сердца у тебя в груди камень, обвитый змеею! Но постой, я еще не дошел до расчета! Знаешь ли ты это?

Огневик вынул из-за пазухи небольшую

серебряную коробочку и поднес ее к глазам Мазепы. Тот взглянул и содрогнулся.

— Ты не довольствовался тем, что истязал тело мое в пытке, растерзал сердце разлукою с Натальей, что предал меня на казнь клеветою — ты хотел еще лишить меня жизни... и подослал ко мне, с этим лакомством, женщину, низверженную тобою в пропасть разврата и злодеяний... — Произнося сие, Огневик усиливался усмехнуться, между тем как во взорах его пылала злоба и губы судорожно кривлялись. На столе стояло прохладительное питье. Он налил его в стакан, высыпал в него порошок из серебряной коробочки и, поднося Мазепе, сказал:

— Я бы презрел тебя, как гада, лишеного жала, если б одно личное оскорбление возбуждало во мне ненависть к тебе. Но я узнал, что ты снова строишь козни на погибель несчастного отечества, что ты разослал своих лазутчиков по Украине, возбуждая народ к мятежу, и торгуешься с врагами России, чтоб предать нас снова польскому игу!.. Несчастье не образумило тебя, и проклятие церкви довершило в тебе сатанинские начала... Ты

один опаснее для отечества, нежели десять таких врагов, как Карл... Из твоего коварного ума излилась вся клевета на великого царя русского; ты отравил сердца верных малороссиян изменою... Всему должен быть конец... Пей!..

— Прости, помилуй! — воскликнул Мазепа, задыхаясь, дрожащим голосом.

— Пей... или я растерзаю тебя на части, — сказал Огневик, скрежеща зубами, замахнувшись кинжалом и устремив на Мазепу дикий, блуждающий взор.

— Я откажусь от мира, постригусь в монахи... — примолвил Мазепа умоляющим голосом, сложив руки на груди. — Не лиши покаяния!..

— Монастырская келья не сокроет твоих козней, и я уже научен тобою, как должен верить твоим обетам и клятвам. В последний раз говорю: пей!

Мазепа взял стакан дрожащею рукою, перекрестился и, сказав: «Господи, да будет воля твоя!» — выпил яд. История не разрешила, какою смертью окончил жизнь Мазепа. Русские писатели утверждают, что он принял яд;

некоторые иностранцы говорят, что он умер от болезни. См. Журн. Петра Великого. Ч. 1, стр. 253. Энгеля стр. 321. Историю Малороссии, соч. Бантыша-Каменского. Ч. III, стр. 124 и примеч. 157. Рукопись: История руссов и проч..

Дрожь пробежала по всем жилам Огневика... Он отворотился. Мазепа прилег на подушки, закрыл глаза и молчал. Огневик хотел выйти, но какая-то невидимая сила приковывала его к ложу несчастного злодея.

Над изголовьем постели висел образ, перед которым теплилась лампада. Мазепа вдруг открыл глаза и, взглянув равнодушно на своего убийцу, сказал:

— Дай мне образ! Я хочу приложиться.

Огневику надлежало бы стать на кровать, чтоб снять со стены образ. Он расстегнул кафтан, сорвал с груди свой образ и, подавая его Мазепе, сказал:

— Молись и кайся!

Мазепа перекрестился, поднес образ к устам и вдруг поднялся, устремив на Огневика пламенный взор, и сказал дрожащим голосом:

— Откуда ты взял этот образ?

— Какая тебе до него нужда! Теперь не время объясняться. Молись и кайся!

— Ради Бога, скажи, откуда ты взял этот образ! — завопил Мазепа жалостно. — Не откажи в последней просьбе умирающему!..

Огневик невольно содрогнулся:

— Этот образ был на мне, когда Палей нашел меня, бесприютного младенца, на развалинах сожженной гостиницы, в которой запорожцы убили моих родителей... Этот образ родительское благословение!..

— Несчастный, что ты сделал! — воскликнул Мазепа пронзительным голосом. — Ты убил — своего отца!..

— Ты отец мой!.. Ложь и обман!

— Я уже не имею нужды ни лгать, ни обманывать, — сказал Мазепа, смотря жалостно на своего убийцу и простирая к нему объятия. — Прощаю тебя и благословляю, сын мой! Не ты, а я виновен во всем! Боже! познаю перст гнева твоего! Чаша преисполнилась! Обними меня, сын мой! Не откажи в последней радости несчастному отцу! Судьбе угодно было, чтоб я прижал тебя к моему сердцу только

при твоём рождении — и при моей смерти...
Приблизься!!!..... Обойми меня!..

Слезы текли ручьем из глаз Мазепы, который сидел на кровати с расprostертыми объятиями и смотрел нежно на своего сына. Огневик стоял, как громом пораженный, — и отворачивал взор от жертвы своей мести. Наконец он бросился на грудь Мазепы и зарыдал...

Вдруг Богдан вырвался из объятий отца своего и, как будто опомнившись, сказал:

— Пойду за врачом... Может быть, еще есть средство спасти тебя...

— Напрасно, — сказал Мазепа с горькою улыбкою, удерживая за руку сына. — Я знаю свойство этого яда! Никакая человеческая мудрость не уничтожит его действия... Все кончено!..

— Боже! — воскликнул Богдан, устремив глаза в небо и подняв руки. — Чем я заслужил такую ужасную казнь!.. Наталия была сестра моя... Жертва моей мести — мой отец!

— Сын мой! Я навлек казнь на все мое семейство... Я один преступник! Вы очистительные жертвы! Для вас небо... для меня ад и проклятие в потомстве...

Богдан бросился на колени подле постели и стал молиться...

— Ты несчастный залог первой и единственной любви моей, — сказал Мазепа сквозь слезы. — Ты сын той женщины, которая презрела величие, богатство, самую честь и узы супружества для меня, бедного скитальца, слуги ее мужа! Палей, вероятно, рассказывал тебе, что заставило меня бежать из Польши в Запорожье... Я укрылся от мести раздраженного мужа, и мать твоя должна была соединиться со мною... Она уже была на пути — и с тех пор я ничего не слыхал об вас... Целую жизнь я плакал по тебе... мечтал об тебе, видел тебя во сне, любил не существующего для меня — и наконец нашел... при гробе моем! — Мазепа не мог продолжать... Рыдания заглушали его голос.

— Теперь ты позволишь мне прижать к сердцу останки сестры твоей... нашей Натальи!

Богдан отдал ему волосы несчастной, и Мазепа покрыв их поцелуями и прижал к груди.

— Нет, я не в силах долее выдержать! — воскликнул Богдан, всхлипывая и почти за-

дыхаясь. — Прощай! — При сих словах Богдан обнял Мазепу и бросился, стремглав, за двери...

— Сын мой! сын мой!.. Дай мне обнять тебя... Позволь умереть на груди твоей!.. — Но Богдан уже не слышал его. Он быстро пробежал по всем комнатам, разбудил слуг, дремавших в сенях, и сказал им, чтоб они поспешили к своему господину, соскочил с крыльца и скрылся во мраке.

Лишь только служители показались в дверях, Мазепа закричал:

— Духовника, скорей, скорей... Умираю!

В доме сделалась тревога. Все засуетились. Через несколько минут вошел монах. Мазепе доложили, что Орлик просит повидаться с ним, но умирающий не велел никого впускать и заперся с духовником.

— Отче мой! свершилась казнь Божия за мои преступления, казнь ужаснее всякой, какую ты мог предсказать, казнь, какой не подвергался ни один злодей, даже сам Иуда Хриstopродавец! Исповедуюсь, каюсь!..

Монах взглянул на Мазепу и ужаснулся. Уже яд начал действовать. Судороги кривля-

ли лицо его, покрытое синевою, пена была клубом изо рта. Он то сжимался, то вытягивался. Кости трещали в суставах.

— Несчастный! — сказал монах. — Не наложил ли ты рук на себя? Самоубийство... смертный грех!..

— Не, я не убил себя! — сказал Мазепа прерывающимся голосом. — Только в одном этом грехе я не повинен... Но прими мою исповедь... Я грешен противу всех десяти заповедей, от первой до последней... В мечтах суетного мудрствования я даже отвергал бытие Бога и истину искупления... Я играл клятвами... Не щадил крови человеческой... Ругался над добродетелью и целомудрием... Я изменник!..

Судороги усилились. Монах покрыл умирающего простынею и стал молиться перед образом.

Орлик не послушался приказания Мазепы, силою ворвался в его почивальню.

— Благодетель, второй отец мой! — воскликнул Орлик и бросился обнимать страдальца.

Монах читал отходную молитву, не обра-

щая внимания на окружающие его предметы:
— «Владыко Господи Вседержителю, отче Господа нашего Иисусу Христа, иже всем человеком хотяй спастися и в разум истины прийти; не хотяй смерти грешному, но обращения и живота, молимся и милися ти жеем: душу раба твоего Ивана от всякия узы разреши и от всякия клятвы свободы, остави прегрешения ему, егде от юности, ведомая и неведомая, в деле и в слове, и чисто исповеданная или забвением или стыдом утаенная...»

— Каюсь!.. — сказал Мазепа охриплым голосом. Монах продолжал молитву:

— «Ты бо един еси разрешали связанные и исправляли сокрушенные, надежда нечаемых, могий оставляти грехи всякому человеку, на тя упование имеющему...»

Мазепа снова прервал слова молитвы.

— Увы! я лишен надежды и упования... Грехи мои превзошли меру благости Господней!..

Монах продолжал читать молитву:

— «Человеколюбивый Господи! повели, да отпустите я от уз плотских и греховных и

прими в мире душу раба сего Ивана...»

Вдруг Орлик зарыдал громко. Мазепа как будто проснулся и, остановив блуждающий взор на Орлике, сказал глухим, охрипшим голосом:

— Кайся, Филипп, кайся! Ужарна казнь изменникам и клятвопреступникам!.. — И вдруг быстро поднялся, простер руки и страшно завопил: — Родина моя!.. Сын мой... Иду к тебе!.. — Затрепетал, упал навзничь и испустил последний вздох...

Монах, который в это время продолжал читать молитву, тихим голосом произнес:

— Аминь!...

На третий день, когда собирались хоронить Мазепу, найдено было тело казака, выброшенное волнами на берег. Орлик узнал в утопленнике — Огневика.

КОМЕНТАРИИ

Печатается по изданию: Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина. Спб., 1843, т. 3.

Впервые роман «Мазепа» увидел свет в Петербурге в 1833–1834 годах. Этот роман наряду с «Димитрием Самозванцем» Булгарина, а также с романами М. Н. Загоскина представляет собой одну из первых в России попыток создания исторического романа как жанра.

В трудную эпоху после подавления польского бунта 30-х годов Булгарин пытался рассмотреть судьбы славянства в историческом ракурсе, считая, что иезуитизм, расцветший в Польше, парализовал живые и действенные силы страны, которая перестала с этих пор развиваться естественным самобытным путем, скованная латинской формулой. Пытаясь примирить русского царя с восставшими и подавленными поляками, Булгарин обратился с просьбой к А. Х. Бенкендорфу «украсить именем государя список подписавшихся» на его роман «Петр Иванович Выжигин». В этой просьбе выразилось его «исповедание веры»:

«Ныне, когда многие из соотечественников моих, по справедливости, лишились милостей своего государя, да дозволено мне будет показать свету: „Упавшие духом верные поляки воскреснут, когда увидят, что их соотечественникам открыты пути трудами и тихой жизнью к монаршим милостям“». (См.: Русская старина. 1896. VI. С. 565.)

Примечания

Зиновий Хмельницкий — знаменитый гетман Малороссии, сын Чигиринского сотника Михаила Хмельницкого.

[^^^]

Царевна Софья Алексеевна... — третья дочь царя Алексея Михайловича. Воспитателем ее был Симеон Полоцкий. После смерти Федора Алексеевича на престол был избран Петр I (1682), что возвышало партию Нарышкиных, приверженцев матери Петра Наталии Кирилловны. Партия Милославских, родственников первой жены Алексея Михайловича, во главе которой стояла царевна Софья, пользовалась волнениями стрельцов, чтобы парализовать влияние на государственные дела Наталии Кирилловны. Царевна Софья была правительницей при двух юных царях Петре Алексеевиче и Иоанне Алексеевиче по желанию стрельцов в 1682–1687 годах.

[^^^]

3

Карл XII (1682–1718) — король Швеции с 1697 года из династии Пфальц-Цвайбрюккен, полководец. В начале Северной войны 1700–1721 годов одержал ряд крупных побед, но вторжение в Россию в 1708 году завершилось его поражением в 1709 году в Полтавском сражении. Бежал в Турцию, в 1715 году вернулся в Швецию. Убит во время завоевательного похода в Норвегию.

[^^^]

...так же как свергнул Августа... — Август II (Фридрих), прозванный «Сильным», — курфюрст Саксонский с 1694 по 1733 год, а с 1697-го и король Польский (1670–1733). Вступил в союз с Данией и русским царем Петром. Карл XII дважды разбил Саксонское войско, после чего польский сейм лишил Августа престола, и на его место стал Станислав Лещинский.

[^^^]

Войнаровский... — Андрей Войнаровский — племянник и соучастник Мазепы, многократно ездил к хану крымскому и султану турецкому, чтобы побудить их к войне с Россией. После Полтавской битвы бежал в Германию, жил в Гамбурге; по требованию русского правительства был выдан и со всем семейством сослан в Якутск, где умер в 1740 году. Герой одноименной поэмы К. Ф. Рыльева, в которой согласно декабристским взглядам был представлен как патриот, боровшийся за политическую свободу.

[^^^]

Станислав Лещинский (1677–1766) — польский король в 1704–1711, 1733–1734 годах. Избран королем под нажимом Швеции (после вторжения в Польшу в 1702 г. войск Карла XII), но не признан большинством шляхты. После поражения Карла XII под Полтавой (1709) эмигрировал в Пруссию, затем во Францию. В 1733 году, восстановлен французской дипломатией на польском престоле. В ходе войны за Польское наследство изгнан из страны.

[^^^]

...философа Сенеки... — Луций Анней Сенека, по прозванию философ, талантливейший из стилистов и ораторов первой половины I века н. э.; получил тщательное риторическое и философское образование; поклонник пифагорейцев, занимался общественно-политической деятельностью при императорах Каликуле, Клавдии; учитель юного Нерона. Был обвинен в покушении на жизнь воцарившегося императора Нерона. По приказу Нерона кончил жизнь самоубийством.

[^^^]

Иезуиты — члены католического монашеского ордена. «Общество Иесуса» (лат. «Societas Jesu»), основанного в 1534 году в Париже Игнатием Лойолой. Орден стал главным орудием Контрреформации. Иезуиты утвердились не только в европейских государствах, но проникли также в Индию, Японию, Китай, на Филиппины. В 1610–1768 годах существовало «Иезуитское государство» в Парагвае. Основные принципы организации ордена: строгая централизация, подчиненность папе непосредственно, абсолютный авторитет главы ордена.

[^^^]

Урода — красота телесная при высоком росте
(польск.).

[^^^]

Не забочусь.

[^^^]

Надежду.

[^^^]

Уходили, бежали.

[^^^]

Перекладина, мосток.

[^^^]

...Кармелитский монастырь... — Кармелиты-члены католического нищенствующего ордена, основанного во второй половине XII века в Палестине. В XIII веке переместились в Западную Европу.

[^^^]

Niezdolam — не в состоянии исполнить
(польск.).

[^^^]

Zawotam — воскликну, кликну (польск.).

[^^^]

Osrapy — сонный (польск.).

[^^^]

Имеем. Песня сия сочинена Мазепою и напечатана в «Истории Малороссии».

[^^^]

...потребовали от Порты... Борьба России с Османской Портой вошла в историю под названием турецких войн.

В 1735–1739 годах велась Россией в союзе с Австрией, за выход к Черному морю, за пресечение набегов крымских татар.

В 1768–1774 годах — начата Турцией после отказа России вывести войска из Польши. Разгром турецких войск при Ларге и Кагуле (под командованием гр. П. А. Румянцева). Разгром турецкого флота в Чесменском бою, занятие Крыма заставили Турцию подписать Кючук-Кайнардийский мир.

В 1787–1791 годах — начата Турцией с целью возвращения Крыма и других территорий. Победы русских войск под командованием А. С. Суворова (Кинбурн, Фокшаны, Рымник, Измаил), русского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова (Керченское сражение, Калиакрия). Завершилась Яским миром 1792 года.

В 1806–1812 годах — начата Турцией с целью возврата бывших владений в Северном

Причерноморье и на Кавказе, а также в связи с ростом влияния России на Балканах. Победы русских войск привели к Бухарестскому миру 1812 года.

В 1828–1829 годах — следствие кризиса Османской империи, вызванное греческой национально-освободительной революцией 1821–1829 годов. Русские войска взяли в Закавказье Каре и Эрзерум, разгромили турецкие войска в Болгарии, подошли к Константинополю. Война завершилась Адрианопольским миром 1829 года.

В 1877–1878 годах — вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах. Сражения на Шипке, осада и взятие русскими войсками Плевны и Карса, зимний переход русской армии через Балканский хребет, победы русских у Шипки — Шейново, Филиппополе, взятие Адрианополя. Война завершилась Сан-Стефанским миром 1878 года, решения которого пересмотрены на Берлинском конгрессе 1878 года. Война способствовала освобождению народов Балканского полуострова от османского ига.

[^^^]